

Ярославская государственная медицинская академия
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(ГБОУ ВПО ЯГМА Минздрава России)
Кафедра истории и философии

На правах рукописи

ПИЛЕЦКИЙ СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

«Философский анализ предпосылок агрессивности человека
в свете современной науки»

Специальность: 09.00.08 – Философия науки и техники

Научный консультант:
доктор философских наук, профессор
Лисеев Игорь Константинович

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
доктора философских наук

2014
Ярославль

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Этология о формах агрессивного поведения	17
§1. Предыстория, специфика и своеобразие гносеологического инструментария этологии как науки о поведении.....	17
§2. Сущность и значение концепции К.Лоренца об агрессивности.....	52
§3. Вклад работ Н.Тинбергена в анализ образцов агрессивного поведения.....	82
§4. Усовершенствование И.Эйбл-Эйбесфельдтом «импульс-разрядной» модели толкования человеческой агрессивности.....	96
§5. Феномен животной и человеческой агрессивности в исследовательских разработках современных российских этологов.....	136
Глава II. Особенности гносеологической программы социобиологического исследования агрессивности животных и человека	175
§1. Естественнонаучные и методологические предпосылки социобиологического изучения образцов социального поведения.....	175
§2. Классическая социобиология как контрапункт этологического понимания сущности агрессии.....	195
§3. Теория генно-культурной коэволюции как содержательная новация в деле изучения человеческой агрессивности.....	225
Глава III. Критический взгляд на этологическую и социобиологическую программу изучения человеческой агрессивности в свете концепции биосоциальной природы человека	259
§1. Этология через призму философии марксизма.....	259
§2. Изыскания классической социобиологии по изучению человека в свете марксистской теории.....	284
§3. Социобиологическая теория генно-культурной коэволюции через проекцию концепции биосоциальной природы человека.....	308
§4. Агрессия и криминал: эвристическое значение концепции биосоциальной природы человека.....	329
Заключение	369
Список использованной литературы	376

ВВЕДЕНИЕ

1. АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность выбранной темы predetermined всем ходом истории человечества. Века шли за веками, эпоха шла за эпохой, мирные эпизоды жизни чередовались с кровавыми, менялись правители, рушились империи, происходила даже смена целых общественно-экономических формаций, а проблема человеческой агрессивности и её сдерживания как была экзистенциально важна и остро значима, так остаётся и до сих пор. Без сомнения, она затрагивает самые основы нашего миробития, самые глубины нашего эмоционально-психологического восприятия и нравственного осознания своего места в этом мире и своих взаимоотношений с другими представителями рода человеческого.

Мы живём в полном противоречий, сложном и беспокойном мире. И с сожалением приходится констатировать, что человеческие страдания и боль, а порой и гибель людей становятся чем-то знакомым и привычным, превращаются чуть ли не в обыденность нашего повседневного бытия. Трудно представить себе за последние десятилетия существование какого-либо периодического издания, электронного средства массовой информации, популярного «ток-шоу», со страниц или экранов которых буквально целым потоком ни велось бы и ни обсуждалось сообщений о революциях и мятежах, больших и малых военных конфликтах, тех или иных актах террора, насилия или агрессии. Конечно, было бы спорным утверждение, что человек стал более воинственным и агрессивным существом, чем в прежние времена. Но вот что совершенно бесспорно: своим мощным прогрессом в сфере науки и технологий, поставленных на службу милитаризма, своей эволюцией вооружений и средств ведения информационной войны он в гораздо большей степени, чем прежде, смог разнообразить формы проявления и варианты воплощения своей агрессии, а также по-новому институализировать их и идеологически закрепить.

Очевидно, что даже в тех случаях, когда люди реализуют свои агрессивные импульсы при помощи самых примитивных орудий, что приводит к инвалидизации или смерти другого человека, это свидетельствует о

деструктивном характере поведения и привносит в нашу жизнь немалую долю трагизма, страдания и боли. Однако подобного рода стычки чаще всего локальны и вряд ли могут представлять угрозу человечеству в целом. Но вот использование для реализации своих агрессивных импульсов современного, несравненно более мощного вида вооружений в состоянии спровоцировать не только крупномасштабный региональный конфликт, но даже и глобальную катастрофу. Сегодня, как известно, имеется ограниченный список стран (так называемый «ядерный клуб»), обладающих мощным арсеналом оружия массового поражения, который может не только уничтожить человеческую цивилизацию, но и попросту стереть с лица Земли всё живое. К сожалению, надлежит признать, что ещё большее число государств вынашивают планы, чтобы, по возможности, приобщиться к этим «избранным» нациям, тем самым внося существенную долю дестабилизации и в без того весьма беспокойный мир. К тому же – и это ещё один негативный фактор современной ситуации – чтобы в немалых объёмах наладить изготовление некоторых видов оружия массового поражения в нынешнее время требуется не так уж много финансовых, материальных и людских ресурсов (к примеру, что касается химических, биологических и бактериологических боеприпасов) и не нужно особенно глубокого и квалифицированного технологического познания. И данное обстоятельство, с учётом международной напряжённости и превращения терроризма в глобальную проблему, существенным образом усугубляет ситуацию и трансформирует насущную потребность комплексного изучения человеческой агрессивности в задачу чрезвычайной важности.

Перед лицом этих вызовов и в свете указанных тенденций приходится признать, что конфликты разного уровня (межиндивидуальные, межгрупповые, межэтнические, межнациональные, межрелигиозные и т.д.), а также упорные попытки их насильственного разрешения следует отнести к разряду наиболее насущных и взрывоопасных тем, с необходимостью обсуждения и безотлагательного принятия взвешенных решений по которым сегодня столкнулась человеческая цивилизация. Естественно в этой связи возникает ряд

вопросов: в каких, собственно, типах ситуаций и отчего индивиды ведут себя агрессивно; каков тот набор источников, моторных механизмов и ключевых моментов стимульного средового кондиционирования, высвобождающего потенциал агрессии, а также в чём могут состоять те меры, которые с необходимостью должны быть приняты, чтобы можно было предотвращать или хотя бы брать под контроль развёртывание агрессивного поведения? Эти и подобными им вопросы волновали лучшие умы рода человеческого в продолжение многих и многих столетий, что выливалось в попытки их рассмотрения с самых разных исходных позиций – с рубежей мифологии, религии, литературного творчества и философии. При этом лишь где-то со второй половины прошлого века данная проблематика стала предметной областью систематических научных исследований. Традиционно погружение в эту тему порождает куда больше вопросов, нежели внятных ответов. Тем не менее, нельзя отрицать и несомненного прогресса в этом непростом познавательной устремлении человечества, и сегодня нам уже кое-что открылось относительно истоков и природы человеческой агрессивности, по крайней мере, существенно больше, чем мы знали несколькими десятилетиями раньше.

При этом сразу хочу оговориться во избежание будущих возможных недоразумений относительно локализации предмета данного диссертационного исследования. Он весьма точно определён. Признавая актуальность и правомочность самого широкого гуманитарного подхода к проблематике, связанной с агрессивностью человека, всё же надлежит констатировать, что задачу исследования многочисленных концепций из сферы психоанализа и психиатрии, социологии и культурологии, криминалистики и юриспруденции я себе не ставил. А вот тот комплекс проблем чрезвычайной сложности и чрезвычайной значимости на стыке философии биологии и философской антропологии, который был вскрыт двумя мощными и влиятельными направлениями биологической науки (этологией и социобиологией) в изучении феномена человеческой агрессивности – это и была непосредственная цель моего анализа.

Более того, обнаружилось, что индивиды существенно разнятся друг от друга в степени развитости предрасположенности к агрессии. Вариативность в уровне проявления агрессивности, как онтогенетически устойчивая индивидуальная характеристика, детерминирована не только внешним и внутренним кондиционным набором развития, но, без сомнения, и некоторым наследственным биологическим базисом в виде определённых задатков. Каково пропорциональное соотношение по вкладу, который привносит генотип и среда в вариации проявлений агрессии у индивидов, влияние каких именно генов и кодируемых ими белков ведёт к межиндивидуальному различию в склонности к агрессивному поведению, в чём специфика тех психомоторных механизмов, что опосредуют такого рода влияние – вот лишь весьма не полный перечень актуальнейших вопросов, которые напрямую обращают нас к источникам человеческой агрессии и её месту в психофизиологическом портрете личности, что, бесспорно, также является архиважным в задаче раскрытия сущности агрессивности человека.

При этом стоит помнить, что изучение человеческой агрессивности имеет давнюю историю. При этом всё многообразие, вариативность спектра постулатов, мнений и мировоззренческих позиций можно условно приурочить к двум полюсам, к двум принципиально разным подходам: религиозно-мифологическому и сциентистскому. Первый представлен целой гаммой легенд, мифов, сказаний, религиозных догм, в эпической форме повествующих, поясняющих, что с момента своего сотворения миром правят две космические силы, два космических начала – тёмное и светлое, злое и доброе, деструктивное и конструктивное. Более того, сама человеческая душа – арена противостояния, поле битвы этих двух противоположных сил, этих двух противоположных начал.

Действительные исследования человеческой агрессивности проистекают из целого сонма биологических теорий, от ламаркизма и дарвинизма до современной генетики человека. Под «действительностью» тут понимается научность. Упор в них делается, во-первых, на вскрытии и причинном объяснении эволюционной генеалогии агрессивного поведения и, во-вторых, на изучении гормонально-

генетической «подкладки» тех поведенческих образцов, что принято относить к агрессии. Ясно, что если мы утверждаем, что вид *Homo sapiens* – хоть и «венец» творения Природы, но всё же лишь одно из звеньев в общей эволюционной цепи животных видов, то тем самым мы обязываем себя выискивать и скрупулёзно исследовать именно те эволюционно-адаптивные механизмы и образцы индивидуального и коллективного поведения, которые либо повышают степень и уровень индивидуального и популяционного выживания и воспроизводства, либо, напротив, их понижают. А раз образцы агрессивного поведения демонстрируют все животные виды, включая и *Homo sapiens*, то, с одной стороны, это означает, что агрессия имеет свою эволюционно-биологическую значимость, а, следовательно, и оправдание, и, с другой стороны, значит, что есть человеческая родословная и человеческая топограмма агрессивности, чрезвычайно важные в плане самопознания, в плане упорядочивания социальной организации и в плане выстраивания межличностных отношений.

Итак, поскольку уже в самом названии темы рассмотрение проблемы агрессивности явным образом ограничивается рамками науки, то анализ именно этологии и социобиологии как наиболее значительных и результативных попыток реализации сциентистской парадигмы по изучению феномена агрессивности заключает в себе не только немалый мировоззренческий и методологический интерес со стороны философии, но и несёт собой изрядную долю эвристики в деле претворения в жизнь легендарного сократовского гносеологического кредо – «Познай самого себя!»

2. СТЕПЕНЬ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Необходимо отметить, что степень разработанности проблемы напрямую зависит от двух факторов: во-первых, от того, в какой мере изучению проблемы человеческой агрессивности уделено внимание в исследованиях самих этологов и социобиологов, и, во-вторых, от того, в какой мере изысканиям этологов и социобиологов по проблеме человеческой агрессивности нашлось место в критических работах в основном, конечно, отечественных, но и зарубежных философов.

Что касается первого, то надлежит указать, что проблеме животной агрессивности вообще и человеческой в частности уделялось немалое и серьёзное внимание в трудах виднейших этологов и социобиологов XX столетия. Даже в тех случаях, когда данная тематика не была профилирующей в их исследованиях, ей находилось достойное место в их концептуальных построениях в виде соответствующих разделов и параграфов. Среди них необходимо назвать такие имена, как М.Смит, Дж.Кларк, Д.Мак-Фарленд, Р.Ардри, Д.Крук, Р.Докинс, Э.Эванс-Причард, Г.Борджиа, И.Эйбл-Эйблсфельдт, Н.Тинберген, К.Лоренц, М.Рейсс, Р.Александр, Д.Бэрэш, Р.Триверс, М.Рьюз, Ч.Ламсен, А.Гушурст, Э.Уилсон. Нельзя не упомянуть в свете рассматриваемой проблемы целую плеяду выдающихся теоретиков советской школы биологии, таких как Д.К.Беляев, И.И.Шмальгаузен, Л.В.Крушинский, Н.А.Бернштейн и Г.А.Мазохин-Поршняков, а также весьма заметных представителей новоявленной российской этологии, таких как В.Р.Дольник, А.И.Протопопов и А.В.Вязовский. Следует отметить, что работы всех этих авторов, где тем или иным образом поднималась и обсуждалась проблема человеческой агрессивности, нашли своё отражение в данном диссертационном исследовании.

Что же касается второго, то нужно констатировать, что в работах отечественных и зарубежных философов по их критическому анализу теоретических разработок этологов и социобиологов по антропологической проблематике изучению именно человеческой агрессивности, как, наверное, никакой другой проблеме, уделено самое пристальное внимание, и оно подвергнуто самому тщательному разбору. Среди них, в первую очередь, следует назвать Н.П.Дубинина, И.Т.Фролова, В.П.Эфроимсона, Ю.Г.Шевченко, Б.Г.Юдина, Р.С.Карпинскую, Е.Н.Панова, И.П.Меркулова, С.А.Никольского, С.А.Пастушного, В.Н.Игнатьева, Д.А.Алтмышбаеву, И.И.Карпец, В.Н.Кудрявцева, И.К.Лисеева, А.П.Огурцова, И.Н.Смирнова, А.Б.Толстова, Л.В.Фесенкову. Из зарубежных авторов в этой связи уместно вспомнить Г.Стента, Л.Ханмана и, конечно же, В.Холличера. Следует также подчеркнуть, что аналитическая работа в отношении этологии и социобиологии всех этих

указанных авторов также нашла своё должное отражение в данном диссертационном исследовании.

3. ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОБЪЕКТОМ ИССЛЕДОВАНИЯ является феномен агрессивности человека как синтетическое единство порождающих его наследственных и средовых факторов.

ПРЕДМЕТОМ ИССЛЕДОВАНИЯ является комплекс естественнонаучных и методологических предпосылок человеческой агрессивности, выявляемых в анализируемых этологических и социобиологических концепциях, рассматривающих данный феномен.

Исходя из вышеуказанных предварительных замечаний, определяется и основная цель диссертации. Она состоит в том, чтобы провести системный и комплексный сравнительный анализ методологических и общетеоретических подходов и установок этологического и социобиологического изучения феномена человеческой агрессивности, тех мировоззренческих заключений и следствий, которые они в себе несут и собой индуцируют, а также тех вполне практических рекомендаций и выводов по обуздыванию человеческой агрессивности, которые они предполагают.

В соответствии с поставленной целью формулируются следующие задачи исследования:

1. провести экспликацию специфики и своеобразия гносеологического инструментария этологии как науки о поведении – имеются в виду не только теоретические построения выдающихся зарубежных этологов по данной проблематике, но и появившийся в последнее время целый ряд их отечественных аналогов;

2. обстоятельно проанализировать и вскрыть сущность и мировоззренческое значение концепции К.Лоренца об агрессивности;

3. выявить теоретический вклад работ Н.Тинбергена в анализ образцов агрессивного поведения в виде разработки так называемой «иерархической модели»;

4. дать развёрнутый анализ того, в чём состояла суть усовершенствования И.Эйбл-Эйбесфельдтом «импульс-разрядной» модели толкования агрессивности;

5. провести комплексный анализ того теоретического вклада, что внесла советская школа биологии в изучение животной и человеческой агрессивности, а также того, в каких концептуальных формах данная тематика предстала в работах российских этологов, начиная с 90-х годов XX столетия;

6. вскрыть естественнонаучные и методологические предпосылки социобиологического изучения агрессивного поведения;

7. выяснить те основания преемственности, что роднят и сближают этологический и социобиологический подходы в изучении феномена агрессивности, а также те принципиальные сдвиги, что несёт в себе социобиология, и которые существенным образом отличают эти две исследовательские программы;

8. тщательно проанализировать суть теории генно-культурной коэволюции в её экстраполяции и использовании в деле более глубокого проникновения в существо феномена человеческой агрессивности;

9. провести анализ того, как, по каким основаниям велась критика этологических и социобиологических изысканий по исследованию феномена агрессивности со стороны марксистской теории;

10. подвергнуть аналитическому разбору то, каким образом с позиции доктрины биосоциальной природы человека оценивался вопрос увязки выводов, произведённых этологическими и социобиологическими исследованиями человеческой агрессивности, с различными теоретическими концепциями толкования развития криминальности субъекта.

4. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Используемые в работе познавательные средства и приёмы, выполняющие функцию общей методологии исследования, целесообразно разделить на пять групп:

во-первых, это блоки категорий традиционного философского анализа, служащие его исходными методологическими предпосылками, совершенно

необходимыми для понимания предмета;

во-вторых, это понятийный аппарат эволюционной биологии, этологии, экологии и генетики в его приложимости к комплексному изучению животной агрессивности вообще и человеческой в частности;

в-третьих, это методы традиционного историко-философского характера, позволяющие вычленять и анализировать содержательные фрагменты в рассматриваемом учении в увязке с общим контекстом изложения, не нарушая логики и лейтмотива концепции;

в-четвёртых, это метод сравнительного анализа, позволяющий выявлять существенные моменты отличий исследуемых концепций, если они принадлежат к различным философским направлениям, а также фиксировать общую основу и специфические черты тех теорий, которые относятся к единой философской традиции;

в-пятых, это методы и принципы общенаучного характера, приобретающие специфическое звучание и особую значимость в рамках решения исследовательской задачи. Речь идёт о таких познавательных процедурах, как гипотеза, аналогия, метафора, экстраполяция и др.

5. ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ

1. Своеобразие гносеологического инструментария этологии по изучению феномена агрессивности исходит из специфики её основной задачи – поиска в поведении инвариантных образцов и исследование их как имеющих эволюционно-адаптивную природу и базирующихся на генетически обусловленных (наследственных, инстинктивных) компонентах.
2. Суть концепции К.Лоренца по толкованию человеческой агрессивности заключается в том, что сам импульс агрессивности биологичен по своей природе, при аккумуляции которого нарастает напряжение, требуя выхода, и при отсутствии оно способен взрываться с максимальным понижением порогового стимула, а по механизму действия сродни эффекту социального инстинкта.
3. В соответствии с «иерархической моделью» Н.Тинбергена по интерпретации агрессивных образцов поведения упор делается на констатации

территориальности агрессии и эволюционно-адаптивном, ритуализированном, способе её избегания.

4. Усовершенствование И.Эйбл-Эйбесфельдом «импульс-разрядной» модели толкования агрессивности заключалось, с одной стороны, в сохранении всей прежней этологической «инстинктивистской» базы, но, с другой стороны, в попытке создания более сбалансированной её интерпретации через постулирование врождённых филогенетических механизмов по контролю за агрессией.

5. Характерной чертой инструментального базиса классической социобиологии по исследованию человеческой агрессивности является преимущество этологических подходов и установок по её изучению.

6. Дистанцирование классической социобиологии от «инстинктивной модели» понимания феномена агрессивности и толкование его как филогенетически эволюционирующего образца, действующего как «концентрато-зависимый фактор» по контролю за ростом популяции.

7. Теория генно-культурной коэволюции несёт в себе безусловную содержательную новацию и представляет собой значительно более сбалансированную модель, пытающуюся учитывать взаимодействие наследственной и средовой компоненты при изучении образцов социального поведения человека вообще и агрессивности в частности.

8. Критика методологических подходов и мировоззренческих установок этологии и социобиологии по изучению человеческой агрессивности со стороны марксистов обусловлена их негативным отношением к необоснованной экстраполяции и абсолютизации поиска инвариантов, методов редукции и аналогии, а также попыткам антропоморфизации поведения животных и зооморфизации поведения человека.

9. В вопросе о связи проблемы агрессивности с проблемой развития криминальности субъекта доктрина биосоциальной природы человека настаивает на том, что недоучёт и попытка нивелировки наследственной компоненты в этом деле ущербны и вредоносны не только в теоретическом плане, но что ещё хуже –

в практическом.

6. НАУЧНАЯ НОВИЗНА ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Специфика гносеологического аппарата и методологии этологического исследования выявлена и проанализирована в новом ракурсе – в её приложимости к изучению человеческой агрессивности. Речь идёт о трудах не только известных иностранных, но и отечественных этологов, причём бóльшая часть работ зарубежных авторов на русский язык не переведена.

2. Концепция К.Лоренца об агрессивности человека представлена и проанализирована в новом исследовательском свете: не только в полном её объёме и в высшей степени детально, но и в более широком контексте биологически ориентированного мировоззренческого подхода в изучении человеческой природы.

3. Проведён анализ содержательного вклада Н.Тинбергена в этологическую программу изучения агрессивности под новым углом зрения, т.е. посредством экспликации специфики категориального аппарата и её методологии, а также более широкой экстраполяции разработанной им «иерархической модели».

4. Предложен новый взгляд творческим новациям И.Эйбл-Эйбесфельдта – дан развёрнутый и обстоятельный анализ философских оснований и сути той усовершенствованной модели толкования человеческой агрессивности, что была им привнесена в этологию.

5. Проведён комплексный критический анализ естественнонаучной и мировоззренческой преемственности, а также особенностей методологии и познавательного инструментария классической социобиологии в их сравнении с этологическими аналогами. Следует заметить, что труды социобиологов за редким исключением на русский язык не переведены.

6. Концепции основоположника социобиологии Э.О.Уилсона о человеческой агрессивности придано новое видение – она представлена и проанализирована не просто в полном объёме и в деталях, но и высвечена как логично встроенная в общую парадигму социобиологического исследования человека.

7. Проблема эволюции и сущности человеческой агрессивности представлена и

проанализирована в свете теории генно-культурной коэволюции как дальнейшего, и на сегодняшний день – последнего, варианта развития социобиологической исследовательской программы по изучению природы человека.

8. Критика этологической и социобиологической программы по изучению человеческой агрессивности со стороны марксистской теории проанализирована под новым углом зрения: как определённая альтернатива двух позиций – «ортодоксальной» и «более умеренной».

9. Специфика проблемы агрессии человека представляется и увязывается с более широким базисом фундаментальных исследований таких выдающихся советских биологов, как Д.К.Беляев, И.И.Шмальгаузен, Л.В.Крушинский, Н.А.Бернштейн и Г.А.Мазохин-Поршняков.

10. Дан развёрнутый аналитический разбор работ современных российских этологов, таких как Е.Н.Панов, В.Р.Дольник, А.И.Протопопов и А.В.Вязовский, с точки зрения анализа их естественнонаучных и методологических предпосылок в подходе к проблеме человеческой агрессивности.

11. Проблема человеческой агрессивности высвечена в новом исследовательском аспекте: она представлена и проанализирована, во-первых, в её увязке с проблематикой наследования определённых биологических параметров в их взаимосвязи со средовыми детерминантами в деле становления криминальности субъекта и, во-вторых, этот анализ даётся через призму и в контексте указанных альтернативных позиций в рамках традиционного марксизма – «ортодоксальной» и «более умеренной».

7. НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты данного диссертационного исследования могут быть использованы в практике общественного и частного образования и воспитания, в формировании идеологической стратегии СМИ, а также политических и общественных движений всех уровней. Автор полагает, что более глубокое и всестороннее знание сущности человеческой агрессивности, её моторных механизмов, стимульных ситуаций её высвобождающих, вероятных способах её

проявления и возможных мерах её обуздания может быть не только чрезвычайно важным, но и чрезвычайно полезным в плане избегания многих социальных и экзистенциальных коллизий и конфликтов, а также в плане мудрой организации вариантов и форм межнационального, межэтнического, межрелигиозного, межкультурного, межличностного общения и взаимодействия.

Материалы диссертации могут быть использованы при чтении соответствующих тем общего курса «Философия», а также спецкурсов по эволюционной эпистемологии, философской антропологии и философским проблемам естествознания.

8. АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ происходила в форме обсуждения общей концепции автора и отдельных положений и выводов исследования на заседании кафедры истории и философии Ярославской государственной медицинской академии, а также на нескольких заседаниях сектора «Био-и экофилософии» Института философии РАН.

Основные результаты исследования отражены в девяти монографиях и других научных публикациях. По теме диссертации опубликовано 87 работ общим объёмом 117,5 печатных листа.

Теоретические положения диссертационного исследования были изложены в выступлениях автора на конференциях, круглых столах и семинарах разного уровня. Среди них Всероссийская научная конференция «Культура и цивилизация» (Екатеринбург, 2001), Всероссийская научная конференция, посвящённая 270-летию со дня рождения П.Г.Демидова (Ярославль, 2008), Международная научная конференция «Философия В.С.Соловьёва в истории мысли и современных дискуссиях» (Иваново, 2008), Всероссийская научная конференция «Философия или новое интегративное знание?» (Ярославль, 2008), Международная научная конференция «Оправдание культуры в творчестве В.С.Соловьёва и в русской философской мысли» (Иваново, 2009), круглый стол «Проблемы преподавания философии» (Ярославль, 2009), Всероссийская научная конференция «Философия или новое интегративное знание – II» (Ярославль, 2011), Всероссийская научная конференция «Философия или новое интегративное

знание – III» (Ярославль, 2013).

9. СТРУКТУРА ДИССЕРТАЦИИ включает введение, три главы, заключение и библиографический список. Глава первая состоит из пяти параграфов, глава вторая – из трёх параграфов, глава третья – из четырёх параграфов. Общий объём диссертации 378 страниц. Список использованной литературы включает 71 наименование.

Глава I. Этология о формах агрессивного поведения

§1. Предыстория, специфика и своеобразие гносеологического инструментария этологии как науки о поведении

Начать, пожалуй, следует с констатации того, что интерес в рамках данного исследования к этологии играет роль отнюдь не самодостаточную, не замкнутую, так сказать, в себе, а в некотором смысле служебную. Её задача высветить предысторию сциентистского изучения агрессивности, указать накопленный гносеологический арсенал приёмов и установок, а также мировоззренческих подходов в определении той содержательной и методологической базы, что потребуется в дальнейшем для проведения комплексного сравнительного анализа её с социобиологией в отношении интересующей нас проблемы. Ворвавшись с момента выхода в свет книги Э.О.Уилсона «Социобиология: новый синтез» в интеллектуальную жизнь мирового сообщества, социобиология заявила о себе как о «последнем слове» в деле научного изучения человека, не быв, естественно, при этом пионером в сем непростом предприятии.

Но прежде чем окунуться, так сказать, в лоно предыстории этологии и социобиологии, проводя ретроспективный анализ и прослеживая фокусировку и направленность исследовательского вектора, а также накопления и закрепления фактуального эмпирического базиса, есть не только резон, но и необходимость подвергнуть специальной рефлексии предпосылочность данного исследовательского поля. Тот или иной набор взаимосвязанных предпосылок, предваряющих проведение полевого или теоретического изыскания, характерен не только для философа-аналитика, но и для учёного-эмпирика. Оттого-то они и называются «предпосылками», потому что предзадают некую «матрицу» видения объекта исследования, тот или иной ракурс его рассмотрения, предопределяют то, какие из аспектов его существования являются значимыми и важными, а также то, какими «ипостасями» своего существования он соразмерен бытию человека. Конечно, тут может скрываться целый арсенал устаревших «клише» и стереотипов, тянущаяся «шлейфом» багаж предрассудков и предубеждений, немало

отягощающий работу добросовестного учёного. Но это только полдела. Тут таится ещё кое-что принципиально важное. Это примерно то же, что Томас Кун называл «парадигмальным видением» или что в «гештальт-психологии» обозначают как «гештальт-переключение». Здесь изменение точки зрения означает процесс отнюдь не метафорический, а вполне буквальный. На удивление одно и то же изображение, стоит лишь чуть изменить угол зрения, можно увидеть совершенно по-разному, например, то кролика, то утку, то два человеческих профиля, то вазу.

Когда говорят о предпосылках научного поиска, то чаще всего имеют в виду комплекс естественнонаучных, мировоззренческих и методологических предпосылок. Все они чрезвычайно важны, влиятельны и действительно во многом программируют работу естествоиспытателя, в особенности, работающего на стыке исследовательских областей (как в данном случае – на стыке комплекса биологических и гуманитарных дисциплин). Постараемся быть логичными, а для этого не поленимся, заглянем в мир логики и попытаемся установить, что там известно о предпосылках.

В первую очередь, там говорится о том, что предпосылка – это утверждение, предназначенное для обоснования или объяснения некоторого аргумента. В логике аргумент – это совокупность повествовательных предложений (или суждений), одни из которых как раз и являются предпосылками, а другие предложения (или суждения) являются логическими выводами. Доказательство вывода зависит как от истинности предпосылок, так и от обоснованности аргумента. Далее там утверждается, что предпосылки – это идеи или убеждения, которые подразумеваются, т.е. к ним относятся как к само собой разумеющимся и действуют, опираясь на эти предположения.

Более того, в самом широком значении слова предпосылками считаются различные основания и стимулы, побуждающие людей к осуществлению некоторых действий, а также уже имеющаяся система знаний о мире и человеке. Предпосылки определяются проблемной ситуацией, возникшей в какой-то области исследования. Существенное несовпадения результатов,

предсказываемых используемой теорией и получаемых в реальных исследовательских актах, внутренняя несогласованность между элементами какой-то теоретической системы, порождают необходимость устранения возникших противоречий, что и является стимулом дальнейшего научного исследования. Поэтому предпосылки можно разбить на две большие группы: в одну входят всевозможные эмпирические факторы, определяющие направленность и особенности поисковой деятельности, другую же составляют всевозможные теоретические соображения. Особый класс предпосылок составляют практические запросы общества, в котором творят учёные. В истории науки можно найти множество примеров подобного рода. И, следует заметить, что в последние десятилетия данный класс предпосылок научного поиска всё больше и больше набирает силу. Побуждающим мотивом поисковой деятельности нередко становится и личная заинтересованность, в том числе и любопытство учёного, столкнувшегося с неизвестными ранее явлениями окружающего мира или обнаружившего несогласованность используемых теоретических представлений. Аристотелю приписывают утверждение, что философия когда-то началась с удивления. Это чувство очень часто оказывается побудительной предпосылкой многих исследовательских программ.

Поскольку же мы говорим о философском анализе, то для нас особое значение приобретают именно последние две, то бишь мировоззренческие и методологические предпосылки. С их актуальностью и предельной остротой сталкиваешься буквально сразу, стоит лишь начать задаваться фундаментальными вопросами философской антропологии. Все их перечислять нет смысла, но для того, чтобы продемонстрировать совершенно поразительную неоднозначность, сложность и противоречивость попытки экстраполяции, казалось бы, проверенных и даже самоочевидных истин из мира животных на мир человека, достаточно указать хотя бы два. Это, во-первых, сама обоснованность употребления такого словосочетания «природа человека», и, во-вторых, возможность вообще хоть какой бы то ни было экстраполяции, приложимости к деятельности человека такого понятия как «инстинкт».

Что касается первого, то, казалось бы, сама жизнь доказывала и доказывает не фантомность смыслового наполнения терминологии «природы человека». Если мы признаём вид *Homo sapiens* одним из звеньев в общем эволюционном ряду биологических видов, населяющих нашу планету, то тем самым мы заявляем, что есть особый набор анатомических, морфофизиологических и поведенческих особенностей, являющийся специфичным для нашего вида и отличающий его от всех остальных. В этологии это обозначают «поведенческим амплуа».

Как утверждает современная зоопсихология, поведение животной особи, относящейся к той или иной таксономической единице, являет собой одну из форм, специфичных её биологическому виду и адаптивных функционированию её организма. Не что иное, а именно своеобразие структуры организма выявляет и определяет набор потребностей живых организмов и программ их поведения. Любой представитель земной фауны появляется на свет, уже, будучи обеспеченным надлежащей совокупностью инстинктов, которые заблаговременно обеспечивают его приспособление к данным условиям обитания, но именно поэтому существенно лимитируют индивидуальную вариативность поведения.

Скажем, как бы ни отличались друг от друга волки фенотипически и по своему индивидуальному научению, как бы ни разнилось их поведение по спецификации их адаптации к соответствующим зонам обитания (полярные широты, лес, степь, предгорья), но волк есть волк – и десять тысяч лет назад он был таковым и сейчас он не перестал им быть. Он как нёс, так и несёт в себе генетическую программу, аккумулирующую видовой опыт организма, и никакие обстоятельства и никакая потреба не принудят волка вести себя так, как повели бы себя, к примеру, россомаха или лисица.

Но принципиально иным образом обстоят дела с родом человеческим. Всех людей, живших и ныне живущих на нашей планете, относят к одному и тому же биологическому виду *Homo sapiens*, и вот что характерно: все попытки вычленить и идентифицировать наличие врождённого «поведенческого амплуа» этого вида окончились полным фиаско. Во-первых, человеческий индивид при должной подготовке поведенчески очень пластичен, способен к неплохому копированию и

имитации, по сути, любого животного (в роли следопыта или охотника, к примеру, он в состоянии демонстрировать самую изумительную комбинаторику поисковой, выжидательной и преследовательской стратегий и тактик), а, во-вторых, – и это направляет нас к существу вопроса – во все времена наблюдалась прямо-таки разительная и глубокая разница поведения индивидов, относящихся к исторически сменяющим друг друга эпохам, этнокультурным сообществам и социальным образованиям. В этой связи правомерно возникает вопрос: а что если как раз об этих «внутривидовых» различиях и следует говорить как врождённых или, во всяком случае, биологически закрепляемых? Но нет, оказывается, и этого нельзя сказать. Скажем, мальчик-эфиоп во младенчестве доставленный в Московию, со временем становится не только в полной мере русским по духу и укладу жизни, но и признаётся современниками и потомками «светочем» русской литературы. Или, скажем, крестьянское дитя, взросшее «с пелёнок» в семье дворянина, вполне в состоянии усваивать весь положенный «джентльменский набор» тонкостей и условностей бытовой стороны потомственной дворянской жизни. Попробуй его потом отличи от «аутентичных» представителей дворянства. В том же русле может быть сказано и об отпрыске «аристократических кровей», выросшем в крестьянской среде. Мифология и литература полна подобного рода персонажами, что является прямым отражением и следствием того, что сама живая жизнь порой «закручивает» такие сюжеты, что никакому беллетристу в голову не придёт. Так что в этом вопросе история уже порядком рассудила.

А потому со всей определённой можно утверждать, что многообразная и многофакторная дифференциация, которая фиксируется у разных представителей вида *Homo sapiens*, свидетельствует об индивидуальной поведенческой вариативности, не знакомой царству земной флоры и фауны. Может ли это означать, что к человеческому поведению в принципе не приложимо такое понятие, как «заданная программа»? Вовсе нет. Только фокус в том, что употребительно к человеческому индивиду термин «заданная программа» приобретает несколько иное смысловое значение. Совокупность наследственных программ, детерминирующая инстинктивные образцы поведения животного,

закреплена в хромосомном наборе и зафиксирована на молекулярном уровне в ДНК. Главные же средства передачи программ, формирующих человеческую психику и определяющих его поведение, внебиологичны по самой своей природе. Это символический язык (вербальная коммуникация), показ и пример.

Почти как в стихах В.В.Маяковского: «Кроха сын к отцу пришёл, и спросила кроха: что такое хорошо и что такое плохо?» Вот «папе» (как олицетворению социокультурной программы) и нужно поначалу приобщить «кроху» к языку как символической знаковой системе, передающей смыслы (и тут главное не опоздать, поскольку в противном случае потом наверстать будет невозможно), а затем именно через язык привить малыша к принятой в данном обществе системе ценностей: норм общения, жизненных установок и ориентиров, этических и эстетических идеалов и приоритетов. Но этого мало: объяснить ребёнку, что такое хорошо и что такое плохо, что красиво, а что безобразно, что честно, а что бесчестно – отнюдь не достаточно. Чтобы был шанс, что это действительно станет устойчивой и осмысленной жизненной позицией отрока, надо чтобы отец не только на словах, но и на деле сам руководствовался тем, что он вещает и чему внушает. В противном случае толку не будет. Так что в поведении генетико-молекулярные инструкции уступают место социальным нормам, роль наследственности в точном смысловом значении этого слова переходит к преемственности.

Практически во всех современных доктринах из сферы антропологии, этнографии и социально-гуманитарного знания для обозначения специфически человеческого нормативно-преемственного программирования поведения взят термин «культура». Специалисты, работающие в разных научных направлениях, по сути, едины в признании того, что именно культурой, которая с сызмальства начинает осваиваться человеческим индивидом, будучи привнесённой и внедрённой ему комплексом мер взрослых представителей рода человеческого, и определяется не только та принципиально важная, но и во всех смыслах решающая роль в процессе становления особенностей психики и детерминации человеческих поступков. Более того, культура же признаётся и как

принципиальный, основополагающий, фундаментально отличительный признак, идентифицирующий и сам тип сообщества, характерный для нашего биологического вида.

Примерно то же самое можно сказать и о приложимости к человеческому поведению понятия «инстинкта». С одной стороны, вроде бы позволительно говорить, что, согласно дарвинизму, должен существовать некий набор жизненно-важных, филогенетически эволюционировавших поведенческих образцов, обеспечивших в своё время виду человеческому выживание и развитие, и что те роды и племена, которые демонстрировали и закрепляли в культуре эти образцы, были в более выигрышном положении, были более конкурентно способны и, соответственно, оставляли более плодовитое и здоровое потомство. А те, которые, напротив, были менее принципиальны в профилировании и отстаивании данной манеры поведения, были менее адаптивны, менее конкурентно способны, оставляли меньше потомства, постепенно хирели и истощались и, соответственно, выбраковывались естественным отбором. Агрессивность и закрепление её различных форм в культуре – один из такого рода образцов

Но, с другой стороны, стоит только призадуматься, как становится очевидной бесперспективность приписывание данного термина поступкам человека. Не говоря уже о более общественно развитых, более статусных моделях человеческого поведения, достаточно проследить это на более примитивных, с биологией более связанных, даже в обыденном языке закреплённых поведенческих образцах. В самом деле, нас же не коробит, когда мы применительно к человеку говорим об инстинкте самосохранения, инстинкте продолжения рода, утоления голода и т.д. Уж с этим-то, казалось бы, можно было бы согласиться? Но нет, ничего подобного. Инстинкт, как мы помним, – это некая автоматизированная (врождённая, закреплённая в том самом «поведенческом амплуа» вида) поведенческая реакция на определённый раздражитель (стимул). О каком, спрашивается, «материнском инстинкте» можно говорить, если он у кого-то развит, а у кого-то нет, о каком «инстинкте» продолжения рода или утоления голода или жажды можно говорить, если он зависим от силы воли и

подарбитражен социокультурным факторам (скажем сознательного воздерживания по тем или иным основаниям, к примеру, религиозным)?! Да даже об «инстинкте самосохранения» можно говорить лишь с большой долей условности, памятуя о том, что бывают поступки не только альтруистические, не только самоотверженные, но и попросту героические. История ведь таких тоже знает не мало. Так что выбор тех или иных предпосылок – это самый первый, но архиважный шаг.

И, надо сказать, что этологами и социобиологами он в своё время был вполне осознано и сделан. В частности, в контексте декларируемого Эдвардом Осборном Уилсоном девиза на объединение естественных и социально-гуманитарных наук и его программной установки использовать этот желаемый междисциплинарный синтез для изучения человека этологии уготовано место всего лишь одной из служебных данной цели отраслей. Однако при этом проблемное поле этологии всякий раз сохраняется в центре внимания, принимает порой весьма своеобразный угол освещения, обусловленный более широким её видением и интерпретацией. Стоит заметить, что сами специалисты-этологи расположены иной раз как будто не подмечать и даже дистанцироваться от подобного рода выходов за общепризнанные рамки своей науки. Но даже краткой исторической ретроспекции было бы вполне достаточно, чтобы проиллюстрировать, что разработкам крайне важных и непростых аспектов человеческого поведения практически всякий раз если не предшествующей, то сопутствующей была широкая дискуссия, касающаяся отнюдь не только специально-научных, но – что более важно – и традиционно философских вопросов. Данный факт, безусловно, является ещё более характерным для нынешнего этапа развития науки, когда всё более активно и уверенно ломаются прежние междисциплинарные препоны и когда происходит выдвижение на арену серьёзных обсуждений не столько локальных предметных областей частных наук, сколько проблем, общезначимых для многих из них. А раз так, то есть все резоны делать ставку, предрекая, что «не за горами» свежие, нетривиальные, идеи и новые новаторские концепции из самых разных отраслей знания, и в целом в ближайшее время вполне можно

ожидать более широкого и глубокого дискутирования, казалось бы, узко специальных проблем, традиционно закреплённых в сознании как «специфически-научных». В свою очередь, в этой связи есть также насущная потребность и смысл в ретроспективном анализе убедительно показать, что широкий спектр и междисциплинарный контекст ассимиляции специфически-этологической проблематики, «рецепиентом» которой стала социобиология, самым непосредственным образом выявляет запросы времени и отражает вектор поступательного прогресса всей биологической отрасли естественнонаучного знания.

Фундирование и закрепление традиций философского материализма в зоопсихологии и этологии двигалось и развивалось в теснейшей увязке с тем, в какой степени плодотворности велись научные изыскания природных основ психики. Её сциентистское понимание и толкование включает в себе базис всех этологических разработок, так как любое, даже отдельно взятое, действие представляет собой не что иное, как всего лишь внешнюю форму воплощения той или иной активации физиологических или психических механизмов. Так что поэтому нет ничего удивительного в том, что основное внимание сосредоточено на комплексах вопросов, входящих в компетенцию таких научных направлений, изучающих ментальную деятельность, как физиология мозга, нейробиология, когнитивная психология. Конечно, другое дело, насколько не односторонне, а именно многофакторно и многоаспектно отражена в получаемом знании диалектическая взаимосвязь имманентных составляющих в интересующей системе координат «психика-мозг». Как известно, просчёты, недочёты и «перехлёсты» казалось бы, «канувших в Лету» «вульгано-материалистических» построений могут реанимироваться и в любопытном виде являться даже на современной, довольно высокой стадии развития указанных областей.

До второй половины девятнадцатого столетия в биологии доминирующим был специфическо-дуалистический взгляд на живое существо, бесспорно верифицируемого как наделённое психикой. А точнее – идеи «неувядающего», картезианского, психофизического параллелизма. Практически в полной

корреляции с картезианской традицией, телесная и душевная организации рассматривались как сугубо независимые, обособленные и никак не связанные между собой субстанции. А соответственно этому и эмпирические описания животных поведенческих актов были довольно своеобразными, эклектичными, отнюдь не методичными, к которым присовокуплялась апелляция к некой трансцендентной и принципиально непознаваемой «духовной субстанции» – *causa finalis* её тела. Вместе с тем уже в занимательных опытах германского биолога Эдуарда Вильгельма Пфлюгера было продемонстрировано, что лягушечье тело при обезглавливании не только может реагировать на самые разные раздражители, не только может осуществлять моторные акты, но и буквально двигаться в обход препятствий. Явным образом наличествовало осуществление поведения, происхождение коего в прежние времена склонны были относить безраздельно к головному мозгу, а подчас и той самой некой неведомой «витальной силе». Впоследствии Т.Лейков, В.Б.Карпентер и другие учёные смогли обосновать принципиально важное в науках о поведении утверждение о том, что именно физиология мозга и является реальным материальным базисом всех проходящих психических процессов. Последующие опыты Германа Гельмгольца доказали возможность и насущность эмпирического исследования нервной системы, потому что, вопреки прежним расхожим представлениям, как убедительно показали эксперименты, скорость распространения импульса вдруг оказалась сравнительно не такой уж и большой – всего несколько десятков метров в секунду. А, значит, выходило, что нервные процессы вполне доступны измерению, а зависимые от них и базирующиеся на них психические процессы доступны их локализации в пространстве и во времени. Как отмечал Иван Михайлович Сеченов, из данных опытов Германа Гельмгольца в сфере изучения психики «выросла наиболее разработанная часть современной физиологической психологии»¹.

---

¹ Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М.: Политиздат. 1947. С.347

Немалые достижения по ходу экспериментальных изысканий в деле познания психического развития представителей животного мира были осуществлены в те годы и в области нейробиологических наук. Мари-Жан-Пьер Флуранс смог зафиксировать спецификацию функций головного мозга, в частности – мозжечка и продолговатого мозга. Поль-Пьер Брокá идентифицировал центр вербальной коммуникации в третьей лобной извилине левого полушария мозга человека. Опыты Густава Фрича и Эдуарда Гитцига продемонстрировали, что под воздействием разрядов электрического тока на мозг животного является возможным локализовать его двигательные центры. И это лишь часть фундаментально значимых естественнонаучных результатов, полученных учёными Запада и имеющих определённое отношение к теме нашего рассмотрения.

В России в самом начале двадцатого века и в первые годы после Великой октябрьской социалистической революции основное внимание специалистов-физиологов к формам психической деятельности было сконцентрировано на исследовании её материально-субстратного базиса с задействованием для обоснования эволюционной теории Чарльза Дарвина. По критической оценке Ивана Петровича Павлова, в завершающие декады девятнадцатого столетия физиология головного мозга «топталась на месте». Взамен научных изысканий по объективным стандартам сосредоточивались усилия по «проникновению» во внутренний мир животных, делались попытки как бы «предугадать» их чувства, стремления, эмоциональные переживания. «После настойчивого обдумывания предмета, – писал И.П.Павлов, – после нелёгкой умственной работы я решил, наконец, перед так называемым психическим возбуждением остаться в роли чистого физиолога и экспериментатора, имеющего дело исключительно с внешними явлениями»². Данная своеобразная программная методика была им осуществлена в его основополагающей работе по изучению физиологической активности больших полушарий головного мозга, главные практические

---

² Павлов И.П. Полное собрание трудов. Т.1, М.: Изд-во АН СССР. 1940. С.392

достижения которой изложены в его трактате «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных».

Следующей немалой вехой проникновения в физиологический фундамент психики животных и человеческой рассудочной деятельности явился труд Алексея Алексеевича Ухтомского «Доминанта как рабочий принцип нервных процессов». В соответствии с указанным и обоснованным в нём принципом, всякое индивидуально-личностное психическое действие есть не что иное, как отпечаток ранее прочувствованной доминанты. Этой категорией он предлагал называть превалирующий в корковых структурах больших полушарий головного мозга очаг возбуждения, который предопределяет в каждый последующий временной интервал ту или иную характеристику всех остальных реактивных движений организма. Все эти и ряд других идей о моторных механизмах деятельности мозга структурно вошли в программу дальнейшего изучения поведения.

Причём было вполне естественным, что указанное взаимодействие психологической науки с физиологией высшей нервной деятельности сочеталось с проникновением эволюционных идей в теорию, что подчас напрямую истолковывалось в общем контексте дарвинской парадигмы. Подобного рода подход был присущ, к примеру, для теоретических построений Вильгельма Вундта, который, в частности, выдвигал следующий тезис: «В животных мы также замечаем явления, показывающие, что у них есть впечатления, чувства, представления и даже мысли... Нам представляется возможность включить в одну большую картину одушевлённого мира все другие существа, от самых простейших, едва имеющих чувство и произвольное движение, до человека с его многосложною духовною традицией. То, чего мы не разгадаем в человеке, объяснится из рассмотрения животной души, в которой мы увидим то же самое, только в простейшей форме; явления в животном мире, которым мы никогда бы не поняли из рассматривания животных, объяснятся нам посредством

наблюдением над самим собою. Духовный мир также представляет непрерывную цепь существ, постепенно возвышающихся друг над другом»³.

Дальнейшее продвижение вперёд в попытке отойти в психологии от интроспективного анализа и пассивно-созерцательного способа наблюдения над животными к овладению объективными, в первую очередь – экспериментальными, методами познания был претворён в бихевиоризме. Тут следует заметить, что данное направление весьма активно как критиковалось, так и критикуется этологами и социобиологами, хотя при этом, справедливости ради, ими подчёркиваются и бесспорные его заслуги в утверждении активной роли исследователя в процесс познания. Не только возможность, но и необходимая целесообразность экспериментального изучения поведения в рамках психологии была выдвинута и обоснована в трудах непосредственного предтечи бихевиоризма, заложившего его основы, – Эдварда Торндайка. В его ранних эмпирических исследованиях животные были поставлены в такие лабораторные условия, что им приходилось действовать методом проб и ошибок для разрешения поставленных перед ними экспериментаторами проблемных ситуаций. Суммировав эти данные, Торндайк сделал вывод, что в течение адаптационного процесса поведенческая активность модернизируется и совершенствуется, трансформируясь от более простых к более сложным формам. Бывшие расхожими в то время в психологии стереотипы о рефлексе как неком фиксированном действии, осуществляемом по одним и тем же нервным тканям, были не в состоянии объяснить факты, свидетельствующие о значимой приспособительной функции и научаемости организмов. Таким образом, именно с трудов Э.Торндайка в сферу внимания психологических исследований стали постепенно попадать не только корреляции феноменами сознания между собой, но и весь комплекс взаимосвязей между биологической особью и окружающей её средой.

Традиционно идейным вдохновителем и лидером бихевиоризма считают Джона Бродеса Уотсона. Он настаивал, что объектом изучения в бихевиоризме

---

³ Вундт В. Душа человека и животных. СПб. 1865. С.26-27

должны быть исключительно поведенческие акты, а отнюдь не феномены сознания. Если раньше было принято утверждать, что, скажем, «Некто наделён способностью сознания», то языком бихевиористской философии сие надлежало бы выразить таким образом: «Если я окликаю этого некто, то он отзывается; если я вдруг стою на его пути, он обходит меня» и т.д. Поведение не только животного, но и человека, следовательно, по мысли Д.Б.Уотсона, всецело сводится к той или иной реакции на внешние стимулы. А, значит, анализ поведения должен иметь сугубо объективный (сциентистский) характер и строго лимитироваться внешне наблюдаемыми феноменами. Согласно Уотсону, это в полной мере касается и человека. Человеческая психика и поведение целиком находятся в зависимости от внешнесредовых кондиций. Врождённые задатки, таланты и всякого рода наследственные предрасположения объявлялись «пустыми именами», внутренний мир индивида максимально упрощался до системы связей «стимул-реакция». В итоге же, выходило, что человек есть «кусочек глины» в «ловких и заботливых руках» окружающей среды и что посредством умелого манипулирования внешними раздражителями можно из любого индивида выделывать «на заказ» любую фактурную личность.

Беррес Фредерик Скиннер по своим предпосылочным допущениям о возможной манипуляции индивидом, если так можно выразиться, «обогнал» даже Д.Б.Уотсона, выдвигая в книгах «Уолден Второй» и «По ту сторону свободы и достоинства» в качестве тезисов утверждения, согласно которым человеческое поведение можно не только прогнозировать и предвосхищать, но и всецело управлять им, а также – что не маловажно – быть в состоянии воздвигать на фундаменте этого знания новый тип сообщества. Данная «поведенческая технология», по его разумению, делает вполне возможным, планомерно воздействуя на социокультурное окружение человека, как бы переключая его внимание с внутреннего мира на внешний, контролировать его и управлять им как своего рода «органической машиной». Следовательно, обосновывалась формулировалась установка, что комплекс поведенческих реакций человека «творится и обеспечивается» действием сугубо внешних факторов.

Представления об особом, независимом от непосредственной внешней детерминации, внутреннем мире человека, свободе его воли истолковывались исключительно как «метафизические фантомы». В этой связи уместно отметить, что научная, социально-политическая да и просто философско-мировоззренческая несостоятельность подобного рода механистических воззрений ныне очевидна, но тогда она находила себе немалых сторонников.

Таким образом, эмпирические исследования, изучающие психику животных и их физиологию, а также совокупные результаты в области познания психического развития человека сконструировали принципиально важные естественнонаучные и методологические предпосылки для этологии. При всём при этом наметилась особая стезя рассмотрения, ориентиром которой стало активное включение биологического знания в исследовательское поле психологии. Если обратиться к истории этих наук, то станет очевидным, что западные этологи и социобиологи отнюдь не были одинокими в своём желании повысить статус потенциала биологии для задач изучения психической жизни. Если в данном контексте говорить об отечественной науке, то уместно вспомнить в этой связи видного российского и советского биолога Владимира Александровича Вагнера, который совершенно открыто определял своей задачей создание такой науки о психике животных, которая бы строилась исключительно по стандартам биологии и наполняла бы содержанием схему исключительно специфически-биологических категорий, используя наработку физиологических и психологических понятий разве что в качестве лишь вспомогательных.

В одной из своих работ Владимир Александрович Вагнер не без изрядной доли иронии и юмора так отзывался о весьма специфическом способе повествования современных ему специалистов по зоопсихологии: «Пчёлы гневались и любили, муравьи беспокоились и ненавидели, жуки ревновали, павлины были преисполнены гордостью, гуси – чванством и пр., и пр.

Баснописцы черпали своё материал у зоопсихологов сначала школы Бюффона и Леруа, потом Клауса и Бюхнера, а зоопсихологи одолжались у баснописцев»⁴.

Владимир Александрович Вагнер подвергал довольно резкой критике классическую зоопсихологию, которая, как он считал, занимается совершенно необоснованным приписыванием животным способности целеполагания и разумных действий. Физиологи же, по его мнению, как раз наоборот: пытались редуцировать поведение, низводя его к рефлексам и игнорируя всё психическое. Причём эта установка, как он подчёркивает, совершенно умышленно экстраполировалась и на представителей рода человеческого. Так, в частности, из признания того факта, что есть почти полное сходство в строении органов слуха дикаря-аборигена и человека европейской цивилизации делался довольно странный вывод, что и их музыкальные способности также практически совпадают. Чтобы не впадать в схожие недоразумения, по мысли В.А.Вагнера, необходимо создать сравнительную психологию, или биопсихологию с тем, чтобы иметь возможность обеспечить объективный базис объяснению поведенческого разнообразия. Её главные цели, по В.А.Вагнеру, должны быть таковы: «во-первых, поставить изучение психологии животных в условия исследования по объективному критерию точных наук, а не решения своих задач методом аналогий и мерою их психики масштабом психологии человека; во-вторых, во включении психологии человека в область исследования сравнительной психологии»⁵.

Касательно же самой методики по изучению особенностей психики животных утверждалось, что в исследовании их поведения, двигаясь от *Homo sapiens* в животный мир, мы поневоле вынуждены использовать некий «субъективный метод». Вот как о нём говорится: «Степень вероятности таких аналогий, их предел, оценка психологических свойств явлений, установления взаимной связи их между собой и проч. – каждым автором понимаются и определяются по-своему... Субъективный метод сам по себе включает условия,

---

⁴ Вагнер В.А. Возникновение и развитие психических способностей. Вып 4: От рефлексов до эмоций высшего типа у животных и человека». Л. 1925. С.3

⁵ Вагнер В.А. Биопсихология и смежные науки. Пг. 1923. С.49-50

делающие выводы, построенные этим путём, бездоказательными и потому неизбежно спорными»⁶. Именно данные обстоятельства и побудили его сосредоточиться на своеобразной его контрверзе – «объективном методе». В.А.Вагнером пишется по сему поводу: «Точкою отправления этого метода служит идея о том, что в изучении зоопсихологии, как и явлений природы вообще, надо идти от животных к человеку, а не наоборот. В нашей науке для этого служат два пути: сравнительно-физиологический и сравнительно-психологический»⁷. Оба этих метода, по мысли Вагнера, «завязаны» именно на филогении, то бишь ориентированы на использование в рамках сравнительного исследования принципа эволюционизма. Вот как у него об этом сказано: «Согласно этому принципу, действия каждой группы животных сравниваются с соседней родственной ей группой; сравниваются так же объективно, как сравниваются между собою морфологические признаки этих групп. Личным мнениям и личным толкованиям при таком методе исследования не более места, чем при сравнении признаков морфологических. Отсюда возможность полного объективизма в исследованиях сравнительной психологии, тем ближе приближающего нас к истине, чем богаче имеющийся в руках исследователя материал и чем лучше он обработан»⁸.

Именно на пути последовательного и неспешного сравнительного анализа близкородственных биологических видов возможно, по мнению В.А.Вагнера, в конечном итоге, подойти и к изучению поведения *Homo sapiens*. Тогда же же, в начале двадцатого века, сетует он, такое изучение ведётся совершенно не пригодным методом. Он приглашает нас, так сказать, приобщиться к тому весьма особенному способу, как ведётся такое исследование физиологами. Для большей убедительности и иллюстративности он предлагает обратиться к специфически «физиологической» интерпретации поведения не кого-нибудь из реально живших землян, а к шекспировскому Гамлету. В соответствии с этим толкованием принц

---

⁶ Вагнер В.А. Вопросы зоопсихологии. СПб. 1896. С.35

⁷ Там же. С.36

⁸ Вагнер В.А. Возникновение и развитие психических способностей. Вып 1: Донервная жизнь. Л. 1925. С.46

датский является закономерным продуктом пониженного градуса активности желёз внутренней секреции, или «гипосекреции». Отсюда и все его знаменитые личностные свойства – апатия, нерешительность, граничащая с безволием. По причине дефицита у него так называемой «голодной крови» он лишён мстительности и, напротив, наделён чрезмерно развитыми, прямо-таки «гиперрассудочными» инстинктами. А вот и его «визави», так сказать, его противоположный полюс – напрочь лишённый практически всякого «рассудочного» инстинкта, носитель «гиперсекреции» – Лаэрт. «Что могут внести в эти сумерки культуры физико-химики и рефлектологи?» – писал на сей счёт Вагнер. – «Что могут они объяснить в явлениях жизни, от которой страдают люди и ищут выхода от её тягот? Что отвечают на эти вопросы гормоны, рефлекс, суперрефлекс и другие основы психологических процессов? Конечно, ничего! Только сравнительная психология, учитывающая достижения смежных областей знания, физико-химических и физиологических, но ставящая себе задачу исследовать законы эволюции психических способностей как таковых – с начальных этапов этой эволюции у животных до современных нам психологических типов с их закономерными модификациями под направляющим руководством коллективной психологии – может привести к познанию душевной жизни человека, т.е. к предвидению и предсказанию»⁹.

Заметно, что именно на биопсихологию делалась основная ставка и возлагались главные надежды. Но так как биопсихология к тому времени не была ещё образована как специальная наука о поведении всего живого, то небезынтересно хотя бы слегка приоткрыть завесу замыслов видного биолога. К примеру, В.А.Вагнер имел предположение рассматривать в любом социуме эволюцию четырёх базовых «психологических типов», перешедших к нам из мира земной фауны, а именно – вожацкий, стадный, социальный и особый тип с пониженными общественными инстинктами. Основные характерные черты психики социального типа – альтруистическое поведение, обострённая страсть к

---

⁹ Вагнер В.А. Возникновение и развитие психических способностей. Вып 2: Нервная допсихическая жизнь. Л. 1925. С.46

достижению справедливости и явно выраженная любовь к ближнему. Таков, скажем, шекспировский принц датский. А вот вожаческий тип – повышенная агрессивность, доходящая до жестокости, эффективность в достижении доминирования и прямолинейность. Типичный пример этому – Макбет. По словам Вагнера, широко распространённым является стадный психологический тип, который существует, повинаясь жёстким стандартам и нормативам своего окружения и весь моральный облик коего состоит лишь в том, что он безукоснительно им следует. Характерный тому типаж – Алексей Вронский из «Анны Карениной» Льва Николаевича Толстого. Пример психологического типа с пониженными общественными инстинктами В.А.Вагнер не приводит, но это, пожалуй, и не столь важно, поскольку то, о чём идёт речь, в принципе ясно. Основная задумка Вагнера была в том, чтобы на литературных образах наглядно проиллюстрировать, что природные начала и эволюция эмоционального развития, мыслительной деятельности и психогенеза у *Homo sapiens* вполне соотносимы с таковыми у высших млекопитающих.

Таким образом, невозможно не заметить того факта, что ещё задолго до выхода в свет концептуальных разработок Конрада Лоренца, Николаса Тинбергена и Иренауса Эйбл-Эйбесфельдта, с именами которых и связывается появление этологии как самостоятельной дисциплины, в проводимых исследованиях в рамках прежней науки о поведении, в том числе и отечественной, было немало глубоких и масштабных изысканий, посвящённых этой проблематике.

Началом возникновения этологии в собственном смысле принято считать тридцатые годы прошлого столетия, когда увидели своего читателя работы австрийского зоолога, лауреата Нобелевской премии, Конрада Лоренца. Кстати говоря, именно К.Лоренца, Н.Тинбергена и И.Эйбл-Эйбесфельдта социобиологи воспринимают как своих непосредственных предшественников в исследовании проблематики соотношения биологического и социального, а их произведения – как теоретический фундамент всей социобиологической концепции. Отличаясь от остальных биологов, ставивших целью изучение отдельных аспектов поведения,

Конрад Лоренц пытался синтезировать в общую теоретическую модель бытовавшие в те времена отдельные концептуальные взгляды и тезисы. До тех пор, пока это ни будет претворено в жизнь, невозможно, полагал Лоренц, утверждать об этологии как о единой науке, предпринимающей изучение биологических основ поведения. Именно как этолог К.Лоренц и, надо сказать, в противовес бихевиористскому подходу уделял гораздо большее внимание не только и даже не столько лабораторному экспериментированию, сколько задачам прямого и непосредственного наблюдения, в особенности в не тронутых рукой человека природных условиях. Вместе с тем умение сочетать в своей исследовательской деятельности непредвзятое и уважительное отношение к стандартам современного экспериментального направления в биологии с канонами традиционного биологического стиля мышления и способами получения новых данных заключало в себе резерв многих будущих новаций и глубоких, нетривиальных выводов творца новоявленной научной дисциплины.

Профилирующими и базовыми методами новой науки, согласно взглядам Лоренца, должны быть названы следующие: во-первых, сравнительно-исторический, благодаря которому, соотнося друг с другом ряды поведенческих форм разнообразных живых существ, специалисты могут реконструировать те или иные фазы их филогенетической истории; во-вторых, так называемый метод «мысленной реконструкции», позволяющий высвечивать направления и объективные цели естественного отбора, что в какой-то степени аналогично действию искусственного отбора, проводимого селекционером; и, в-третьих, целостный подход, требующий непременно предварительного обзора живого существа как системной целостности перед тем, как с ним начнут осуществлять какие-то экспериментальные манипуляции.

Содержательный анализ первого и третьего методов, т.е. сравнительно-исторического и целостного подходов, каких-то специальных разъяснений, по-видимому, не требует, поскольку существо их совершенно очевидно. Что же касается методики «мысленного реконструирования» (или как его обозначил К.Лоренц – «телеономического метода»), то его надлежит выделить особо для

того, чтобы не только лучше уяснить его суть, но и для того, чтобы в будущем изложении яснее представлять «адаптационные детерминанты» концептуальных построений социобиологов. Вот что писал по этому поводу сам Конрад Лоренц: «... для того чтобы судить, каково назначение данной структуры или функции, необходимо представлять себе, какие факторы эволюции могли обусловить её возникновение и развитие. Если мы спрашиваем «для чего?» о цепких втяжных когтях кошки и отвечаем «чтобы ловить мышей», то это не утверждение мистической телеологии, а констатация причинной зависимости формы от эволюционных факторов, обеспечивающих её выживание. Иными словами: какие преимущества привели к тому, что естественный отбор «выбрал» кошек именно с такими когтями? Этот метод расследования мы называем «телеономическим»¹⁰. В соответствии с теорией К.Лоренца, телеономия чрезвычайно важна для более глубокого уяснения эволюционной значимости того или иного образца поведения, и она, по его меткому выражению, так же отличается от телеологии, как астрономия от астрологии.

Следует указать принципиальный момент: основным объектом изучения с самых ранних исследований этологов были именно инвариантные поведенческие паттерны у разных таксономических единиц. В общем-то, этология как наука и началась с изучения ритуалов – то есть с серии наследственно закреплённых в генотипе вида, рода, семейства, отряда и др. некоторых стереотипных движений как повторяющейся последовательности и схожих по характеру двигательных реакций со строгой регламентацией их скорости и амплитуды. Вот что по этому поводу писал сам Лоренц: «Вскоре после первой мировой войны, когда мой учитель и друг сэр Джулиан Хаксли изучал поведение ухаживания у большой поганки, он заметил, что определённые образцы движений утрачивают в процессе филогении свои оригинальные функции и превращаются в чисто «символические» церемонии. Он назвал этот процесс ритуализацией и использовал этот термин без кавычек; другими словами, он уравнивал культурные процессы, ведущие к развитию человеческих обрядов (церемоний), с

---

¹⁰ Лоренц К. Эволюция ритуала в биологической и культурной сферах// Природа, 1969, №11. С.43

филогенетическими процессами возникновения таких замечательных «церемоний» у животных. С чисто функциональной точки зрения такое уравнивание справедливо, даже если принимать во внимание различие между культурными и филогенетическими процессами. Я постараюсь показать, как удивительные аналогии между филогенетическими и культурными ритуалами (обрядами) находят своё объяснение в подобии их функций»¹¹. Со своей стороны стоит заметить, что в словах этих, схватывающих самое существо этологии, содержится вместе с тем и довольно характерное для неё преувеличение роли аналогий.

По мысли Конрада Лоренца, ритуализация как процесс содержит в себе три основополагающие характеристики. Первая заключается в том, что «двигательные реакции, которые первоначально служили виду как функции, необходимые для выживания, приобретают в процессе филогенеза новое назначение – сигнальное. При этом может сохраниться и их первичная функция»¹². Сигнальная значимость бывшей функции может результироваться в процесс «канализации (отвода)» агрессии либо стимулировать формирование связей между двумя или бóльшим числом живых организмов. Так, к примеру, если какая-то особь, обнаружив хищника, удирает «наутёк», то этим она не только сохраняет себе жизнь, но и даёт сигнал о приближающейся угрозе другим представителям группы.

Вторая указывает, что произошло «изменение первоначального, неритуализированного прототипа в процессе приспособления его к новой сигнальной функции»¹³. Эта трансформация происходит, по мнению К.Лоренца, под действием естественной селекции, и обусловлена она тем важным значением, которое имела сигнальная функция в процессе эволюционного развития. Та роль базовых составляющих, которые в исходном, неритуализированном состоянии активнее стимулировали, скажем, обоняние, слух или зрение, под прессингом естественной селекции повышалась, тогда как составляющие, которые выполняли исключительно механические функции, могли редуцироваться или даже совсем

---

¹¹ Lorenz K. 1967. On Aggression. N.Y.: Harcourt Brace & Company. P.54-55

¹² Лоренц К. Эволюция ритуала в биологической и культурной сферах// Природа, 1969, №11. С.46

¹³ Там же. С.47

исчезать. К примеру, заметив чужака, утка-самка производит такие действия: устремляется к нему, однако, затем, перепугавшись, ретируется к своему селезню и, слегка тронув его своим телом, вновь приступает к устрашению неприятеля. В неритуализированной прототипной организации этого поведенческого акта элементы всей системы двигательных акций существенным образом разнятся по параметрам, связанным как с их интенсивностью, так и с продолжительностью, в то же время та или иная позиция утки-самки определяется соответствующим взаимным расположением участвующих сторон данного события. В ситуации же ритуализированного действия весь спектр вариативности трансформируется в особый инвариантный образец, строго зависимый от намерения утки-самки.

Согласно третьей отличительной характеристике ритуализации, вновь возникшее моторное действие приобретает все специфические черты как *автономное, независимое движение*. Данная активность реализуется спонтанным манером, обладает своим собственным передающим механизмом и особым привлекающим значением. Так что процесс ритуализации, по сути, самостоятельно порождает новый инстинкт, в принципе, столь же автономный, что и любой из первичных «великих» биологических стимулов, – голод, секс, страх или агрессия – и в состоянии столь же мощно, как и они, влиять на индивидуальное поведение.

Обратившись к тому интеллектуальному «багажу», что был накоплен по изучению поведенческих образцов, демонстрируемых различными животными видами, Конрад Лоренц выдвинул для себя программную цель – заняться максимальным, по возможности, прояснением применявшихся в этологии к тому времени фундаментальных категорий «инстинктивное» и «приобретенное» поведение. Этологическая доктрина Лоренца содержит концептуальные идеи об индивидуальном генезисе и формах врождённых поведенческих актов биологической особи, о взаимоотношениях представителей фауны с окружающей их средой и сородичами, о трансформации поведения в процессе эволюции. Согласно взглядам Лоренца, всякий поведенческий образец может быть представлен как взаимозависимая сцепка наследственного и приобретённого. В

частности, любой инстинктивный паттерн должно представлять как поток эфферентных импульсов, проявляющихся в целокупности ритмичных и координированных действий, таких как, скажем, «ауторитмия», «фиксированная схема поведения» и т.п. Любой инстинктивный образец, невзирая на своё эндогенное происхождение, не проявляется произвольным образом, вне связи с наличествующим окружением. Более того, когда в инстинктивном действии нет никакой нужды, оно подавляется высшими центрами, и только работа особых пусковых механизмов, ключевых «знаковых стимулов» может подавить исходящее от высших центров торможение и дать высвобождение инстинктивному действию.

Подобного рода «ключевые стимулы» в большинстве жизненных ситуаций элементарны. Они чаще всего представляют собой один или несколько раздражителей. Однако бывает и так, что они активируются целым комплексом экзогенных перцепций, выступающих по своему характеру как некий «образ», «гештальт». Так что в состав инстинктивного образца входят не только примитивные телодвижения и сугубо элементарная активность, но и весьма комплексно организованные процессы восприятия. Иначе говоря, налицо передающиеся по наследству достаточно сложные образцы чувственного восприятия.

По Конраду Лоренцу, без соответствующих «пусковых релизеров» ауторитмический процесс является причиной аккумуляции внутри нервных центров специфической «энергии действия». Это вынуждает животную особь приступать к поисковому, «аппетентному», поведению, которое в случае успеха – столкновении со «знаковым стимулом» – результируется завершающим («консуммативным») действием. «Аппетентное» поведение выстраивается на наследственном базисе, хотя и содержит в себе структуры, относящиеся к индивидуальному научению. Консуммативная акция предстаёт как своеобразная «разрядка», завершающая инстинктивное действие. В процессе онтогенеза тот или иной инстинктивный образец может видоизменяться в известных пределах. Инстинкт может опвергаться постепенной «адаптацией». Так, к примеру, согласно

Лоренцу, обстоит дело с «импринтингом» – запечатлением в психике высокоразвитого организма образа того или иного адресата инстинктивного стремления именно в том виде, в каком тот впервые был воспринят. Так что вылупившиеся утята будут «полагать» увиденного человека своей мамой, если в непосредственной близости с ними в то самое время окажется он, а не утка-самка. Автоматически срабатывает, по словам Лоренца, врождённый реактивный образец следовать за движущимся и издающим шумовой эффект предметом.

Обозначенные специфические признаки механизма «импринтинга», а также данные, свидетельствующие об особой роли в нём взаимосвязи наследственных факторов и приобретённых, по мнению Лоренца, имеют исключительно важное значение не только для профессиональных этологов, но и для специалистов, чей профиль связан со сферой детской психологии, в частности, изучающих поведение младенцев. В своих изысканиях они, без сомнения, должны иметь в виду и принимать во внимание не только генезис сугубо человеческих особенностей, но как бы и в «чистом виде» проявляющиеся биологически врождённые признаки, имеющие, однако, при этом вполне закономерные характеристики.

Проводя ретроспективный анализ как своеобразную инспекцию по идентификации сформированного естественнонаучного и методологического базиса этологии, а также «удельного веса» творческого и интеллектуального вклада многих известных учёных, невозможно (да было бы и несправедливо) не вспомнить и не отдать должное работам выдающихся советских биологов, всё же ближе по времени расположенных к нам, нежели те, что были уже указаны.

В частности, в советскую школу этологии немалый вклад внесли два крупных биолога, академика АН СССР – Дмитрий Константинович Беляев и Иван Иванович Шмальгаузен. У обоих основные направления исследований пролегли в сферах общей биологии, генетики, теории эволюции и селекции животных. Д.К.Беляевым проделана в том числе теоретическая разработка генетических основ по селекции пушного зверя, а также произведено обоснование путей по наследственной перестройке функции репродукции у диких животных в процессе

их одомашнивания. Вот, в частности, что он писал в своей статье «О некоторых вопросах стабилизирующего и дестабилизирующего отбора», вышедшей в сборнике Сибирского отделения АН СССР «История и теория эволюционного учения. Эволюционные взгляды И.И.Шмальгаузена», посвящённого 90-летию со дня рождения И.И.Шмальгаузена: «С тех пор как Ч. Дарвин создал теорию эволюции органической жизни, вопрос о механизмах действия отбора, о его формах и осуществляемых им функциях стал одним из центральных в теоретической и экспериментальной биологии. Хотя Дарвин по формальному признаку, т. е. по характеру отбирающего фактора выделил лишь две формы отбора – естественный и искусственный, он отчетливо понимал, что отбор может выступать в разных формах, осуществляя разное влияние на популяции, находящиеся под его давлением. В этом смысле Дарвин говорил, например, не только об основной – движущей роли отбора, но и о его консервирующей роли. Упомянутые классификации отражают объективно противоречивую реальность – наличие в природе многообразных форм борьбы за существование, определяющих на каждом данном этапе эволюции вида конкретный вектор отбора»¹⁴.

Принципиально новый аспект видения естественного отбора в рамках своей теории «стабилизирующего отбора» как раз и предложил Иван Иванович Шмальгаузен, чем, собственно, и внёс важный вклад в совершенствование эволюционного учения. Значимость исследований И.И.Шмальгаузена состояла в том, что он первым выдвинул проблематику эволюционного онтогенеза в плоскости вскрытия особой формы отбора, который способствует формированию генетически стабилизированной системы индивидуального развития, в особенности в отношении тех признаков и функций, имеющих чрезвычайно важное значение существованию как отдельной особи, так и всего вида. В качестве огромной научной заслуги И.И.Шмальгаузена следует выделить и то, что им в рамках общего концептуального взгляда на стабилизирующий отбор

---

¹⁴ История и теория эволюционного учения// Эволюционные взгляды И.И.Шмальгаузена (к 90-летию со дня рождения). Новосибирск, 1974. С.7

акцентируется внимание на некоторых коренных явлениях наследственности – темпов мутации генов, а также того или иного уровня доминирования во взаимоотношении доминантности и мутабельности.

Было установлено, что, невзирая на многие годы (даже десятки лет) разведения в условиях звероводческих хозяйств, а также при оптимальных кондициях кормления и при содержании при воздействии искусственного отбора, дикий зверь сохраняет все качества своей биологии, присущие тому виду, к которому он относится, обитая в дикой природе. В частности, у лисиц обнаружено свойство генетически детерминированного полиморфизма в характере оборонительных реакций в отношении человека и зафиксирована генетическая корреляция в данной поведенческой характеристике и плодовитостью животных особей. Д.К.Беляевым и Л.Н.Трутом было выяснено, что у животных, характеризующихся спокойным (ориентировочно-исследовательским) реагированием на человека, воспроизводительная активность наступает раньше, нежели у животных, демонстрирующих злобное, трусливое или злобно-трусливое поведение. Более того, и уровень плодовитости у первых, при равенстве условий в кормлении и содержании, также был бóльшим, чем у вторых. Специально спланированный эксперимент показал, что депрессию репродуктивной функции, изменяя важнейшие факторы среды (по режиму освещения и уровню кормёжки) можно вызвать значительно быстрее и сильнее у трусливого и злобно-трусливого животного, нежели у спокойного. Таким образом, было убедительно продемонстрировано, что тот или иной порог реактивности у животного в случае колебания в условиях жизни оказался явно сопряжённым с генетически детерминированными факторами.

Тем самым было обнаружено, что механизм по «тонкому приспособлению» особи к конкретным экологическим ситуациям напрямую связан с параметром, который одновременно и лабилен, и генетически детерминирован, – оборонительным поведением животного. Но при этом Д.К.Беляевым была высказана гипотеза о том, что изменить поведение дикого животного (агрессивное или трусливое) в сторону поведения одомашненного животного

(спокойного, доверчивого и даже дружелюбного в отношении человека) является возможным в итоге проведения должной работы по искусственному селекционированию. В 70-х годах прошлого века Д.К.Беляев и Л.Н.Трут провели серию экспериментов по селекции разводимой на ферме серебристо-чёрной лисицы на её способность к доместикации. Цель исследования была в попытке создания через селекцию лисиц спокойных по отношению к человеку форм поведения животных особей, похожих в своём поведении на одомашненных животных, в первую очередь, – на собак. По ходу этой серии экспериментов удалось вывести серебристо-чёрных лисиц, демонстрирующих явно изменённое в сравнении с недоместицированными животными поведение. И хотя лисы, подвергшиеся линии селекционного отбора, были ещё, конечно, далеки от собак, но при этом, однако, и резко отличны от не подвергшихся селекции особей своего вида. В сравнении с последними, они не только не проявляли агрессии или трусливого отношения к человеку, но даже, напротив, демонстрировали тягу к контакту с людьми, запоминали и откликались на свои клички, строя отношения с человеком на основах доверия. И что принципиально важно: данный результат достигался не в итоге какого-либо тренинга или дрессуры лисиц, а лишь исключительно на базе генетических основ при вполне типовых условиях кормёжки и содержания животных на звериных фермах.

Безусловный вклад в исследование физиологического базиса и моторики проявления человеческой агрессивности внёс выдающийся советский биолог Николай Александрович Бернштейн. Н.А.Бернштейн неоднократно подчёркивал, что при всей огромной биологической значимости двигательной активности организма, что в случае человека определяет не только его взаимодействие с окружающей средой, но и её преобразование, можно только поражаться, по его словам, тому теоретическому отставанию, которое наблюдалось в то время в области физиологии движений в сравнении со всеми разделами, изучающими рецепторику и физиологию внутренних процессов. Своей задачей он и поставил устранить этот разительный диссонанс.

Согласно его изысканиям, чтобы превратить всякий надпороговый агент в качество условного пускового раздражителя того или иного органического рефлекса, надо соблюдение двух условий: первое и главное – встреча или сочетание в продолжении, как правило, короткого промежутка времени данного агента с исполнением этого рефлекса; второе и побочное – определённое число повторов данного сочетания. Первый из этих факторов непосредственно направляет изучаемое явление в цикл ассоциаций по смежности, которые характеризуются индифферентностью смыслового содержания ассоциируемых представлений. А чтобы преобразовать индифферентный раздражитель в статус условнопускового, требуется совместить его с эффекторным, а вовсе не афферентным отделом безусловного рефлекса, который будет мобилизоваться в качестве средства формирования эффекторной полудуги. Что это именно так, доказывается, по мнению Н.А.Бернштейна, существованием и осуществлением так называемого рефлекса второго порядка, когда индифферентному раздражителю придаётся функция пусковых свойств данному рефлексу. И всё это при том, что эффекторный отдел безусловного рефлекса активируется не безусловным, а условным раздражителем первого порядка, что до этого был «привит» рефлексу.

В качестве другого доказательства выступает тот факт, что при методике, применяемой в дрессуре, подкормка в качестве поощрительного подкрепления безусловным афферентным импульсом осуществляется лишь вслед за правильным исполнением животным требуемой акции при даче нужной условной команды, но не являет собой безусловный пусковой раздражитель поведенческого образца, подвергаемого дрессировке. Вот как он об этом пишет: «Эта недооценивавшаяся раньше деталь заслуживает внимания в настоящем контексте потому, что образование ассоциативной связи в мозгу между условным афферентным процессом и эффекторной частью рефлекса, как нам кажется, можно осмыслить, только если эффекторная реализация рефлекса отражается (опять-таки по кольцевой обратной связи) назад в центральную нервную систему и может уже сочетаться ассоциативно с афферентным же процессом условного

раздражения. Это могло бы послужить ещё одним подтверждением того, что возвратно-афферентационные акты как непосредственные соучастники процесса и в классических рефлексах – «дугах» – не отсутствуют, а лишь пока ускользают от наблюдения»¹⁵.

Для выявления специфики человеческой моторики в его двигательных актах Н.А.Бернштейн приводит такой пример. Корабль, плывущий по морской глади, обладает тремя степенями свободы (если абстрагироваться от движений качки), хотя, по идее, достаточно для уверенного движения контроль за всего одной из этих степеней – избранный курс, поскольку на океаническом просторе, даже если он отклонится от курса и восстановит его, то ему незачем возвращаться на прежнюю трассу, а будет вполне достаточным продолжить путь параллельно ей. И эту задачу успешно можно решить при помощи компасного автопилота. Но существенно всё меняется в случае автомобиля, которому нужно двигаться по дороге с ограниченной шириной при автоматическом выполнении всех встречаемых изгибов и поворотов. Тут по факту управление осуществляется всего двумя степенями свободы его движения. Так вот схема автоматического управления рулём в этом случае непременно должна включать в себя: 1) датчик расстояния от средней линии дороги; 2) датчик угла оси машины в зависимости от средней линии; 3) датчик фиксации дорожной кривизны; 4) суммирующий смеситель; 5) специальный регулирующий блок, чтобы гасить «паразитные» болтания автомобиля в ту или иную сторону от направления движения. И сразу становится очевидным, какое количество новоявленных сложностей привносится в решение проблемы автоматического управления, если добавить всего-навсего одну дополнительную степень свободы.

Для иллюстрации того, как тяжело бывает справиться с четырьмя степенями свободы Н.А.Бернштейн употребляет демонстративно-дидактический пример, когда в наличии нормальная координация человеческих движений и нормальная работа всей его афферентной организации, но в случае лишь непривычной двигательной задачи. Н.А.Бернштейн предлагает следующее: «Прицепите спереди

---

¹⁵ Н.А.Бернштейн Физиология движений и активность. М.: Наука. 1990. С.376

к пряжке своего пояса верхний конец лыжной палки, на конце, несущем колесико, прикрепите груз в 1-2 кг, а к колёсику справа и слева привяжите по резиновой трубке достаточной длины для того, чтобы можно было взять концы каждой в правую и левую руку. Направив палку острием вперед, станьте перед вертикальной доской, на которой крупно начерчен круг, квадрат или иная простая фигура, и постарайтесь, манипулируя только потягиванием за резиновые трубки, обвести острием палки начерченную фигуру. Палка изображает здесь одно звено конечности с двумя кинематическими степенями свободы, трубки-аналоги всех мышц-антагонистов, приносящих в систему еще две упругие степени свободы. Этот опыт (очень демонстративный при его показе в аудитории) убедит каждого, испробовавшего его в роли исследуемого, какая нелёгкая и малопослушная для координирования вещь – всего четыре степени свободы, когда к услугам человека, даже находящегося во всеоружии всех своих рецепторов, не имеется моторного опыта, приобретаемого по отношению к костно-мышечному двигательному аппарату с самых первых недель жизни»¹⁶.

И что в этой связи немаловажно и что подводит нас ближе к исследуемой нами проблеме проявлений человеческой агрессивности в плане её моторики и двигательной координации, так это то, что в процессе управления движением сплошь и рядом возникают ещё одного рода специфические ситуации. В них значительную, а порой даже решающую роль играет коррекция так называемой предвосхищающей, или антеципирующей специфики. Это становится особенно заметным, если в продолжении какого-то интервала движения коррекция «следающего типа» вообще невозможна. Существуют целые классы такого рода двигательных акций (их ещё называют баллистическими движениями), осуществить которые только и представляется возможным лишь при посредстве такого рода антеципации: это метание различных орудий в цель (камня, копья, дротика ножа и т.п.), это разнообразные игры с мячом или шайбой, перепрыгивание через ров или барьер, размашистые удары каким-либо предметами (дубиной, мечом, молотом и т.п.). Наличествуют аналогичные

---

¹⁶ Там же. С.381

антеципации в целом реестре таких движений, где им с необходимостью приходится соучаствовать с коррекцией обычного следящего типа. Это всевозможные двигательные акции с упреждением, наподобие тех, что производятся гончими псами, преследующим дичь, когда они устремляются отнюдь не к воспринимаемому в данное мгновение местоположению зверя, а как бы предвосхищая, наперерез ему в некоторой точке будущего пересечения их бега. Из этой же серии всевозможные варианты хватания кистью летящего или движущегося объекта, попадания снежком в маневрирующего приятеля, работа теннисной ракеткой по летящему мячу и многое другое. Совершенно ясно, что если, скажем, снежок заменить на дротик или томагавк, а приятеля на неприятеля, или, скажем, теннисную ракетку на шпагу или рапиру, то станет абсолютно очевидным, что знание законов управления такого рода движениями и их координации играло, играет и будет играть незаменимую роль в реализации задач агрессивных устремлений. Их причины, мотивы, орудия и адресат, конечно, будут различаться, но та полезная информация, которая была получена Н.А.Бернштейном, без сомнения, займёт своё достойное место в совершенствовании практических умений и навыков в том числе и такого рода.

Ещё стоит упомянуть Леонида Викторовича Крушинского. Он, будучи членом-корреспондентом АН СССР, лауреатом Ленинской премии, профессором МГУ им. М.В.Ломоносова, смог создать оригинальное научное направление, получившее мировую известность и пронизывающее многие области биологии – физиологию ВНД, патофизиологию, генетику поведения и этологию. Главная проблема, которую он поставил перед собой, определялась исследованием закономерности при формировании животного поведения как его норма и патология. В те времена изучением рассудочной деятельности животных в нашей стране мало кто занимался, поэтому Л.В.Крушинского с полным правом можно поставить в один ряд с такими именами пионеров-основоположников общей теории поведения как И.П.Павлов, К.Лоренц и Н.Тинберген, открывших механизм взаимодействия инстинкта и научения. Своё первое научное изыскание Л.В.Крушинский провёл ещё быв студентом Московского университета кафедры

динамики развития организма, работая в лаборатории у профессора М.М.Завадовского. После окончания аспирантуры в 1938 году тема его кандидатской диссертации касалась темы проявления и выражения оборонительной реакции у собак. Употребив физиологическую и генетическую методику исследования, а также разработанный им метод количественного оценивания оборонительной реакции, он классифицировал два вида оборонительного поведения (активно-оборонительное и пассивно-оборонительное), при этом проведя аналитику роли наследственного и средового компонентов в реализации каждого из них.

Л.В.Крушинскому удалось проанализировать чрезвычайно богатую экспериментально-эмпирическую базу, вскрывавшую наследование того или иного типа ВНД, а также связь нервной системы с оборонительным реагированием собак. Им было доказано, что каждое из обоих этих качеств наследуется в значительной мере автономно, в то время как школой И.П.Павлова появление пассивно-оборонительного реагирования, демонстрируемого собакой, увязывалось с ВНД слабого типа. По мысли же Леонида Викторовича Крушинского, природа данной наследственной детерминации подчинена всё тому же закону мендельской генетики, хотя её и вряд ли можно свести к монофакториальной детерминации. При этом им была высказана гипотеза доминирования сильного типа ВНД над слабым и на этой основе сделано заключение о том, что именно генотип животного обуславливает специфику свойств корковых структур головного мозга.

Л.В.Крушинский явился автором и разработчиком принципиально новой концепции относительно биологических форм животного поведения. На примерах собачьего оборонительного реагирования он сделал выводы о целостных поведенческих актах как формирующихся в результате различного соотношения условного и безусловного рефлекса. Целостный поведенческий акт направлен исполнить одиночное приспособительное действие, что при разном способе своей реализации имеет идентичный финальный итог. Для адекватного осмысления такого рода поведенческих акций Л.В.Крушинским было введено понятие

«унитарная реакция». Согласно дефиниции данного понятия, унитарная реакция представляет собой синтез приобретённого и врождённого типов поведения, в соотношении которых нет строгой детерминации. Безусловнорефлекторная компонента унитарного реагирования является результатом видовой адаптации прежних поколений к специфике условий обитания данного вида животных, условнорефлекторная же компонента ответственна за обеспечение необходимой пластичности, благодаря чему данная животная особь адаптируется к конкретике соответствующей окружающей среды. Теснейший сплав этих двух компонент превращает унитарную реакцию в высоко приспособительную единицу поведения, отвечающую как комплексу требований средового окружения, внутри которого приходится животному существовать, так и фиксации исторического опыта прежних поколений. Каждая из отдельных унитарных реакций наряду с другими интегрируется в общую биологическую форму поведения, самыми распространёнными из коих являются сексуальная, по добыче пищи и защитная.

В те же годы Л.В.Крушинский высказал предположение об уровнях возбудимости мозга как модификаторах поведения животных особей. Это предположение основывалось на опытных данных, согласно которым искусственного повышения возбудимости нервных систем злобных и трусливых псов удавалось достигать за счёт введения определённого фармакологического средства, что, в свою очередь, вело к существенному усилению как пассивно-оборонительного, так и активно-оборонительного реагирования. И, напротив, понижая возбудимость нервной системы за счёт экстирпации щитовидной железы, приводило к ослаблению и даже полному подавлению оборонительного поведения. Таким образом, Л.В.Крушинским экспериментальным путём было доказано, что наследственно обусловленный акт поведения в случае низкого уровня возбудимости нервной системы может вообще никак не проявлять себя. Результатам фундаментального исследования Л.В.Крушинского нашлось вполне практическое использование. Количественную оценку уровня возбудимости нервной системы ввели в базис к созданию специального «экспресс-метода» по

отбору и дрессировке служебных собак для минно-розыскного, противотанкового и санитарного дела в годы второй мировой войны.

Таким образом, приведённые выше естественнонаучные концепции, даже в кратком их изложении, свидетельствуют о том, что в науках о поведении животных к 70-м годам XX века были достигнуты немалые успехи и обоснованы новые подходы, связанные прежде всего с привлечением эволюционных аспектов. Этология развивалась в том общем русле взаимодействия генетики и эволюционизма, которое характерно в целом для биологии нашего времени. Что касается специфики гносеологического инструментария этологии, то он вполне адекватно «заточен» и приспособлен для исполнения основных задач этологии – изучения преимущественно в естественных условиях поведения животных и поиск в нём инвариантных образцов, имеющих адаптивно-эволюционную природу и базирующихся на генетически обусловленных (наследственных, инстинктивных) компонентах. И что немаловажно: вся эта методологическая база и весь этот методологический инструментарий, по мысли теоретиков этологии, вполне применим и вполне адекватен и для изучения социальной организации человека и его поведения.

§2. Сущность и значение концепции К.Лоренца об агрессивности

Все указанные гносеологические принципы и методологические установки, согласно учению К.Лоренца, в полной мере относятся и к изучению феномена человеческой агрессивности. Фокусируя своё внимание на анализе интересов Конрада Лоренца в области изучения человека, следует начать с фиксации того, что исследование агрессивности нашло немалый отклик со стороны не только профессионалов из сферы естественных наук, медицины, психологии и т.д., но и философии. И этому есть своё объяснение. Дело в том, что, считая проявление агрессии чуть ли не перманентным делом в жизни биологической особи, К.Лоренц приступил к сопоставлению по данной линии образцов животного и человеческого поведения. По его разумению, у *Homo sapiens* агрессивность имеет не только индивидуальные формы, но и проявляется в весьма своеобразном виде – в форме некоего «боевого энтузиазма», т.е. особого рода инстинктивном поведении, сформированном ещё в течение филогенезиса и модернизированном в ходе культурного развития. При этом из рассуждений К.Лоренца явствует, что осуществление убийств и склонность к ним распространена у людей в несравненно большей мере, чем у представителей животного мира.

Относительно самого механизма активации агрессии как первопричины, скажем, межнациональных конфликтных ситуаций, больших и малых войн, то он, по убеждению Лоренца, у животного и человека принципиально схож. Так что есть все основания и необходимость в полной мере погрузиться и обстоятельно проанализировать знаменитую, весьма глубоко продуманную и логически стройную концепцию человеческой агрессивности Конрада Лоренца. На формирование лоренцевской концепции человеческой агрессивности и выделения в ней лейтмотивной линии немалую роль сыграли психоаналитические исследования Сиднея Марголина, проведённые на индейцах юта. Конрад Лоренц в этой связи указывает, что сегодняшний цивилизованный человек вообще страдает от недостаточной разрядки инстинктивных агрессивных побуждений. По его мысли, более чем вероятно, что пагубные проявления человеческого

агрессивного инстинкта, для объяснения которых Зигмунд Фрейд предположил особый инстинкт смерти, основаны просто-напросто на том, что внутривидовой отбор в далёкой древности снабдил человека определённой мерой агрессивности, для которой он не находит адекватного выхода при современной организации общества.

Сидней Марголин, психиатр и психоаналитик из Денвера, штат Колорадо, действительно провёл весьма значительное психоаналитическое и социально-психологическое исследование индейцев прерий, в частности – из племени юта, и показал, что эти люди тяжело страдают от переизбытка агрессивных побуждений, которые им некуда деть в условиях урегулированной жизни нынешней индейской резервации в Северной Америке. По мнению Марголина, в течение сравнительно немногих столетий, во время которых индейцы прерий вели дикую жизнь, состоявшую почти исключительно из войн и грабежей, чрезвычайно сильное селективное давление должно было заметно усилить их агрессивность. Оказалось, что индейцы юта страдают невротами чаще, чем какие-либо другие группы людей, и Марголин обнаружил, что общей причиной этого заболевания оказывается постоянно подавленная агрессивность. Многие индейцы, в соответствии с его исследованиями, чувствуют себя больными и говорят, что они больны, но на вопрос, в чём же состоит их болезнь, не могут дать никакого вразумительного ответа, кроме разве что одного: «Но ведь я – юта». Насилие и убийство по отношению к другим – в порядке вещей; по отношению к соплеменникам, напротив, оно крайне редко, поскольку на него наложено табу, безжалостную суровость которого так же легко понять из предыдущей истории юта: племя, находившееся в состоянии непрерывной войны с белыми и соседними племенами, должно было любой ценой пресекать ссоры между своими членами. Убивший соплеменника был обязан, согласно традиции, покончить с собой.

Показательно, но эта заповедь оказалась ещё как в силе даже для юта-полицейского, который, по материалам Марголина, пытаясь арестовать соплеменника, застрелил его при вынужденной обороне. А дело было так: тот,

напившись, ударил своего отца ножом и попал в бедренную артерию, что вызвало смерть от потери крови. Когда полицейский получил приказ арестовать убийцу, – хотя о преднамеренном убийстве не было и речи – он обратился к своему бледнолицему начальнику с рапортом. Аргументировал он так: преступник хочет умереть, он обязан совершить самоубийство и теперь наверняка совершит его таким образом, что станет сопротивляться аресту и вынудит его, полицейского, его застрелить. Но тогда и самому полицейскому придётся покончить с собой. Поскольку более чем недалёковидный сержант настаивал на своём распоряжении, драма развивалась, как и было предсказано. «Этот и другие протоколы Марголина», – отмечает в этой связи К.Лоренц, – «читаются, как древнегреческие трагедии, в которых неотвратимая судьба вынуждает людей быть виновными и добровольно искупать невольно совершённые грехи»¹⁷.

Действительно потрясающе: накал неподдельных страстей, достойный пера трагика. Под впечатлением прочитанного хочу отметить следующее, правда, несколько забегаю вперёд: это марголинское идёт совершенно в унисон с разделом концепции К.Лоренца о спонтанности агрессивности, но уже не на индивидуальном, как будет показано впоследствии, а на популяционном уровне. А точнее даже так: раздел Лоренца о спонтанности агрессивности будет идти в унисон тому марголинскому. А, значит, настало время воспроизвести без искажений построение самой лоренцевской концепции, частью которой является в том числе и раздел о спонтанности агрессивности.

Наперво Конрад Лоренц приглашает нас задаться непростым вопросом: а в чём, собственно, польза агрессивности? Начнём с цитаты. «Непрофессионал, – пишет он, – введённый в заблуждение прессой и кинематографом, представляет себе взаимоотношение между диким зверьём джунглей как смертельную схватку всех со всеми. В широко прокатном фильме бенгальский тигр сражается с питоном, а буквально вскоре питон с крокодилом. Но я с чистой совестью могу утверждать, что подобные вещи в естественных условиях никогда не происходят.

---

¹⁷ Lorenz K. 1967. On Aggression. N.Y.: Harcourt Brace & Company. P.241

Какую выгоду могло получить одно из этих животных от уничтожения другого? Ни одно из них не вторгается в жизненное пространство другого»¹⁸.

Дарвинское выражение «борьба за существование» иногда ошибочно интерпретируется как борьба между различными видами. В действительности же, что имел в виду Ч.Дарвин и что действительно движет эволюцию – это конкуренция между близкими биологическими родственниками. Что в самом деле приводит вид к исчезновению либо его трансформации в иной вид, так это дающая преимущества «новация», которая волею случая выпадает на одного или нескольких его членов в ходе извечной игры наследственных изменений. Потомки этих «баловней судьбы», этих «удачников», этих «счастливиц», превосходя всех остальных в выживании и воспроизводстве, постепенно доводят своё господство до такого уровня, что данный вид будет состоять исключительно из особей, наделённых этой «новацией». Речь идёт о благоприобретённых мутациях, разумеется. Что же касается вредоносных мутаций, то с ними, в принципе, то же самое, но с точностью до наоборот.

Ценность межвидовой борьбы для выживания и развития гораздо более очевидна, нежели в случае внутривидовой конкуренции. Влияние хищника и его жертвы на их обоюдную эволюцию – классический пример того, как селективное давление определённой функции вызывает соответствующую адаптацию. Скорость убегающего копытного заставляет его кошачьих преследователей эволюционировать в сторону огромной силы прыжка и вооружения острыми когтями. Палеонтологические исследования вскрыли впечатляющие примеры подобного эволюционного состязания между оружием нападения и оружием защиты. Но эта борьба между едоком и съедобным никогда не заходит настолько далеко, чтобы хищник вызвал вымирание жертвы: постоянно сохраняется устойчивое равновесие между ними, терпимое для обоих видов. Последние львы вымрут от голода куда раньше, нежели забьют последнюю антилопу или зебру. Что действительно угрожает существованию вида – это не враг, который может съесть, а конкурент. Лоренц приводит следующий пример. В доисторические

---

¹⁸ Ibid. P.20

времена человек завёс динго, примитивную одомашненную собаку, в Австралию. Она распространилась на воле и при этом отнюдь не уничтожила ни одного вида своей дичи, а, совсем наоборот, стала причиной истребления крупных сумчатых млекопитающих, питавшихся теми же животными, что и она. Крупные сумчатые хищники – «тасманский дьявол» и сумчатый волк – намного превосходили динго по силе, но методы охоты этих относительно бестолковых и медлительных созданий значительно уступали новоявленным пришельцам. В результате, ныне сумчатые хищники существуют только на Тасмании, куда динго не проникла.

Ещё в одном аспекте борьба между хищником и жертвой не является борьбой в точном смысле слова: удар лапой льва, убивающий жертву, напоминает те удары, которыми он осыпает своего соперника, как внешне охотничье ружьё смахивает на боевую винтовку, но внутренние импульсы и мотивы охотника фундаментально отличны от тех, что у воина. Буйвол, которого заваливает лев, так же мало провоцирует его агрессию, как аппетитная ветчина нашу. Разница в этих внутренних импульсах ясно различима по выразительным движениям животного: пёс, стремящийся догнать и схватить на охоте зайца, демонстрирует тот же тип радостного возбуждения, что и при приветствии хозяина, и при ожидании желанного угощения.

Итак, первое, что мы должны отметить для себя, что существенно, согласно Лоренцу, для понимания феномена агрессивности и на что почему-то не очень обращают внимание – это то, что подлинной агрессией можно считать отношения, складывающиеся между представителями одного и того же вида.

Второе, достойное нашей фиксации, кстати, упоминаемое исследователями куда чаще первого, не становящееся при этом менее значимым, заключается в территориальности агрессии.

Кроме интересов социальной организации, требующей единения своих членов, существует явная целесообразность распространить особей данного вида по наличествующей зоне обитания столь равномерно, насколько это возможно. Опасности же перенаселения популяции, обосновавшейся на части данного биотопа, истощения всех его ресурсов, а следовательно, и голода можно избежать

лишь взаимным неприятием и отталкивающим действием в отношении животных одного вида, производя регулярные пространственные расстановки наподобие того, как электрические заряды равномерно распределяются по сферической поверхности проводника. В этом, собственно, и есть наибольшая ценность для выживания от внутривидовой агрессивности.

Кстати, видотипические песни птиц играют, как бы это ни претило поэтически-тонким, возвышенным натурам, именно ту же роль. Из напева определённой птицы другие, ещё не имеющие своей территории, узнают, что на это место самец изъясняет и предъявляет свои права. Примечательно, что у многих видов песня показывает, насколько силён и, возможно, насколько стар певец, другими словами – насколько слушателю следует его опасаться.

Конрад Лоренц высвечивает прелюбопытный аспект территориальности. Даже у тех животных, отмечает он, чья территория обусловлена только пространством, их охотничьи угодья не должно представлять как собственность, определяемую лишь географическими рубежами. Она также детерминируется тем фактом, что у каждой особи готовность к схватке наивысшая в наиболее знакомом месте, т.е. в центре своей территории. По мере того как дистанция от «штабов» возрастает, пропорционально этому снижается и готовность к бою, т.е. по мере того, как окружение становится всё более незнакомым и пугающим.

Территория, которой животное неоспоримо владеет, представляет собой, таким образом, по сути, вариацию готовности к схватке, зависящую от места и различных локальных факторов, сдерживающих боевой порыв. Во внутренней территориальной зоне агрессивный побудительный импульс усиливается в геометрической прогрессии по мере приближения к центру. И этот рост агрессивности настолько велик, что компенсирует все различия, могущими быть обнаруженными у взрослых особей вида. Так что, если нам известны территориальные центры двух конфликтующих животных, то при всех остальных равных условиях мы можем с большой долей уверенности предсказать, исходя из места их столкновения, кто из них победит, а именно – тот, кто ближе к дому.

Когда побеждённый спасается бегством, инерция реакции обоих животных приводит к тому явлению, которое происходит, если сдвиг фаз входит в режим саморегулирующегося процесса – к колебанию. Отвага возвращается к беглецу по мере его приближения к своему «штабу», в то время как преследователь, напротив, всё более и более втягивается вглубь вражеской территории. В конце концов, беглец поворачивает и решительно атакует бывшего преследователя, и уже тот, в свою очередь, побит и изгнан. Всё это представление может повторяться по нескольку раз, пока оба бойца в некоторой точке баланса ни приходят к определённому затишью, когда они угрожают друг другу, но уже без борьбы.

Эта территориальность агрессивности, будучи простейшим механизмом поведенческой физиологии, даёт эффективное решение проблемы распределения животных на данной территории таким образом, чтобы это благоприятствовало всему виду в целом. Даже его самые слабые представители способны существовать и репродуцировать, хотя и на очень ограниченном пространстве. Однако какой мирный итог столь пагубного принципа! – заключает Конрад Лоренц¹⁹.

Третье, что существенно важно, по Лоренцу, для понимания агрессивности – её спонтанность.

Знание того факта, замечает Лоренц, что импульс агрессивности – значимый видосохранительный инстинкт, позволяет нам уяснить в полной мере и его опасность: спонтанность инстинкта – вот что делает его столь опасным. Будь он просто реакцией на определённые внешние факторы, то положение человечества не было бы столь угрожающим, чем оно есть на самом деле, поскольку вызывающие реакцию стимулы с приличной долей успеха можно было бы элиминировать. Именно З.Фрейд был первым, кто подчёркивал сущностную спонтанность инстинктов, хотя и признал в этом качестве агрессивность лишь позднее. Он также показал, что дефицит социального контактирования, а что ещё хуже – лишение его – один из факторов, сильно предрасполагающих к

---

¹⁹ Ibid. P.35

агрессивности. Однако выводы, отмечает Лоренц, которые многие психологи вывели из этой верной догадки, оказались ошибочными. Предполагалось, что дети должны расти менее невротичными, лучше адаптированными к социальному окружению и менее агрессивными, если они будут бережены, по возможности, от всех треволнений и разочарований и потворствованы во всём. Американский метод обучения, основанный на этих предпосылках, лишней раз продемонстрировал, что импульс агрессивности, равно как и многие другие инстинкты, спонтанно возникает в «недрах» человека, а результаты оказались точны до обратного: дети были всем, чем угодно, но только не неагрессивными. Трагическая сторона этой трагикомедии выходила наружу, когда эти дети вырастали и покидали дом, и когда после всё позволяющих родителей они сталкивались с отнюдь не благоволящим и не симпатизирующим им общественным окружением, то под прессом сложнейшей социальной адаптивной необходимости многие из них действительно становились невротиками.

Конечно, Конрад Лоренц уделяет серьёзное внимание биохимической и гормональной природе инстинктивного поведения, но было бы недопустимым упрощением и в этом смысле искажением полагать, что будто бы, по Лоренцу, химизм тела и действие желёз внутренней секреции определяют поведение и человека. Это в полной мере касается и приложимости к человеку вообще понятия инстинкта в подлинном его, животном, смысле. Об этом свидетельствует, в частности, его умозаключение, что в таких же отношениях, как предсердно-желудочный узел с синусным, находится большинство инстинктивных действий с различными источниками мотиваций высших порядков. Здесь ситуация, по его словам, осложняется тем, что, во-первых, очень часто, как в случае с инструментальными реакциями, один «слуга» может иметь множество «хозяев», а, во-вторых, эти «хозяева» могут быть самой разной природы. Это могут быть органы автоматически и ритмично производящие возбуждение, как синусный узел; это могут быть рецепторы, внутренние и внешние, принимающие и передающие дальше в форме импульсов внешние и внутренние раздражения, к которым относятся и потребности тканей, как голод, жажда или недостаток

кислорода. Это, наконец, могут быть и железы внутренней секреции, гормоны которых стимулируют совершенно определённые нервные процессы (слово «гормон», заметим, происходит от греческого «побуждаю»). Однако, как подчёркивает Конрад Лоренц, «такая деятельность, руководимая некой высшей инстанцией, никогда не носит характер чистого «рефлекса», т.е. вся система инстинктивных действий ведёт себя не как машина, которая – если не нужна – сколь угодно стоит без дела и ждёт, когда кто-нибудь нажмёт кнопку. Она, скорее, похожа на лошадь: ей нужны поводья и шпоры, чтобы подчиняться хозяину, но её необходимо погонять ежедневно, чтобы избежать проявлений избыточной энергии, которые при определённых обстоятельствах могут стать поистине опасными, как, например, в случае инстинкта внутривидовой агрессии»²⁰.

Следует обратить внимание, что слово «рефлекс» берётся Лоренцем исключительно в заковыченном виде, что мы, собственно, и подмечали. Значит, и слово «инстинкт» также, если уж и применять в отношении к человеческому поведению, то тоже, согласно Лоренцу, надо брать исключительно в заковыченном виде. Это первое. А второе то (с чем мы, кстати, очень скоро ознакомимся), что сам ход мысли и использование образов «шпор и поводьев» для характеристики взаимодействия гормонально-биохимической «изнанки» человеческих поступков и влияющих на них факторов социокультурного окружения почти буквально предвосхищают то, что будет впоследствии оформлено в социобиологии.

Но вернёмся, однако, обратно вслед за Лоренцем к химизму тела. Тот факт, что центральная нервная система не нуждается в ожидании стимула в том же смысле, как электрический звонок требует нажатия кнопки, и что она сама способна продуцировать стимулы, которые и дают естественное, физиологическое, объяснение спонтанности агрессивности, стало известно, как он отмечает, не так давно, а Уоллис Крейг был одним из первых, кто возвёл

---

²⁰ Ibid. P.97

спонтанность в предмет научного изучения. Он провёл ряд исследований по тщательному замеру пороговых оценок возбуждающих стимулов.

В серии экспериментов с голубями с белой каймой на шее Крейг убирал самку от самца на постепенно увеличивающиеся периоды времени. После каждого из таких периодов одиночества он наблюдал, какие из объектов на данное время достаточны для возбуждения брачного танца самца. После нескольких дней отсутствия самки своего вида самец был готов к ухаживанию за белой голубицей, до этого им игнорируемой. Ещё несколькими днями спустя он кивал и ворковал в сторону матерчатого голубя, далее – на свёрток ткани, а в итоге, после недель одиночного заключения он направлял ухаживания на пустой угол клетки. Говоря физиологическим языком, эти наблюдения означают, что после долгой пассивности инстинктивного поведенческого образца (в данном случае – ухаживания) пороговая оценка возбуждающего стимула падает. Это широко распространённое и, в общем, нормальное явление. Гёте, кстати, выразил данную закономерность словами Мефистофеля: «Du siehst mit diesen Trank im Leibe bald Helena in Jeden Weibe» («Вкусив этого зелья, ты вскоре будешь видеть Елену в каждой женщине»). А если ты голубь, то будешь видеть возлюбленную в старой тряпке или пустом углу своей клетки.

В исключительных случаях понижение порога возбуждающих стимулов практически падает до нуля, а при определённых обстоятельствах специфическое инстинктивное действие может даже «взрываться» без какой-либо явной внешней стимуляции. Лоренц описывает такой случай из своей жизни. «Ручной скворец, который был у меня много лет тому назад, никогда в своей жизни не ловил летающих насекомых и даже не видел ни одну птицу, этим занимающуюся. Всю свою жизнь он получал пищу с блюда, ежедневно наполняемого. Однажды я увидел его сидящим на голове бронзовой статуи в венской квартире моих родителей и ведущим себя в высшей степени занимательно. Поначалу поворотом своей головы он казался изучающим белую гладь потолка, но движения его глаз недвусмысленно давали понять, что он следил за перемещениями каких-то объектов. В конце концов, он вспорхнул со статуи к потолку, схватил что-то

невидимое для меня, вернулся на свой пост, продемонстрировав тем самым охотничьи действия, специфичные для всех насекомоядных птиц. Затем он проглотил добычу, чуть распушил перья, как делают многие птицы в момент внутреннего расслабления, и преспокойно уселся вновь. Множество раз я взбирался на стул, даже специально принёс в комнату стремянку, – венские дома тогда имели очень высокие потолки – чтобы рассмотреть, что за жертву мог мой скворец схватить, но не было даже ни малейшего намёка на насекомых»²¹.

Однако это повышение способности к реагированию далеко от того, чтобы быть простым эффектом инстинктивной активности. Если стимул долго отсутствует, организм начинает приходить в состояние общего волнения и беспокойства и приступает к активному поиску недостающего стимула. Уоллис Крейг назвал этот тип целенаправленного поиска «аппетентным поведением». Он подчёркивал, что буквально каждый инстинктивный моторный образец, даже простейшая координация движения, даёт начало своему собственному, автономному, «аппетиту», как только в адекватной стимуляции ему отказано.

Существует не так уж много таких поведенческих образцов, где бы порог понижения был столь наглядно и мощно выражен, как это, к сожалению, проявляется во внутривидовой агрессивности. Лоренц приводит любопытные примеры из жизни рыб (скептикам от антропологии раньше времени не стоит морщиться, ибо они не только занимательны, но, как будет показано ниже, даже очень и очень символично-симптоматичны). Пороговое понижение у рыбы-бабочки заставляет её в отсутствие членов своего собственного вида находить себе «заменителя», «заместителя» среди членов ближайшего родственного ей вида, а голубых триггерных рыб – лишь по одному с ними общему признаку – по голубой окраске. У аквариумных цихлид запал агрессивности, который в естественных условиях был бы излит на враждебных территориальных соседей, с лёгкостью может привести к убийству партнёра. Практически все содержатели аквариумов, имеющие этих рыб, замечает Лоренц, допускают следующую общую грубейшую ошибку: молодняк этого вида возвращают в большом аквариуме,

---

²¹ Ibid. P.50

чтобы дать им возможность к спариванию более естественным образом. Но когда это происходит, аквариум вдруг становится слишком мал для большинства его обитателей. Он начинает содержать одну единственную восхитительно окрашенную пару в их счастливом союзе, вытеснившую при этом всех остальных. А поскольку эти «бедолаги» не имеют возможности никуда скрыться, они вынуждены нервно кружить по углам ближе к поверхности. Хвосты и плавники их превращаются в лохмотья, и вообще всё это представляет собой весьма жалкое зрелище. Содержатель аквариума, сострадая не только преследуемым «горемыкам», но беспокоясь также и о той великолепной чете победителей, успевшей к тому времени уже отметать икру, благоразумно изымает беглецов и оставляет игривую супружескую пару в их одиночном владении резервуаром. Полагая, что на этом его долг выполнен, он, в общем-то, прекращает серьёзно волноваться об аквариуме и его содержимом. Однако через несколько дней он, к своему ужасу, обнаруживает мёртвую самку, разорванную в клочья, и никаких следов от икры и молодняка.

Этого печального события, повторяющегося с предсказуемым, удручающим, финалом, в особенности у восточно-индийских жёлтых цихлид и бразильской перламутровой рыбы, можно избежать либо за счёт внедрения в аквариум некоего «козлика отпущения», т.е. рыбёшки того же вида, либо при помощи более милосердного метода – использования резервуара, достаточного по объёму для двух пар и разделённого надвое перегородкой, в каждого из отделений которого и нужно поместить по паре. Теперь каждая рыбка может изливать свой здоровый гнев на соседа одного с ним пола (почти всегда самец против самца, самка против самки) и не помышлять о нападении на своего супруга. Как ни странно, но становящаяся всё более замутнённой, всё менее прозрачной от роста водорослей перегородка оказывается непосредственной причиной того, что самец вдруг становится груб к своей «жене». Но как только перегородка, отделяющая апартаменты, очищается, немедленно начинается неистовая, но безвредная для соседа обоюдная стычка, после чего атмосфера внутри каждого из отсеков заметно проясняется.

Не требуется большой смекалки, чтобы догадаться, что подобного рода поведение – не редкость и у людей. Вот ещё из воспоминаний Конрада Лоренца по тому же поводу. «В старые добрые времена, когда была ещё Габсбургская монархия и была ещё домашняя прислуга, мне довелось быть свидетелем следующего, с постоянством предсказуемого поведения моей вдовой тётушки. Она никогда не держала у себя горничную дольше 8-10 месяцев. Поначалу она восторгалась новой служанкой, чуть ли не возносила её до небес и клялась, что наконец-то нашла ту, которую искала. По прошествии нескольких месяцев оценки становились прохладнее. Она уже находила в ней небольшие изъяны и провинности, затем – всё более значительные, а ближе к концу указанного срока она обнаруживала уже совершенно отвратительные качества у бедняжки, которая, в итоге, после очередной яростной ссоры увольнялась без какой-либо рекомендации. После этого взрыва эмоций старая леди вновь была готова найти «совершеннейшего ангела» в своей следующей служанке»²².

Лоренц, правда, тут же дважды оговаривается. Во-первых, по поводу того, что у него вовсе не было намерения насмешничать над своей давно почившей и высоко им чтимой тётушкой, а, во-вторых, у него была возможность, скорее даже – вынужденная возможность, наблюдать точно такой же феномен у серьёзных, уравновешенных, вполне владеющих собой мужчин, куда он, кстати, причислял и себя, когда был в лагере для военнопленных. Так называемая «полярная болезнь», также известная как «экспедиционная желчь», проявляется у людей, волею обстоятельств собранных вместе в замкнутом пространстве, отчего вынужденных как-то сосуществовать друг с другом, совершенно лишённых возможности каких-либо ссор и выплеска эмоций на людей вне их собственного круга. Ясно, что из-за этого накопление агрессивности будет тем сильнее и опасней, чем ближе члены группы друг к другу, чем теснее они друг с другом знакомы. В подобной ситуации агрессивность протекает с предельным понижением оценочного порога. Внешне это выражается в том, что человек начинает чрезвычайно обострённо, нервно, болезненно реагировать на всякие мелочи в манерах своих лучших

---

²² Ibid. P.55

друзей, – например, на их чих или кашель – причём, в такой форме, будто этим нанесено ему страшной силы личное оскорбление. Понимание законов этого явления предотвращает убийство, но не облегчает мук. Сообразительный человек найдёт ему выход тем, что покинет барак (кубрик, палатку, землянку), пнёт со всего маху пустую консервную банку или разобьёт вдребезги какой-нибудь не очень дорогой предмет, причём с такой силой удара, с какой заслуживает его состояние духа. Данная процедура способствует высвобождению некоторого количества негативной энергии. Психологи называют это сублимацией. Человек же без осознания сего «предательского» аффекта вполне способен убить друга.

И эта опасность отнюдь не призрачная, а действительная и весьма осязаемая, если учесть и посерьёзней отнестись к следующему замечанию Конрада Лоренца.

В главе о поведенческих механизмах, функционально аналогичных морали, он говорит о сдерживателях, контролирующих агрессивность у различных животных, оберегающих их от увечья либо убийства своих сородичей. Эти эволюционные сдерживатели не просто важны, а архиважны и, следовательно, наиболее строго фиксированы и явно выделены именно у тех животных, которые в состоянии убивать живые существа примерно одного с ними размера. Ворон одним ударом клюва способен выклевать глаз другому, а волк разорвать яремную вену одной хваткой. Так что не было бы ни одного ворона, ни одного волка, если бы надёжные сдерживатели не препятствовали подобным действиям. Ни голубь, ни заяц, ни шимпанзе не способны убивать представителя своего рода одним клевком или укусом, а поскольку в естественных условиях возможность нанесения серьёзного ущерба одному из своих сородичей минимальна, то и не было никакого эволюционного селекционного давления для выработки и установления сдерживателей убийства.

Впечатляющий пример такого поведения, аналогичного человеческой морали, являют, по мысли Лоренца, так называемы турнирные бои. Вся их организация направлена на то, чтобы выполнить важнейшую задачу поединка – определить, кто сильнее, не причиняя серьёзного вреда более слабому. Поскольку рыцарский турнир или спортивное состязание имеют ту же цель, то все

турнирные бои неизбежно производят даже на знающих людей впечатление «рыцарственности» или «спортивного благородства». Среди цихлид, отмечает он, есть вид, *Cichlasoma biocellatum*, который именно из-за этого приобрёл своё название, широко распространённое у американских любителей: у них эта рыбка называется «Джек Дэмпси» по имени боксёра, чемпиона мира, который прославился своим безупречным поведением на ринге.

Между прочим, отсутствие подобных сдерживателей может стать совершенно очевидным для содержателей, казалось бы, абсолютно безвредных питомцев, серьёзно не воспринимающих их внутривидовые схватки. В неестественных условиях неволи, когда поверженное животное никуда не может скрыться от своего победителя, оно может быть убито медленно и жестоко. В своей книге «Кольцо царя Соломона» Лоренц в главе «Нравы и вооружения» красочно описал, как наш символ мира – голубь – может до смерти, «садистски», истязать одного из своих сородичей без пробуждения какого-либо сдерживателя. Именно медленно и жестоко.²³

Антропологи, занимающиеся изучением жизнеобитания австралопитеков, не раз констатировали, что эти охотничьи пращуры человека оставили нам опасное наследие того, что они именуют «плотоядный менталитет». Утверждение это, однако, по словам Лоренца, смешивает понятия плотоядного и каннибала, которые во многом взаимно исключают. Наоборот, как полагает Конрад Лоренц, можно только сожалеть по поводу того, что человек так окончательно и не получил этот плотоядный менталитет. А все наши беды возникают именно от нашего существования как безобидных всеядных созданий, лишённых естественных вооружений, с помощью которых можно было поражать крупную жертву, и, следовательно, также лишённых тех безопасных механизмов, предохраняющих «профессиональных» плотоядных от злоупотребления ими своей убийственной мощью в целях уничтожения членов своего вида.

---

²³ Lorenz K. 1971 «King Solomon's Ring. New light on animal ways». N.Y.: Harcourt Brace & Company. P. 184-185

В антропогенезе не было необходимым возникновение никаких запретительных механизмов, препятствующих внезапной человеческой бойне, поскольку быстрое убийство было маловероятным. Во-первых, из-за отсутствия «естественных», т.е. данных от природы, вооружений, и, во-вторых, у потенциальной жертвы имелась масса уловок и приёмов вызвать жалость у агрессора жестами покорности и умиротворения. Так, в итоге, и не возникло никакого эволюционного селективного давления в предыстории человечества, уберегающих от убийства своих сородичей, но всё же существовало некое установившееся равновесие потенциального убийства и если уж не биологических, так социальных запретителей. Но этот баланс был разрушен изобретением и прогрессом искусственно создаваемых вооружений. Когда это произошло, положение человека стало схожим с положением голубя, внезапно обретшего благодаря чудному капризу природы клюв ворона. Можно содрогнуться, представив, что такое вспыльчивое, неуравновешенное создание, каким являются все дочеловеческие приматы, размахивает остро заточенным топором. Человечество действительно уничтожило бы самое себя, не будь, к счастью, инженерные изобретения и нравственная ответственность одновременными достижениями единой специфически-человеческой способности концептуального мышления.

Тут мы вплотную подходим ещё к одному чрезвычайной важности замечанию Конрада Лоренца, касающемуся триумфа и потенциальной угрозы концептуального мышления и вербальной речи.

Согласно его взгляду, курьёзный парадокс в том, что величайшие, уникальнейшие дарования человека – способности концептуального мышления и вербальной речи, поднявшие его на недостижимый уровень, возвышающий над всеми остальными живыми созданиями, и давшие ему власть над миром, – это такое благо, за которое приходится платить слишком дорогой ценой. Как ни прискорбно, но факт остаётся фактом: все самые страшные, жуткие опасности, угрожающие человечеству «концом света», являются прямым следствием концептуального мышления и вербальной речи. «Есть много истинного, – пишет

Лоренц, – в притче о древе познания и его плоде, но тут хотелось бы дополнить картину: яблоко-то оказалось неспелым!» Знания, вытекающие из концептуального мышления, лишили человека безопасности, дарованной ему хорошо адаптированными инстинктами намного раньше того, как оно стало достаточным для обеспечения его равно безопасной социальной адаптацией.

Совершенно очевидно, что механизмы инстинктивного поведения оказались неспособными справиться с новыми обстоятельствами, которые культура стала продуцировать уже с самых ранних своих истоков. Полно свидетельств тому, что первые изобретатели каменных орудий – африканские австралопитеки – очень быстро приспособились употреблять свои новые достижения для убийства не только дичи, но и членов своего собственного вида. «Прометей»-синантроп, научившийся добывать и поддерживать огонь, с успехом использовал его и для приготовления жаркого из своих собратьев: археологические раскопки стоянок синантропов обнаружили кроме явных следов регулярного использования огня также разделанные и запечённые кости самих синантропов.

Со временем положение человечества усугублялось тем, что по мере бесспорного роста нравственной ответственности, более быстрыми и всё ускоряющимися темпами возрастали лёгкость и безнаказанность убийства. Дистанция применения любого огнестрельного оружия укрывает убийцу от той стимульной ситуации, которая могла бы активировать его чувственные сдерживатели убийства. Глубинные эмоциональные пласты нашей индивидуальности просто не в состоянии регистрировать, реагировать на тот факт, что нажатие указательным пальцем на спусковой крючок вызывает разрыв внутренностей другого человека.

Схожий «уберегающий» принцип, только ещё на более высоком уровне, используется при применении современных дистанционно-управляемых вооружений. Человек, нажимающий на кнопку запуска, настолько полно, плотно укрыт от созерцания, слышимости либо иного эмоционального восприятия последствий своего деяния, что только разве этим и можно объяснить, что, в общем-то, вполне добродушные люди, не способные даже отшлёпать

непослушного ребёнка, оказываются способными к запуску ракет и ковровому напалмовому бомбометанию по спящим городам, обрекая на жуткую, чудовищную смерть сотни и тысячи детей. Тот факт, что это делают, в принципе, хорошие, нормальные люди – дьявольская хитрость и мерзость современной войны!

Скверно, но положение человечества усугублялось ещё и тем, что культурная ритуализация конструирует как бы два полюса, из которых один столь же спасителен, сколь пагубен другой. Спасительный мы уже упоминали – это функция нравственной ответственности, пока уберегающая человечество от самоистребления, и, к счастью, её рост в ходе культурной эволюции. Второй, пагубный, также культурно ритуализирован и, к сожалению, обрядами и табу столь мощно наделён мотивирующей силой, что сравним с автономными социальными инстинктами.

Не только высокоразвитые обряды и церемонии, но также и более простые и менее приметные нормы социального поведения могут принять после ряда поколений характер священных ритуалов, которые воспринимаются как незыблемые ценности и чьё несоблюдение сурово порицается общественным негодованием. Священный ритуал обязан своей мотивирующей силой филогенетически эволюционирующим образцам поведения, два из которых особенно важны. Первый – это реакция боевого энтузиазма, посредством которой всякая группа защищает свои социальные нормы и обычаи от всех других групп, ими не располагающих и их не признающих. Другой – это жестокое третирование группой тех её членов, кто демонстративно не подчиняется установленной, принятой, форме «хорошего», должного поведения. Что касается второго, то достаточно вспомнить, насколько школьные классы и взводы солдат, каждый из которых может быть рассмотрен как модель примитивной групповой структуры, изощрённо издевательски в своих нападках на чужака. Чисто инстинктивная реакция в адрес физически неполноценного, ненормального индивида, к примеру, горбуна или толстяка, абсолютно аналогична дискриминации персоны,

отличающейся от группы в культурно развитых социальных нормах, например, ребёнка, изъясняющегося на ином языке или диалекте.

Неприятие индивида, отличного в социальных нормах, характеризующих группу, и групповая иступлённая готовность защищать эти нормы и обряды – хорошая иллюстрация того способа, по которому культурно детерминированные, кондиционно стимулируемые ситуации высвобождают активность, которая в своих истоках инстинктивна. Она также превосходный пример типичных сложных поведенческих образцов, чья первичная ценность для выживания столь же очевидна, как и опасность их осечки в условиях современного общественного порядка.

«Процесс объект-фиксации» (термин К.Лоренца) имеет следствия, важность которых трудно переоценить. Он определяет то, ради чего человек живёт, борется и при особых обстоятельствах, не раздумывая, идёт на смерть. Он конструирует ситуацию, высвобождающую мощный заряд филогенетически эволюционирующего поведения, которое Лоренц и предлагает назвать «боевым энтузиазмом». Он представляет собой специализированную форму общественной агрессивности, отличную, но всё же функционально связанную с более примитивными формами индивидуальной агрессивности. Любой человек с нормально развитыми эмоциями знает из своего опыта тот субъективный феномен, что идёт рука об руку с реакцией боевого энтузиазма. Рациональные соображения, критицизм, да и вообще какие-либо разумные аргументы, идущие вразрез поведению, диктуемому боевым энтузиазмом, затмеваются. Заглушаются поразительным переворотом фундаментальных ценностей, превращающим их не только в несостоятельные, но даже в низкие и постыдные. Люди могут испытывать чувство абсолютной правоты, совершая чудовищные зверства. Тут концептуальное мышление и нравственная ответственность в апогее своего отлива, что подтверждается известной поговоркой: «Когда знамёна развёрнуты, все доводы уходят в звуки трубы».

Описываемые субъективные переживания связываются со следующими объективно демонстрируемыми феноменами: поднимается общий тонус

мускулатуры, укрепляется мужество, руки с боков приподняты и повернуты так, что локти оказываются слегка оттопыренными, подбородок приподнят, а лицевые мускулы прямо-таки «по-киношному» мимически изображают «героику». Это и есть объективно наблюдаемый срез предбоевого трепета.

Любой, отмечает Лоренц, кто когда-либо видел соответствующее поведение самцов шимпанзе, самоотверженно защищающих своё стадо или семью, вполне может усомниться в чисто духовном характере человеческого боевого энтузиазма. Шимпанзе так же приподнимает подбородок, напрягает свою мускулатуру, оттопыривает локти, его волосы встают дыбом, производя внушительное увеличение контуров тела, обозреваемого с фронта. Внутренний поворот его рук со всей определённой целью усиления эффекта. Вся комбинация позы тела и волосяного дыба составляет, собственно говоря, блеф. Это так же явственно, когда кот горбит спину в расчёте создать себе более крупный и угрожающий вид, чем есть на самом деле. «Наш трепет», – пишет Лоренц, – «который в германской поэзии именуется «*heilger Schauer*», – «священный трепет» – оказывается реликтом доисторической вегетативной реакции ошестинения шерстью, которую мы, однако, давно утратили»²⁴.

По сути, нет никаких сомнений в том, что человеческий боевой энтузиазм эволюционировал от общинной оборонительной реакции наших предков. Безрассудная целеустремлённость этой реакции имела чрезвычайно высокую ценность для выживания племени как целого. Было просто жизненно необходимым для каждого отдельного самца забыть все свои привязанности, чтобы полностью отдаться битве за общину.

Объект, к защите которого боевой энтузиазм был направляем, безусловно, изменялся с развитием культуры. Первоначально это было общество конкретных, персонально известных членов группы, единённых узами кровного родства, любви и дружбы. С ростом и развитием социальной группы именно культурные нормы и ритуалы, обретшие статус общезначимых, непререкаемых символов,

---

²⁴ Lorenz K. 1967. On aggression. N.Y.: Harcourt Brace & Company. P.261

становятся основным фактором, цементирующим, сплачивающим её членов в единое целое.

Первая предпосылка для контроля за образцами инстинктивного поведения – это знание стимульных ситуаций, их высвобождающих. Боевой энтузиазм может быть вызван с вероятностью рефлекса при возникновении следующих к нему располагающих факторов. Прежде всего должна существовать извне исходящая опасность, угроза той общественной единице, с которой субъект себя идентифицирует. Объект угрозы вариативен: это может быть семья, небольшая группа близких друзей, племя, община либо более крупная социальная целостность, символизируемая их особыми культурными нормами и ритуалами.

Вторым ключевым моментом, крайне способствующим высвобождению инстинктивного боевого энтузиазма, является наличие ненавистного врага, от которого исходит опасность вышеуказанным ценностям. Этот враг также весьма вариативен: может иметь как реальную конкретную, так и абстрактную форму. Это могут быть евреи, русские, «боши», неверные, лица кавказской или какой-либо иной национальности, деспоты, тираны, одиозные личности и т.п. Но ими могут быть и некие абстрактные понятия типа «мировой капитализм», «мировой социализм», «фашизм», «большевизм» и любой другой род «изма»; им может быть ересь, реформаторство, политический консерватизм, некая научная парадигма, да в принципе, всё что угодно. Так что «монстр», которого следует опасаться и от которого надлежит обороняться, чрезвычайно многолик и многообразен, и, надо отдать должное, демагоги все мастей и напастей весьма ловко и искусно использовали да и используют его для активации и «выпуска пара» этой грозной формы боевого энтузиазма.

Третий фактор, благоприятствующий средовой ситуации аккумулировать и вызывать подобную реакцию – это фигура вдохновляющего лидера. Недостатка в истории человечества различного рода «мессий», вождей, «спасителей нации», «боговенценосцев», «фюреров», «отцов народов» и иже с ними, скажем прямо, не было. Публично выставляемые гигантские портреты харизматических лидеров тех или иных политических партий и других общественных объединений –

лучшее тому свидетельство. Вердикт этологии человека по этому вопросу академически сух, но многообещающ и заманчив: неселективность данной филогенетически запрограммированной реакции позволяет весьма широкую кондиционную «палитру» для фигуры лидера.

Четвёртая и, вероятно, самая главная предпосылка для выявления боевого энтузиазма – это наличие многих других индивидов, возбуждённых теми же эмоциями. Их абсолютное число также имеет существенное значение для качества реакции. Противостояние меньшинства большинству побуждает к отваге и упорной борьбе с эмоциональным надрывом «стоять до последнего», в то время как вторые, инспирируемые тем же энтузиазмом, испытывают внутренний порыв завоевать весь мир во имя «святой цели». Эти законы массового энтузиазма, полагает Лоренц, строго аналогичны всем стадным организациям, где рост возбуждения идёт, возможно, даже в геометрической прогрессии с ростом количества особей. Это как раз то, что делает боевой энтузиазм масс столь опасным.

Следуя в русле древней, сократовской, заповеди «Познай самого себя!», мы непременно должны углублять наши знания тех моторных механизмов и мотивационных импульсов, что управляют нашим поведением. Линии, вдоль которых прикладная наука о человеческом поведении, по всей видимости, будет развиваться, в общем, уже высветились. Что до нашей темы, то одна из них, по мнению Лоренца, – это объективное этологическое изучение всех возможностей выхода агрессивности на те или иные «эрзацы», то бишь «сменные объекты» (ясно, что среди этих предприятий могут быть и более веские, нежели пинок пустой консервной банки). Вторая – это психоаналитическое изучение так называемой сублимации. Можно ожидать, что более глубокое исследование этой специфически-человеческой формы катарсиса позволит далее продвинуться в деле «оцивиливания», смягчения не нашедших выхода агрессивных импульсов. Третий путь «канализации», сторонения агрессивности, при всей своей очевидности, всё же заслуживает упоминания – это содействие личным контактам, личному знакомству и, по возможности, дружбе между

представителями разных культур, религий, идеологий и наций. Не последнее в этом деле – разумное, ответственное и чрезвычайно осторожное отношение к феномену боевого энтузиазма – этой «гремучей смеси» нашего социального бытия.

Конечно, совершенно очевидно, что основной материал для анализа лоренцевской концепции агрессивности, как животной, так и человеческой, мы черпаем из его специально по этой теме написанной книги – «Агрессия. Так называемое зло» (в англоязычном варианте – «On aggression»). Но было бы не целесообразно, да и несправедливо, ограничиваться только ей, совершенно обойдя вниманием ещё две замечательные работы Конрада Лоренца. В частности, у него есть одно известное, но стоящее как-то особняком в сравнении со всеми его другими работами, произведение – «Оборотная сторона зеркала» (точнее, правда, было бы перевести его всё-таки «По ту сторону зеркала», но воспользуемся тем вариантом, который уже есть и который закрепился). Специфика его в том, что оно практически целиком и полностью посвящено вопросам философии и методологии науки через призму обоснования философских и методологических оснований самой этологии. В нём Лоренц предстаёт перед читателем не только как хороший знаток историко-философского и историко-методологического материала, но и сам как «маститый» философ и методолог науки.

Любопытна сама история написания этой книги. После того как Австрия была оккупирована гитлеровскими нацистами, К.Лоренц был вынужден остаться без работы. Друзьями ему было устроено приглашение в Кёнигсберг, в местный университет, где он, кстати говоря, принял заведование кафедрой, помнившей ещё И.Канта. Но то место работы не давало ему, правда, возможности наблюдений и экспериментов с животными. Когда началась война с СССР Лоренц подпал под мобилизацию и был прикомандирован в качестве хирурга в один из белорусских военно-полевых госпиталей. Однако в августе 1944 года в ходе отступления германских войск К.Лоренц попал в плен и был направлен в один из лагерей военнопленных, располагавшихся на территории Армении. «Профессор»

– за ним закрепилось такое прозвище и среди конвоиров и среди самих заключённых – снискал себе уважительное отношение и у тех, и у других, и даже у руководства лагеря. Ему создали приемлемые условия существования, не очень-то утруждали физической работой, не препятствовали ведению им записей (после того, как начальство убедилось, что записи эти имеют сугубо научное приложение). Писать, правда, за неимением тетради, ручки и чернил приходилось гвоздём, марганцовкой на порванной от мешков из-под цемента бумаге. В дальнейшем даже один из офицеров государственной безопасности одолжил ему печатную машинку с латинским шрифтом, чтобы тот мог её перепечатать (чем, собственно, хоть косвенно, но поспособствовал прогрессу мировой биологической науки). Из-за нехватки белковой пищи «профессор», к удивлению конвоиров, занимался ловлей скорпионов и, к их уже полному потрясению, подал их жирное брюшко прямо в сыром виде, поскольку, в отличие от них он знал, что у скорпионов ядовит только хвост.

Военнопленных направляли на разного рода работы, по ходу которых Лоренцу удалось сделать одно из своих первых важных (но отнюдь не последних) открытий. Пользуясь возможностью проведения наблюдений за полудикими козами армянского нагорья, Лоренц обратил внимание, что козы, заслышав первые отдалённые раскаты грома, заранее подыскивали себе в скалах возможные укрытия от приближающегося дождя. Но однажды производились взрывные работы, и козы, заслышав грохоты взрыва, принялись осуществлять те же самые действия, что и при раскатах грома. И тут у Лоренца совершенно спонтанно созрела идея о том, что, вероятно, естественные условия обитания формируют ту или иную условную реакцию лишь тогда, когда она призвана способствовать выживанию вида, когда условное стимулирование вступает в причинную связь с его безусловным аналогом. Тем самым был сделан важный вклад в дальнейшую разработку в теорию условного рефлекса академика И.П.Павлова.

Что касается книги, то в ней в роли своеобразной пронизывающей «красной нити» внедрён «кибернетический подход». Эволюция традиционно рассматривается в качестве продуцирования процесса мутагенеза, создающего

материал для естественного отбора. Но что есть такое мутация? К.Лоренц не принимает позицию, что мутации – это якобы малые случайные изменения, а сам процесс мутагенеза – будто накопление такого рода малых приращений. Для него движущая сила эволюции – образование так называемого «нового регулирующего контура». Когда линейные последовательности тех или иных процессов, воздействующих друг на друга в точно установленном порядке, замыкаются в некий контур, то замыкающий процесс начинает воздействовать на первый, что приводит к возникновению новой обратной связи. Такого рода случайные события К.Лоренц определил как «фульгурации», что с латинского означает «удар молнии». Лоренц представил эволюционный процесс как ряд весьма резких скачков, что создаёт развивающимся живым системам приобретение качественно новых свойств.

Как пишет Конрад Лоренц в «Оборотной стороне зеркала» в «Гносеологических пролегоменах»: «Уже в развитии строения тела, в морфогенезе возникают образы внешнего мира: плавники рыбы и ее способ движения отражают гидродинамические свойства воды, которыми вода обладает независимо от того, загибают ли её плавники. Как правильно усмотрел Гёте, глаз является отображением солнца и физических свойств света, не зависящих от того, видят ли этот свет какие-нибудь глаза. Точно так же поведение животного и человека является образом окружающего мира, поскольку приспособлено к нему. Устройство органов чувств и центральной нервной системы позволяет живым существам получать сведения об определенных существенных для них условиях внешнего мира и реагировать на них таким образом, чтобы сохранить жизнь. Это видно уже у инфузории туфельки, *Paramecium*, в ее реакции избегания: столкнувшись с препятствием, она немного отплывает назад, а затем снова плывет вперед, но в другом, случайном направлении, так что ее «знание» о внешнем мире можно считать буквально «объективным»... Мы, люди, обязаны всем, что знаем о реальном мире, где мы живем, эволюционно возникшему аппарату получения информации, сообщаемому нам существенные для нас сведения; и хотя этот аппарат гораздо сложнее того, который вызывает реакцию

избегания препятствий у тувельки, в основе его лежат те же принципы. Ничто могущее быть предметом естествознания не познается иным путем»²⁵.

Феномен человеческой агрессивности не может обойти стороной Конрад Лоренц и в своей работе «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества». Помнится, Фома Аквинский в своём этическом учении проводил обоснование и целесообразность выделения семи смертных грехов человеческих (чревоугодие, алчность, похоть, праздность, уныние, гордыня, гнев), а также семи христианских добродетелей (мудрость, храбрость, умеренность, справедливость, вера, надежда, любовь), которые призваны эти грехи если уж и не нивелировать из человеческой жизни, так, по крайней мере, балансировать и сдерживать. А вот у Лоренца, как явствует из этого его произведения, грехов восемь, и они вовсе не те, что у Аквината. Некоторые из них, что характерно, напрямую касаются провоцирования и роста человеческой агрессии. В частности, в рамках указанного вторым греха и, соответственно, второй главе «Перенаселение» К.Лоренц сетует на то, что большинство из нас, пребывающих в совершенно не естественном состоянии сконцентрированной скученности в мегаполисах, во многом утратили способность, да и попросту позабыли, что такое атмосфера тёплого и сердечного человеческого дружелюбия. Как он отмечает, чтобы в полной мере осознать это, надо хоть некоторое время для разнообразия пожить где-нибудь в действительно безлюдной местности, когда вас от ближайших соседей будет отделять некое количество километров бездорожья. И вот тогда в самом деле можно будет увидеть, насколько по-настоящему гостеприимными и дружелюбными могут быть люди, если им самим над собой не издеваться и не ставить себя в такие условия, чтобы свою способность к социальному контактированию искусственно подвергать длительным перегрузкам. Вот его слова на сей счёт: «У меня гостила американская супружеская пара из Висконсина. Это были профессиональные защитники природы, живущие в полном одиночестве посреди леса. Когда мы собрались ужинать, раздался звонок, и я раздражённо воскликнул: «Кого это ещё там принесло!» Я не смог бы сильнее шокировать моих гостей, если бы совершил

---

²⁵ Конрад Лоренц *Оборотная сторона зеркала*. М.: Республика, 1998. С.298

самый непристойный поступок. Что кто-то может реагировать на неожиданный звонок в дверь иначе, как радостью, – это было для них скандалом»²⁶.

К.Лоренц настаивает, что во многом как раз скученностью большой людской массы и можно объяснить то положение, что в этом калейдоскопе быстро сменяющих друг друга и зачастую накладывающихся друг на друга человеческих ликов мы порой бываем не в состоянии различить лиц наших близких. Призыв любви к ближнему настолько задавлен величиной массы этих самых ближних, что превращает его в пустую затею и простое сотрясение воздуха. И именно притупление чувств приводит к тому чудовищному проявлению человеческого равнодушия, о котором нам ежедневно сообщается в печатных и электронных средствах массовой информации. Нет ничего удивительного в том, что именно крупные города и являются основной «кузницей» и поставщиком подавляющей массы грабежей, разбоев, убийств и всякого рода насильственных действий, а также того факта, что многие из них «благополучно» проходят среди бела дня и не вызывают зачастую никакой реакции со стороны прохожих. Так что естественная скученность, согласно Лоренцу, есть один из непосредственных факторов, провоцирующих человеческую агрессию. Он напоминает нам, что многие эксперименты по искусственной скученности животных не оставляют никаких сомнений в том, что она способна чрезвычайно усиливать внутривидовую агрессивность. Также в этой связи Лоренц приводит пример, который мы уже упоминали – ситуацию принудительной концентрации человеческой массы в лагерях для военнопленных, что невероятно катализирует раздражительность людей от малейшего, казалось бы, пустяка. Причём существует прямо пропорциональная зависимость степени проявления ярости в агрессии от абсолютного числа скопившихся. Лоренц указывает, что в терминалах крупных вокзалов и автобусных станций Нью-Йорка она может достигать прямо-таки ужасающей степени.

Из главы 6-й книги «Генетическое вырождение», ориентированной на разбор соответствующего по порядковому номеру очередного греха, нас будет

---

²⁶ Там же. С.312

интересовать то место, в котором Конрад Лоренц рассуждает о влиянии генетических и средовых факторов на развитие преступного поведения. Он отмечает, что в современной ему криминологии (да, собственно, и в современной нам криминологии) проблема криминального субъекта весьма остро ставится именно в этой плоскости. Лоренц считает, что немалую долю вины за многие поразительные «казусы» и явные оплошности в вердиктах правосудия надо искать в по сути безраздельном господстве на то время учения об условных рефлексах И.П.Павлова и базирующейся на нём теории бихевиоризма. Только верой во всемогущество условных рефлексов можно объяснить приведённый Лоренцем случай, который он почерпнул из лекций Ф.Хеккер, когда один молодой человек четырежды совершал крайне жуткие убийства, четырежды помещался в психиатрическую лечебницу на излечение, четырежды выпускался из неё как полностью излечившийся, четырежды вскоре снова совершал не менее чудовищные преступления, и только после пятого случая, как указывает Лоренц, гуманный, демократический и бихевиористски мыслящий социум наконец-то осознал, что он просто сам по себе социально опасен.

К.Лоренц подчёркивает, что превратившийся в некую догму тезис, что будто бы все люди от рождения равны (в том смысле, что «*tabula rasa*»), приводит к совершенно нелепым выводам, что нравственную порочность заядлых преступников надо списывать на «счета» их родителей, нянек, воспитателей, учителей и пр, которые перед ними выходят виноватыми (или, как по Достоевскому – «среда заела»). Это крайне губительно сказывается на культивировании в обществе элементарного правового порядка и элементарных правовых чувств и, в первую голову, у самого преступника, который преисполнен жалостью к себе и полагает самого себя жертвой несправедливых к нему общественных условий жизни. В качестве ещё одного примера Лоренц ссылается на одну австрийскую газету, в которой вышла статья о семнадцатилетнем «выродке», который якобы из страха перед родителями стал убийцей. Он изнасиловал свою малолетнюю сестру, которой было всего десять лет, а поскольку та умоляла его это не делать, а то в противном случае всё расскажет

родителям, он «благоразумно» её задушил. И вот как гневная реакция на всю эту «гуманистическую» абсурдность звучат следующие слова Конрада Лоренца: «Нынешняя гротескная форма либеральной демократии находится в кульминационной точке колебания. На противоположном конце, где маятник находился не так уж давно, были Эйхман и Освенцим, эвтаназия, расовая ненависть, уничтожение народов и суд Линча. Мы должны понять, что по обе стороны точки, где остановился бы маятник, если бы когда-нибудь пришёл в равновесие, стоят подлинные ценности «слева» – ценность свободного развития личности, «справа» – ценность общественного и культурного здоровья. Бесчеловечны лишь эксцессы в любую сторону... Дело учёного – попытаться наладить настоятельно необходимое торможение этих дьявольских колебаний»²⁷.

Хорошо, что Конраду Лоренцу не довелось понаблюдать и по достоинству оценить эволюцию западного общества в сторону усиления и даже гипертрофирования весьма специфически понимаемого либерализма, гуманизма, толерантности и политкорректности, доведённых до той точки нагнетания, что способна на долгое время опрокинуть традиционные не только христианские, но и – как их называют «общечеловеческие» – ценности. Они уже дискредитированы, по сути, у целого поколения западноевропейской молодёжи, осталось их до конца из сознания вытравить и дожидаться следующего поколения, чтобы и оно успело их впитать в себя и им «обогатиться». Проблема только в том, что крах этой политики мультикультурализма и толерантности, когда он станет очевидным для подавляющего большинства не вымерших от депопуляции жителей континентальной Европы, без всякого сомнения, приведёт не только к ещё большему накалу страстей, но и большему выплеску агрессии. Не надо быть пророком, чтобы мочь предсказывать это. Подводя же итог представленной, весьма впечатляющей, концепции Конрада Лоренца толкования агрессивности, остаётся лишь указать, что, согласно ей, сам импульс агрессивности, без всякого сомнения, биологичен по своей природе, при аккумуляции которого нарастает напряжение, требуя выхода, и при отсутствии оно способен взрываться с

---

²⁷ Там же. С.336

максимальным понижением порогового стимула и по механизму действия сродни эффекту социального инстинкта. Но вот форма выражения этого биологического по своему статусу импульса вполне культурно детерминируема. Более того, именно на обществе, по мысли Лоренца, лежит ответственность по сублимированию и канализации сего естественного потенциала в более конструктивное или, по крайней мере, в менее деструктивное русло.

§3. Вклад работ Н.Тинбергена в анализ образцов агрессивного поведения

Этологические идеи получили дальнейшую разработку в исследованиях Николаса Тинбергена – ещё одного лауреата Нобелевской премии по биологии. Большая часть его исследований была проведена в 50-е годы прошедшего столетия в Оксфордском университете. Там под руководством Н.Тинбергена было создано особое направление, названное «английской школой этологии».

Николасу Тинбергену принадлежит разработка так называемой «иерархической модели поведения», которая, как считается, в большей степени учитывала набор физиологических данных, нежели прежняя – лоренцевская. Для нас важно то, что, согласно Тинбергену, эта новосозданная «иерархическая модель» оказалась не только пригодной, но и в большей степени адекватной для анализа форм животной агрессии. На базе этой модели он выделил целый ряд форм конфликтного поведения и сформулировал гипотезу об их механизмах.

Н.Тинберген и его ученики на протяжении многих лет систематически изучали в естественных и лабораторных условиях поведение различных видов насекомых, рыб и птиц. Классическим примером их лабораторных исследований стала трёхиглая колюшка – легко размножающийся в неволе вид пресноводных рыб, обладающий целым рядом интересных поведенческих особенностей. В частности, репродуктивное поведение колюшки послужило для Тинбергена моделью для выявления многих важных принципов сосуществования животных. Огромное значение для современной этологии приобрели работы школы Тинбергена, проведённые на колониальных морских птицах. Эти работы явились основой многих современных представлений о сообществах животных и факторах, регулирующих их структуру. Кроме того они способствовали (и мы это особо подчёркиваем) изучению проблемы многообразных форм приспособления животных к борьбе с хищниками, которая, согласно Тинбергену, накладывает серьёзный отпечаток практически на все стороны поведения.

Основой для разработанной Николасом Тинбергенем «иерархической модели» послужили следующие факты. Известно, что между стереотипными

двигательными реакциями существует ряд закономерных отношений. В некоторых ситуациях группы инстинктивных движений появляются совместно, они характеризуют определённое внутреннее состояние животного и проявляют общие флуктуации порога поведенческой реакции. Скажем, повышение порога реакции А поднимает порог реакции В (и наоборот), а это свидетельствует о том, что обе они зависят от общего функционального «центра». Наблюдая за сложными поведенческими комплексами действий, можно, по Тинбергену, видеть некоторую регулярность в последовательности проявления тех или иных действий. В качестве иллюстративных примеров он приводит агрессивные столкновения рыб за раздел территории. У многих костистых рыб, в том числе и у цихлид, им всегда предшествует демонстрация угроз и запугивания. Причём у одних видов эти столкновения следуют за очень коротким периодом запугивания, а у других – за весьма разнообразными демонстрациями угроз серьёзное агрессивное столкновение с ранениями следует лишь в том случае, если силы обоих самцов приблизительно равны. Наконец, у третьей группы видов действительные схватки уже не наблюдаются, и в высшей степени ритуализированная церемония угроз исполняется до полного истощения сил одного из соперников, что, в итоге, и решает спор.

Согласно взглядам Н.Тинбергена, в такого рода ритуализированных столкновениях имеется специфическая последовательность движений: они начинаются (в случае с трёхиглой колюшкой) с демонстрации боковых поверхностей тела, за которой следует подъём в вертикальное положение спинных плавников. Затем следуют удары хвостом, которые через посредство боковой линии, воспринимающей изменение давления воды, могут сообщать о силе противника. После этого соперники располагаются друг перед другом, вслед за чем происходят взаимные толчки с разверстой пастью, а у других видов – укусы в эту самую открытую пасть. Они продолжаются до тех пор, пока один из оппонентов не устанет, окрас его блекнет, и он, в конце концов, уплывает восвояси.

Причём у самца трёхиглой колюшки именно становящееся в брачный период

ярко-красным брюшко и является тем сигнальным раздражителем, который вызывает агрессию другого самца, охраняющего свою территорию. Н.Тинберген в своих опытах показал, что для провоцирования агрессии достаточно грубой модели, мало похожей на природный прототип, лишь бы нижняя часть модели была окрашена в красный цвет. И, напротив, только что убитый самец колюшки, у которого сохранены все признаки живого существа, кроме яркой окраски брюшка, не может вызвать атаки со стороны других самцов. Н.Тинберген рассказывает прелюбопытную историю на сей счёт: он как-то заметил, что самцы колюшки в аквариуме, помещённом на подоконнике, дружно пытались атаковать красный почтовый фургон, проезжавший мимо окна. Рыбы принимали машину за самца-соперника. Тинберген на основе этого сделал вывод, что животные как бы «слепнут» в отношении всех признаков объекта внешнего мира, кроме одного – выступающего в качестве сигнального раздражителя.

Такого рода ритуализированные драки и агрессивные столкновения, по Тинбергену, – прекрасные примеры наличия специфической последовательности стереотипных двигательных реакций: удары хвостом не начнутся до подъёма спинного плавника, а толчки отмечаются только после неоднократных ударов хвостом. По интенсивности демонстрации угроз и ударов хвостом опытный наблюдатель, отмечает Тинберген, вполне может определить, кто из них победит, и начнутся ли вообще обоюдные стычки «с открытой пастью» или же один из соперников просто сбежит до начала «серьёзной драки».

Интерпретируя подобные явления Николас Тинберген выдвинул гипотезу об иерархии «центров», управляющих отдельными поведенческими реакциями. По его мысли, инстинкт представляет собой завершённую иерархическую организацию поведенческих актов, адекватно реагирующую на определённый раздражитель чётко скоординированным комплексом действий. По Тинбергену, изменение возбудимости «центров» под влиянием внешних и внутренних воздействий происходит в строго определённой последовательности. Сначала повышается возбудимость «центра» поисковой фазы поведения, и голодное животное приступает к поиску пищи. Когда пища будет найдена, произойдёт

«разрядка» центра, стоящего на более низком уровне иерархии и контролирующего осуществление завершающего акта (в данном случае – поедание пищи).

Схему иерархии центров, управляющих поведением самца колюшки в период размножения, Н.Тинберген представляет следующим образом. Высший центр репродуктивного поведения самца активируется увеличенной длиной дня, гормональными и другими факторами. Импульсы из этого центра снимают блок с центра поискового поведения. Разрядка этого центра выражается в поисках условий для постройки гнезда. Когда такие условия (подходящая территория, температура, необходимый грунт, мелководье, растительность) найдены, происходит разрядка центров следующего уровня иерархии и благодаря этому становится возможной постройка гнезда. Если же на территорию данного самца проникает соперник, то возбудимость центра агрессивного поведения резко повышается. Результат этого каптажа агрессивности – преследование и схватка с самцом-соперником. Наконец, при появлении самки повышается возбудимость центра сексуального поведения и начинается ухаживание за самкой, представляющее собой тоже комплекс фиксированных действий.

Существенно и то, что модель Н.Тинбергена предусматривает возможность взаимодействия между «центрами» различных видов поведения. Дело в том, что случаи, когда животное продолжительное время занято каким-то только одним видом деятельности, является скорее исключением, чем правилом. Обычно одни виды деятельности сменяют другие. Наиболее простой пример такого взаимодействия – подавление одних центров другими. Например, если у самца чайки во время ухаживания за самкой усиливается голод, то он может прекратить брачные демонстрации и отправиться на поиски корма. В данном случае поведение определяется не присутствием какого-то внешнего раздражителя, а соответствующим внутренним побуждением.

Как особый, а для нас и представляющий наибольший интерес, случай проявления взаимодействия «центров», согласно Тинбергену, можно рассматривать так называемое «конфликтное поведение», когда у животного

наблюдается одновременно несколько тенденций к различным (нередко противоположным) типам поведенческих образцов. Хорошей иллюстрацией конфликтных акций является поведение самцов территориальных видов, описанной Н.Тинбергеном в результате наблюдений за всё теми же трёхиглой колюшкой и различными видами чаек. Например, если самец А вторгается на территорию самца В, то последний нападает на него и преследует, а самец А спасается бегством. То же самое произойдёт, если самец В вторгнется на территорию самца А. Если же столкновение произойдёт на границе этих двух территорий, то поведение обоих самцов будет выглядеть иначе: у обоих самцов элементы реакций нападения и бегства будут чередоваться. Причём элементы нападения будут выражены тем сильнее, чем ближе самец к центру своей территории. Напротив, по мере удаления от центра будут сильнее выражены элементы бегства.

Как показали наблюдения Николаса Тинбергена за озёрной чайкой, угрожающее поведение самцов на границе двух территорий включает пять различных поз, характер и последовательность которых зависят от реакций противника. Каждая из поз отражает определённую степень конфликта между противоположными внутренними побуждениями: агрессивностью – стремлением напасть на противника и страхом – стремлением спастись бегством. Согласно Тинбергену, подобный анализ позволяет объяснить механизм и так называемой «замещающей активности» («displacement activity»), которая иногда также обнаруживается у животных в конфликтных ситуациях. К примеру, в пограничной между двумя участками зоне два самца серебристой чайки, стоящие друг перед другом в угрожающих позах, могут внезапно начать чистить перья, а в схожей ситуации серые гуси отряхиваются, а петухи начинают клевать траву и всё, что находится поблизости. Эти реакции являются, как выяснилось, врождёнными и проявляют себя без какого бы то ни было соответствующего индивидуального опыта.

В других случаях конфликт страха и агрессивности приводит к тому, что животное нападает не на противника, а на более слабую особь (как это, скажем,

наблюдал Конрад Лоренц у серых гусей) или даже на неодушевлённый предмет (чайки, к примеру, клюют опавшие листья или комья земли). Такая «перенаправленная активность», равно как и «замещающие» действия, проявляются в тех случаях, когда агрессивность и страх уравниваются, уступая место другим видам активности, не связанным непосредственно с данной ситуацией.

Как мы видим, «иерархическая модель» Н.Тинбергена не просто базируется на мощном фундаменте лоренцевской «импульс-разрядной» доктрины объяснения агрессивного поведения, но и не выходит за рамки общей «инстинктивистской» этологической парадигмы. Это в полной мере касается и территориальности агрессии, и её спонтанности, и самой схемы иерархии и взаимодействия управляющих инстинктами «центров». Достаточно вспомнить слова Лоренца о том, что животное можно уподобить кораблю, поведением которого командует группа капитанов. Капитаны эти придерживаются уговора, что в любой момент лишь один из них имеет право быть на мостике, так что каждый должен уходить, как только наверх поднялся другой. Стоит только заменить слово «капитан» на слово «центр» и всё встаёт на свои места. Но при этом Николас Тинберген убеждён, что именно иерархическая теория инстинктов способна не просто внятно, но и максимально адекватно объяснить все выше перечисленные явления – и поведение животного в ситуации конфликта, и «замещающие» действия, и «перенаправленную» активность.

В ходе своих исследований Николас Тинберген имел стремление дать реализацию трём первоочередным и фундаментальным задачам науки этологии: понять суть работы механизмов функционирования поведения; объяснить развитие механизмов поведения в рамках онтогенеза; и, наконец, построить теорию, описывающую формирование механизма поведения в процессе эволюционного развития. При этом высшим смыслом этологической работы, как считал Н.Тинберген, должно стать всё более точное и всестороннее познание нами самих себя: «Мы должны предпринимать биологическое изучение

поведения животного для прояснения проблем поведения человека»²⁸.

Является очевидным, что последнее утверждение обладает глубоким философско-мировоззренческим звучанием. Николас Тинберген полагает, что задача понимания людьми самих себя несёт в себе чрезвычайную актуальность именно в настоящую эпоху, в эру практически всецелого истощения планетных ресурсов и вполне реальной угрозы полного уничтожения биосферы в случае крупномасштабного экологического, ядерного, техногенного или какой-либо иного катаклизма. «Научное понимание нашего поведения, ведущее к его контролю», – писал в этой связи Тинберген, – «возможно, наиболее необходимая задача, стоящая перед человечеством сегодня. В нашем поведении имеются такие силы, которые начинают создавать опасность для выживания вида и, что ещё хуже, для всей жизни на Земле»²⁹. Искренняя озабоченность и тревожный настрой от «нечеловеческого», в смысле неразумности, поведения человека и попытка задействовать этологический материал в деле анализа причин данного «статус кво» зримо чувствуются в научных изысканиях нидерландского биолога.

Давая оценку достигнутым результатам в рамках этологии и меру их методологической экстраполяции на человеческое самопознание, Н.Тинберген подчёркивает, что пока ещё предпринимались чересчур слабые усилия по объединению множества разнообразных сфер знаний. Вот что он писал в этой связи: «Некоторые утверждают, что только низшие основы поведения, такие, как импульсивные потоки в периферических нервах или простые рефлексy, могут быть изучены нейрофизиологическими или вообще объективными методами, в то время как поведение, являющееся интегративным выражением человека как целого, есть специальный вопрос психологии. Это мнение ошибочно. Нейрофизиологи осваивают всё более высокие уровни поведения, а психология всё более обращается к низшим, инстинктивным. Барьера между ними нет. Нейрофизиология и этология используют один и тот же способ мышления, и они

---

²⁸ Tinbergen N. 1978. On war and peace in animal and man // The Sociobiology Debate. Ed. by A.L.Caplan. N.Y. – P.96

²⁹ Ibid. P.76

объединяются в единую науку»³⁰.

А вот чуть далее даётся им и окончательный вердикт, выступающий в роли наставления и имеющий силу своеобразного императива: «Зоолог должен быть склонен распространить своё этологическое изучение животных на человека»³¹. Правда, аргументы Н.Тинбергена, выдвигаемые им по данному поводу, звучат всё же несколько предвзято безапелляционно: «Человек есть животное. Он замечательный и во многих отношениях уникальный вид, но, тем не менее, он – животное. В структуре и функциях, сердцем, кровью, кишечником, почками и т.д. человек сильно походит на других животных, особенно позвоночных. Палеонтология, так же как и сравнительная анатомия и эмбриология, не оставляет никаких сомнений в том, что сходства основаны на действительных эволюционных отношениях»³². Чтобы устранить всякие на сей счёт сомнения у скептика исследователь предлагает ему окунуться в биологический материал.

А оттуда он может почерпнуть информацию об идентичности или о различии, но не принципиальным образом, у *Homo sapiens* и животных прежде всего нервных импульсов, простейших рефлексов и локомоторных движений. Вот с изучением мотиваций как комплекса внутренних детерминант поведения обстоит дело куда сложнее. Тут рефлексивный анализ доставляет нам на поверхность преимущественно сонм сознательных субъективных представлений, что делает чрезвычайно трудным выявление в них объективной основы. Однако на это всё же следует ориентироваться. По мнению Николаса Тинбергена, не изучены почти целиком у нас так называемые «рецептивные аспекты» человеческого родительского инстинкта, которые по многим характеристикам аналогичны у людей и животных. Тинберген приводит любопытные сведения: скажем, в ходе экспериментов, проводимых на людях, испытуемые стабильно отдают свои предпочтения куклам или макетам именно детёнышей, а отнюдь не куклам или макетам взрослых особей различных видов. Очевидно, по мысли Тинбергена, здесь играет роль визуальное сходство мордочки птенца, щенка или

---

³⁰ Tinbergen N. 1951. The Study of Instinct. Oxford. – P.205

³¹ Ibidem

³² Ibid. P.206

зайчонка с лицом малого ребёнка (маленькое лицо с относительно большим лбом, круглыми глазками и т.п.). На этом своеобразном «инстинкте», полагает Н.Тинберген, как раз и процветает не только голливудская мультипликация, но и вообще вся «мультифильмовая» индустрия, а бездетные пары способны компенсировать отсутствие собственных детей воспитанием животных питомцев, перенося на них все свои неистраченные чувства.

Н.Тинберген выделяет единство биологического базиса поведения в таких значимых для этологии явлениях как «смещённая активность», «мозаичное движение» и «переадресованная реакция». Учёный проявил немалый интерес к этим типам движения в силу их существенной важности в изучении разнообразных форм коммуникации в различных сообществах живых существ. Производство «мозаичного движения» проявляется в том, что животная особь, приступая сразу к нескольким действиям, в итоге, так и не завершает ни одного: к примеру, «разгневанной» чайке свойственно вскидывать крылья, как бы готовясь нанести удар, и вместе с тем наклонять голову, как бы собираясь что-то поклевать. Человек, как отмечает Тинберген, в подобной ситуации может крепко сжать кулаки и сделать шаг навстречу, как бы готовясь ринуться в бой, но затем будто застывает на месте, не в силах завершить намеченного действия.

Процессы «смещённой активности» и «переадресованной реакции» отчётливо различимы по следующим примерам. Скажем, ежели у птицы активировано побуждение к драке, то работа импульсов её нервной системы вызывает к жизни мобилизацию соответствующего числа мышц. Однако одновременным актом с этим проходит стимуляция и тех мышц, что призваны обеспечивать потенциальную вероятность бегства. Для данной разнонаправленности характерно то, что она формирует кондиции, способствующие проявлению некоего третьего телодвижения, и птица может вдруг заняться чисткой пёрышек. Человек в состоянии гнева, по словам Тинбергена, у которого отсутствует возможность, так сказать, напрямую «выпустить пар», то бишь непосредственно проявить свои негативные эмоции, может как бы не с того не с сего с досады почесать затылок. Реагирование при

этом может стать и «переадресованным»: например, взамен того, чтобы направить уйму ударов на противничью голову, птица может начать с яростью клевать подножную листву, а рассерженный индивид может с размаху разбить тарелку об пол.

Вся эта разновидность поведенческого движения проявляется не только в локомоторных акциях, но и в разнообразии поз и сигналов. Будучи спутниками определённых поведенческих ситуаций, данные знаки приобретают функцию кодов коммуникации, трансформируются в ритуальные действия. Само изучение данных поведенческих феноменов параллельно у *Homo sapiens* и у представителей земной фауны и возможность на этой основе генерировать определённые мировоззренческие выводы каких-либо сомнений, в частности, у Николаса Тинбергена не вызывает. По его разумению, мы до сих пор о своём собственном поведении знаем так мало лишь по причине того, что «изучая поведение человека, крайне редко пользуемся теми методами, которые применяем к животным. Как это ни удивительно, но в наших руках всё ещё нет даже хорошего описания наиболее общих форм поведения детей, не говоря уже о поведении взрослого человека»³³. И хотя ясно, что человеческое поведение целиком отождествляться с поведением животных быть не может и не должно, тем не менее, по мысли Тинбергена, «мы можем применить в исследовании человечества те способы, которые показали свою плодотворность при изучении поведения животных»³⁴. В первую голову это касается тех или иных форм социальной организации, способов формирования социальных поведенческих актов и т.д. Н.Тинберген убеждён, что человек непременно извлечёт пригодные для себя и весьма полезные уроки при внимательном рассмотрении поведения «братьев наших меньших».

В этой связи особый интерес представляет для нас экстраполяция «иерархической модели» Н.Тинбергена на объяснение человеческой агрессивности. Тем более, мы помним, что Тинбергена в большей мере занимает

---

³³ Тинберген Н. Поведение животных. М.: Мир. 1978.С.119

³⁴ Там же. С.166

не сам феномен агрессии как таковой, а то, в связи с чем в ходе эволюции живых организмов появилась способность избегать конфликтных ситуаций. Вот как у него сказано: «Эволюционное развитие животного мира каким-то образом способствовало выработке особой форме внутривидового антагонизма, сопряжённой с минимумом причинения физического вреда»³⁵. Николас Тинберген предлагает нам сему любопытное пояснение, основывающееся на серии своих наблюдений. В частности, им установлено, что если к самцу приближается какая-то иная особь, а самец, ещё не в состоянии различить, кто на подходе, – чужой самец или чужая самка – то он приступает к демонстрации готовности к схватке. В случае, если приближающаяся особь – самка, то она попросту не реагирует взаимной агрессией, и тогда самец начинает переходить к актам ухаживания, чаще всего завершающегося соитием. Если же приближается соперничающий самец, то вероятнее всего будет боестолкновение. Но тут есть одно «но»: так будут развиваться события, если рассматриваемый самец «нормален», то есть является агрессором в норме, а отнюдь не «суперагрессором». Ежели в подобной ситуации окажется последний, то он вполне может атаковать и самку, что, понятное дело, исключит даже самую надежду на спаривание. Поэтому «сверхагрессоры», как отмечает Н.Тинберген, постепенно «вымываются» из популяции, поскольку имеют диспропорционально малые шансы оставить после себя значительное по числу потомство.

Но, к большому сожалению, сетует Николас Тинберген, тяга миролюбиво разрешать назревающие конфликтные ситуации, лишь в незначительной степени характерна для нас. Homo sapiens – единственный из биологических видов нашей планеты, действующий как «убийца мирового масштаба», и единственное из живых существ, скверно приспособленное к своей собственной общественной организации. В соответствии с учением Н.Тинбергена, агрессивность – это такая форма поведения, «в которой ставится цель устранить оппонента или, по крайней мере, изменить его поведения таким образом, чтобы он не докучал своими

---

³⁵ Тинберген Н. Мир серебристой чайки. М.: Мир. 1974. С.90-91

нападками»³⁶. Человеческий индивид, по мысли Тинбергена, подобен представителям многих видов животных тем, что он занят активной борьбой внутри собственного вида, но существенно разнится с ними тем, что его противостояние саморазрушительно, то есть для него же, в первую очередь, и губительно.

Главную причину и основной фактор, объясняющий человеческую внутривидовую глобальную агрессию Н.Тинберген усматривает либо в обороне, либо в необходимости расширения территории обитания. Одним словом – территориализм. «Этологи, – пишет Н.Тинберген, – склонны верить в то, что мы ещё несём на себе некоторое число поведенческих характеристик наших животных предков, которые не устраняются различными способами воспитания, и что наш групповой территориализм – одна из таких древних характеристик»³⁷.

Естественным в этой связи выглядит вопрос: а имеются ли какие-то существенные различия в человеческом территориальном поведении от территориального поведения животного? Согласно Тинбергену – по сути, нет. Вот его сравнительные аналогии: «Мы так же объединяемся в группы перед лицом внешней опасности; мы забываем при этом наши разногласия. Мы так же угрожаем жестами, например, демонстрируем гнев мимикой лица. И все мы так же пользуемся сигналами уверения и умиротворения, как и животные»³⁸. Более того, Тинберген не закрывает глаза и на негативные потенции, кроющиеся в массиве культурного генезиса человечества, а также угрозы, исходящие из его недр. Вот что замечает на сей счёт: «наша культурная эволюция, которая привела к дроблению нашего жизненного пространства по линии племён, наций и даже «блоков», могла, пожалуй, даже увеличить присущую нам тенденцию к групповому территориализму»³⁹.

Не то, чтобы Тинберген как-то вовсе бы дистанцировался высказаться и обсудить проблему социальных причин военных конфликтов – этого явления

---

³⁶ Там же. С.86

³⁷ Там же. С.86-87

³⁸ Там же. С.87

³⁹ Там же

«несдерживаемых массовых убийств». Он, в частности, подмечает такую из особенностей социокультурного влияния на распространение агрессии (правда, именно в негативном плане), что не всякому сразу и в голову придёт – это прогресс медицинской науки и практики. Казалось бы, что в этом можно усмотреть дурного? Однако Н.Тинберген подсказывает нам, что успех в сохранении медиками жизни и здоровья многим болезненным и страждущим имеет своим следствием наше грубое вторжение в естественные механизмы регулирования плотности человеческих популяций, что неминуемо повышает уровень агрессивности. Ещё одним из закономерных последствий культурного генезиса следует отнести, по Тинбергену, и совершенствование нашей способности в массовом порядке мастерить изощрённые орудия убийства, которые могут действовать на внушительном расстоянии и со всё возрастающей степенью точности. Мало того, сюда надлежит присовокупить и издревле налаженную сферу воспитания внутри человеческих популяций особого разряда индивидов – профессиональных воинов, наделённых идеологически «промытыми мозгами» и будто «зомбированных» по первому приказу бросаться на смертный бой с любым указанным властью врагом и расценивающих биологически естественный и адаптивный в подобного рода ситуациях тип поведения – бегство с поля боя – как трусость и бесчестие. Именно они, – «солдафоны» – согласно Н.Тинбергену, в первую очередь, и шествуют в авангарде реализации идеи по переделу и расширению жизненных пространств своих сообществ.

Представляется очевидным, что такое весьма своеобразное и «усечённое» понимание видным естествоиспытателем причин войн и межгосударственных конфликтов лишь в незначительной мере в состоянии поучаствовать в снабжении человечества правильным, взвешенным, научно обоснованным ответом на волнующий вопрос: а способна ли культура, в смысле соответствующего образования и воспитания, если уж и не положить конец, так, по крайней мере, поспособствовать минимизации агрессивности у человека? Николасу Тинбергену только приходится на сей счёт признать, что мы ещё очень далеки от выработки необходимого ответа по данному вопросу. По его мнению, несомненно лишь

одно, что «сдерживание агрессии может быть достигнуто исключительно с большим трудом, если вообще может быть когда-то достигнуто»⁴⁰. Такого рода пессимистичный вывод совершенно естественно вытекает из его предпосылки, что будучи биологическими в своей природной основе, а потому сходные, элементы поведения в состоянии однозначно детерминировать и идеологию и политику, в состоянии нивелировать все традиционные различия между оборонительными и захватническими войнами, да и вообще могут не только существенно девальвировать, но и буквально сводить на нет всю нам кажущуюся сложнейшей социальную проблематику войны и мира.

Таким образом, резюмируя всё вышеизложенное в данном параграфе, следует констатировать, что «иерархическая модель» Н.Тинбергена не просто во многом покоится на прежнем исследовательском и методологическом фундаменте лоренцевской «импульс-разрядной» доктрины объяснения агрессивного поведения, но и во многих своих отношениях не выходит за рамки общей «инстинктивистской» этологической парадигмы. Это в полной мере касается и территориальности агрессии, и её спонтанности, и самой схемы иерархии и взаимодействия управляющих инстинктами «центров». Но при этом надо заметить, что сама концепция «иерархии управляющих центров» явилась, без сомнения, значимой новацией в деле вскрытия сущности инстинктивного поведения животного. Как было указано, согласно его разработкам, инстинкт являет собой завершённую иерархическую организацию поведенческих актов, адекватно реагирующую на определённый раздражитель чётко скоординированным комплексом действий. А, значит, понять, на чём базируется эта координация и от каких внешних и внутренних факторов зависит эта строго выявляемая последовательность действий – задача чрезвычайной для этологии важности. И это тем более насущно, что и в самом деле случаи, когда животное продолжительное время занято каким-то только одним видом деятельности, является скорее исключением, чем правилом, что явно недооценивалось в рамках классически-лоренцевской модели толкования агрессивности.

---

⁴⁰ Там же. С.96

§4. Усовершенствование И.Эйбл-Эйбесфельдтом «импульс-разрядной модели» толкования человеческой агрессивности

Ещё одним, без преувеличения сказать, всемирно-известным, выдающимся этологом, для которого проблема агрессивности была центральной и профилирующей во всех его исследованиях, является ученик Конрада Лоренца – немецкий учёный Иренаус Эйбл-Эйбесфельдт. К своей книге «Этология: биология поведения» («Ethology: The biology of behavior», N.Y., 1970), кстати, он сделал такое посвящение: «Моему высоко чтимому учителю и другу д-ру Конраду Лоренцу с благодарностью». Он создал развёрнутую и оригинальную концепцию интерпретации агрессивности вообще и человеческой – в частности. Обойти её вниманием в свете рассматриваемой нами темы не представляется возможным. Она являет собой, с одной стороны, продолжение и развитие классически-этологической, то есть лоренцевской «импульс-разрядной», модели, а, с другой стороны, по нескольким пунктам её творческую ревизию. Но при этом, вне всякого сомнения, единящих эти две впечатляющие концепции пунктов несравненно больше, равно как и налицо безусловное принятие И.Эйбл-Эйбесфельдтом общей лоренцевской схемы толкования образцов агрессивного поведения. Одной из задач данного параграфа как раз и является проведение обстоятельного, не сказать – дотошного, сравнительного анализа этих двух наиболее влиятельных из всей этологии доктрин.

Наиболее ярко, развёрнуто и полно теоретическая модель объяснения проблемы агрессивного поведения нашла своё отражение в двух специально на ней сфокусированных работах Иренауса Эйбл-Эйбесфельдта «Любовь и ненависть: естественная история поведенческих образцов» («Love and hate: the natural history of behavior patterns». N.Y., 1972) и «Биология мира и войны: люди, животные, агрессия» («The biology of peace and war: men, animals, aggression». N.Y., 1979). Главу первую первой из означенных книг, названную «Очеловеченное животное – современная карикатура на человека» он начинает с искреннего сетования, что в истории человечества одна кровавая её глава сменяет

другую без какого-либо перерыва. И данная картина, по его словам, сохраняется неизменной и по настоящее время. Единственная лишь разница в том, что мы сейчас обладает ядерным оружием, и в случае войны рискуем скатиться к тому, чтобы полностью уничтожить себя. Мы подчинили себе силы природы, мы смогли одолеть эпидемии и стереть с лица земли в качестве добычи то зверьё, что когда-то угрожало нам. Теперь же мы сами, замечает он, для себя первейшие и величайшие враги, если не сумеем укротить свои агрессивные побуждения.

Иренаус Эйбл-Эйбесфельдт задаётся почти риторическим вопросом: но разве есть хоть малейшие перспективы сделать это? Направляемы ли мы неким врождённым агрессивным импульсом, благодаря которому вождение убивать в самом лучшем случае можно лишь сдерживать, но никогда полностью не устранить? И трагизм в том, подчёркивает он, что в последнее время именно это постоянно и подтверждается.

И.Эйбл-Эйбесфельдт приглашает нас к рассуждению на сей счёт: «Каины правят миром. И если кто-то сомневается в этом, – писал Леопольд Шонди в 1969 году, – то пусть почитает его историю». По его мнению, склонность к убийству наследственная всем людям, и он говорит о «каиновой тенденции» – том побудительном факторе, с которым все мы рождаемся. Роберт Ардри рисует схожий портрет рода человеческого.

Тот же самый тезис, кстати, будируется еженедельной и ежедневной прессой. Так, к примеру, журнал «Time» утверждает, что человек – «это один из самых агрессивных зверей на Земле, чьё фундаментальное качество в том, что он получает удовольствие от причинения боли и убийства других животных, включая своих братьев-людей... Гормоны побуждают его совокупляться со своими сёстрами и дочерьми, что, собственно, и другие животные обыкновенно делают. Но его мозг приказывает ему осуществлять бартерный обмен своими самками с незнакомцами для политических выгод... Он был бы рад прикончить и

своего отца, но этот его естественный импульс не без лукавства сдерживается. Дело в том, что однажды и ему предстоит стать отцом и состариться»⁴¹.

Другую свою книгу «Биология мира и войны: люди, животные, агрессия» Иренаус Эйбл-Эйбесфельдт начинает главой, сформулированной в виде вопроса «Неизбежна ли агрессия?», где он размышляет, собственно, о том же и замечает, что человека разрывают два амбивалентных чувства по отношению к своему собрату. С одной стороны, он ищет товарищеского отношения и дружеского общения, но, с другой стороны, он боится или даже ненавидит его. По словам Эйбл-Эйбесфельдта, человеческая индивидуальность вынужденно раскалывается: стоит ему задуматься, и он осознаёт напряжение, в котором он живёт; в мечтах он всё же видит себя, скорее, пребывающим в мире, нежели погибающим героической смертью, хотя последнее он чаще всего прославляет. Тем не менее, сокрушается он, до самого настоящего времени судьба наций всегда зависела от исхода тех или иных битв, а, согласно учебникам истории, именно войны были вехами в развитии человечества.

Но затем от сетований и общих, окрашенных в несколько мрачные тона, замечаний И.Эйбл-Эйбесфельдт обращает свою мысль в более практическую плоскость и пишет: «Рассматривая здесь различные аргументы в свете совсем недавно установленных фактов, мой основной интерес заключается в том, чтобы установить, является ли агрессивное поведение у животных и человека запрограммированным наследственными факторами, и если да, то каким образом. Для этого я полагаюсь на открытия из области этологии животных, физиологии, психологии развития, антропологии и собираюсь исследовать агрессивное поведение в самых разных культурах, в частности, его генезис у подрастающего поколения, изучить разного рода ситуации высвобождающих стимулов, а также различные образцы по контролю над агрессией. Я очень надеюсь на этом пути вскрыть как те мотивы, которые ведут к агрессивным конфликтам, так и те, которые лежат в основе их урегулирования. Я собрал данные наблюдений по всем

---

⁴¹ Irenäus Eibl-Eibesfeldt 1972. Love and hate: the natural history of behavior patterns. New York: Holt, Rinehart and Winston. P.1-2

этим вопросам на основе неоднократных экспедиций к индейцам яномамё верхнего Ориноко, бушменов Калахари (Ко, Г-Уи и Кунг), племени химба юго-западной Африки (Намибия), различных папуасских племён (кукукуку, войтапмин, медлапа, дариби, эйпо и биами), вальбири и пинтуби центральной Австралии, жителей Бали и др.»⁴²

Согласно И.Эйбл-Эйбесфельдту, сравнение процессов филогенетической и культурной адаптации обнаруживает поразительное сходство между ними обеими, что во многих случаях может быть рассмотрено как результат селективного давления, действующего в одном и том же направлении. Это становится особенно очевидным, по его мысли, если сравнить биологические и культурные образцы по контролю агрессии. «Есть много параллелей, – пишет он, – являющихся результатом их функционирования, скажем, между ритуализированной дуэлью у позвоночных и ритуализированным боевым единоборством у людей. Я полагаю, что как биологическое, так и культурное развитие подчиняется одним и тем же функциональным законам, и что в определённой степени культурная эволюция повторяет биологическую эволюцию на более высоком витке развития спирали. Если эта гипотеза верна, что я, собственно, и хочу доказать, то наше знание биологической эволюции даст нам возможность как определять своё место в культурной развитии, так и предсказывать сам его последующий ход»⁴³.

Так что аргументация выстраивается следующим образом: человек по самой своей природе склонен к убийству, но его разум и здравый рассудок позволяет ему обуздывать данные импульсы. Можно поэтому говорить о концепции «укрощённого зверя». Добро для человека при таком подходе – это культурные достижения, а зло – это последствия «тёмных» импульсов, контролировать которые он не в состоянии. Тут же, кстати говоря, И.Эйбл-Эйбесфельдт делает сноску, в которой поясняет, что обычно мы относим агрессивность именно ко «злу», а любовь, дружбу и всё то, что сближает людей, – к «добру». И это, в

---

⁴² Irenäus Eibl-Eibesfeldt 1979. The biology of peace and war: men, animals, aggression. New York:Viking Press. P.4-5

⁴³ Ibid. P.5

общем, верно, поскольку агрессивность, несмотря на её положительный вклад в дело сохранения вида (и в этом смысле являющаяся «добром»), несёт в себе тенденцию в сторону патологической дегенерации и тем ставит под угрозу наше существование. Однако мы зачастую бываем слишком агрессивны и куда реже – слишком дружелюбны.

Далее Иренаус Эйбл-Эйбесфельдт напоминает, что данный тезис об антисоциальной, «убийственной» природе человека отнюдь не нов. В своё время он был уже выдвинут английским философом Томасом Гоббсом (1588-1679), когда тот признавал у человека лишь стремление к самосохранению и жажду власти. Согласно Гоббсу войну всех против всех, которая является логическим следствием этих импульсов, можно прекратить только посредством абсолютной монархии, принуждающей людей против их воли к единению.

Но равно древней является и противоположная точка зрения, высказанная Жаном-Жаком Руссо (1712-1778), что человек по своему происхождению миролюбив и дружелюбен, а растлевается и становится агрессивным исключительно только благодаря цивилизации. Спор об «истинной» природе человека продолжается и по сей день, и нет недостатка в «адвокатах» данных противоположных точек зрения.

Со временем гоббсовский тезис в разных своих вариациях неоднократно возрождался. Именно в данном ключе, замечает Эйбл-Эйбесфельдт, Томас Хаксли в 1888 году использовал дарвинскую «борьбу за существование» как беспощадную схватку, при которой выживают «только самые сильные, самые быстрые и самые коварные». Он сравнивал мир животных с ареной гладиаторов: участники хорошо подготовлены, и на следующий день вновь отправляются в бой. Различие лишь в том, что зрителю нет необходимости опускать большой палец руки вниз. Для полноты картины и не забывая об оппонирующей точке зрения, Эйбл-Эйбесфельдт упоминает Петра Кропоткина, который, напротив, полагал, что взаимопомощь является ничуть не в меньшей степени естественным законом, нежели взаимная вражда. Он подчёркивал, что данный взгляд вполне можно отыскать и у Дарвина, но люди, по его мнению, отчего-то уделяют гораздо

больше внимания выхваченным отдельным дарвинским фразам, нежели его основным идеям.

«Современное чемпионство», как называет его Эйбл-Эйбесфельдт, в теории «очеловеченного зверя» держат на своих открытиях классическая этология и психоанализ. Обе эти школы установили, что человек имеет врождённый агрессивный импульс, но оба этих «чемпиона» дают этому факту, по его убеждению, несколько одностороннюю интерпретацию. Одни употребляют её для извинения и оправдания агрессивного поведения; другие же, хотя и отвергают этот весьма консервативный подход, тем не менее (и это довольно любопытно), не протестуя против неправильного использования поведенческих исследований, сберегают всю свою ярость в адрес науки этологии как таковой, как якобы ответственной за это злоупотребление. Вот как об этом пишет Эйбл-Эйбесфельдт: «Так Арно Плак обвиняет этологов в приверженности доктрины «всё есть борьба», в утверждении, что агрессивный импульс – это основной из импульсов всех живых существ, и в использовании доктрины антисоциальной природы человека для оправдания того, что культура базируется, мол, на насилии. Масса критических аргументов этому, собранных в книге Эшли Монтегю «Человек и агрессия», бьют всё в ту же цель. Любой в таком случае в праве допустить, что оба этих человека серьёзно полагают, что этология учит тому, что человеческая природа неизменна и что врождённый агрессивный импульс – это доминантный мотив всего человеческого поведения. Цель данной книги как раз и состоит в том, чтобы доказать несостоятельность подобного рода точек зрения»⁴⁴.

Позиция же самого И.Эйбл-Эйбесфельдта по данному вопросу в том, что если некоторый поведенческий образец или черта характера наследственны, то это вовсе не означает, что они не подлежат кондиционированию, и это вовсе не значит, что будет считаться неестественным то, что они всё ещё адаптивны, то бишь способствующие выживанию. Поведенческий образец по ходу истории развития вида может утратить свою первоначальную функцию. Так и сильный

---

⁴⁴ Irenäus Eibl-Eibesfeldt 1972. Love and hate: the natural history of behavior patterns. New York: Holt, Rinehart and Winston. P.3

агрессивный импульс, по мнению Эйбл-Эйбесфельдта, через посредство жестокой конкуренции среди различных человеческих групп когда-то мог стимулироваться интеллектуальным развитием человека и служить цели распространения людей по всей планете. Но вот сегодня невоздержанность в агрессивности может привести всех нас к тотальному самоистреблению. Каждый поэтому, как он замечает, должен не воспринимать агрессивность только безапелляционно и безоговорочно, – просто на том основании, что она врожденна – а прилагать все усилия, чтобы контролировать её. В конце концов, человек со всей своей биологической природой – всё же культурный вид, а это, в свою очередь, предполагает гораздо бóльшую адаптивность нашего вида, поскольку контролирующие образцы культуры сами способны быстро видоизменяться, как только этого требуют обстоятельства. Сегодня, по словам Эйбл-Эйбесфельдта, «мы находимся в поиске новых путей изучения, поскольку традиционные во многом кажутся уже устаревшими. И в этом русле этологическое исследование может помочь нам отыскать адекватные средства для постижения человеческой природы. Этология, как биологическая наука, исследует функционирование тех физиологических механизмов, которые влияют на поведение с тем, чтобы за счёт понимания этих функциональных структур мы могли бы быть способны устранять всякого рода их нарушения. В процессе этих исследований может стать ясным, что некоторые из филогенетических адаптаций (те, которые были приобретены в ходе развития вида) теперь уже сохраняются в качестве не более чем исторического баласта, который настолько же бесполезен и даже опасен для организма, как слепая кишка или аппендикс. Поведение так же имеет свои «аппендиксы»⁴⁵.

Базис для плаковского упрека, как подчёркивает Эйбл-Эйбесфельт, в том, что этологи в последнее время обращаются вновь к агрессивному импульсу. Это касается и Конрада Лоренца, на которого Плак особенно ссылается в связи с тем, что тот настойчиво говорит о «парламенте инстинктов», поясняя, что животное мотивировано различными системами импульсов, которые зачастую приходят в конфликт. Так что импульс агрессивности – лишь один из многих. Но поскольку

---

⁴⁵ Ibid. P.4

упрёк всё же был высказан, необходимо признать, по словам Эйбл-Эйбесфельдта, что предшествующие дискуссии по проблеме агрессивности по настоящий день включительно дали очень немного для понимания социального потенциала людей и животных. А вот именно в русле этой тенденции к социабельности, по его мысли, и кроется ключ к разгадке проблемы агрессивности: «Поэтому я предлагаю, – пишет он, – «говорить об определённых механизмах установления взаимных уз, – своего рода естественных оппонентах агрессии – на которых мы и можем выстраивать нашу надежду на будущее, не столь исполненное враждой. У высших позвоночных социальное отталкивание (агрессия) и социальное притяжение формируют функциональное единство, что, собственно, я и собираюсь здесь представить»⁴⁶.

Вкратце суть его основного тезиса в том, что и агрессивное, и альтруистическое поведение программированы соответствующими филогенетическими адаптациями, что, в свою очередь, предопределяет нормы нашей этической жизни. По его разумению, человеческий агрессивный импульс сбалансировано уравновешивается равно глубоко укоренёнными социальными тенденциями. При этом он делает немаловажную ремарку: и этим дружелюбным чертам нашего характера, без сомнения, тоже можно найти неверное употребление – всякий в состоянии представить ту опасность, что таит в себе чрезмерная лояльность к вождю. Но всё же, предлагает нам не забывать Эйбл-Эйбесфельдт, не только условия определённой окружающей среды программируют нас быть добрыми – мы добры по нашей естественной склонности.

Теперь от фиксации общих тезисов пора переходить к их конкретизации, выстраивания концептуальной схемы толкования феномена агрессивности Иренаусом Эйбл-Эйбесфельдтом, высвечивания логики его рассуждения и рассмотрению его аргументации. Для этого обратимся к главе 5 его книги «Любовь и ненависть: естественная история поведенческих образцов», так прямо и названной «Взгляд этолога на агрессию». Так вот в её параграфе

---

⁴⁶ Ibid.P.5

«Преимущества нетерпимости» И.Эйбл-Эйбесфельдт начинает с того, что он подтверждает свою исходную позицию для последующего анализа с констатации того, что животные подавляющего числа видов демонстрируют специфические образцы схваток, и человек в этом отношении – отнюдь не исключение. Напротив, вся его история – это и есть по преимуществу история насилия, а данная агрессивная черта характеризует и нынешнее время. Существует внутривидовая агрессивность, поскольку бесспорный факт, что животные того или иного вида, сражаются со своими «собратьями». Но существует также и агрессия между разными биологическими видами, скажем, хищник атакует свою жертву, а жертва даёт отпор хищнику. И эти два вида агрессии надо уметь отличать. Внутри и межвидовая агрессия, по Эйбл-Эйбесфельдту, задействуют разные моторные механизмы: как он отмечает, кот атакующий мышь, – это совсем не то же самое, нежели кот, атакующий своего соперника. Эти два фундаментально разных поведенческих образца можно активировать посредством электрической стимуляции совершенно разных областей мозга.

В этой связи есть смысл сделать одно замечание. Мы начали изложение теории И.Эйбл-Эйбесфельдта по проблеме агрессивности с указания того факта, что она, с одной стороны, являет собой по своей фундаментальной исследовательской базе, по своим методологическим подходам и выстраиваемым мировоззренческим акцентам продолжение и дальнейшую разработку классически-этологической, то есть лоренцевской, модели интерпретации агрессивного поведения, но, с другой стороны, мы не забыли подметить, что она есть в определённой степени и её модернизация и усовершенствование. И это уже заметно с самых первых шагов. С одной стороны, в требовании чёткой дифференциации внутри и межвидовой агрессии чувствуется «мастерская рука» Конрада Лоренца (достаточно вспомнить лоренцевскую параллель в объяснении разницы в мотивации охотника и воина с разницей между предназначением охотничьего ружья и боевой винтовки), но, с другой стороны, – и это очень важно – мы хорошо помним, что К.Лоренц настаивал, что подлинной агрессией можно считать только отношения, складывающиеся между представителями одного и

того же вида (или, по крайней мере, близкородственных). Так что получается, что Лоренцем вообще отметалась возможность существования подлинной межвидовой агрессии (как в этой связи забыть его почти «сакраментальную» фразу, что, мол, буйвол так же провоцирует агрессию льва, как аппетитная ветчина нашу). И это настолько ясно, где-то даже эстетически бесспорно, что Конраду Лоренцу в этом почти безоговорочно веришь, мысленно ставя себя на место льва и интуитивно понимая, что это, скорее, действительно азарт, чем агрессия. Но при этом Иренаус Эйбл-Эйбесфельдт убеждённо утверждает, что не только может быть межвидовая агрессия, но что она по факту есть. И тут уже начинаешь более вдумчиво, более осмысленно, не полагаясь только на интуицию, анализировать вопрос и к своему изумлению приходишь к выводу, что прав-то всё-таки оказывается Эйбл-Эйбесфельдт. Пусть это не так «эстетически-изящно», но в большей степени отражает реальные взаимоотношения видов земной фауны. Чтобы осознать, что бывает не только азарт у хищника перед атакой, а именно агрессия (и это невозможно спутать) достаточно вспомнить хотя бы волчий оскал перед нападением на жертву; а для того, чтобы понять, что может быть и ответная агрессия жертвы по отношению к атакующему, достаточно припомнить хорошо известный не только зоопсихологам, но и всем нам из нашей практической жизни, поскольку он стал уже нарицательным, так называемый феномен «зажатой в угол крысы».

Однако, оказывается, что есть не только люди, отрицающие само существование межвидовой агрессии (как тот же Конрад Лоренц), но есть, напротив, те, кто не видит особой разницы между межвидовой и внутривидовой агрессией. Вот что мы находим на сей счёт у И.Эйбл-Эйбесфельдта: «Мы подчёркиваем необходимость данного различения, поскольку внутри и межвидовую агрессию иной раз не критично отождествляют. К примеру, Й.З.Куо утверждал, что коты и мыши в природе вполне мирно уживаются друг с другом, из чего делал заключение о том, что, соответственно, и совместная жизнь, полная гармонии, вполне возможна и у людей. Р.Дарт предпринял попытку объяснить агрессивность современного человека на основе хищнического образа жизни его

австралопитековых предков. Эти архантропы, жившие где-то 1,7 миллионов лет назад, убивали своих жертв антилоповыми костями, и в этом, по Дарту, корень человеческой агрессивности. Роберт Ардри следует аргументации Дарта. Вот что они оба не берут в учёт, так это тот факт, что травоядные животные никак не более миролюбивы, нежели хищники. Буйволы атакуют других буйволов. Петухи так вообще являются символом агрессивности. Так что хищнический образ жизни никак не может быть предпосылкой развития внутривидовой агрессивности. И это поднимает вопрос о возможных селективных преимуществах агрессивного поведения. Крайне маловероятно, что агрессия – это всего лишь бесполезный побочный продукт других жизненных функций»⁴⁷.

Опровержение данной «сумятицы» в головах весьма простое. И в этом И.Эйбл-Эйбесфельдт, надо признать, вполне традиционен (в смысле классической этологии): он ссылается на хорошо изученный феномен территориальности и его эволюционно-биологическое значение. Вот его слова: «В своей классической работе «Территория в жизни птиц» Элиот Ховард уже дал на это ясный ответ. Он показал, что за счёт своего агрессивного поведения птицы семейства воробьиных огораживают пространственные зоны как свои территории, и которые они защищают от посягательства других членов своего вида. Обычно супружеская пара обороняет территорию совместно. И в результате этой нетерпимости соседние пары не гнездятся уж очень близко друг к другу, что весьма важно. Кроме всего прочего, члены одного и того же вида являются потребителями того же самого набора пищи, и в этом смысле являются друг для друга ярыми конкурентами. Агрессивность вынуждает животных сохранять нужную дистанцию и способствует тому, чтобы распределять представителей одного вида на большей территории. Более того, если животное не располагает своей территорией, у него не будет возможности оставить потомство. Так что территориальное поведение является ещё и важным механизмом популяционного контроля. Благодаря ему появляется возможность избежать перенаселения,

---

⁴⁷ Ibid. P. 63

особенно в том случае, когда налицо истощение предметов первой необходимости»⁴⁸.

Вдогонку этому Эйбл-Эйбесфельдт подтверждает ещё одно селективное преимущество схваток между соперниками. Оно в том, что подавляющее большинство самцов различных позвоночных бьются с представителями его биологического вида во время сезона спаривания. В итоге, самые сильные и самые здоровые отбираются для воспроизводства, и это особенно важно в тех случаях, когда именно самцы ответственны за защиту молодняка.

Это вроде бы ясно, но И.Эйбл-Эйбесфельдт не пытается упростить картину, а, напротив, старается представить её, по возможности, не однобоко, а многопланово и многоаспектно. И уже в следующем параграфе «Турниры» он сообщает читателю, что агрессивное поведение предоставляет для животного вида отнюдь не одни только преимущества. В схватке всегда есть опасность того, что тот или иной представитель вида будет ранен или убит, а это уж никак не способствует сохранению вида. Как отмечает Эйбл-Эйбесфельдт, если бы цихлиды, к примеру, регулярно в баталиях убивали своих соперников, то под вопросом был бы резерв поголовья их молодых самцов, поскольку некем было бы компенсировать ущерб, усугубляемый хищниками, несчастными случаями и тому подобное. Так что сохранить жизнь члену вида не менее значимо, нежели вступить с ним в бой. И у тех животных, которые способны причинить серьёзный ущерб своему оппоненту, конфликт, по мнению Эйбл-Эйбесфельдта, продуцируется под действием двух разно направленных видов селективного давления. Но тут возникает вопрос: как же будет разрешено это противоречие, в какую сторону будет движимо животное?

И.Эйбл-Эйбесфельдт отвечает на него так: «Самый простой путь для этого, определённо, был бы в том, чтобы быть агрессивности контрселективной в том смысле, чтобы экипированные смертоносным оружием соперники с лёгкостью убивали бы друг друга. Интересно, конечно, но это не выход из положения. А вот то, что мы действительно наблюдаем, так это то, что

---

⁴⁸ Ibid. P.64

сражающиеся животные чаще всего обладают очень хорошо развитыми и весьма сложными правилами ведения боя, что даёт им возможность борьбы без кровопролития»⁴⁹. Для подтверждения этого он приводит пример обитающих на Галапагосских островах морских игуан. Большую часть года эти рептилии совершенно толерантны друг другу, но в сезон спаривания каждый самец отмеряет несколько квадратных ярдов торчащих из моря камней своей территории, куда он допускает только нескольких самок, но тут же атакует любого из самцов, приближающегося к ней. Но, делая это, самцы-игуаны не наносят укусов друг другу, что немаловажно, поскольку они наделены очень острыми зубами и с лёгкостью могли бы нанести серьёзные увечья. Бескровное турнирное состязание ограничивается ритуализированными угрозами, представляющими собой весьма показательное и живописное действо. И, вообще, как подчёркивает И.Эйбл-Эйбесфельдт, именно бескровные «турниры» чрезвычайно широко распространены в царстве животных.

Он вспоминает в этой связи гремучих змей, многих птиц, рыб и млекопитающих, действующих в данной, ритуализированной, манере. Не забывает, однако, Эйбл-Эйбесфельдт указать собак с волками, которые несколько выпадают из этой общей схемы. Они после фазы предварительных угроз всё же вступают в схватку и наносят друг другу укусы, но по ходу их нанесения очень быстро определяется, кто одержал победу, а кто побит. Проигравший сразу находит спасение либо в бегстве, либо позами покорности и подчинения. Осуществляя это, «лузер» демонстративно катается спиной по земле и слегка мочится. Формально подобного рода поведение смахивает на повадки малого волчонка, когда тот подзывает свою мать для того, чтобы та его облизала и почистила, и потому вполне может быть интерпретировано как щенячий позыв. И в самом деле, чаще всего нападающая сторона, видя этот акт принижения, с атаки оборачивается на демонстрацию родительской заботы и насухо вылизывает проигравшего.

---

⁴⁹ Ibid. P.66

Однако целый ряд видов позвоночных – и об этом тоже забывать не следует – совершенно не имеет в своём распоряжении каких-то сдерживающих агрессию механизмов. Во-первых, это те животные, которые не располагают какого-либо рода опасными вооружениями, и, во-вторых, это те виды, у которых способность к бегству настолько хорошо развита, что после очень короткого боя они могут легко, в несколько прыжков, удалиться на безопасное для себя расстояние от своего противника. Так что по этой причине, замечает Эйбл-Эйбесфельдт, в эволюционировании особых средств сдерживания агрессии попросту не было необходимости.

Тут со своей стороны надлежит отметить, что данный раздел концептуальной схемы И.Эйбл-Эйбесфельдта практически полностью наследует лоренцевские разработки, касающиеся эволюционных сдерживателей агрессивности у тех биологических видов, которые наделены мощными естественными вооружениями и которые способны при помощи них убивать живое существо, примерно равного с ними размера. Отличие разве что в том, что К.Лоренц в отношении же тех «безобидных» видов, у которых нет подобного рода вооружения (а, значит, и эволюционных сдерживателей) проводил мысль дальше и «бил в набат», включая в данную модель и человека, подчёркивая, что этим чрезвычайно усугубляется его положение. Эйбл-Эйбесфельдт же, как явствует, от подобного рода страстных экстраполяций и далеко идущих выводов воздерживается.

Солидарен И.Эйбл-Эйбесфельдт с общей схемой классически-этологического толкования агрессивности и по следующему его важнейшему пункту – спонтанности агрессии. При этом он полагает, что агрессивное поведение вовсе так просто не высвобождается посредством специфических ключевых стимулов. То, что наблюдают этологи, это, скорее, то, что у тех животных, у которых долгое время отсутствовала потребность к схватке, стабильно и с гораздо большей готовностью возрастает склонность к бою, и всё это происходит на основе особых механизмов, специализирующихся на этом. Эти «драчливые» животные активно ищут высвобождающую стимульную ситуацию, которая позволила бы им, в конце концов, расстаться с этим накопившимся бойцовским импульсом.

Совершенно очевидно, что это не что иное, как уже упоминаемый нами феномен «аппетентного поведения». Тут Эйбл-Эйбесфельдт снова приводит пример с цихлидами (что, собственно, помнится и Лоренц делал) как весьма показательную его иллюстрацию.

Правда, И.Эйбл-Эйбесфельдт оговаривается, что физиологический процесс, лежащий в основе подобного рода возбуждения, пока ещё в деталях не изучен. Но при этом посредством электрической стимуляции мозга возможно добиваться высвобождения не только бойцовских повадок, но и того самого «аппетентного поведения». В этой связи он ссылается на эксперименты Холста и Сэнт-Пола, проведённые ими на цыплятах и белках. Указывает Эйбл-Эйбесфельдт также и на то, что можно вызывать совершенно не спровоцированное агрессивное поведение животных через искусственное введение им гормональных доз. В частности, после инъекции дозы тестостерона молодые индюки начинают ни с того ни с сего биться друг с другом. Более того, как он отмечает, есть проверенные сведения, что именно метаболизм катехоламина в центральной нервной системе играет ведущую роль в формировании готовности к агрессивным акциям. Но это опять-таки в самом общем виде, а не в деталях.

И.Эйбл-Эйбесфельдт выводит из всего этого, что сама система импульсов, лежащая в фундаменте агрессии, должна быть у животных именно врождённой. На этот счёт он вспоминает известные эксперименты Круйта с бойцовскими петухами. Круйт выводил и содержал их в изоляции. При этом, став взрослыми, все они бились друг с другом вполне типически-образцово. Более того, если не давать им возможности сражаться, они начинают атаковать свой собственный хвост или наносить удары шпорами по своей собственной тени, тем демонстрируя совершенно явные образцы и стандарты «аппетентного поведения».

Таким образом, мы можем утверждать, как отмечает Эйбл-Эйбесфельдт, что именно филогенетические адаптации и детерминируют агрессивное поведение у подавляющего числа видов позвоночных. Животные в них запрограммированы реагировать агрессивными поведенческими образцами в ответ на строго определённые сигналы. Активируемые видовые моторные паттерны тоже

выступают как наследственные в качестве жёстко фиксированных образцов действия. Причём бойцовское поведение отнюдь не всегда всецело реактивно. Те самые спонтанность и «аппетентное» поведение, демонстрируемые даже несоциализированными животными, уверенно, как он считает, ведут к предположению о существовании врождённых импульсных механизмов.

Так что гипотезы, заявляющие, что агрессия у животных – это нечто такое, что исключительно держится на научении, по убеждению И.Эйбл-Эйбесфельдта, не могут дольше восприниматься всерьёз. Конечно, это вовсе не значит, что научение абсолютно не играет никакой роли в развитии агрессивного поведения. Эйбл-Эйбесфельдт на этот счёт считает возможным ограничиться одним примером. Он упоминает эксперименты Скотта, в которых предельно ясно было показано, что можно сделать мышь чрезвычайно агрессивной посредством серии победоносных схваток. Груз тяжких поражений, напротив, заметно умиряет агрессивность.

Что касается агрессивности у людей, то существует широкая полемика о её природе у человека. Это касается даже того вопроса, повсеместно ли она распространена или нет. И.Эйбл-Эйбесфельдт, в частности, упоминает Иеронима Хельмута, кто оспаривал ту точку зрения, что агрессия – это универсальный феномен. Хельмут ссылался на эскимосов, индейцев зуни и бушменов Калахари, у которых, как он заявлял, агрессивные акты, мол, совершенно отсутствуют. На сей счёт Эйбл-Эйбесфельдт уточняет, что, по его мысли, Хельмут, по-видимому, имел в виду групповую агрессию, войны, а не агрессию как таковую. В противном случае, как замечает Эйбл-Эйбесфельдт, надо как-то объяснить тот факт, что мужчины-эскимосы не только устраивают друг с другом песенные дуэли, но и попросту бьют своих жён, или то, что у индейцев зуни чрезвычайно жестокие обряды посвящения. Так что, по словам Эйбл-Эйбесфельдта, оказывается, что акты агрессии – это неотъемлемая часть повседневной жизни тех народов, которые Хельмут представляет как всецело миролюбивые. В подтверждение этого, И.Эйбл-Эйбесфельдт приводит исследования Кнуда Расмуссена, который описывал шумные ссоры между мужьями и жёнами у тех же эскимосов. Согласно

Расмуссену, например, мужчина может избить жену за то, что та не наточила нож. Вскоре после этого он может побить камнями свою собаку, а в завершении всего может в гневе сломать тот самый нож, ставший причиной ссоры. По Расмуссену, эскимосы даже могут убить человека, если тот в неподходящий момент встретился на их пути и если за него не ожидается жестокого возмездия. Но вот сама идея войны, когда деревня идёт на деревню, а племя на племя, действительно неведома им. Относительно индейцев зуни И.Эйбл-Эйбесфельдт ссылается на П.Вейдкуна, который описывал случай, когда их женщины атаквали своих соперниц и побили их. Более того, по Вейдкуну, у тех же зуни людей, обвинённых в колдовстве, подвешивали за большие пальцы рук до тех пор, пока те ни сознавались. Что касается жестоких обрядов посвящения, то там карательные, одетые в маски «божества» во время церемонии нещадно избивали детей прутьями юкки.

Сам И.Эйбл-Эйбесфельдт вспоминает, что когда летом 1970 и весной 1971 годов жил с Ко бушменами близ Такатсваны (Калахари), то «был в высшей степени удивлён наблюдением столь многих актов агрессии среди них (толчков, пинков, ударов и т.п.) и особенно среди групп играющей ребятни. Случались даже эпизоды территориальной обороны. И при этом эти бушмены столь часто употребляются для иллюстрации факта миролюбивой природы охотников-собираателей. Данная неразбериха происходит из различного понимания термина «агрессивность». Антропологи зачастую используют слово «агрессивный» как синоним воинственный и имеют в виду в основном боевые действия в виде акта агрессии, в то время как этологи имеют дело с наблюдаемыми поведенческими образцами и обозначают как агрессивный любой поступок, ведущий к ранжированию и субординации»⁵⁰.

О зависти как возможном мотиве провоцирования агрессии И.Эйбл-Эйбесфельдт рассуждает в «Биологии мира и войны». Он отмечает, что особые формы так называемой «нормативно-сохранительной» агрессии имеют целью сглаживание слишком уж явных различий между членами группы. Это играет

---

⁵⁰ Ibid.P.73

чрезвычайно важную роль в условиях малых групп у примитивных народов. Тем, кто обладает нечто, чего лишены остальные, завидуют и подвергают агрессивному давлению, чтобы заставить их поделиться этим. «Зависть, – пишет Эйбл-Эйбесфельдт, – один из доминирующих мотивов бушменского сообщества. В этой связи стоит упомянуть о феномене атак «муру», как их описывают новозеландские маури. «Муру» на языке маури означает «гром». Эти атаки направлены против тех членов общины, которые якобы совершили преступление против неё. Обыкновенно это, конечно же, не более чем голословные обвинения. Всякий, обладающий нечто, чем можно поживиться, может ожидать пришествия «муру». Любое отклонение от норм повседневной жизни, любое выставление собственной индивидуальности, любой несчастный случай, приведший к временной нетрудоспособности одного из членов группы может оказаться достаточным, чтобы общине подвергнуть атаке «выскачку» и присвоить его личное имущество. Боле того, если жена какого-то человека совершила адюльтер, либо его ребёнок умер, либо его трава загорелась и стала угрожать месту захоронения усопших – всё это тоже вполне извинительные основания для предпринятия общиной рейда. И что интересно: жертва и не пытается хоть как-то защитить себя. В данном случае всё ограничится только причинением ему материального ущерба, причём после этого он будет гарантирован, что следующий рейд «муру» уже точно обойдёт его стороной. Более того, свободно позволяя общине грабить себя, он вполне может рассчитывать на участие в следующем «конфискационном» рейде. Таким образом, большая часть движимого имущества так и переходит из рук в руки, постепенно становясь общественной собственностью»⁵¹.

По Эйбл-Эйбесфельдту, определённно есть культурные различия в проявлении человеческой агрессии. Но суровая правда, как он отмечает, в том, что ни одна человеческая группа, напрочь лишённая какого-либо агрессивного поведения, так и не была произведена на свет. Её можно представить существующей,

---

⁵¹ Irenäus Eibl-Eibesfeldt 1979. The biology of peace and war: men, animals, aggression. New York: Viking Press. P.91

иронизирует он, где-нибудь в трудно доступном и хорошо защищённом месте, да и то только в качестве терпимого меньшинства в составе гораздо большего массива людей, кто решил устроить и может позволить себе эту довольно необычную протекцию. Но по факту агрессивность, т.е. склонность к агрессии, повсеместно распространена по миру. И, сдаётся, продолжает И.Эйбл-Эйбесфельдт, что и примитивные и культурно развитые народы фундаментально ничем не отличаются по своей агрессивной склонности. К примеру, по его словам, индейцы южно-американского влажного леса, папуасы или члены африканского племени, как правило, ничуть не более агрессивны представителей цивилизованных наций, и не так уж многих отличаются в способах выражения своей агрессии. Демонстрация угрозы средствами соответствующего орнамента, вооружений и мужественности выказывает те же базисные черты самых разных культур. Использование оперения, медвежьих шапок и тому подобное, замечает он, делает мужчин, это носящих, выше ростом, есть особые приёмы подчёркивания их мускул, запястий, а также визуального увеличения ширины их плеч. Мужчины принимают вид внутреннего спокойствия и усваивают для большего эффекта позу надменности. К тому же лицевые выражения угрозы и ярости так же идентичны во всех культурах. В частности, люди самых разных культурных зон в гневе топают ногами (возможно, в качестве ритуализированного намерения к атаке) и сжимают свои кулаки в раздражении.

Более того, как пишет Эйбл-Эйбесфельдт, «Широко распространено по миру также восхваление агрессии: в героических сагах ли, в форме ли символизации животных, таких как орёл, лев, медведь, петух и т.п., в форме армейских мундиров ли. Шрамы, полученные в бою, демонстрируются с гордостью. К примеру, вайкасы (индейцы влажного леса верхнего Ориноко) с большой осторожностью бреют волосы на голове, чтобы любому было хорошо видно шрамы на ней, полученные во время дубинных схваток. Равно, как в Австрии, Германии и Швейцарии иметь орнамент из шрамов от клинков на дуэлях – это тоже рассматривается как признак мужества и отваги. Национальные праздники также прославляют агрессивные исторические события. Храбрость повсеместно

воспринимается как добродетель, даже пацифистами. Так что сегодняшняя ширящаяся по миру тенденция наложить табу на агрессию представляется весьма новым, но вселяющим надежду, ходом развития. Он связан с ростом гуманизации сознания, и ему определён был дан толчок в свете современных военных технологий и перед лицом угрозы самоуничтожения»⁵².

У людей, равно как и у животных, агрессия ведёт к отгораживанию групп друг от друга, а внутри группы – к формированию социальной иерархии и ранговой упорядоченности. Территориальная агрессия способствует распространению людей по всей планете и своим результатом имеет наличие больших безлюдных территорий, поскольку наиболее агрессивные народы или те, которые обладают развитыми технологиями вооружений, вынуждают другие ютиться в анклавах. И это остаётся в силе, напоминает нам Эйбл-Эйбесфельдт, и в наше время: любому достаточно вспомнить поселения европейцев в Северной Америке или Австралии. В современные моральные стандарты подобного рода факты укладываются с трудом, но это отнюдь не говорит об их несостоятельности – достаточно взглянуть в тексты Ветхого Завета. А это, как мы помним, канонические христианские тексты, повествующие об исполнении воли Господней.

Многие характерные черты территориального поведения, по мысли И.Эйбл-Эйбесфельдта, указывают на их давнее приматное наследие. Он приводит пример фаллических статуй как территориальных пограничных маркеров, отгоняющих злые духи, что очень напоминает генитальную презентацию самцов обезьян, встающих на стражу по пограничным постам. Люди обороняют как индивидуальную территорию (включая личное имущество), так и территорию группы. Ко всему прочему каждый индивид демонстрирует явную тенденцию держать дистанцию с незнакомцем, за редким исключением особых обстоятельств (будучи в общественном транспорте, митинге и т.п.).

---

⁵² Irenäus Eibl-Eibesfeldt 1972. Love and hate: the natural history of behavior patterns. New York Holt, Rinehart and Winston. P.74-75

По мнению Эйбл-Эйбесфельдта, получение удовольствия как мотив агрессии также является универсальным. Понятно, что не всегда он может выражаться в форме шумных ссор, хотя пивные бары как излюбленное место перебранок, как он отмечает, – это достопримечательность отнюдь не только Тироля. Существует широчайшее разнообразие игр-единоборств, начиная, по словам Эйбл-Эйбесфельдта, от баварского пальцевого реслинга и кончая шахматами. Базовый принцип всех этих агрессивных экзерсисов – это повышение тонуса, это удовольствие от соперничества. Совершенно ясно, что благодаря им как раз и происходит разрядка агрессивных импульсов. И, напротив, накопление агрессивных импульсов сопровождается очень неприятным чувством внутреннего напряжения. Феномен аккумуляции агрессивности и снятие напряжения при её высвобождении – это то, как подчёркивает Эйбл-Эбесфельдт, что вполне фиксируется эмпирически, а не только то, что воспринимается чисто субъективно.

Из данной книги И.Эйбл-Эйбесфельдта мы узнаём, что уже упомянутое нами племя вайсаков (индейцев джунглей верхнего Ориноко), отличающееся чрезвычайной агрессивностью, разработало для себя целую системную градацию по выплеску своей агрессивности, чтобы при этом минимизировать вредоносные как индивидуальные, так и групповые последствия. На своих празднествах они устраивают ритуализированные баталии между хозяевами и гостями. Обычно они имеют форму своеобразного боксёрского поединка, когда соперники обмениваются ударами кулаков в грудь. Другой вид состязаний предполагает, что оппоненты крепко хлещут друг друга открытой стороной ладони. Гораздо более серьёзное противоборство изобретено вайсаками и предстаёт в виде дуэлей с длинными деревянными шестами: противники наносят ими друг другу удары по голове с такой силой, что наносят обоюдные немалые травмы. И при этом они чрезвычайно гордятся полученными во время этих единоборств шрамами.

Схожий обычай известен и у аборигенов центральной Австралии. Если там две женщины поспорили, они берут каждая по крепкой палке, занимают позицию лицом к лицу и поочерёдно подставляют друг другу голову для обоюдных ударов. Причём удары наносятся со всей силой. И данные баталии чаще всего

заканчиваются тем, что окружающие зрители присоединяются к той или иной из противоборствующих сторон по принципу «один за всех и все за одного». И, по-видимому, не без юмора замечает Эйбл-Эйбесфельдт, толщина кости черепной коробки этих аборигенов не доводит противоборство в этих стычках до фатального конца. Их же мужчины практикуются в ритуализированных дуэлях тыканьем своему оппоненту копьём в бедро.

Уже упомянутые эскимосы также отрегулировали свои конфликты бескровным, ритуализированным манером. Среди племён Сибири, Аляски, Баффинлэнда и северо-западной Гренландии противники устраивают борцовский поединок друг с другом. И что любопытно: изредка это даже приводит к смерти одного из участников. А вот, скажем, эскимосы арктического побережья от Гудзонского залива до Берингова пролива состязаются ударами друг друга по уху. В западной и восточной Гренландии, на Алеутских островах и на западной побережье Аляски существует обычай песенных дуэлей, но при которых оппоненты наносят-таки друг другу удары головой.

О ритуализации конфликта рассуждает И.Эйбл-Эйбесфельдт и в «Биологии мира и войны». Там он отмечает, что благодаря изобретению разного рода инструментов, которые могут быть использованы в качестве вооружений, человек превратился в потенциального убийцу. Под влиянием сильнейших эмоций он вполне может убить своего сородича, даже если тот ему очень близок. И как культурный ответ этой своей убийственной способности, человек параллельно развил и жёсткие правила применения оружия, в частности, правила проведения дуэлей. В этих случаях оружие применяется так, что минимизируется вероятность убийства одного оппонента другим, что переводит вооружённое столкновение, таким образом, в строго регламентированное состязание. Так, к примеру, у вальбири и других австралийских племён единоборства ограничиваются метанием деревянных дротиков друг в друга, целясь непременно только в ноги. Индейцы яномамё, как и вайкасы, действуя в соответствии со строгим ритуалом, обмениваются ударами длинными деревянными жердями по наклонённым гладко выбритым головам. Обычно, кроме рассечений, никакого более серьёзного

ущерба не происходит. И подобного рода примеров, подчёркивает Эйбл-Эйбесфельдт, полно по миру на самый изощёренный и привередливый вкус. Понятное дело, что для того, чтобы такого рода культурный контроль работал, обе противоборствующие стороны должны быть в курсе этих правил, и должны существовать определённые единящие узы между ними. Но именно этих-то условий как раз чаще всего и не бывает в случае конфликтов между разными этническими группами. Стоит отметить также, что нередко даже те группы, которые, казалось бы, имеют общее происхождение, выстраивают между собой такие разделительные барьеры, что ведут себя по отношению друг к другу воистину как пришельцы. Так что во всех этих случаях оружие применяется исключительно разрушительно.

Более того, в специально выделенном параграфе «Врождённые программы в человеческом агрессивном поведении» И.Эйбл-Эйбесфельдт анализирует высвобождающие агрессивный импульс факторы и указывает ещё два, дотолё не рассматриваемых. Это фактор боли и врождённое неприятие незнакомцев. Согласно Эйбл-Эйбесфельдту, даже у самых малых детей развито то, что при физической боли высвобождаются реакции бегства, защиты или контратаки. Так что, по его словам, это должно быть универсальным и филогенетически очень древним: боль как мощнейший агрессию высвобождающий стимул не только для животных, но и для человека. Вот что он об этом пишет: «Младенец, не научившийся ещё говорить, будет атаковать любого, кто попытается отнять у него что-либо или не даст то, что он желает. Мне не раз приходилось наблюдать в самых разных культурах, что младенцы начинают наносить удары своим матерям, когда те не дают им грудь немедленно или не предлагают им лакомый кусочек. Они также бурно протестуют, когда им мешают играть. Всякая помеха в приятном времяпрепровождении, всякое препятствие на пути к достижению какой-либо цели, всякий срыв в неисполнении желания – всё это сразу вызывает агрессию.

Причём реакция отнюдь не является ответным действием на какой-то один ключевой стимул, а на более сложный комплекс стимульной ситуации. Я

попытался описать это термином «ситуационное клише». Мы должны учитывать, что существуют особые детекторы (врождённые высвобождающие механизмы), настроенные на определённые ситуации, характеризующиеся определёнными образцами межличностных взаимоотношений и процессов»⁵³.

Что же касается нашей реакции на незнакомцев, то она, по словам Эйбл-Эйбесфельдта, заслуживает особого упоминания. Во всех культурах их встречают, мягко говоря, весьма сдержанно. И что любопытно: страх и неприятие незнакомцев, особо выделяет он это, развивается даже при отсутствии какого-либо негативного опыта в отношении их. Согласно Эйбл-Эйбесфельдту, трёхмесячный младенец приветливо улыбается всякому новому человеку, но уже в девять месяцев при виде незнакомца он замирает и вскоре начинает плакать. Ясно, что он испуган. По Эйбл-Эйбесфельдту, в процессе развития ребёнка этот страх незнакомцев со временем переходит уже в менее трусливое их неприятие, что, в итоге, может быть обозначено как явно выраженная агрессивная черта. Ребёнок будет активно противиться незнакомцу, ищущего контакт с ним уж слишком навязчиво. Незнакомец активизирует, по словам Эйбл-Эйбесфельдта, древнюю внутривидовую «агонистическую систему» (бегство и агрессию).

И.Эйбл-Эйбесфельдт рассказывает, что ему приходилось наблюдать неприятие незнакомцев даже у детей, от рождения глухих и слепых, у кого совершенно определённо не было никакого жизненного опыта подобного рода. Из этого он выводит, что страх и неприятие незнакомцев детерминируют нашу тенденцию формировать тесно сплочённые группы и реагировать агрессией на любую попытку с чьей-то стороны в неё проникнуть. Во всех подобных случаях незнакомцы активизируют не менее древнюю коллективную агрессию.

Причём чей-то непривычный взгляд, по мнению Эйбл-Эйбесфельдта, – отнюдь не единственный ключевой стимул данного реактивного образца. И соплеменник может быть носителем агрессию высвобождающего сигнала. Хорошо известно, к примеру, что чей-то пристальный взгляд воспринимается как

---

⁵³ Irenäus Eibl-Eibesfeldt 1979. The biology of peace and war: men, animals, aggression. New York: Viking Press. P.104-105

предвестник угрозы. Есть достаточные свидетельства того, что существует врождённое чувство угрозы, представленное быстрой реакцией на соответствующее выражение лица и позы тела. А поскольку незнакомец вызывает у ребёнка страх даже в том случае, когда он в высшей степени миролюбив и дружелюбно приближается к нему, значит, замечает Эйбл-Эйбесфельдт, должны существовать какие-то ещё в нас врождённые характеристики, которые таки и в этом случае активизируют нашу агонистическую систему, высвобождающую либо бегство, либо атаку, если критическое расстояние преодолено.

И вот что тоже любопытно: Иренаус Эйбл-Эйбесфельдт не пытается отгородиться, как бы не замечать при общем верховенстве, по его мнению, этологической концепции импульс-разрядной модели толкования агрессивности сильные доводы и оппонирующей стороны. А по существу только один, но зато действительно очень мощный. Он в том, что, по идее, разрядка этого самого импульса за счёт «отводных» средств должна приводить, в итоге, к заметному снижению проявлений агрессивного поведения. И это вроде бы действительно так. Но некоторые авторы подвергают сомнению, что активные игры, насилие по телевидению или, скажем, агрессивный юмор могут иметь напряжение снимающий эффект и утверждают, что они, напротив, скорее стимулируют агрессию. Ричард Сайпс, в частности, в своей попытке доказать несостоятельность теории «катарсиса» агрессивности настаивал, что если бы данная теория была верна, то бойцовские игры должны быть менее распространены среди воинственных народов, нежели миролюбивых, а в периоды войны, соответственно, практика агрессивных видов спорта должна неуклонно снижаться. Но, как он отмечает, ни одно из этих «ожиданий» жизнью не подтверждается. Как раз наоборот: на самом деле воинственные культуры в гораздо большей степени практикуют боевые виды спорта, нежели невоинственные, а, к примеру, в Соединённых Штатах Америки не было никакого сокращения в практике агрессивных видов спорта ни во время Второй мировой войны, ни во время корейской, ни во время вьетнамской войн.

Существуют приложения ритуализации человеческой агрессивности даже в ведении войны. В самых разных культурах были выработаны весьма специфические правила воинской чести и рыцарства. Один из элементов подобной ритуализации – это установленные признаки признания поражения. Понятно, что это предполагает немалую меру взаимного доверия. Победитель, к примеру, полагается на то, что проигравший будет соблюдать соглашение и не развяжет партизанскую войну, а проигравшая сторона, в свою очередь, должна быть уверена, что она не будет подвергаться террору и грабежу. Но по известным причинам могут быть основания и для взаимного недоверия враждующих сторон, усугубляемого обоюдным индивидуальным несоблюдением установленных правил и приводящего к деритуализации конфликта. Как это может быть – наглядно показала Вторая мировая война. Даже сегодня ещё то недоверие, которое было спровоцировано в прежние годы, продолжает блокировать набирающую силу тенденцию к объединению всего человечества. После того, как столько разного рода соглашений было попорно, люди не очень-то доверяют всяким договорам.

Оружие само по себе, согласно И.Эйбл-Эйбесфельдту, – это определённо крайне важный фактор для развития деструктивной агрессии. Техника вооружений смогла во многом провести и обойти наши врождённые запреты. Быстрый удар оружием способен устранить сородича ещё до того, как он успеет что-либо предпринять, чтобы как-то вызвать нашу милость соответствующими словами и жестами покорности. Это тем более вероятно, если убийство будет произведено с дистанции, скажем, применением лука и стрел. Это, кстати говоря, тоже идёт вполне в унисон развёртыванию лоренцевской модели. Но при этом мы должны ясно понимать, призывает нас Эйбл-Эйбесфельдт, что внутригрупповая агрессия, несмотря на всё наличие вооружений, редко становится уничтожительной. Но вот межгрупповая агрессия, то бишь война, – уже по самому своему существу сугубо деструктивна и должна, следовательно, по его словам, иметь совершенно иной базис. И как раз тут ключевую роль играет «культурное псевдовидообразование» – как он это величает. Тот факт, что какая-

то часть людей исключается из своей принадлежности роду человеческому, тут же переводит конфликт как бы на межвидовой уровень, а вот уже межвидовая агрессия, как выделяет Эйбл-Эйбесфельдт, как правило, деструктивна и в животном мире тоже. По его разумению, над биологическим нормативным «фильтром», сдерживающим деструктивную агрессию, у человека располагается культурный нормативный «фильтр», напротив, приказывающий нам убивать. Так что важный пункт, которые никогда не нужно упускать из вида, это то, что война на уничтожение – суть результат именно культурной эволюции.

Ничего не скажешь – верное замечание, с которым трудно не согласиться. Но при этом, справедливости ради, следует заметить, что по двум пунктам эйбл-эбесфельдтская модель здесь разнится с лоренцевской. Во-первых, как мы помним, один из принципиальных тезисов К.Лоренца тот, что у человека как безобидного существа, от природы напрочь лишённого естественных вооружений, эволюцией не было выработано вообще никаких биологических сдерживателей агрессии. И, во-вторых, как мы тоже помним, ещё один принципиальной важности тезис Лоренца в том, что межвидовая агрессия и вообще-то с большой «натяжкой» таковой может считаться и уж, во всяком случае, никогда не бывает уничтожительной. Я надеюсь, мы не успели забыть, что, по Лоренцу, последние львы вымрут куда быстрее, нежели забьют последнюю антилопу.

По словам И.Эйбл-Эйбесфельдта, вопрос, до сих пор остающийся открытым, заключается в том, способно ли человечество вырваться из этого процесса самоподкрепляющегося роста агрессивности или обречено пассивно продолжать покоряться ему? По его мнению, есть элементы в нашей мотивационной структуре, которые делают наше развитие в сторону миролюбия вполне возможными. К примеру, в межгрупповом конфликте, как он считает, отнюдь не все сдерживатели полностью элиминированы. Кроме этого, селективное давление, схожее с тем, что работает при внутривидовой агрессии у животных, может работать в качестве культурной ритуализации и при человеческой межгрупповой агрессии. Однако, как полагает Эйбл-Эйбесфельдт, существуют границы

автоматизмов в данном развитии. Не следует забывать, замечает он, что в мире животных конфликт целиком ритуализирован лишь в том случае, когда проигравшая сторона сбегает или когда достигается реализация ситуации «враг более не наличествует». Но в случае конфликтов между человеческими группами, не без сожаления напоминает Эйбл-Эйбесфельдт, это всё более и более перестаёт быть возможным, поскольку на нашей перенаселённой планете остаётся всё меньше и меньше мест, где потерпевшие поражение группы могли бы укрыться.

По мысли И.Эйбл-Эйбесфельдта, когда культурный нормативный «фильтр», располагающийся над биологическим нормативным «фильтром», входит с ним в противоречие, мы осознаём это, и эта дисгармония влечёт за собой наш внутренний дискомфорт. А поскольку наследственность, как он пишет, неподатлива и сопротивляется всякой модификации, мы просто вынуждены приводить биологический и культурный нормативный «фильтры» в режим соответствия. Мы, убеждён Эйбл-Эйбесфельдт, в состоянии подчинять культурные команды биологическим, поскольку совесть напоминает нам об их конфликте; совесть всегда будет конфликтовать с культурными приказами убивать. И если всеобщий мир, считает Эйбл-Эйбесфельдт, когда-нибудь будет установлен, он будет базироваться отнюдь не только на рационально-утилитарных основаниях, но и на гораздо более мощном фундаменте – на наших внутренних биологических нормах.

В частности, христианская норма «возлюбить врагов своих», по мысли И.Эйбл-Эйбесфельдта, может быть рассмотрена именно как попытка приспособить культурные нормы к биологическим. Она ясно высвечивает преференцию той самой внутривидовой биологической нормы «не убий!». По Эйбл-Эйбесфельдту, будучи врождённой, она согласуется одновременно и с нашими чувствами и с нашим рассудком, и мы, в общем, не оспариваем её. Есть также немалый рациональный резон, добавляет он, в обсуждении того, что разрушительные войны весьма вредоносны в отдалённой перспективе для рода человеческого. Более того, всё расширяющиеся средства коммуникации делают известную культурную норму «убей врагов своих!» всё менее и менее

поддерживаемой и исполнимой. Множащиеся личные контакты, пусть даже они и осуществляются не «в живую», а при помощи таких технических средств, как телефон и телевидение, тем не менее, обеспечивают понимание того, что иностранцы – всё же люди. Это только благодаря культуре мы порой описываем других как «недочеловеков», но это не может более продолжаться, как пишет Эйбл-Эйбесфельдт, «с чистой совестью». Именно посредством всё увеличивающихся контактов между самыми разными культурами солидарное чувство единства человечества всё больше находит понимание и распространение.

В продолжение в отдельном параграфе, названном «контроль за межгрупповой агрессией» И.Эйбл-Эйбесфельдт выражает надежду, что есть все признаки того, что человеческая межгрупповая агрессия может начать движение в направлении прекращения всякого кровопролития. Сейчас-то мы уже знаем, что это эти ожидания оказались несколько завышенными, но представлять доводы Эйбл-Эйбесфельдта на сей счёт положительно надо. По его мнению, данный процесс предлагает знаменательную параллель с ритуализацией агрессии в царстве животных: правила развиты так, чтобы оградить участвующие в военных акциях стороны от чрезмерных потерь. Они предписывают, как война должна начинаться, – через формальную декларацию – чтобы соперник не мог быть застигнут врасплох. Соглашения также регламентируют различие между участниками и неучастниками боевых действий. В частности, мирное население не подвергается атакам, а бой между вооружёнными противниками предусмотрен так, чтобы стать менее летальным за счёт воздерживания от использования наиболее смертоносных и разрушительных средств и, в особенности, от употребления тех из них, которые в связи с их деструктивной мощностью прописаны запрещёнными определёнными договорными рамками. Можно вспомнить в этой связи, указывает Эйбл-Эйбесфельдт, что племя дани в межгрупповых конфликтах использует неоперенные стрелы вместо оперённых, чтобы снизить число попаданий. Другие правила устанавливают, как надлежит сдаваться в плен и как

надлежит обращаться с пленными. Миротворчество, репарации и установление перемирия также регулируются конвенциями.

Так называемые «цивилизованные нации», обращает наше внимание И.Эйбл-Эйбесфельдт, являются отнюдь не первыми кто смог разработать альтернативные войне способы разрешения споров. Вот что мы узнаём из его «Биологии мира и войны»: среди австралийского племени мурнги ритуализированные боевые стычки организованы так, чтобы предотвратить конфликт от кровопролития и тем обеспечить твёрдый фундамент для будущего мира. Если группа понесла ущерб ранением или убийством своего члена от представителя другой группы, и прошло достаточно времени чувствам несколько утихнуть, то группа ищет сатисфакцию посланием виновной группе, где сообщается, что она готова к «макарате». Если оно принимается, то должным образом проводится схватка. Воины выкрашиваются в белый цвет и выстраиваются друг напротив друга, держа наготове свои копья. В качестве меры безопасности (на случай обострения стычки) обе стороны стараются быть поблизости к бушу, так сказать, прикрывая свой тыл. Группа, вызванная на дуэль, начинает ритуальный танец, адресованный своим оппонентам, вкупе с песнопениями, посвящёнными их тотемным предкам. Эта группа затем поворачивается и занимает свои исходные позиции. Другая сторона делает всё то же самое. Когда они обе заняли свои исходные позиции, схватка начинается. Дружки убийцы, поддерживающие его (но прямо не вовлечённые в то убийство) затем выдвигаются перед строем; каждый в сопровождении двух человек, кто имеет близких родственников из противничьей группы. Страх убийства кого-то из своих приятелей удерживает от бросков копий слишком уж отчаянно и безрассудно. Они же, в свою очередь, пытаются парировать те копья, которые летят в сторону тех, кому они предназначены. К тому же копья затуплены изъятием у них каменных наконечников. Удручённые члены вызвавшей группы начинают один за одним метать свои копья; те, кто чувствует себя особенно угнетённо, делает это многократно. В то время, когда одни члены группы швыряют копья, другие громко выкрикивают оскорбления в

адрес своих оппонентов; те же должны воздерживаться от ответа. Наконец, старейшины вызвавшего клана решают, что на этом достаточно.

А вот затем те, кто непосредственно был причастен к убийству, выходят на арену. И в них уже метаются копья, снабжённые их каменными наконечниками. Однако старейшины предупреждают метателей, чтобы они были осторожны и не лишали тех жизни. Старейшины противоположной стороны, разделяющие те же чувства – чтобы ситуация не вышла из-под контроля, говорят своим людям, чтобы те терпели обидные слова и никак не использовали их копья, поскольку их сторона неправая. Когда понёсшая потерю сторона, в результате, считает, что достаточно, обе группы устраивают друг перед другом пляски. Убийца же получает свой законный удар копьём в бедро, после чего дело считается закрытым. Поскольку он понёс наказание, то тем обратно вернул себе право без страха вступать на неприятельскую территорию⁵⁴.

Мы уже говорили, но стоит ещё раз напомнить, что, согласно классической этологической модели (а её И.Эйбл-Эйблсфельдт в общем и целом принимает), если у человека нет возможности выплеска его агрессивных эмоций, он ощущает наращивание своей агрессии. В своей повседневной жизни мы испытываем периодические флуктуации нашей готовности к агрессивным действиям. Это весьма заметно, когда мы бываем крайне раздражимы и по всем приметам готовы разгневаться без каких-либо явных провоцирующих обстоятельств. Это указывает на те импульсные механизмы, которые, по-видимому, схожи с теми, что лежат в основе агрессии у животных. К этому добавляется и зависимость от мужских половых гормонов, что также было изучено у животных. Ну, и также мы знаем о спонтанности неврологического проявления ярости. Эйбл-Эйбесфельдт отмечает, что у некоторых пациентов спонтанное «воспламенение» клеток в височной доле и в таламусе вызывало чувство ярости и несдерживаемого насилия. Фрейд, Адлер и Лоренц объясняли эту спонтанность агрессивности именно существованием врождённого агрессивного импульса, и, как признаётся Эйбл-Эйбесфельдт, очень многое говорит в пользу этой гипотезы. Она также очень хорошо объясняет нашу

---

⁵⁴ Ibid. P.204-205

удивительную готовность к коллективной агрессии. И, получается так, что чем меньше возможности у нас будет для выхода этого импульса в нашей повседневной жизни, тем с большей охотой мы будем откликаться на агрессию высвобождающие стимулы. А один из крайне эффективных высвобождающих стимулов – это действительная или мнимая угроза существованию того целого, к которому ты себя причисляешь. Она обнажает очень сильные эмоции, и за всю историю разного рода и «пошиба» демагоги очень хорошо усвоили, как и при помощи чего нужно возбуждать этот сорт массового энтузиазма и обуздывать его, когда надобность в нём пропадала.

Агрессивность также активизируется, когда в удовлетворении той или иной потребности отказано. Отталкиваясь от данного факта, который подтверждён многими экспериментами, Дж.Доллард развил гипотезу, согласно которой агрессия у людей возникает преимущественно на основе фрустрации. Но, возражая сторонникам фрустрационной гипотезы, Конрад Лоренц приводил печально известный факт, что всё позволяющее воспитание как раз и производит крайне агрессивных людей. А.Плак, отвечая на это, не нашёл ничего лучшего, чем заявить, что эти люди, значит, испытали горькое разочарование, когда их отнимали «от материнской титьки». Но в таком случае совершенно невозможно представить себе социализацию, гарантирующую воспитание без малейшей даже фрустрации, поскольку вполне можно испытать не только глубокое разочарование от необходимости прекращать кормление грудью, но и не меньшую фрустрацию вообще от необходимости родиться.

И тут Иренаус Эйбл-Эйбесфельд ставит перед собой очень непростой вопрос: а какие, собственно, следствия для социальной жизни человека влечёт за собой допущение о наличии врождённого агрессивного импульса? И даёт на него такой ответ: «определённо, раз и навсегда, все правительства в рамках человечества должны признать тот факт, что существует перманентная готовность у людей к агрессии, которая развивается вне зависимости от всех мер, принимаемых в области воспитания и образования. Чтобы упорядочить и дисциплинировать её, нет более надёжного средства, чем полностью исключить из человеческого

окружения все те стимулы, которые способны провоцировать акты агрессии. Мы знаем, что нет никакой необходимости в отводе подавленных агрессивных эмоций в форму человеческого противостояния. Даже солидарное выполнение общей задачи даёт возможность расхода агрессивных чувств. Является также вполне возможным культивация широкого спектра «безопасно-клапанных» обычаев, перенаправляющих человеческую агрессию, к примеру, разного рода игровых видов спорта. Все эти указанные меры контроля над агрессией возымеют действие только в том случае, если вкупе с этим на полную мощь будут задействованы и естественные оппоненты агрессивности. Без полной активации сил «либидо», как их называл Фрейд, впрячь в жёсткую узду агрессию не представляется возможным»⁵⁵.

Ну, и в завершении остаётся только привести сводную таблицу, которой Иренаус Эйбл-Эйбесфельдт заключает своё видение генезиса агрессивности в царстве животных и в мире человека, фокусируя основное внимание на образцах контроля над агрессией в обеих этих сферах. Данная таблица показывает, за счёт чего избегаются деструктивные конфликты в мире земной фауны и во внутригрупповых и межгрупповых отношениях *Homo sapiens*.

---

⁵⁵ Irenäus Eibl-Eibesfeldt 1972. Love and hate: the natural history of behavior patterns. New York: Holt, Rinehart and Winston. P.84

Животные	Человек
1. <i>Ритуализация стычек.</i> Схватке предшествует дуэль угроз; а сама схватка отнюдь не смертельна. В крайних случаях никакой физической пробы сил не происходит. Нам известно из сравнительных исследований, что это несмертельное дуэлянтство является следствием эволюционного развития из возможности серьёзного боестолкновения. 2. <i>Позы покорности и подчинения</i> дают возможность проигравшему прекратить схватку. Производя их, животное «отключает» весь свой арсенал боевых сигналов. В соответствии с принципом антитезисности, поведение животного тут является противоположностью угрожающего поведения – делая его меньше в размерах, к примеру. У высших позвоночных это производится вкупе с призывами к помощи в форме инфантильных сигналов. 3. <i>Вмешательство третьей стороны</i> имеет место у высших млекопитающих. Животные высокого ранга устрашают «спорщиков» угрозами. У некоторых видов они также усмиряют дружественными ритуалами (приветствием). Это приносит смену настроений; активизируется импульсная система, антагонистичная агрессии.	1. <i>Ритуализация стычек</i> по своему существу напоминает собой копию того, что представлено в мире животных, но у людей она одновременно и филогенетична, и культурна. Филогенетическая ритуализация детерминирует экспрессивное поведение (угрозы) и играет существенную роль во внутригрупповых конфликтах. Правила культурного контроля касаются вооружений. Они применяются как при внутригрупповых, так и при межгрупповых конфликтах, но в случае межгруппового конфликта (войны) ритуализация значительно менее развита. 2. <i>Поведенческие образцы покорности и подчинения</i> частью врожденны (надуть губы, плакать), частью культурно развиты (складывание на землю оружия). Призыв может быть вербализован. Прекращение контакта («разрыв») посредством ретирования, временного оставления группы или отказ от общения тут явно агрессивны, но вкупе с одновременным дистанцированием они вполне годятся для предотвращения конфликта. 3. <i>Вмешательство и посредничество третьей стороны</i> происходит как в случае внутригруппового, так и в случае межгруппового конфликта. Призывы к этому состоят, с одной стороны, в указании на наличие реально существующего или фиктивного родства (моральный призыв: неправо дело – братьям биться друг с другом), либо, с другой стороны, в указании ужасных ожидаемых последствий; ну, и если это не

действует, то употребляется и угроза. У детей бушменов Калахари агрессор наказывается более старшими подростками, а жертва агрессии утешается. Вмешательство авторитетного посредничества играет важную роль в разрешении внутригрупповых конфликтов, гораздо меньшую – в межгрупповых спорах, хотя в последнее время идёт существенное движение именно в этом направлении.

Мы видим действие культурно ново развитых форм разрешения конфликтов третьей стороной, когда выбирается авторитетная группа или авторитетный член в составе группы, который оказывает добрую услугу либо в выработке соглашения, либо в провозглашении того или иного решения, базирующегося или на основе общепризнанного употребления, или на основе кодифицированного закона. Усилия Генри Киссинджера от имени Соединённых Штатов Америки по установлению мира на Ближнем Востоке, равно как и попытки ООН действовать в качестве посредника между воюющими сторонами, – вот современные примеры этому. Во внутригрупповых отношениях авторитет закона и специально институализированные стражи порядка (полиция) призваны осуществлять эффективный контроль за проявлениями агрессии. Они также наделены полномочиями карать нарушителей спокойствия действием особых санкций. Сейчас налицо первые шаги в развитии межгрупповых (межгосударственных) отношений именно в этом направлении, хотя правовое обеспечение и полномочия исполнительной власти принуждать к миру пока ещё не достаточно хорошо проработаны. Тот простой факт, что на межгосударственном уровне общепризнанным является право на самооборону, свидетельствует,

4. *Формирование социального рангового порядка* делает поведение любого члена группы в данном социальном контексте предсказуемым для каждого члена группы. Это определённо предупреждает значительную часть трений и разногласий. Иногда заявляется, что агрессия тут спускается сверху вниз по ранговой пирамиде и, следовательно, либо истощается, либо – как раз наоборот – концентрируется на «козле отпущения», кто, таким образом, действует своего рода «громоотводом». Однако эти предположения не подтверждаются какими-либо установленными данными.

5. *Поведенческие образцы, указывающие на готовность дружеских контактов.* У общественных млекопитающих в их распоряжении целый арсенал таковых. Большинство берут своё начало из репертуара мать-младенческих сигналов, некоторые же исходят из сексуальных сигналов самок. Они обладают умиротворяющим действием, а также устанавливают или консолидируют дружеские связи между членами группы.

что с эволюционной точки зрения межгосударственные отношения всё ещё подарбитражны «примитивному» закону.

4. *Роль ранговой упорядоченности* схожа с той ролью, что и у общественных животных. Агрессия зачастую отвлекается на «козлов отпущения» либо на различного рода меньшинства, что укрепляет сплочённость групп.

5. *Связующие и примирительные образцы поведения* врожденны людям и, так же как у высших млекопитающих, большей своей частью происходят из материнско-младенческих поведенческих образцов. Культурная ритуализация появляется при вербализации зовов, которые при этом базисно остаются теми же самыми: они вербализуют инфантилизмы и заботу. Словесные дары, к примеру, даются в форме добрых пожеланий. Ритуалы приветствия при встрече и при празднествах показывают, что культурная ритуализация и филогенетическая адаптация структурно подогнаны друг к другу. Ритуалы приветствия и организация празднеств конструируются в соответствии с универсальными правилами, и их притягательность везде одинакова несмотря на то, что они выражены в разных формах. Обмен дарами играет очень важную роль как во

6. <i>Избегание провокаций</i> в группе, к примеру, за счёт устранения бой вызывающих сигналов – ещё одно средство предупреждения конфликтов. 7. <i>Развитие правил, которые предотвращают повреждение уз</i> между двумя членами группы за счёт задействования третьей стороны, к примеру, в случае киднепинга или соблазнения одного из супругов или детёныша. 8. <i>Реакция уклонения</i> (активация системы побега) также может быть использована для избегания конфликта. Эти образцы реакций представлены у животных гланым образом в качестве филогенетических адаптаций, хотя животные и научаются им как поведенческим образцам в	внутригрупповых, так и в межгрупповых отношениях. Во взаимоотношениях с другими группами он выражает стремление к миру, и неоднократно отмечалось, что торговля первоначально как обмен товарами и служила цели установлению связей. Всё это можно наблюдать среди ныне живущих племён, которые вступают в торговлю без какой-либо практической надобности в этом, поскольку все данные ресурсы есть у каждого племени, и их без особого труда при необходимости можно достать. 6. <i>Избегание провокаций</i> за счёт устранения агрессию высвобождающих стимулов может быть достигнуто, например, посредством отказа от оружия, которое обыкновенно уже более не носится гражданами в повседневной жизни. Выравнивание благосостояния за счёт перераспределения собственности также играет свою роль для внутреннего умиротворения как среди примитивных, так и среди развитых цивилизаций. 7. <i>Ограничение агрессии законом.</i> Установление власти закона для разрешения споров предполагает развитие правового поля, табуирующего агрессию. Этим предотвращается эскалация конфликтов и тем гарантируется сохранность собственности и территории. 8. <i>«Обрез» и уклонение</i> также играет важную роль в избегании конфликтов и у людей.

отношении своих партнёров, в зависимости от того, выше или ниже он по своему статусу.

9. *Безопасно-клапанные механизмы* способны осуществлять выплески агрессии без причинения ущерба группе.

10. *Попытки, предпринимаемые для предотвращения межгрупповых конфликтов* путём установления брачных связей для наведения перекрывающихся пограничных линий родства. Это один из нескольких способов сохранения каналов коммуникации открытыми и объединения групп в более крупные целостности.

11. *Сохранение возможностей контакта открытыми* между враждующими партиями, к примеру, посредством общих празднеств или за счёт позволения определённым персонам свободного передвижения в качестве посредников между ними (у индейцев яномамё, например, женщины преклонных лет могут беспрепятственно передвигаться между враждующими группами). Такие институты как «Красный Крест» и ООН выполняют схожие функции, но, конечно, на более высоком уровне развития цивилизации.

12. *Пробуждение гуманитарных чувств* вкуче с экономической и политической интеграцией как ещё один путь предотвращения конфликтов между группами. Их применение основано на выработанных в семье ценностях (братство); иначе говоря, происходит расширение семейного этоса. Во главе всего этого стоит, пожалуй, обучение миролюбию как сознательное отвержение всех агрессивных моделей.

Из всех перечисленных форм пове-

	дения, перечисленных выше, типически человеческими являются следующие: осознанное обучение миролюбию, развитие гражданского и международного законодательства, формирование более крупных групп за счёт расширения семейного этоса, а также избегание конфликта за счёт обмена брачных партнёров между различными группами. Другие способы разрешения конфликтов представлены в животном мире, но им придана специфически-человеческая форма благодаря культурной ритуализации – в частности, посредством вербализации. Это предполагает ритуализацию боестолкновения с использованием целого набора средств, которые консолидируют связи, снимают напряжение, способствуют солидарности группы, оставляют каналы коммуникации открытыми между противниками, что, в итоге, ведёт к урегулированию претензий воюющих сторон и к заключению мира между ними.

Заканчивая параграф, призванный дать развёрнутое представление концепции Иренауса Эйбл-Эйбесфельдта по интерпретации феномена агрессивности, остаётся лишь указать, что она являет собой, с одной стороны, продолжение и развитие классически-этологической, то есть лоренцевской «импульс-разрядной», модели, а, с другой стороны, по нескольким пунктам её творческую переработку. Во-первых, И.Эйбл-Эйбесфельдт обосновывает свой, несколько иной, взгляд на существо внутривидовой и межвидовой агрессии (если помним, Конрадом Лоренцем вообще отмечалась возможность существования подлинной межвидовой агрессии, И.Эйбл-Эйбесфельдт же настаивает, что не только может быть межвидовая агрессия, но что она по факту есть). Во-вторых, И.Эйбл-Эйбесфельдт не столь пессимистичен относительно перспектив вероятного развёртывания событий дальнейшего хода человеческой истории в контексте теоретических положений об отсутствии у нашего вида эволюционных

сдерживателей убийства себе подобного, что к тому же неизмеримо усугубляется бесспорным технологическим прогрессом по усовершенствованию искусственных вооружений в дальности и лёгкости убийства. Он в гораздо большей степени, чем Лоренц, уверен в потенциальной силе, могуществе и экспансии нормативных, принимаемых, по сути, всем мировым сообществом, превентивных мер и моральной ответственности по предотвращению взрывоопасных конфликтных ситуаций, а также перерастанию их в крупномасштабные военные действия. Немалую роль в этом деле играют и всё расширяющиеся и укрепляющиеся межэтнические, межнациональные, межрелигиозные и межкультурные связи, делающие всё более проблематичной, по мысли Эйбл-Эйбесфельдта, эксплуатацию навязываемого образа врага. И, в-третьих, И.Эйбл-Эйбесфельдтом проделана принципиально важная работа не просто по прослеживанию общей эволюционной родословной в генезисе агрессивности как одного из базовых поведенческих образцов у животных и человека, но и проведена определённая демаркирующая линия по вычленению специфически человеческого агрессивного поведения, а также специфически человеческих мер по его обуздыванию (что наглядно явствует из вышеприведённой сводной таблицы).

§5. Феномен животной и человеческой агрессии в исследовательских разработках современных российских этологов

Рассуждая о чрезвычайно значимой роли этологии в становлении и закреплении специфически научного подхода к проблематике изучения поведения человека вообще и форм его агрессии – в частности, было бы не целесообразно, не корректно да и не справедливо полностью обойти вниманием тот факт, что в последние два-три десятилетия самоопределилось, оформилось, «встало на ноги» и всё больше и больше заявляет о себе российское подразделение данной отрасли биологии. Мы отдавали должное и не забывали подчеркнуть в предыдущих параграфах, что ещё советской школой биологии были заложены традиции, созданы мощные школы, накоплен богатейший эмпирический материал, на основе которого создавались оригинальные теории, исследующие поведение животного (на основе инстинктивных образцов и образцов индивидуального научения) с соотнесением этого знания с поведением человека в рамках общей эволюционной доктрины. Но, честно говоря, было бы неверным воспринимать «когорту» современных российских этологов как наследников, как преемников той ещё советской школы биологии и тех теоретических построений, что были наработаны той указанной нами плеядой выдающихся советских учёных. Основанием тому была масса причин. Не последнюю роль, на мой взгляд, в этом сыграли привходящие факторы политического и идеологического характера. С конца 80-х и особенно с начала 90-х годов прошедшего столетия бóльшая часть бывшей советской интеллигенции самым активным и демонстративным образом каялась, низвергала и отрекалась от всего того, что хоть как-то было связано с марксистской идеологией. И, понятное дело, это касалось не только практики реализации идей марксизма, но и самой что ни есть фундаментальной теории (причём отнюдь не только в области политэкономии). При этом получалось из крайности в крайность: из почти «иконопочитаемого» учения в разряд самых «шельмуемых» и бичуемых (тогда, как говорится, не норовил пнуть марксизм разве что ленивый). И вот большинство ставших уже российскими биологов также дружно принялись отряхивать с себя прах поверженной идеологии и

освобождаться от её прежних «оков». Они стали себя явным образом позиционировать наследниками вовсе не прежней советской школы биологии во главе с академиком И.П.Павловым и его учениками, а западноевропейской школы этологии во главе с Конрадом Лоренцем и его последователями. Так сказать, в некотором роде поменяли своё научное «гражданство». Да даже и это было бы ничего, ни возникни престранный феномен: многие из современных российских этологов в своём стремлении «развенчать» марксизм и сбросить с себя его «путы», пошли значительно дальше своих новоизбранных авторитетов в деле «биологизации» толкования человеческого поведения, в деле низведения его по многим параметрам до уровня животного. Это в полной мере касается и человеческой агрессивности. Это не пустые слова – в дальнейшем мы это покажем.

Справедливости ради надлежит указать, что вышевысказанное лишь в очень малой степени относится к двум известным российским этологам – Елене Анатольевне Гороховской и Панову Евгению Николаевичу. Что касается Е.А.Гороховской, то она в своей книге «Этология: рождение научной дисциплины» выступает, скорее, как историк этологии, проведший большую и нужную работу по обобщению, упорядочиванию и систематизации того массива информации, что связан с самоопределением, становлением и периодам развития этологии как науки. Книга действительно информативна, поучительна, богата материалом как естественнонаучного, так и методологического характера. Единственно, что, пожалуй, можно высказать в плане критического замечания – так это то, что, наверное, всё же не стоило автору с таким увлечением и настойчивостью несколько, на мой взгляд, искусственно подгонять историю развития этологии под клише созданной Томасом Куном методологической схемы, описанной им в его книге «Структура научных революций». Отнюдь не всё в этой куновской схеме безупречно, чтобы ей пользоваться как общепринятым образцом для подражания. В её «прокрустово ложе» не очень-то хорошо втискивается даже история физики, так что проделать нечто подобное с историей биологии выглядят, по моему разумению, по меньшей мере, натянуто. Что же

касается позиции Е.Н.Панова о роли этологии в изучении поведения вообще и агрессивности в частности, то я счёл более уместным проанализировать его три работы «Этология: её истоки, становление и место в исследовании поведения», «Поведение животных и этологическая структура популяций» и в особенности – «Бегство от одиночества» в первых трёх параграфах третьей главы настоящего диссертационного исследования.

Если мои критические слова о радикальном нигилизме в адрес марксистской антропологической концепции и, напротив, в попытке в деле «биологизации» поведения человека, так сказать, «переплюнуть» всемирно-известных учёных – основателей и разработчиков науки этологии лишь в очень малой степени относятся к Е.А.Гороховской и Е.Н.Панову, то слова эти самым прямым и непосредственным образом касаются Виктора Рафаэлевича Дольника, Анатолия Ильича Протопопова и Алексея Викторовича Вязовского. Я обещал показать, что это вовсе не голословное заявление, к чему сейчас и приступаю. С агрессивностью, кстати, там прямая связь наличествует тоже.

Так вот Виктор Рафаэлевич Дольник, будучи доктором биологических наук, профессором, главным научным сотрудником Зоологического института РАН, а также вице-президентом Российского орнитологического общества, почётным членом орнитологических обществ США, Германии, Нидерландов, очень любопытно раскрылся и представил публике своеобразное научное эссе с весьма красноречивым названием – «Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев», вышедшее в свет в журнале «Природа» в первых трёх номерах за 1993 год. Обществоведы в прошлом веке часто говорили о непомерной и совершенно вызывающей экспансии биологии в сферу социально-гуманитарного знания. Так вот это именно тот случай.

Своё научное эссе В.Р.Дольник начинает с констатации того факта, что ещё античные мудрецы-философы осознали, что по крупице мироздания вполне можно строить верные умозаключения о всей его полноте. Или, как ещё говорят, «в капле воды можно увидеть океан». Проницательный разум, изолированный от всего мира, погружаясь только в себя, в состоянии открыть многое. Но всё же

несравненно проще прекратить изоляцию и окунуться в мир. И, соответственно, «слабое звено» многих дисциплин, изучающих человека – их заикленность на одном объекте, одном зоологическом виде, в то время как на Земле пребывает десятки миллионов видов живых существ, и все они очень не похожи друг на друга. При этом кто-то из них (к примеру, человекообразные обезьяны) схожи с нами по близкому генетическому родству: 95% генома ДНК у шимпанзе и *Homo sapiens* идентичны. Остальные 5% несоответствия являются результатом параллельной эволюции в продолжение последних десяти миллионов лет. Другая часть – по причине независимого с нами развития изначально схожих наследственных программ, третьи – за счёт конвергенции, то бишь в схожих природных условиях и для схожих целей у нас и у них эволюционно сформировались сходные адаптации, но их генетический базис был разный.

Своё непрошенное вторжение в чужие сады В.Р.Дольник начинает, что, собственно, и логично, со своего видения целей и задач этологии. Он указывает, что «этология – наука об инстинктивном (врождённом, имеющем в основе генетические программы) поведении животных. Сила этологии – в знании поведения огромного числа разных видов животных. Человек для этологии – один из видов: многие особенности его поведения, кажущиеся другим уникальными или загадочными, не выглядят такими, если знаешь целый букет сходных и родственных образцов поведения других видов. Причём оказывается, что врождённую мотивацию своего поведения человек, как правило, не чувствует (ему кажется, что он сам так решил, так хочет, так надо), а объясняет обычно путано и неверно»⁵⁶.

Вот ведь незадача: а как, спрашивается, надо, чтобы было не путано и верно? Надо полагать, как предлагают этологи. Проблема при этом: дефиниция эта существенно зауживает смысловое содержание и сферу приложения этологии, поскольку из неё выпадает целый пласт образцов поведения, которые являются результатом индивидуального научения. Что же получается, что этологов

---

⁵⁶ Дольник В.Р. Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев // Природа», 1993, №1. С.73

совершенно не интересуется данный тип животного поведения? И этот подход предлагают использовать применительно к анализу поведения человека. Но это странно, однако, ибо этологи первой волны, так сказать, её «отцы-основатели» – К.Лоренц, Н.Тинберген и И.Эйбл-Эйбесфельдт – как мы помним, не только не игнорировали его и не только не дистанцировались от него, а, напротив, всячески подчёркивали (возможно, памятуя о возможных претензиях со стороны не только гуманитариев в редукционизме и непозволительном упрощении) взаимозависимость и взаимовлияние базиса генетических программ и условий окружающей среды в становлении адаптивных образцов поведения как синтеза инстинкта и индивидуального научения. Так что в этом некоторые российские этологи действительно, как мы видим, в своём стремлении порвать прежние марксистские идеологические догмы пытались даже в какой-то мере «перещеголять» классиков этологии. И это тем более странно, поскольку творили они чуть ли не через полстолетия позже этологов той самой «первой волны», и уже стали известными исследования, обнаружившие, что даже у общественных насекомых (к примеру, муравьёв, термитов, ос, пчёл) вполне вероятно есть процесс индивидуального научения. Более того, было обнаружено, что они способны передавать свой этот индивидуальный опыт другим членам популяции. А наши отечественные этологи, видишь ли, всё продолжают твердить об этологии как о науке, изучающей лишь инстинктивное, то бишь врождённое, поведение.

Нас в рамках данного диссертационного исследования данное научное эссе В.Р.Дольника интересно ещё и тем, что в нём он, надо признать, весьма наглядно и стилистически умело проводит экстраполяцию накопленного обширного эмпирического материала и методологии этологической науки в сферу социальной антропологии, концентрируясь именно на проблеме агрессивности. И в этом непростом деле, следует констатировать, он в основном, безусловно, опирается на концептуальные разработки и фактуальный багаж классической этологии, но при этом, как было уже отмечено, в проведении «биологизаторской» линии пытается даже в чём-то «переплюнуть» классиков.

Правда, справедливости ради надлежит отметить, что это не касается самого

термина агрессивности. В этом отношении В.Р.Дольник вполне классически традиционен. Он указывает, что в обывательском стереотипе агрессию, скорее всего, усматривают в нападении, при этом чаще всего в неоправданном, несправедливом нападении. В этологической же науке, подчёркивает он, понятие агрессивности непременно предполагает злобу, злость, ярость, ненависть. Причём вне всякой окрашенности – ни негативной, ни позитивной. Он в этом смысле – нейтральный феномен. И это, в общем, правильно. Верно и то, что в этологической интерпретации он оценочно нейтрален, и то, что агрессия и агрессивность – не совсем одно и то же. Агрессивность в этологии – это врождённое, биологически детерминированное чувство, а агрессия – это фаза воплощения в конкретном поведенческом акте агрессивности, это не что иное, как реализуемая агрессивность. Так что это не совсем синонимы, хотя многие именно так и считают.

Что касается наследования В.Р.Дольником уже сформированного багажа этологии, то в данном случае это проявляется в том, что он исходит из классически-этологического взгляда на природу агрессивного поведения и солидаризуется с ним в плане толкования межвидовой и внутривидовой агрессии, её врождённости, её территориальности, её спонтанности, её кумулятивного накопления и разрядности, её ритуализации и её увязки с наличием или отсутствием эволюционных сдерживателей, препятствующих убийству представителей одного вида. Как мы помним, по Лоренцу, у животных видов, обладающих мощными естественными вооружениями эволюцией были выработаны такие сдерживатели, а у «миролюбивых» видов такого рода эволюционной надобности не было. В этом отношении В.Р.Дольник пишет, что «сильные вооружения – сильная мораль, слабые вооружения – слабая мораль»⁵⁷. Вполне согласен В.Р.Дольник с К.Лоренцем и в том, что эволюция искусственных вооружения у человека перевернула всё «с ног на голову» и создала уникальный для всей истории жизни курьёз, наделив, так сказать, голубя, не имеющего эволюционных сдерживателей убийства себе подобного клювом ворона, у

---

⁵⁷ Там же. С.80

которого такие сдерживатели есть. Идёт В.Р.Дольник в русле классической этологии и в том, что касается переадресованной агрессии, иерархичности и доминатности в структуре популяций животных особей.

Чтобы показать, как может проходить экстраполяция выработанных на базе эмпирии земной фауны методологических принципов в царство человека, приведу лишь некоторые зарисовки, сделанные талантливой рукой В.Р.Дольника. Но на мой пристрастный взгляд, страдающие всё же изрядной долей натяжки и неубедительности. В этом не трудно убедиться, заглянув во вторую часть его научного эссе. Начинается всё вроде бы этологически «буднично», то бишь автор только лишь «подкрадывается» к заветному саду. Выяснилось, что гориллы эволюционно выстроили то, что может быть названо «патриархальной автократией», то есть когда главенствует старший самец и управляет самочинно. Высшим рангом обладает самый старший, седоспинный, самец. Остальным самцам, которых немного и которые значительно менее великовозрастны, остаётся довольствоваться образованием меж собой простого иерархического соподчинения. Каких-то особенно приятельских альянсов среди них, как правило, не бывает, так что к коллективному противостоянию с иерархом они явно не готовы. Седоспинный самец периодически реализует свой статус, принуждая низших рангом уступать ему лакомые куски, полагающиеся его по статусу, и демонстрировать иные знаки почитания. Стабильность групповой иерархии поддерживать относительно не сложно, и до стычек дело редко когда доходит. Доминантному самцу достаточно ограничиться в случае необходимости грозной мимикой и жестами. Иной раз, правда, приходится, приняв позу угрозы и приблизиться к проштрафившемуся. Тот сразу же принимает подчинённое положение, а «патриарх» назидательно похлопывает его по спине, символизируя тем самым ритуальность наказания.

В дополнение к приобщению нас к этой «благостной» зарисовке В.Р.Дольник предлагает нам согласиться, что подобного рода отношения встречаются довольно часто и у людей. Они вероятны в больших патриархальных семьях или в маленьких конторах, но моделью горилл спектр людских иерархических систем

отнюдь не исчерпывается. Более того, становится абсолютно очевидным, что на данной основе сколь-нибудь комплексную организационную структуру не выстроишь. А посему специалисты-зоологи пришли к решению сосредоточить внимание пусть и не на столь близких к нам по родству видах, но зато живущих в природных условиях, схожих с теми, что окружали наших предков, обитавших в те давние времена в африканской саванне. Ясно, что в условиях саванны перешедшим к наземному образу жизни обезьянам без сложной социальной организации просто было не выжить. Мощных вооружений для надёжного отпора, скажем, леопарду, льву и гиеновым собакам нет, а бегают приматы значительно медленнее их. А низкой обезьяньей плодовитостью объясняется невозможность их «уплаты» хищным видам сколь-нибудь большой дани. Но вот нашёлся и достойный адресат для сравнительного анализа человеческой и обезьяньей социальной организации – это собакоголовые приматы. Ведущие наземный образ жизни собакоголовые приматы – павианы, бабуины, гамадрилы – так же как жили, так и живут в условиях саванны. «А, значит, – отмечает В.Р.Дольник, – сходные с нашими дальними предками условия, по идее, должны были стимулировать к выработке схожие адаптации и поведенческие образцы»⁵⁸.

В.Р.Дольник сообщает нам, что, к примеру, анубисы формируют союз одноранговых самцов. У собакоголовых обезьян, организованных в крупные группы, борьба за достижение иерархического ранга, а, соответственно, вместе с ним и за сексуальный контакт с самками, предстаёт едва ли не самой главной заботой в жизни самца. Борьбу эту приходится вести весьма упорно, с периодическими суровыми стычками, а поражение в ней равнозначно постоянному унижению, страху, необходимости лишаться в пользу доминанта самых лакомых кусков. Нелегка доля неудачника: стоящий на позиции более низкого ранга павиан находится в ситуации перманентного стресса, чаще болеет, меньше живёт. Как пишет В.Р.Дольник, обитающим в Африке павианам «открылся» следующий секрет: оказывается, более агрессивный и сильный самец может быть понижен рангом, если отыскать для этого предприятия сотоварища,

---

⁵⁸ Там же. С.74

такого же слабого, но озабоченного тем же. А ежели попытаться сколотить альянс не с одним, а с несколькими самцами, то можно посягать на особь ещё выше рангом. Чтобы образовать необходимый союз одному самцу приходится обхаживать другого и стараться воздерживаться с ним от конфликтов. Да вот незадача: молодым самцам, занимающим низкий статус, создать эти альянсы прочными редко когда получается, поскольку они трусливы и чаще всего расположены предавать друг дружку, когда, наконец-то, дело доходит до реального столкновения с самцом более высокого ранга. Особенно если этот высокоранговый самец сам имеет союзника. Но рано или поздно какой-то части молодых самцов удаётся всё-таки создать более или менее прочный альянс, и тогда они в самом деле могут осуществить свержение самцов более высокого статуса. Обыкновенно павианье стадо формирует иерархическую пирамидальную структуру по возрастному признаку. Однако сколачиваемые альянсы способны трансформировать и изменить её за счёт «революции снизу».

В.Р.Дольник напоминает нам, что образовывать иерархическую пирамиду по возрастному признаку, безусловно, является свойственным и *Homo sapiens*. В частности, в традиционных сообществах возрастная иерархия чтится и соблюдается неукоснительно и строго. Но и «сколачивание» союзов подчинёнными для цели свалить с пьедестала доминанта, как отмечает он, – тоже дело не сказать, чтоб экстраординарное, весьма знакомое спокон веку до нынешних времён. Вот как об этом отзывается В.Р.Дольник: «У людей эти союзы тоже неустойчивые, сравнительно легко разрушаемые. Предательство вчерашнего союзника – норма поведения политиков. Иначе не сохранилась бы тысячи лет римская поговорка «разделяй и властвуй». Конечно, до идеи объединения с целью свержения угнетателей и захвата их положения можно дойти путём интеллектуальных раздумий или компьютерных моделей, не прибегая к инстинкту. Но инстинкт этот в нас сидит и готов действовать как по велению рассудка, так и вопреки ему»⁵⁹.

Непозволительно тут сваливает в кучу В.Р.Дольник и физиологический

---

⁵⁹ Там же. С.75

процесс взросления, и процесс социализации, и инстинкт, и осознанный поступок, а также жизнь человеческую и жизнь животную. А точнее даже так – общественную жизнь человеческую и социальную жизнь животную. Человеческие союзы (как по поддержанию власти, так и создающиеся для её свержения) и организуются на совершенно иных основаниях и мотивах, и крепятся на совершенно иной основе (договорной по принципу консенсуса интересов, пусть даже и временного) и рушатся по совершенно иным причинам, чем, pardon, союзы собакоголовых (не сказать – тупоголовых) обезьян. Не прав также В.Р.Дольник, когда утверждает, что в традиционных человеческих обществах сколачивание союзов молодняка с целью свержения с пьедестала старейшин – дело, мол, обычное, привычное, почти рядовое. Это сущий вздор. Будь это правдой, то социокультурная фаза наличия этих самых традиционных человеческих обществ (как исторически бывших, так и ныне существующих) не исчислялась бы десятками тысяч лет, а пресекалась бы одним, от силы – несколькими поколениями. Да и сам термин «традиционный» применительно к этим обществам напрочь был бы дискредитирован и полностью бы обесмысливался. Да и мы бы, поди, сейчас не сидели бы, не рассуждали: человечество сейчас было бы в каком-то ином своём статусе – скорее всего, больше похожем на обезьяний.

Павианья же социальная иерархическая структура, продолжает В.Р.Дольник, – геронтократия. Взглянем, кто же венчает павианью пирамиду. Может, патриарх-самец с седым загривком? Вовсе нет. Тут на пьедестале расположились сразу несколько иерархов. Их обоюдные отношения как дружеские назвать сложно, особенным доверием тоже не похвастаешься, но при этом и открытая враждебность отсутствует. В былые юношеские годы они всё друг относительно друга для себя решили: вели долгую и упорную борьбу за достижение каждой иерархической ступени в своём возрастном «кластере» и давно уже поняли, что меж собой ничего не уступят. Сформировав альянс, они вели коллективную борьбу за захват каждой иерархическую ступени в своей популяции. Те их сверстники, кто был менее настырен и менее организован давно уже стинули, и

от стресса – в том числе. И вот сейчас их триумф – они на вершине власти. С каждым годом их становится всё меньше. Теперь основная проблема на всё оставшееся время – сдерживать натиск субдоминантов, коих, напротив, с каждым годом становится всё больше, они всё больше набирают силу и всё с большей решительностью пытаются вытеснить их с верхней ступени иерархии. Ясно, что ни один из геронтов не сможет в одиночку удержать своей власти, так что они держатся за неё совместными усилиями.

Это правда, что групповому доминированию старших по возрастной структуре этологи присвоили термин «геронтология», т.е. власть старейшин. Но и тут опять же В.Р.Дольник не забывает связать одной смысловой «ниточкой» человека и приматов, специально выделяя, что геронтократия очень хорошо знакома и людям, причём как модель формирования небольших групп, так и определять правление в государстве. Вот как он высказывается на сей счёт: «Обычно геронтократия возникает, когда официальный лидер не уверен в себе и боится более молодых. Подтягивая к себе таких же старых и не уверенных в себе, как он сам, и делясь с ними властью, он формирует старческую верхушку, для которой страх потерять власть перевешивает стремление править единолично. В обычной жизни поведение геронтов может казаться нам очень продуманным и хитроумным. В действительности же это – хитрость инстинкта. Доверившись ей, некоторым удавалось сохранять власть, даже будучи в состоянии старческого маразма»⁶⁰.

И тут В.Р.Дольник смешивает «карты»: будучи по своему мировоззрению и своим убеждениям человеком либеральных и демократических взглядов, чтящим западноевропейскую и североамериканскую систему политических и нравственных ценностей, он не может удержаться от проведения саркастической (не сказать – ёрнической) параллели между павианьей возрастной иерархией и нашей бывшей советской политической иерархией конца 70-х-начала 80-х годов прошлого столетия. Это настолько неприкрыто, настолько явно, настолько выпукло, что не только «семи пядей во лбу» иметь не обязательно, но даже и

---

⁶⁰ Там же. С.76

сообразительности выше средней. Не может удержаться В.Р.Дольник и от констатации старческого маразма некоторых из бывших наших вождей тех времён, хотя как человек умный должен был понимать, что и причины той бывшей нашей государственной и партийной «геронтократии» не имели ничего родственного и даже похожего на павианью геронтократию, и за свою политическую власть те наши бывшие «геронты» совсем даже не бились, в отличие от разноуровневых павианов, и тем боле за неё «на смерть» не держались. Это, скорее, похоже даже не на зарисовку, а на злую карикатуру. В этом свете как-то особняком, и где-то даже умилительно выглядит информация с подачи В.Р.Дольника о периодическом впадении в тоску менее стойких павиан-невротиков, с тем и помирающих от глубокого стресса.

Отчётливо «биологизаторская» линия представления социальной жизни человеческих сообществ, когда не только весьма вольно используется этологическая терминология применительно к человеку, но и весьма произвольно смешиваются биологические и социальные детерминанты, продолжается В.Р.Дольником и в третьей части «Этологических экскурсий по запретным садам гуманитариев». Весьма показательно, что буквально в самом её начале один из параграфов не случайно назван им «Если подсознание определяет бытие». Мы ещё не успели забыть, что в том самом «единственно верном учении», которое так раздражает В.Р.Дольника и которое он всякий раз не преминает уколоть, утверждалось, что бытие определяет сознание. А тут, как явствует, не то чтобы предполагалось, что сознание определяет бытие, а даже подсознание. Поэтому нет ничего удивительного в том, что рядом располагающийся с этим другой параграф третьей части этого эссе так совершенно прямо, без обиняков, и обозначается «Автократические режимы опираются на инстинктивные программы». А и в самом деле – на что же им ещё опираться?! Вот что по этому поводу он манифестирует: «У историка и этолога противоположное восприятие мощных автократических и тоталитарных государств прошлого и настоящего. Для историка эти многоступенчатые иерархические образования – достижения разума, блестящей организации, гениальных царей и полководцев. Они возвышаются над

организацией племён и народов, как египетские пирамиды над барханами песка. Для этолога же это – примитивные самообразующиеся структуры, просто разросшиеся до гигантских размеров. Их построили не гении, а «паханы». Самосборка геометрически совершенных структур бывает и в неживой природе. Каждый мог наблюдать, как в насыщенном растворе самособираются красивые кристаллы. Кто не любовался причудливой формой снежинок, образующихся из паров воды и воздуха? У воды есть несколько вариантов (программ) самосборки, и в зависимости от внешних условий образуются разные снежинки»⁶¹.

Что тут сказать: на то он и принцип редукционизма, чтобы «скатываться с горы». Причём иной раз неудержимо. Начали, помнится, с того, что проводили общую эволюционно-генетическую родословную и констатировали, что 95% генома *Homo sapiens* и человекообразных обезьян совпадают. Тем самым как бы фактуально фундировали и обеспечивали прочный мировоззренческий «тыл» будущей редукционистской методологии. А также как бы заранее заготовливая возможную схему парирования вероятного гуманитарного скепсиса: мол, нет ничего удивительного в том, что, скажем, людская традиционная патриархальная организация мало чем отличается от павианьей. Но тут В.Р.Дольник и в этом «перебарщивает». Он исконный базис человеческих империй, как очень давнего, так и не очень давнего прошлого, сводит даже не к генетическим эволюционным программам примитивных живых созданий земной флоры и фауны, а к субатомарным материальным структурам неорганической природы. Снежинка, конечно же, хороша – спору нет. Но где снежинка, а где, скажем, римская империя времён расцвета?! Всерьёз говорить об этом – как-то даже странно. Относительно же того, что творцами и вершителями этих таких грандиозных и таких разных человеческих империй были всего-навсего «паханы» – от комментариев тоже, пожалуй, воздержусь. Здесь не только налицо разная позиция гуманитария и этолога, но даже до неприличия разная позиция.

Но это ещё не всё касательно самосборки иерархических государственных

---

⁶¹ Дольник В.Р. Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев // *Природа*, 1993, №3. С.63

пирамид: «В силу инстинктивных программ люди самособираются в иерархические пирамиды, и это почти так же неизбежно, как образование кристаллов. Если будет задействован весь ряд иерархических программ, люди могут образовывать огромную по масштабам, но примитивную по устройству структуру соподчинения – авторитарную империю. Эта структура совсем не обязательно самая выгодная для каждого человека и всех вместе или самое эффективное и правильное из того, что люди могли бы создать. Это всего лишь самое простое. С этологической точки зрения образовывать авторитарное государство – это не подняться на вершину, что требует верно направленных усилий, а скатиться в воронку, для чего можно либо вообще усилий не применять, либо применять их неверно, барахтаться. Взгляд неожиданный, но продуктивный»⁶².

В том, что взгляд неожиданный – соглашусь, в том же что он продуктивный – вряд ли. Понятно, что для этолога В.Р.Дольника подняться на вершину и прилагать усилия в верном направлении – это созидание демократических государств англосаксонского образца. Для него это, по сути, аксиома. Но я-то же знаю, что это не только никакая не аксиома, но даже не доказанная теорема. И дело даже не в том, что за пределами логико-математического знания (ни в естественных, ни тем более в общественных науках) никаких аксиом и даже теорем быть не может, а в том, что политические пристрастия автора переносятся им, как оказывается, не только в живую, но даже и неживую материю и постулируются будто бы как предсуществующие и предзадающие генезис в точно определённом направлении. Лично у меня большие сомнения в постулировании как самой этой предзаданности, так и в указанном векторе прогресса.

Есть ещё один любопытный момент. Идея того, что индивидуальная человеческая психика способна к автоматизированной самосборке на основе врождённых генетических программ вне зависимости от внешнего окружения, является насколько вызывающе смелой и рискованной, настолько и не новой. Как

---

⁶² Там же. С.63-64

не вспомнить в этой связи концепцию «архетипов коллективного бессознательного» Карла-Густава Юнга. Первого «еретика» классического психоанализа – как его нередко величают как исследователи его персонального творчества, так и в целом знатоки генезиса психоаналитической философии. К.-Г.Юнг, как известно, коллективному бессознательному противопоставлял личностное бессознательное, где, в соответствии с теорией классического психоанализа, располагается склад вытесненных из сознания наших по большей части эротических желаний и представлений, где скоплен весь материал того, что под прессингом культуры с её нормативами и запретами было вытеснено и кажется позабытым. Для обозначения этого тёмного двойника нашего «Его» (своеобразного «Alter-Ego») Зигмунд Фрейд ввёл термин «Оно» (или «Id»), что, собственно, и было принято им и его сторонниками за бессознательное как таковое. Вот что К.-Г.Юнг писал по этому поводу в своей работе «Об архетипах коллективного бессознательного»: «Конечно, поверхностный слой бессознательного является в известной степени личностным. Мы называем его *личностным бессознательным*. Однако этот слой покоится на другом, более глубоком, ведущем своё происхождение и приобретаемом уже не из личного опыта. Этот врождённый более глубокий слой и является так называемым *коллективным бессознательным*. Я выбрал термин «коллективное», поскольку речь идёт о бессознательном имеющем не индивидуальную, а *всеобщую природу*»⁶³.

Поэтому Зигмунд Фрейд и предлагал сосредоточить всё внимание и весь интерес психоаналитика на раннем детстве индивида, в то время как Карл-Густав Юнг полагал, что «глубинная психология» должна проникнуть и окунуться в гораздо более отдалённые времена. Согласно его концепции, коллективным бессознательным является то, что есть итог совокупной жизнедеятельности всего человечества. Оно является присущим всякому представителю рода человеческого, буквально (не метафорически) передаётся биологически наследственным путём и выступает как то основание, на базе которого

---

⁶³ К.-Г.Юнг 1991. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С.97

взрачивается индивидуальная психика. И подобно тому, как наша телесная организация является итогом всей эволюционной истории развития Homo sapiens, так и психика человека несёт в себе генетический багаж общих всему животному миру инстинктов, а также специфических человеческих бессознательных реакций как ответ постоянно возобновляющимся в продолжении жизни людских поколений феноменам внутреннего и внешнего миров. Это всеобщая эволюционная «кладёз» не располагается на поверхности, её поиски предполагает погружение в глубины. И в тех глубинах, согласно Юнгу, обнаружится и перед нами предстанет система установок и набор типовых реакций, которые хоть и незаметным, но неумолимым образом детерминируют человеческую жизнь. Действие этих биологических, врождённых, программ, этих универсальных для всего живого паттернов обуславливает осуществление не только элементарных человеческих реакций, но и наших высших ментальных функций – восприятия, воображения, мышления. Архетипы коллективного бессознательного – это своеобразные «когнитивные образцы». Миг интуитивного схватывания архетипа всегда опережает действие и предшествует ему, оно запускает процесс «спускания курка» инстинктивного поведения. Так вот К.-Г.Юнг тоже проводил сравнение, как, оказывается и В.Р.Дольник, архетип с системой осей кристалла, которая преформирует кристалл в растворе, будучи неким «невещественным полем», распределяющим частицы вещества. Для психики человека в роли такого «вещества» выступает внешний и внутренний опыт, который организуется в сознании действием тех самых врождённых образцов. Более того, по Юнгу, если сознание по тем или иным причинам отказывается принимать во внимание и учитывать опыт архетипов, то архетипические образы компенсируют свою «ущербность» и своё «умаление» вторжением в сознание в самых примитивных и деструктивных формах. Именно «вторжениями» коллективного бессознательного, по мнению Юнга, объясняются не только индивидуальные, но и коллективные психозы, бурные общественные движения, проявления массовой агрессии, мятежи, революции и войны.

И вот, учитывая всё это, В.Р.Дольник продолжает, так сказать, «гнуть» свою отчётливую биологизаторскую линию в представлении уже социальных форм агрессивности. Начинает он её с вопрошания: «С каким же набором врождённых программ люди могли вступить в экономические взаимоотношения? Да, с тем же, – отвечает он сам себе, – что был у них и их предков всегда. Почти все виды общественных животных имеют шесть врождённых программ заполучения чужого добра»⁶⁴. Здесь принципиально важно выделить два пункта: во-первых, что программы эти именно врождённые, а, во-вторых, утверждается, что эти инстинктивные, генетически детерминируемые программы благополучно наследует и человек.

Согласно В.Р.Дольнику, эти шесть врождённых генетических программ, общих всем социальным животным, а, следовательно, и человеку – это не что иное, как шесть способов присваивать чужое. Именно с этим багажом, значит, люди и стали вступать в экономические взаимоотношения. Первая из указанных врождённых программ – это акт захвата и удержания непосредственных источников блага: мест, богатых кормами, района плодоносящих растений, стад с малоподвижными животными, трупов, источников вод и т.п. Захваченные объекты блага удерживаются при помощи силы: всяк, кто может быть прогнан, прогоняется. Работу этой программы любой из нас, как указывает В.Р.Дольник, может пронаблюдать на примере кормушки для птичек-синичек. В результате серии стычек она оказывается всякий раз захваченной самым настырным из самцов, после чего тот делает всё возможное, чтобы никого к ней больше не подпустить. Ситуация с синицами является примером всем знакомым, но уж очень простым. Однако существует немало, замечает В.Р.Дольник, животных видов, использующих гораздо более изощрённые приёмы по удержанию источников блага, особенно когда это предпринимается не в одиночку, а в составе групп. Человеческий вариант подобной программы, по его словам, начинает проявляться уже с самого раннего детства. Немаловажно и то, что поскольку, как

---

⁶⁴ Дольник В.Р. Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев // Природа», 1993, №3. С.64

правило, удерживать сколь-нибудь длительное время за собой значимые источники блага в состоянии только самая сильная из особей, постольку для всех остальных сам факт его обладания является первейшим признаком власти и силы.

Вторая из врождённых программ – это акт отнятия чьей-то собственности силой, используя своё физическое превосходство. Это не что иное, как ограбление. Дети, отмечает В.Р.Дольник, грабить начинают раньше того, как начинают говорить. Третья врождённая программа – отнять объект блага у располагающегося ниже рангом без всяких там стычек, лишь по праву доминанта. Акт отнятия – это надёжный способ в утверждении иерархической власти. Полное соответствие этому демонстрируется и общественными обезьянами. В их популяциях подчинённая особь не только безропотно отдаёт всё, чем заинтересуется доминант, но и, дабы упредить возможный его гнев, склонна заблаговременно сама ему всё стоящее приносить. О многом всяком интересном и грустном, пишет В.Р.Дольник, можно вспомнить как о возникшем на этом основании у людей. Во все эпохи начальникам разного «калибра» их подчинёнными было принято подносить «вспоможествования» в виде разного рода «подарков» и «сувениров». Бывало, что и борзыми щенками. Какое количество различных монументов и стел, сетует В.Р.Дольник, дошло до наших дней, изображающих разно разряженных верноподданных, выстраивавшихся в длинную вереницу с подношением деспоту. Для нашей же темы важен такой аспект: по мысли В.Р.Дольника, трансмиссия благ с низших ступеней наверх по иерархической лестнице людям естественна в том смысле, что имеет под собой неплохо отлаженный инстинктивный базис.

Четвёртая из врождённых программ по заполучению чьей-то собственности – это акт похищения. Воровство является принципиально отличным от грабежа тем, что совершается оно особью, стоящей ниже рангом, нежели обворовываемая. Поэтому-то животное ворует тайно, с применением различного рода уловок а, стащив, убегает и прячет или съедает в стороне. Когда у животных происходит запуск программы воровства, то одновременно с этим срабатывает и предупреждение запрета: если попадётся, то побьют. У приматов вследствие их

жесткой структурной иерархии вовсю процветает воровство. Человек, не забывает напомнить нам В.Р.Дольник, – также является существом вороватым. О социальных причинах и мотивациях воровства, понятное дело, тут никакой речи не идёт.

Пятая из врождённых программ – это попрошайничество. Оно распространено почти у всех животных. Достаточным будет представить себе функционирование зоопарка: это, по словам В.Р.Дольника, наглядный пример реализации попрошайничества разными животными видами (справедливости ради, правда, стоит заметить, что в естественных условиях взрослые особи тех же самых видов никаким попрошайничеством, в особенности – у человека, не занимаются, а всё весьма умело добывают сами). Любопытно, но нередко попрошайническая поза призвана симитировать положение детёныша, выпрашивающего кормёжку. И действительно попрошайничество вполне может кое-что дать: завидев особь, примостившись в этой позе, многие животные склонны поделить пищу либо возьмут и потеснятся на кормном месте. Что общественные обезьяны являют собой ужасных попрошаек – это ни для кого не секрет. Есть характерная черта всякого попрошайничества – оно всегда адресуется снизу вверх: обращается либо к доминанту, ставшему захватчиком источников блага, либо к особи более мощной, либо уж, в крайнем случае, – к особи, равной по рангу. Также совершенно ясно, что в основном попрошайничают особи, что находятся на низших ступенях иерархической лестницы. У *Homo sapiens*, опять подмечает В.Р.Дольник, практика попрошайничества развита даже ещё сильнее, чем у приматов: люди, как ни посмотришь, всё время что-нибудь просят или норовят просить. Ну, и также понятно, что о причинах такого рода «просьб» и даже требований В.Р.Дольником даже вскользь не упоминается.

И, наконец, шестая из врождённых программ – это практика обмена. Она развита у приматов и некоторых видов врановых. Причём меняются животные всегда одного и того же ранга. Однако у приматов и врановых обмен почти всегда обманчивый (не сказать – обманной): они обладают богатым набором хитрых

уловов, как партнёра «облапошить», либо подсунув ему совсем не то, что тот ожидал, либо захватив сразу обе вещи, представлявшиеся объектом обмена и т.п. У людей практика обмена также чрезвычайно развита, заключает В.Р.Дольник, а её подсознательной стороной выступает неременная выгода (как говорится, не обманешь – не продашь). Что иной раз выглядит честным взаимовыгодным обменом, является гораздо более поздним и репрессивным рациональным достижением межличностных отношений, имеющим целью необходимость планомерной борьбы против данной мошеннической инстинктивной программы.

Честно говоря, раньше я как-то с недоверием относился к нередко доносящимся со стороны обществоведов обвинениям в адрес биологов в том, что они порой вне всякой меры занимаются антропоморфизацией поведения животных и, напротив, зооморфизацией поведения людей. С лёгкостью они-де при этом тасуют лексику туда и обратно. Мне всегда было интересно посмотреть, так ли это, и если так, то конкретно как это бывает. Но вот теперь я точно знаю на примере работ В.Р.Дольника, как это действительно может быть. Вот, в частности, прямоком категорически утверждается, что человек имеет шесть врождённых программ инстинктивного поведения по присваиванию чужого, в том числе разбой, грабёж, воровство, попрошайничество и обман при торговых сделках, являющихся наследием эволюционно выработанных адаптивных механизмов животных к особенностям окружающей среды. При этом, сдаётся, что налицо двойной парадокс. Во-первых, как уже отмечалось, никакого, даже малейшего, упоминания о действии социально-культурных факторов в развёртывании и воплощении данных эволюционно-приспособительных животных образцов в деятельности человека нет совершенно никаких. Это просто поразительно: что же, получается, что процесс научения и факторы воспитания вообще никак не сказываются в становлении указанных поведенческих паттернов. Что же они автоматизировано реализуются при соответствующем средовом окружении по принципу «стимул-реакция»? Это даже странно как-то.

И, во-вторых, нет бы говорилось о неких эволюционно выработанных генетических предрасположенностях к такого рода действиям, как, скажем,

Г.В.Лейбниц полагал существующими у человека врождённых предрасположенностей к становлению у него интуитивно ясного понимания базовых принципов математики и логики, что позволяло их аксиоматическое построение. Противопоставляя свою концепцию локковской «*tabula rasa*», Лейбниц считал, что изначально человеческий разум представляет собой нечто схожее с глыбой мрамора с прожилками, намечающим очертания будущей фигуры, которую может изваять из неё скульптор. Откуда был взят этот образ догадаться не трудно. До сих пор в ходу такая «байка»: в своё время у Микеланджело Буонарроти один из поклонников его творчества спросил, как тому удаётся с таким великолепием создавать его скульптурные произведения, на что-де он ответил, что в этом нет ничего сложного – просто берёшь глыбу мрамора и отсекаешь от неё всё лишнее. Представляете, насколько наличие этих контурных прожилок упростило бы работу скульптора. По Лейбницу, в роли этих «прожилок» выступают врождённые когнитивные предрасположенности к быстрому и ясному усвоению аксиоматико-дедуктивного выстраивания логико-математического знания. А кто, спрашивается, выступает в роли этого скульптора, кому они существенно упрощают его работу? Совершенно очевидно, что в роли «ваятеля» в данном случае выступает учитель математики и логики. Это ему они значительно упрощают его профессиональную деятельность по приобщению детей к математике и логике: обучение-то их, выходит, производится не с «чистого листа», а оно уже предрасположенное, заранее подготовленное. Но что важно: предрасположенности эти являют собой, по Лейбницу, лишь врождённые потенции, которым ещё надо дать возможность развиваться. Если же не создавать благоприятных условий для их развития (то есть если не отдавать ребёнка в школу, где бы он мог обучаться математике и логике), то они «благополучно» и утuhnут. В отличие от Декарта, Лейбниц не считал, что они реализуются автоматизировано, т.е. становятся интуитивно ясными, при любом средовом окружении. Совершенно очевидно, что В.Р.Дольник исходит как раз из картезианской трактовки врождённости определённых базовых принципов, правда, это принципы не аксиоматико-дедуктивного построения логико-

математического знания, а антиобщественного поведения. Только вот не знаю – хорошо ли это. Во всяком случае, что это не очень-то убедительно – это сущий факт.

Ещё менее убедительными, по моему разумению, выглядят этологические экстраполяции в царство человеческого бытия работ другого видного российского биолога Анатолия Ильича Протопопова. Чтобы убедиться, что это именно так, достаточно ознакомиться с известной (даже можно сказать – скандально известной) его книгой «Трактат о любви, как её понимает жуткий зануда». Нет, она вовсе не жутко занудная (тут автор явно скромничает), и она вовсе не заурядно-банальная (такой текст мог выдать «на-гора» только неплохой профессионал своего дела и человек немалой эрудиции и остроумия), но вот что она действительно жутко делает – так это разве что жутко опускает и жутко выхолащивает такое традиционно сакральное человеческое чувство как любовь. Есть, к сожалению, люди, которым совершенно бесполезно объяснять, что любовь и секс – вовсе не одно и то же, даже если иметь в виду человеческую любовь и человеческий секс, не говоря уже о том, если сравнивать человеческую любовь и животный секс. Более того, в этой самой человеческой любви рационально разобраться и всё разложить «по полочкам» невероятно сложно. Непоколебимым памятником тому – вся долгая история человечества в обоюдных стараниях и «химиков» и «лириков». Ясно лишь одно: у человека в 99 случаях из 100 секс любви вряд ли что прибавит, а вот отнять может многое. И ещё одно: то, что проходит, как бы это прискорбно ни звучало, любовью называться не может, или как говорят поэты – «любовь не знает убыли и тлена, и времени угрозы». В противном случае за «любовь» надо принимать элементарную животную случку. Что, собственно, практически и делает в своей книге А.И.Протопопов: трактат-то у него вроде бы о любви, а пишется всё по преимуществу о животной случке. Ну, если так опускается (в смысле – по-животному приземляется) человеческая любовь, то как может по-животному приземлиться человеческая агрессия – стоит только догадываться. Так что если тут и есть что-то жуткое – так это сознательный жуткий редуционизм.

Не будем голословны. Начинает А.И.Протопопов с констатации того, что условия обитания, внутри которых пребывает тот или иной вид, являются вовсе не постоянными, и как могут они измениться через некоторое время природе, несмотря на всю её мудрость, предугадать не представляется возможным. А, значит, необходим широкий спектр особей, располагающих чрезвычайно вариабельным набором качеств, пусть даже на данный момент не только не оптимальным и не нужным, но и даже и вредным, ибо стоит только условиям измениться, то какая-то часть этих качеств может вдруг оказаться как нельзя кстати. Нарождая таких «мутантов», природа вынуждена рисковать, поскольку они на данное время менее жизнеспособны, но рисковать надо, так как без риска сегодня не будет выигрыша завтра. Возникает вопрос: как бы всё обустроить так, чтобы последствиями этого хаотического экспериментирования не выступали угрозы существованию вида в целом? А.И.Протопопов на него отвечает так: всё до элементарности просто – надо лишь самкам, по возможности, от оптимальной линии не отклоняться, а объектом экспериментирования сделать самцов. По его мысли, принцип дифференциации полов должен предполагать, чтобы небольшая часть самцов оплодотворяла большее количество самок, обрекая, тем самым, большее количество самцов пребывать неисправимыми холостяками. Такая стратегия позволит скоро закреплять потомством группы появляющихся полезных признаков и избавит самок от воспроизводства ненужных.

А.И.Протопопов замечает, что за столь эволюционно короткий промежуток времени, в течение которого существует род человеческий, инстинктам попросту было не суждено элиминироваться: они формировались благодаря естественному отбору, как и вся его морфология, тяжело и не быстро, значит, и исчезнуть могут так же тяжело и не быстро. Так что инстинкт не спрашивает, в состоянии ли человек без него обойтись: он просто включается, когда сочтёт нужным. Выглядающую нелогичной и необъяснимой с позиции рассудка инстинктивную мотивацию стоит только мысленно вернуть в первобытную систему координат, так она сразу же перестаёт быть таковой. Так что нет ничего удивительного в том, что в современном мире реализуемые инстинктами поведенческие образцы

зачастую не всегда бывают адекватны, а, значит, нечего недоумевать, замечает А.И.Протопопов, какой злой и слепой бывает и любовь. Ну да, скажем мы, есть на сей счёт русская народная поговорка, но опять же, скорее, не про любовь, а всё про ту же животную случку.

Далее автор проводит широкие параллели и рассуждает по поводу жёсткой социальной иерархии у млекопитающих и её безусловном наследовании человеком. Он говорит о том или ином ранге, о ранговом потенциале и об уровне примативности (т.е. степени влияния на поведение инстинктов) особи. Сразу возникает вопрос: что же это такое «ранговый потенциал»? И А.И.Протопопов нам докладывает, что это нечто такое, что тесно связано с физической мощностью, но все же не определено ей так уж однозначно. В животном мире ранговый потенциал особей чаще всего виден визуально и ошибиться в нём сложно. Осы, например, по своему ранговому потенциалу дифференцируются, исходя из врождённого наличия количества щетинок на определённой части тела, у петушков ещё проще – определяется по высоте гребешка и т.д. Однако отнюдь не всегда ранговый потенциал обозначен уж настолько явно: даже когда речь идёт о живых существах с не такой уж высокой организацией (мышьях, к примеру), то своей хорошей физической силой можно разве что избежать низшего места в иерархии, но отнюдь не гарантировать себе высшего. Причём, чем более высоко развитым является живое существо, тем меньше корреляция с физической мощностью. В связи с этим И.А.Протопопов отмечает, что имеется веское основание предполагать, что базис специфического высоко-или-низко рангового поведения таится в генных пластах нервно-психической сферы и проявляется уже буквально с первого дня жизни. И его главный идентификационный признак (что весьма занимательно получается у А.И.Протопопова) определён степенью демонстрируемой настырности и наглости, что предстаёт как сила уверенности в своём безусловном превосходстве и что нередко кроме этого никакими иными зримыми достоинствами не подкрепляется. Вот что мы находим в тексте: «В самом деле, уверенность одного человека может просто гипнотизировать другого, да и самого себя, будь то уверенность студента перед экзаменом, водителя перед

ГАИшником, гуру перед верующим, и прочее и прочее... Это хорошо иллюстрирует фольклор. Возьмём, к примеру, сказку о лисе в ледяной избушке, и зайце в лубяной. Ранговый потенциал у лисы был очень высок – её убоялся и волк, и медведь. Но у петуха он был еще выше, и лиса сразу убежала»⁶⁵.

В сравнении с большинством прочих представителей земной фауны, человеческие индивиды в различной мере подвергаются воздействию своих инстинктов. Как подмечает А.И.Протопопов, когда некто совершенно лишён влияния своих инстинктов и проживает исключительно полагаясь на свой рассудок, то он абсолютно не примативен (что в реальной жизни встречается крайне редко). А тот, кто целиком живёт одними своими чувствами, то бишь в полной мере полагаясь на свои инстинкты, то он абсолютно примативен (а вот такие встречаются не так уж редко). Та или иная степень примативности, равно как и рангового потенциала, определяется наследственностью и в гораздо меньшей мере внутриутробным развитием и его средовой спецификой. Ещё в меньшей мере она детерминирована уровнем образования и родом занятий: случается, что индивид с богатой научной образовательной базой в житейских делах склонен не доверяться своим познаниям, ориентируясь исключительно на чувственную интуицию. Индивид, который низко примативен, существует как бы вне рамок первобытнообщинной иерархии. Напротив, индивид, который высоко примативен, живёт, очень чутко реагируя на тот или иной ранг окружающих. При малейшем проявлении кем-то из окружающих уступчивости он реагирует на это как на сигнальный индикатор к началу иерархической схватки. Появление же кого-то, кто по рангу его явно превосходит, заканчивается чаще всего параличом его воли и гнусным заискиванием.

При этом чем выше уровень врождённой примативности ребёнка, тем больше потребуется воспитательного усилия педагогов, чтобы «окультурить» его в процессе социализации. И в последующих поколениях всё будет повторяться заново. По словам А.И.Протопопова, у такого ставшего культурным индивида,

---

⁶⁵ Протопопов А.И. Трактат о любви, как её понимает жуткий зануда. Зазнавшееся млекопитающее. М.: КСП+, 2002. С.24

чьё «окультуривание» достигалось лишь благодаря колоссальным педагогическим усилиям воспитателей, могут рождаться даже на редкость некультурные дети, ибо генетический базис остался прежним. Как он отмечает, будучи высоко примитивным и вместе с тем высоко рассудочным человеком, какой-нибудь учёный-естествоиспытатель вполне может совмещать в себе глубокие научные познания и искреннюю религиозность, поскольку она (религиозность) своими корнями уходит в инстинкт подчинения «альфе».

И совершенно ясно, по мысли А.И.Протопопова, что такого чрезвычайно важного для всего процесса живого, как воспроизводство, никак не могла минуть участь жёсткого контроля нашими инстинктами. И, значит, любовь, будучи одним из самых влиятельных и сильнейших чувств, есть не что иное, как инстинктивный «голос», идущий из первобытных глубин и который принуждает отдавать предпочтение спариванию с наилучшей особью противоположного пола. А каков, спрашивается, основной критерий данного предпочтения? Опять же, по разумению автора, он сохранился неизменным с той первобытной эпохи, когда инстинктам и суждено было формироваться. Когда они формировались, то успели запечатлеть, как бы «зафотографировать» бывшее в то время «status quo», да и не прекращают сверяться с той первичной «фотоплёнкой» и сейчас. Так что инстинкт позволяет ныне избирать наилучшего именно с первобытных позиций кандидата. А мы помним, что в роли самого простого и самого наглядного признака по выявлению превосходства был тот или иной ранжир в соответствии с первобытной иерархией. Вообще-то практически по всем животным положение такое: число спариваний являет собой самый простой и чёткий количественный показатель ранга самца в стадной иерархии. По самкам эта корреляция значительно слабее, и, скорее, является обратной.

В другой своей работе, являющейся, собственно, этологическим продолжением «Трактата о любви...» и носящей тоже весьма примечательное название «Зазнавшееся млекопитающее», А.И.Протопопов в полной мере подтверждает свою приверженность вышеуказанному толкованию инстинкта (в смысле его человеческого приложения). Но проскальзывают и кое-какие

несостыковки. Речь уже начинает идти не о врождённом видоспецифическом на основе естественного отбора автоматизированном действии особи на точно определённый стимул, а лишь о тенденции, генетической предрасположенности. Но, сдаётся, это весьма произвольное и непозволительное расширение смыслового значения данного понятия: в такой интерпретации под него подпадает практически всё поведение животного и бóльшая часть поведения человека. В специально выделенном параграфе «Так что же такое инстинкт?» мы вдруг видим, что он понимает инстинкт в качестве неприобретённой, характерной для данного вида тенденции или предрасположенности к реакции определённым образом, возникающей при определённой стимульной ситуации и при определённом состоянии особи.

И как это во многом меняет дело, заметно уже в сразу за этим идущем пассаже: «Замечу, что сюда входит также врождённая предрасположенность легко воспринимать в ходе воспитания и обучения поведенческие и когнитивные схемы определённого типа, и неохотно воспринимать схемы другого типа... Ещё обращаю внимание на то, что речь идёт именно о тенденции или предрасположенности, норме реакции, но не о каком-то строго фиксированном действии. Другими словами, включившийся инстинкт порождает не поступок, а желание что-либо сделать, или какое-нибудь неконкретное чувство, ощущение, настроение, которое может субъективно не осознаваться как потребность именно в поступке (таково, к примеру, ощущение, что «зачесались кулаки» – человек ощутил потребность в агрессивном акте)...»⁶⁶

Однако, как я уже подчёркивал, такое «резиновое» толкование термина «инстинкт» не просто позволяет впихнуть в него почти всё, что захочешь, но, более того, оно ничего не проясняет, а, напротив, всё до предела запутывает. Если инстинкт порождает не тот или иной поступок, а лишь желание что-либо сделать, а лишь то настроение, которое побуждает к нему, то инстинктивным будем считать, скажем, моё желание сейчас почитать какую-то книгу, послушать какое-то музыкальное произведение, сходить, к примеру, в театр. А почему бы нет?! Вот

---

⁶⁶ Там же. С.248-249

у меня в данный момент идущее из моих внутренних глубин такое неуёмное чувство, вот у меня сейчас именно такой безудержный психо-эмоциональный настрой – ничего с собой поделаться не могу – откликаюсь на древнейший познавательный инстинкт. Кто мне может воспрепятствовать этому?! Или, к примеру, в назначенный день федеральных политических выборов у меня возникает опять же идущее из моих самых что ни есть скрытых глубин непреодолимое желание проголосовать именно за того или иного кандидата или за ту или иную партию (скажем, либерального или лево-патриотического толка), то и тут я, по мысли А.И.Протопопова, иду на зов соответствующего древнего инстинкта, склоняющего меня либо к либерализму, либо к патриотизму. Получается, мировоззрение целиком подарбитражно инстинкту. Не кажется ли вам, что здесь явно что-то не то, что это уже чересчур даже для биологов.

Спрашивается, может ли каким-то образом получиться перепрограммирование этих врождённых поведенческих программ? А.И.Протопопов утверждает, что нет, но является возможной их блокировка, если предложена альтернативная поведенческая линия, которая в определённых обстоятельствах и значительном внешнем закреплении сможет заменить собой врождённую программу. Но это будет гораздо более нестабильное положение. Стоит только ослабнуть внешней поддержке этого альтернативного программирования (что случается, к примеру, в период войны или смуты), или под воздействием определённых внутренних стимуляторов (скажем, алкоголь, наркотики, патологии в ЦНС), как индивид, по мнению А.И.Протопопова, вновь опрокидывается в своё первобытное состояние.

У А.И.Протопопова, кстати говоря, в его «Зазнавшемся млекопитающем» есть специально выделенный параграф, названный «Об агрессивности и криминальности». Там он кроме всего прочего указывает, что когда речь идёт о преступлениях против личности, то в их основании кроется противоречие высоких ранговых амбиций правонарушителя и явно низким, по его представлению, фактическим статусом в социуме. Тем самым, получается, что ранговый потенциал преступника выступает существенным образом

недооценённым и недореализованным. «Такое бывает» – пишет он, – «если этот человек не обладает никакими другими достоинствами, кроме первобытной наглости, чего в современном обществе, слава богу, маловато для хорошей карьеры. Если такое положение сочетается с высокой примативностью, то такой человек старается реализовать свою потребность в доминировании любыми способами; если ему так или иначе удаётся занять сколько-то высокий ранг, то мы будем иметь тирана. Но если общественный статус низок, то этих способов немного. Вот так он и приходит к преступлению против других личностей, как к способу реализации ранговых амбиций. Даже если и не преступлений в их юридическом смысле, то к мелкому тиранству в семье или иной локальной группе»⁶⁷.

А.И.Протопопов отмечает, что немалые соблазны, чтобы реализовывать свои высокие ранговые амбиции, открываются при военной службе или службе в родственниках ей, военизированных, структурах, где значительная роль отведена силовым полномочиям и соответствующим возможностям. И, ясное дело, это массой привлекает туда крайне амбициозных субъектов, в чём, собственно, нет уж особенных аномалий, ибо эти структуры призваны олицетворять власть, и лица, с явно не достаточным ранговым потенциалом будут попросту там «профнепригодными». Однако, как подчёркивает А.И.Протопопов, без должной и скрупулёзной регламентированности и весьма строгого контроля подобного рода структуры непременно будут скатываться к преимущественному самоутверждению и злоупотреблениям частно-эгоистического характера, ибо таковым уж является естество высокоранговости.

Совсем недавно (в 2011 году) у А.И.Протопопова в соавторстве с А.В.Вязовским вышла монография «Инстинкты человека: попытка описания и классификации». И, соответственно, я тоже не мог её проигнорировать. Буквально во введении авторы воспроизводят на данный момент практически общепризнанное определение термина «инстинкт» – «это совокупность врождённых сложных реакций (актов поведения) организма, присущих в той или

---

⁶⁷ Там же. С.274

иной мере всем особям данного вида, и запускающихся в почти неизменной (фиксированной) форме в ответ на внешние или внутренние раздражители – сигнальные признаки»⁶⁸.

Немаловажно, что то или иное инстинктивное поведение специфично именно для данного животного вида, так что инстинктивные образцы одного вида явным образом отличаются от инстинктивных образцов другого вида, что вполне может быть использовано для задач видовой дифференциации, в том числе и классификации. И с этим авторы данной книги каких-либо несогласий поначалу не выражали. Но вот затем они стали производить любопытный разворот в интерпретации понятия «инстинкта», и в этом, кстати говоря, впоследствии стали усматривать свою новацию. Они вдруг заявили, что указанное классическое (ещё лоренцевская дефиниция инстинкта) в её буквальном понимании к человеку применима лишь в самой минимальной степени, поскольку у *Homo sapiens* практически отсутствует такого рода фиксированный набор поведенческих актов, которые были описаны основоположниками этологии – К.Лоренцем, Н.Тинбергеном и И.Эйбл-Эйбесфельдтом. Разве что, как исключение, мимические реакции, позы тела, жесты, которые у всех людей, вне зависимости от расы, нации, этноса, социокультурных отличий, в своём большинстве универсальны и идентичны, что даёт возможность считать их биологически наследуемыми. А вот дальше Протопопов А.И и Вязовский А.В. делятся с нами сутью своего инновационного теоретического нововведения: «Поэтому мы сразу оговоримся, что в случае человека, под инстинктами будем понимать врождённую предрасположенность (стремление, желание, склонность, и проч.) индивидуумов поступать в определённых ситуациях определённым образом, но вовсе не обязательно неотвратимо-машинальную, и практически фиксированную последовательность движений... Инстинкт, как и любое другое врождённое поведение, в случае человека – не непобедимый монстр. Человек, будучи существом более или менее разумным, может следовать этому стремлению, а

---

⁶⁸ Протопопов А.И., Вязовский А.В. Инстинкты человека: попытка описания и классификации. Якутск: Дани АлмаС, 2011. С.5

может и не следовать – если «не следовать» захочет достаточно сильно. Например, стремление к питанию – безусловно врождённое у всех живых существ. Длительное отсутствие питания вызывает очень сильное чувство (голод). Однако, человек, как впрочем, и ряд других животных со сложной нервной системой, может сознательно отказываться от еды, и даже добровольно умереть от истощения»⁶⁹.

Вот и прояснилось: если человеческое поведение при всём концептуальном желании не подпадает, не укладывается даже в само классически-этологическое понимание инстинкта, то чем определённым образом видоизменять существо своего концептуального подхода, безусловно, легче поменять саму трактовку термина «инстинкт». Можно её настолько расширить, что под неё подпадёт практически всё что угодно. Классики этологии, правда, такую потенциальную возможность перед собой тоже имели, но от неё категорически отказывались. И при этом подвергались и подвергаются достаточно ожесточённой критике не только со стороны гуманитариев (что вполне естественно), но и немалого количества самих биологов, их коллег по цеху. Но вот о высоте накала критики в отношении такого рода «новаций» с обоих флангов стоит только догадываться. Как не раз уже отмечалось, некоторые из российских этологов (но отнюдь не все) в своём стремлении экспансии в сферу социально-гуманитарного знания (что они и вправду наследуют от отцов-основателей этологии), а также рвении и усердии в этом, взялись за предприятие «перещеголять» в этом своих авторитетных классиков.

Однако получается это предприятие у А.И.Протопопова и А.В.Вязовского, ещё раз хочу подчеркнуть, не очень-то убедительно. Для меня, во всяком случае (да я уверен, что и не только для меня одного). Авторы настаивают, что человеческие инстинкты схожи с «классическим» инстинктивным поведением всех прочих видов животных по трём основаниям. Первое: общей схемой сигнатурных (релизерных) механизмом их запуска, то бишь как способность высвободиться наличием буквально одного (или от силы несколькими) заранее

---

⁶⁹ Там же. С.6-7

известного и однозначно воспринимаемого феномена окружающей среды. Второе: фиксированием очевидно большего значения внутреннего состояния организма, обычно выражающего и отражающего ту или иную фазу его развития. И третье: констатацией их безусловной приспособительной ценности, если уж и не в нынешнюю эпоху, так, по крайней мере, в давней эволюционной истории. Инстинкты, по их мнению, для человеческого поведения – как «серые кардиналы». Подавляющее большинство людей попросту не замечает их работы (чего не скажешь об авторах книги). Человеческие инстинкты, поясняют они, успешно прижились на подсознательном уровне, действуют бесшумно, «тихой сапой» и склонны субъективно восприниматься людьми как нечто само собой разумеющееся. А мы как само собой разумеющееся считаем акты благодарности, проявления стыда, раскаяния, угрызений совести, гордости, чести, возмездия, сочувствия и др. А, значит, логично заключают А.И.Протопопов и А.В.Вязовский, и всё это вполне подпадает под категорию инстинктивного поведения. И это так же естественно, по их словам, как воздух, который мы вдыхаем, и сила притяжения Земли, действие которой мы испытываем.

А.И.Протопопов и А.В.Вязовский кроме аллегории с «серыми кардиналами» в адрес человеческих инстинктов употребляют также метафору о включаемом время от времени «автопилоте» в управлении воздушным лайнером. Вроде бы воздушный корабль продолжает формально быть подчинённым своему капитану, но ведь по факту командир экипажа правит им отнюдь не всегда. Иногда ему даже позволительно впасть в безмятежную дрему в период полёта. Мало того, даже в случае исполнения экипажем своих функций в период бодрствования «автоматика» настроена вмешиваться в пилотирование, что, собственно, действительно оказывает помощь, а порой и мешает экипажу. Но в отличие от воздушного судна, члены экипажа которого знают о наличии этой «автоматики», которая явно и наглядно функционирует, инстинкты осуществляют вмешательство в «пилотировании» человеческого поведения, никоим образом не заявляя о себе без предоставления какой-либо информации. Спектр причин и способов подобного рода «вторжений» в управление в большей части случаев

остаются как бы за кадром – без какого-либо осознания. Субъективно это выражается в том, что индивиду «так просто захотелось», это так «естественно», «иначе и быть не могло» и тому подобное. «Просто захотелось», как отмечают авторы, – объяснительное оправдание, полное образности, и в определённом смысле весьма точное, но лишённое всякой информативности. Оно ничего не проясняет, поскольку не несёт в себе никакого содержания о физическом смысле этой «естественности». Между тем, только проникнув в этот физический смысл, подчёркивают А.И.Протопопов и А.В.Вязовский, можно осознать в полной мере наличие этого поведенческого «позвоночника».

И вот далее самое интересное. Выделяя особо, что зачастую непрофессионалами понятие «инстинкта» используется исключительно в идеологическом ключе, а отнюдь не в научном, авторы просто недоумевают, что этими «нигилистами», категорически отказывающимися экстраполировать данное понятие применительно к человеку, производится уже и вовсе не мыслимое дело – ими напрочь отвергается наличие у человека даже таких инстинктов, как инстинкт самосохранения, инстинкт голода, инстинкт продолжения рода, материнский инстинкт и т.д., что, по их словам, просто глупо. Рискуя навлечь гнев кого-то из этологов, и авторов данной книги в частности, признаюсь – и я в их числе. Если бы было правдой то, о чём утверждают А.И.Протопопов и А.В.Вязовский, то в нашей жизни человеческой не было бы места ни героизму с самопожертвованием (что, к счастью, встречается не так уж редко), ни практики полового воздержания и соблюдения поста, ни материнских отказов от детей в родильных домах, а порой бывает и того хуже (что, к сожалению, встречается не так уж редко). Любопытно, что авторы книги это вполне понимают, поэтому-то и ратуют изо всех сил, чтобы, по крайней мере, их коллеги по цеху приняли их «новацию» по существенному расширению смыслового содержания термина «инстинкт» как некой лишь генетической предрасположенности. Но если так, то под понятие инстинкта подпадёт наследование способностей и задатков к определённым видам деятельности (скажем, занятия математикой, музыкой, живописью, овладения иностранными языками и пр.), что тоже предстаёт именно

в виде генетических предрасположенностей. И вот это было бы в самом деле глупо. Если не только человеческое поведение не вписывается в понятие инстинкта, но даже и часть животного, то этот вовсе не говорит о том, что надо расширять объём данного понятия, чтобы туда можно было это всё втиснуть. Это говорит как раз об обратном: надо куда как более аккуратно и вдумчиво прилагать понятие инстинкта применительно даже к поведению животных. «Ларчик-то» ведь открывается не так уж сложно.

Скажу даже больше: именно этот подход подтверждают, как это ни парадоксально, современные исследования отнюдь не из области социально-гуманитарного знания (что можно было предположить), а из самой что ни есть «вотчины» А.И.Протопопова и А.В.Вязовского – из самой этологии. Начинают рушиться прежние стереотипы, причём рушатся они в направлении отнюдь не том, что указано А.И.Протопоповым и А.В.Вязовским. Взять хотя бы поведенческие образцы общественных насекомых. Ещё совсем недавно считалось, что их поведение, сколь бы сложным оно нам ни казалось, является всецело генетически детерминируемым, полностью автоматизируемым, а, значит, столь же полно вписывающимся в классическое определение инстинктивного. Если уж что и подходило под образ картезианской «органической машины» – так это именно они.

Причём быть инстинктивным – вовсе не значит быть простым. К примеру, выдающийся немецкий этолог Карл фон Фриш получил в 1973 году Нобелевскую премию по биологии и медицине (совместно с Конрадом Лоренцем и Николасом Тинбергеном) за то, что смог расшифровать загадочный порхающий танец пчелы. Он, кстати, неоднократно называл свой любимейший из организмов – пчелу – одним из чудес света: чем больше вы черпаете из неё, как он говорил, тем больше в ней остаётся. Оказалось, что хвостобразное раскачивание полёта пчелы предназначено для информирования своих сородичей – тех, кто внутри улья – о местонахождении новообнаруженного участка цветов. При ближайшем рассмотрении этого танца из царства животных выяснилось, что он выполняет функцию языка символов. В то время как вся масса рабочих сестёр роится в

непосредственной близости, пчела вновь и вновь выводит короткие линии вдоль вертикальной плоскости сот. Возвращаясь к началу линии, пчела делает петлю вначале влево, затем вправо, таким образом выводя «восьмёрку». Центр её линии как раз и содержит сигнал. Её длина символически представляет дистанцию от улья до цели, а угол удаления от линии, проведённый перпендикулярно сотам, другими словами – от стрелки, показывающей полдень, обозначает угол вправо или влево от солнца, по которому нужно следовать, покидая улей. Если пчела танцует по прямой, перпендикулярной сотам, то тем самым она сообщает остальным лететь прямо на солнце. Если она танцует на 10° вправо, то, соответственно, побуждает их лететь на 10° правее солнца. Пользуясь этим направлением, члены улья в одиночку способны собирать нектар и пыльцу с цветов, находящихся на три и более мили от улья. И тогда Карлом фон Фришем утверждалось, что при сём весь этот танец генетически запрограммирован, равно как и его «символическое» восприятие другими пчёлами. Таким образом, получается, что мы на основании не способности пчелы к ориентировочной деятельности относим пчёл (равно как и всех общественных насекомых) к примитивным созданиям, а учёный, смогший разгадать язык их символов, награждается Нобелевской премией.

При этом, как мы уже отмечали, и сам Карл фон Фриш и все его коллеги-энтомологи были убеждены, что все поведенческие паттерны насекомых являются эволюционно-адаптивными образцами, закодированными в молекулах ДНК. Весь жизненный цикл насекомого, вне зависимости от принадлежности к той или иной касте, целиком от первого дня до последнего генетически детерминирован и в нём нет места научению. И это вполне понятно, ибо если признать наличие у насекомых каких-либо поведенческих акций, которые являются продуктом индивидуального научения, то тем самым мы автоматически признаём наличие у них хотя бы зачатков психики. А на такой риск пойдёт не каждый даже этолог.

Но с некоторых пор стали поступать совершенно обескураживающие известия. К примеру, в исследованиях Махохина-Поршнякова было установлено,

что мозговой аппарат насекомых устроен весьма непростым образом, что предоставляет ему способность с должной эффективностью подвергать обработке информацию, доставляемую органами чувств, чтобы приступить к формированию рефлекторных связей. При этом объём мозга всё же слишком мал, что не может позволить ему извлечь все возможные потенции его сложной организации. Именно с этим связано наличие в поведенческих образцах прогрессивного членистоногого множества примитивных характеристик, таких как замедленность научения, довольно небольшой объём памяти и др. Вероятно этим и можно объяснить, как отмечал Г.А.Махохин-Поршняков, значительную запрограммированность поведения насекомых, явное превалирование инстинктивного над приобретённым в процессе обучения поведению. Но, позвольте, смотря как на это взглянуть: можно сокрушаться о замедленности научения и малом объёме памяти прогрессивных членистоногих, а можно поражаться, в принципе, наличию у них вообще какого-либо научения. До недавнего времени это вообще считалось немыслимым.

Г.А.Махохиным-Поршняковым было выяснено, что у высших насекомых наиболее сложная психика (именно психика!) из всего семейства членистоногих, и она являет собой уже не сенсорную, а перцептивную (пусть даже и достаточно примитивную) по своему существу. Всё это обеспечивает у насекомых способность к сложному ассоциативному научению. Был установлен ступенчатый характер запоминания насекомым перцептивной информации. Вначале запоминается насекомым расстояние до объекта, потом его окружающие детали (в ракурсе «слева-справа») и т.д. Пчела, к примеру, запоминает цвет того или иного растения за 2 секунды до посадки, а месторасположение наземных ориентаций в момент взлёта. Кроме того экспериментальным путём было доказано наличие пчелиной способности к различению и запоминанию геометрических фигур и их последовательности. Причём, как было показано, пчёлы могут различать похожие геометрические фигуры вне зависимости от их цвета и размеров. Например, став обученной к нахождению корма в крупном зелёном треугольнике, пчела схожим образом реагирует и на мелкий жёлтый. Более того, дрессировка всегда считалась

надёжным свидетельством психического развития. Так вот была доказана возможность дрессировки пчёл, в частности, дрессировки на определённое место и дрессировки на запах. В первом варианте удавалось сформировать условнорефлекторную дугу приучения к какому-то локальному месту, во втором – выработку условнорефлекторной дуги между определённой пищей и её запахом. В пчеловодческой практике применяется также дрессировка пчёл на конкретные виды растений для целей опыления и получения так называемого «монофлёрного» мёда. Кроме того, особенность запоминания месторасположения улья активно используется пчеловодами для перевозки пчелиных семей, равно как и для более верного структурного планирования пасеки.

Выводы, полученные в работах Г.А.Махохина-Поршнякова, в дальнейшем были не только подтверждены, но даже несколько усилены на основе исследований, проведённых Ларсом Читткой и его коллегами из Лондонского университета королевы Марии. Ими было обнаружено, что пчела гораздо интеллектуальнее, чем раньше представлялось: её можно научить счёту (правда, экспериментально было доказано, что только до четырёх), различению символов и решению даже таких задач, которые бывают не под силу некоторым млекопитающим. Более того, оказалось, что пчёлы не только умны, но и могут считаться неплохими ценителями искусства: они были научены Л.Читткой и его сотрудниками дифференцировать, какая из репродукций полотен относится к кисти Клода Моне, а какая – кисти Пабло Пикассо. Группой Читтки было классифицировано у рабочих пчёл порядка шестидесяти поведенческих ритуалов, среди которых шесть разнообразных по стилю танцев. А это, заметим, больше, чем располагают многие млекопитающие. Кролики, к примеру, владеют не более чем тридцатью различными поведенческими ритуалами, а репертуар работяг-бобров, скажем, не превышает и пятидесяти.

Причём эксперименты с пчёлами на идентификацию их интеллекта, как преемственность традиции Карла фон Фриша и Г.А.Махохина-Поршнякова, проводились в академических школах не только Великобритании, но и Франции. В частности Мартен Журфа из университета Тулузы и его коллега Аврора Аваргэ-

Вебер последние полтора десятка лет проводили исследования по верификации способности пчёл по классификации различных объектов. Так вот им была установлена способность пчёл к дифференциации симметрии и асимметрии: они были довольно быстро научены распознавать сладкую приманку, спрятанную именно под поверхностью симметричных символов, и полностью игнорировать ассиметричные. Затем пчёлами было освоено различие во взаимном пространственном расположении объектов («над»-«под», «слева-справа»), а также они весьма неплохо разбирались в таких понятиях как «то же самое» и «совсем другое». Обнаружилось, что пчёлами с лёгкостью переносятся приобретённые навыки на незнакомую ситуацию. К примеру, если их научить найти что-то по одинаковому запаху, то они с лёгкостью найдут это и по одинаковым на вид фигурам. По заявлению Мартена Журфа, это неоспоримо может свидетельствовать о наличии довольно высокого уровня интеллекта: он выучивал пчёл своим «трюкам» примерно с тридцатой попытки, в то время как обезьянам, по его словам, требовалось, чтобы справиться с аналогичного рода заданиями, где-то несколько сотен попыток. Так что с инстинктом не всё так просто не только с высокоорганизованными животными (в частности с млекопитающими), но, как оказалось, даже с прогрессивными членистоногими. А кто-то, как выяснилось, пытается втиснуть в «прокрустово ложе» инстинкта (даже с учётом его смысловой «накачки») поведение человека. Но мы со своей гуманитарной стороны должны заметить, что вот это и есть самое настоящее, без всяких там «экивоков» и прикрас, «биологизаторство». С чем, собственно, можно А.И.Протопопова и А.В.Вязовского и поздравить.

В качестве же резюме всей выше представленной главе с нашей стороны мы с полным гносеологическим основанием констатируем следующее: этология, как наука о поведении, совершенно недвусмысленно, со всей определённой утверждает, что вид *Homo sapiens* в полной мере наследует биологичность импульса, спонтанность, мотивацию и моторные механизмы агрессивности, имеющие эволюционно-адаптивную значимость, а, следовательно, и эволюционное оправдание. Проблема в том, что культурная эволюция нашего

вида шла несоизмеримо более быстрыми и всё убыстряющимися темпами по сравнению с биологической эволюцией, что в конечном итоге предопределило катастрофическую по своим масштабам пропасть, дисбаланс, между, без преувеличения, революцией искусственных вооружений и возможной эмоционально-психологической к ней адаптацией. Человек оказался не готов ни в психологическом, ни в моральном плане приспособляться, усваивать эту всё возрастающую и всё углубляющуюся диспропорцию между стабильной кумулятивностью эволюционно-биологического потенциала агрессивности, реактивностью её движителей, её адаптивной мотивацией, с одной стороны, и моральной ответственностью, с другой. Всё пока держится исключительно на страхе возмездия. Но даже он может оказаться бессильным, если поддастся искушению: если «заигрывать», если провоцировать, если активировать «воинственный энтузиазм» масс – эту «гремучую смесь» нашего экзистенциального бытия.

Глава II. Особенности гносеологической программы социобиологического исследования агрессив- ности животных и человека

§1. Естественнонаучные и методологические предпосылки социобиологического изучения образцов социального по- ведения

Рождение социобиологии связывают с выходом в свет в 1975 году книги Эдварда Осборна Уилсона «Sociobiology: The New Synthesis» («Социобиология: новый синтез»), которая не могла не быть замеченной специалистами как гуманитарного, так и естественнонаучного профиля и которой суждено было стать неким символом новой эры их и без того непростых взаимоотношений. Основное внимание в ней было сконцентрировано на ключевых проблемах науки о поведении животных, как то: роль естественного отбора и социальной организации в эволюции сообществ живых организмов, а также экологические факторы, влияющие на специфику их «общественного поведения».

Однако сам заголовок работы Э.О.Уилсона недвусмысленно указывал на то, что её автор полагал своей первостепенной задачей именно создание некоего «нового синтеза». А под этим «новым синтезом» по факту подразумевалось не что иное, как обоснование предметной области общей социобиологии и социобиологии человека как её составной части. По словам Эдварда Уилсона, общая социобиология имеет целью выделение из общего массива традиционной этологии собственно «общественных» форм поведения животных и исследование их именно в эволюционно-генетическом ключе. Для этого в качестве первоочередной задачи выдвигалась интеграция различных и ранее практически между собой не взаимодействующих разделов биологического знания – популяционной генетики, экологии и этологии, а также, что немаловажно, привлечение к сотрудничеству и всего комплекса социально-гуманитарных наук, могущих, в соответствии с его планом, обеспечить теоретическим материалом о разнообразии форм социального поведения человека. Как подчёркивал

Э.О.Уилсон, «социобиология изучает биологические основы всех форм общественного поведения, включая человека»⁷⁰.

По мысли Уилсона, для биологической науки нет ничего хуже напыщенного, самодовольного антропоцентризма. Однако, исходя из этой довольно здоровой как для естествоиспытателя, так и для гуманитария исходной позиции, делаются совершенно определённые выводы относительно перспектив социально-гуманитарного знания как такового. А вот с ними любой здравомыслящий гуманитарий вряд ли может согласиться. Посудите сами: «Давайте» – пишет Эдвард О.Уилсон, – «освободимся сейчас от условностей и рассмотрим человека лишь как часть природы, как будто мы – зоологи-инопланетяне, составляющие каталог социальных видов Земли. При таком макроскопическом подходе гуманитарные и общественные науки превращаются всего-навсего в отрасли биологии; история стран, отдельных лиц и художественная литература становится документированной этологией человека, а антропология и социология сливаются и образуют социобиологию всего лишь одного вида приматов»⁷¹.

В свете всего этого эволюционный аспект в изучении «социальности» (т.е. «общественных» форм поведения) сразу приобрёл решающее значение. Следует отметить, что терминология «социальности», «социабельности», «социогенеза» достаточно широко используется в специализированных источниках, посвящённых проблемам этологии и эволюционной биологии. Объяснить это можно тем, что в процессе эволюционного развития существенное значение имели разного рода системные целостные образования биологических особей, где та или иная форма их кооперативной жизни обретала черты их «социальной» организации. А посему, хоть и памятуя всю условность и антропоморфность категории «социальность» в её весьма расширительной экстраполяции на остальной органический мир, она, в принципе, всё же вполне позволительна в её употреблении для поиска решений многих проблемных вопросов этологии как части эволюционной биологии.

---

⁷⁰ Wilson E.O. 1975. Sociobiology: the new synthesis. Harvard Univ. Press, Cambridge. P.4

⁷¹ Ibid. P.17

При этом в сравнении со всеми предшествующими естественнонаучными подходами к изучению эволюции социальности Эдвард Уилсон склонен весьма решительно настаивать на необходимости связывать эволюционно-генетическую сторону дела и традиционно антропологическую проблематику. Правда, в одном из своих известных трудов (в «Прометеевом огне») Уилсон искренне сетовал, что отнюдь не многие из социобиологических авторов уделяют должное внимание и всерьёз заинтересованы исследованием социобиологии человека, большинство, по его словам, увлечены, да так и останавливаются на изучении зоопсихологических, этологических и эволюционных аспектах «общественных» форм животного поведения. Но поскольку главным идейным вдохновителем и теоретическим разработчиком социобиологии всё же остаётся Э.О.Уилсон, то всё большая концентрация его интереса на проблеме человека не могла не отразиться на общем содержании и направленности социобиологии. В то время как книга «Социобиология: новый синтез» только указывала на необходимость перехода на социобиологический анализ человека, то его монографию «On human nature» (1978) – «О природе человека» – по праву можно считать первым фундаментальным трудом, напрямую ставящим комплекс вопросов именно по социобиологии человека. В следующих публикациях Э.О.Уилсона, написанных в соавторстве с Ч.Дж.Ламсденом, «Genes, Mind, and Culture: The Coevolutionary Process» (1981) – «Гены, разум, культура: процесс коэволюции» – и «Promethean fire: a reflection on the origin of mind» (1983) – «Прометеев огонь: размышление о происхождении разума» – осмысление общих вопросов перестаёт быть ядром обсуждения, а основной интерес уделён именно проблематике рода человеческого, проблеме происхождения его разума и культуры. В том же антропологическом ключе, собственно, написана и ещё одна выдающаяся книга Э.О.Уилсона «Biophilia» (1984) – «Биофилия».

Учитывая всё это, позволительно указать на определённую неоднородность социобиологии. Целевая установка общей социобиологии включает собой обнаружение и изучение направлений генезиса характерных признаков «социальной» организации различных сообществ живых организмов нашей

планеты. Основная же программная задача социобиологии человека связывается, в первую очередь, с формированием так называемой «биограммы человека», то бишь попыткой представить предельно полное описание природно-биологических основ человеческой жизнедеятельности. Проведение данного описания чрезвычайно важно, как полагают сторонники социобиологии, для выяснения того, в какой мере *Homo sapiens* и современная культура адаптированы друг другу, а также для определения присущих ему и неустраняемых при помощи культуры его родовых «филогенетических черт». Таким образом, получается, что суть проблемы взаимозависимости природного и социального в человеке предстаёт как проблема генно-культурной коэволюции.

Глубокая вера в главенствующую роль биологических факторов предопределила и соответствующий подход к постановке проблемы природы человека. В первоначальном варианте представления Э.О.Уилсона о природе человека могли быть выражены так: у *Homo sapiens*, равно как и у всякого иного животного вида, не могут существовать какие бы то ни было цели, не только идущие вразрез, но и просто выходящие за пределы его собственной биологической природы. И хотя человеческого индивида невозможно рассматривать (как делал в своё время Рене Декарт в отношении всех животных, в том числе и высоко развитых) как «органическую машину» во всех его жизненных ипостасях, то в нём, по мысли Уилсона, всё же нельзя отрицать наличие биологических механизмов, не допускающих определённого рода социальных акций, противных и несовместимых с его биологической природой. «Фантомы» совершенно не соединённых с человеческой природой неких трансцендентальных целей, считает Э.Уилсон, непременно надо отринуть.

Человек при этом, сконцентрировавший в себе итог эволюции многих тысяч поколений разнообразных животных видов, вынужден как-то приспособливаться ко многим запрограммированным в его организме биологическим предпосылкам. А, значит, перед ним весьма остро стоит и постоянно требует своего разрешения проблема выбора. По Уилсону, размышляя и принимая то или иное решение относительно того, каким путём может пойти дальнейший генезис нашей

природы, мы должны помнить, что весь комплекс наших специфических признаков – это всего лишь мизерная толика характерных черт природы других видов. Не должны мы также забывать, что большая часть стереотипных форм человеческого поведения свойственна и другим живым существам, а по многим отношениям, таким как, в частности, кооперация, разделение труда, альтруистическое поведение, люди существенным образом уступают общественным насекомым. Следовательно, чтобы не ошибаться и надёжно определять достоинство одних и вредоносность других детерминирующих поведение человека наследственных характеристик, необходимо приступать к этому непростому делу, только предварительно серьёзно изучив эволюционное развитие социального поведения очень многих других животных видов.

Таким образом, Эдвард Уилсон фактически с самых своих ранних работ стал указывать на необходимость самого активного включения биологического знания в исследование природы человека. Но проблема в том, что сам этот термин – «природа человека» – обладал высокой степенью расплывчатости, варьируя свою фиксацию то природно-биологических основ человеческой жизнедеятельности, то саму человеческую сущность. Вследствие данной путаницы в книге Уилсона «О природе человека» обнаруживается немалое количество весьма спорных суждений, могущих и действительно создающих впечатление о его сугубом биологизаторстве в подходах к антропологической проблематике. Так, Э.Уилсон открыто отмечал, что «*Homo sapiens* есть обычный животный вид с генетически разнообразным поведением... Я также уверен, что скоро в нашей власти будет определять многие из генов, которые обуславливают поведение»⁷². При всём при этом им неоднократно подчёркивалось, что на формирование человека существенное значение имеют социокультурные факторы и, в первую очередь, воспитание и обучение.

Для более обстоятельного и глубинного познания человека Э.О.Уилсон считал необходимым провести реконструкцию предшествующей эволюционной истории форм социальной регламентации. И вот тут-то предлагалась точно

---

⁷² Wilson E.O. 1978. On human nature. Harvard Univ. Press, Cambridge. P.46

выраженная методологическая установка на прослеживание сходных черт в социальной организации и поведении человека и других животных видов. Уилсоном писалось на сей счёт: «Нельзя вообразить, что люди могли бы социализироваться принципиально иными способами, чем лемуры, гиббоны, бабуины... Таков фундамент, на котором основывается социобиология, когда выдвигает идею генетического контроля человеческого социального поведения»⁷³. Однако, следует заметить, что этот указанный якобы «фундамент» являет собой, скорее, форму не более чем предпосылочного суждения. По данному основанию проводилось перечисление разве что лишь отдельных, весьма разрозненных фактов, призванных подтверждать насущность сравнительного анализа человеческого поведения с поведением наиболее близких к *Homo sapiens* эволюционно-генетических родственников – обычных и человекообразных обезьян Азии и Африки. В частности, Э.Уилсон следующим образом описывал ряд характерных черт людских «близкородственных общественных группировок», акцентируя внимание на общности таковых с обезьяньими аналогами: группировки включают в себя где-то от 10 до 100 взрослых индивидов, но практически никогда не содержат всего лишь две особи, как это обычно бывает у птиц, или до нескольких десятков тысяч, как это распространено у некоторых видов общественных насекомых; в численной структуре группировки чаще всего самцов несколько больше, чем самок, как это встречается у шимпанзе; взросление молодняка связано с длительным процессом «социальной» адаптации, поначалу посредством тесного общения с матерью, потом через многообразные и многофункциональные контакты с иными сородичами-ровесниками; причём немалую значимость в практике общения, особенно в разнообразии форм социального поведения, имеет ритуализированная агрессия.

И вместе с тем такого довольно ограниченного перечня признаков сходства, по мысли Э.Уилсона, оказывается вполне достаточно, чтобы претендовать на

---

⁷³ Wilson E.O. Academic vigilantism and the political significance of sociobiology // *Bioscience*. 1976, №26.P.183

доказательство отсутствия радикального различия процесса социализации у человека от процесса «социализации» у приматов. Проблема наличия качественного отличия форм и способов человеческой коммуникации и специфики его социализации остаётся как бы вне поля рассмотрения. Стоит отметить, что в последующем, когда создавались более поздние работы социобиологов, которые специальным образом посвящались вопросам человеческой эволюции и человеческого разума, и когда эта проблема неизбежно выходила «из тени» и выступала на передний план, то и в этом случае доминирующим сохранялся тот вектор рассуждения, что связан с проведением изысканий, доказывающих эволюционно-биологическую общность человека и животного. Показательным в этой связи является исходное пренебрежение и даже нежелание социобиологов как-то определиться с содержанием понятия «социализация», что существенным образом не могло не ограничивать методологический базис изучения данной реальной мировоззренческой проблемы и не могло не оказывать негативный эффект тому, чтобы смочь выделить её естественнонаучный аспект.

При этом социобиология, как утверждают её адепты, в сравнении со сферой традиционной биологии обладает рядом преимуществ: во-первых, она предстаёт неким совокупным знанием, возникшим на основе интеграции таких областей, как популяционная генетика, эволюционная теория, этология и экология. Словом, это своеобразный междисциплинарный «гибрид». Во-вторых, в качестве отличия от традиционной биологии, социобиология не только не дистанцируется от гуманитарных наук, а даже, напротив, в состоянии выдвигать такие гипотезы, которые будут способны индуцировать в общественных дисциплинах потребу в разработке принципиально новых подходов и получение принципиально новых видов информации. Ясно, что вне рамок социобиологии подобного рода потребность появиться бы не могла. И, наконец, в-третьих, социобиология, по мнению самих социобиологов, ориентирована на активное включение в весь комплекс социально-гуманитарных наук достояние биологического знания и прежде всего «знание о тех биологических феноменах, которые менее всего

подвержены культурным адаптациям»⁷⁴. Выгодно выделяясь от традиционных биологических наук ширью охватываемого материала и своими новациями в отношении гуманитарного знания, социобиология, согласно Э.Уилсону, должна иметь основополагающей целью то, чтобы естествознанию, и прежде всего биологии, стать базой развития социальных наук.

Надлежит заметить, что внутри широчайшего спектра дискутируемых в социобиологии вопросов «сердцевину» её составляло и составляет именно проблематика этологии: к тем или иным аспектам поведения социобиологи вынуждены возвращаться вновь и вновь, какие бы стороны и нюансы представленного «нового синтеза» ни анализировались. И это вполне логично. Наличие главного интереса социобиологов, сосредоточенного на генезисе «социальных» способов организации в сообществах животных видов, объясняет, почему именно общению людей, взаимосвязи между ними, реализуемые в их поступках, придаётся столь большое значение, и почему именно они выступают как исходный объект рассмотрения. Не будь этого, было бы попросту невозможным провести реконструкцию самой организации, её структуры, иерархичности, эволюционного смысла того или иного сообщества. При этом, что любопытно, социобиологи не только свою работу не склонны идентифицировать с работой этологов, но и, более того, стараются в некотором роде дистанцироваться и от самой этологии как специальной биологической дисциплины о поведении. Как отмечает Уилсон, в то время как основная задача этологов состоит в пристальном и обстоятельном изучении поведения отдельного организма, включая действие его нервной системы и гормонов, то главная цель для социобиологов в концентрации своего внимания на значительно более сложных формах «социального» поведения и организации целых сообществ. Для этого является необходимым привлечение данных не столько из области анатомии и физиологии (как обстоит дело у этологов), сколько нужны свидетельства из таких сфер, как популяционная генетика и экология. А вот уже далее полученную информацию, касающуюся генетических, экологических и

---

⁷⁴ Wilson E.O. 1978. On human nature. Harvard Univ. Press, Cambridge. P.35

эволюционных аспектов поведения животных видов можно использовать для анализа определённых характеристик социального поведения человека.

В полной мере давая себе отчёт в тех трудностях прямой экстраполяции и тех методологических опасностях, которые подстерегают при такого рода переходе к человеку, социобиологи заверяют, что они не забывают извлекать уроки из истории этологии, с неизбежностью затрагивающими их отношение к расширительному смыслу термина «поведение». Более близкой из всех этологов им кажется установка, которую сформулировал в одной из своих работ Н.Тинберген: «Чего мы, этологи, не хотим, что мы считаем совершенно неправильным, так это некритичное приложение результатов наших исследований к человеку»⁷⁵. Но есть ведь и другая методологическая установка, служащая практически неизблемым ориентиром для социобиологов, и которая, не трудно заметить, не очень-то хорошо согласуется с первой. Её суть состоит в их убеждённости, что вполне возможно и необходимо определить некоторые инвариантные образцы поведения, с одной стороны, общие для животных и человека, а с другой – для людей разных культур. Эти инварианты способны, как считают социобиологи, пролить свет на эволюцию «социальности» в мире живого, а главное – помочь раскрыть биологические (генетические) основы человеческого поведения. Знание же этих основ, в свою очередь, и даст возможность сформировать «новую науку о человеке».

В этом, собственно, суть основной методологической платформы социобиологии, которая её сторонникам видится настолько безоговорочной, что многократно ими лишь воспроизводится, не становясь предметом, требующим специальной рефлексии. Ориентация на инвариантные образцы является фундаментом данной платформы, а весь арсенал средств исследовательской деятельности, по существу, «заточен» под задачу способов их отыскания. Надо сказать, что для биологии в целом проблема инварианта выступает источником немалых сложностей для построения в ней теоретического знания. В отличие, скажем, от физика или химика, специалист-биолог не может позволить себе

---

⁷⁵ Тинберген Н. Люди – эти непознанные существа: диалоги. М.: Мир, 1970. С.43

совершенно абстрагироваться от индивидуальных особенностей изучаемого биологического объекта и оперировать целыми классами объектов, не дифференцируемых друг от друга, так сказать, идентичных. Если такого рода идеализация иной раз и имеет место, то только в строго определённых частных исследовательских целях, которые не затрагивают ключевые вопросы проблемного поля эволюции. Кардинальная же значимость этой проблемы для познания всего живого обусловлена постоянным интересом исследователей к вопросам вариативности, к вопросам специфичных проявлений общих закономерностей, к той индивидуальной вариабельности и изменчивости, представление о которых у современных биологов восходит ещё к Ч.Дарвину, и которые справедливо оценивают их как его важнейший вклад в мировоззренческий базис оснований биологии. Методологический сдвиг в биологии от типологического стиля мышления к эволюционному в том, собственно, и заключался, что стала, наконец-то, практически общепризнанной решающая роль индивидуальной изменчивости и её распространение в пределах популяций. Однако в аспекте теоретическом данный процесс было бы нереальным представить, без выделения определённого рода общих, повторяющихся, относительно стабильных параметров популяции как фактической единицы эволюционного процесса. В этой смысловой плоскости инвариант и вариативность нераздельны, а их комплексное изучение поочерёдно выдвигается в качестве превалирующей задачи в соответствии с разными периодами развития той или иной области биологического знания.

Наиболее сильное доказательство, высвечивающее плодотворную роль инвариантов, – это, безусловно, признание универсальности генетического кода. Биохимическим единообразием всего живого можно обосновать использование генетического кода как исходной предпосылки постановки и решения самых многообразных исследовательских задач, в том числе и этологических. Определённая проблема в том, что современная генетика обладает на сегодняшний день таким высоким авторитетом, что попытки её «служителей» редуцировать сложнейшие процессы к их молекулярно-генетическому базису

продолжают восприниматься порой чуть ли не как единственный и достоверный способ исследования внутренних механизмов данных процессов и фиксации их общебиологического значения.

Исследовательский интерес по изучению инвариантов питает не только генетика, но и широкое проникновение системного подхода в сферу биологии, а также активный процесс математизации биологического знания. Является также важным, что гносеологическому охвату при этом подлежат и предметные области, расположенные как бы в пределах другого полюса по отношению к молекулярно-генетическому, – без системного подхода невозможно изучение экосистем и биосферы. Математическому моделированию биосферных процессов, всецело построенному на выявлении инвариантов, придаётся сегодня не только важнейшее познавательное, но социально-практическое значение. Скажем, во многих разделах экологической науки, актуальная значимость которых не требует доказательств, происходит успешное внедрение и развитие такого направления как «системная экология», которое широко использует метод формализации вообще и искусственный формализованный язык в частности, чтобы адекватно описывать реальные инвариантные характеристики экологических систем.

Короче говоря, сам по себе «дух инвариантности», который присущ современному этапу развития биологии, является важнейшей компонентой в том интеллектуальном климате, внутри которого пребывает и творит учёный. Посему социобиологи, когда выделяют инвариантные образцы поведения, не просто занимают позицию следования установке, провозглашённой классиками этологии. Между прочим, эта установка в нынешние времена подвергается критической перепроверке, что выливается в пересмотр общей программы в сторону утверждения необходимости модернизации классического варианта этологии к некой её «неклассической» модели, которая бы учитывала вариабельность и строила свои изыскания как многофакторные и комплексные по своему составу. Так что соотносительная связь между инвариантами и вариабельностью имплицитно включена в круг вопросов, касающихся самого предмета этологии.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что именно агрессивное поведение, как, вероятно, никакое другое, как раз и отражает весьма значимые для того или иного сообщества формы поведения. В этих формах выражен и зафиксирован тот «сгусток» перекрёстных линий межиндивидуальной коммуникации, что призвана скреплять эти сообщества и способствовать их стабилизации, самосохранению и развитию. Причастность и взаимозависимость такого явления, как «социабельность», и агрессивных образцов поведения совершенно явным образом обнаруживает себя и доказывает свою плодотворность. Дело в том, что сотрудничество членов того или иного социума с необходимостью предполагает формирование как образа «своего другого», в отношении которого возможны альтруизм и кооперация, так и создание и усиление сопутствующих охранительных функций отдельных особей и целых сообществ, то есть сопротивление и отпор «чужому другому», активное противостояние ему посредством агрессивного поведения. Акт явного неприятия «чужаков» является не чем иным, как крайней формой выражения одного из самых основных свойств всего живого, что в высшей степени необходимо для сбережения и сохранности дискретных, видовых его образований, и он выступает как умение чётко различать «своего» от «чужого». Проблемность безошибочного «узнавания», безусловно, обладает различным содержанием на молекулярном, клеточном и организменном уровнях, но сам факт её существования способен не только подтверждать, но и повышать актуальность вычленения в массиве поведения такого «инварианта», которому как раз и суждено наиболее явным образом заключать в себе эволюционный смысл «узнавания».

Таким образом, заниматься выделением инвариантов с методологических позиций является вполне правомерным. Данную процедуру, пожалуй, вряд ли даже требуется дополнительно обосновывать, ибо, чтобы приступить к воистину научному освоению предмета исследования, нужно начинать именно с представления о нечто стабильном и повторяющемся. Ясно также, что характерное для начального этапа развития этологии увлечение устойчивостью форм поведения с неизбежностью подкорректирует время. Однако поведение

животных является ещё столь мало изученным, что никак нельзя считать потерявшей свою актуальность задачу идентификации инвариантов. Критериальный базис их определения изменяется по мере накопления знаний, становится всё более обоснованным и увязанным с вариативностью. А сам процесс выделения инвариантности в принципе невозможен без учёта вариативности. Именно о перманентной подвижности поведенческих форм можно говорить как об исходном моменте для обозначения одних форм как инвариантных, а других – как переменных. Мало того, безусловно, что сам «инвариант» является определённой идеализацией, мысленным вычлениением из полного жизни и изменчивости биологического процесса его внутреннего «костяка», так сказать, некоторой «схемы».

Социобиологи вполне умышленно применяют процедурную методику подобного абстрактного вычлениения, ибо метод мысленного моделирования выступает у них одним из профилирующих орудий познания. Значимость инвариантности в равной мере берётся в учёт как для постановки, так и решения вопросов, высвечивающих эволюционную роль поведения, эволюцию органической «социальности». Но при этом именно с проблемного поля инвариантов и можно считать начало критики социобиологии, предпринимаемой как представителями гуманитарных наук, так и естествоиспытателями. И в сонме возникающих в этой связи вопросов, вероятно, самый главный следующий: в каком смысле и в каких границах идея «инварианта» годится для познания человека? Одно дело – инварианты поведения внутри популяции, другое – внутри видовой разнообразия, и, наконец, третье – в описании и объяснении поведения человека. Смещение, по крайней мере, трёх этих уровней исследования может сразу поставить под сомнение универсальность использования инвариантов. Более того, ситуацию усложняет ещё один фактор: социобиологией вслед за классической этологией признаётся лишь единственный способ обосновать инвариантность – доказать общность его генетической природы.

Однако что и по каким критериям полагать генетически детерминированным? Тут никуда нам не деться от метафоричности, от условности порой используемых

в употреблении такой терминологии, как, скажем, «ген альтруизма» или «ген эгоизма». Об этой немалой метафоричности весьма часто указывают социобиологам, потому что вряд ли кто-то из серьёзных учёных из какой-либо научной области, хотя бы в самых общих чертах сведущий в современных изысканиях генетики и молекулярной биологии, мог бы всерьёз рассуждать, имея в виду «гены» тех или иных личностных качеств человека, какие-то «положительные» либо «отрицательные» гены. Пусть в высшей степени стремительно развиваются наши знания в области молекулярной генетики, ген как был, так и остаётся не чем иным, а всего лишь фрагментом молекулы ДНК. Такие понятия, как «генотипическая среда», «плейотропное действие гена», «молчащие кодоны», наши новые данные о нестабильности генома – всё это свидетельства весомых, убедительных аргументов, опровергающих гипотезу о возможности точной локализации в геномном субстрате непосредственных пусковых механизмов поведения. Тем самым констатируется растущее несоответствие между нашим знанием о поведенческих реакциях и их сугубо генетическим истолкованием. Последний способ объяснения чаще всего опирается именно на фиксацию инвариантных характеристик тех или иных образцов поведения.

Получается нечто своеобразного порочного замкнутого круга: инвариант требуется доказать генетически, а выглядит он потому генетически, что представляет собой инвариант. Для того, чтобы прервать хождение по этому порочному замкнутому кругу одних свидетельств из области генетики поведения оказывается недостаточно. Мало того, их односторонность, односторонность становится явной, если иметь в виду и рассуждать о сложнейших проблемах индивидуального развития, тем паче в плане изучения поведения. Активность и приспособительность характера поведения, специфика осуществления поведенческого взаимоотношения на фенотипическом уровне пока ещё не удаётся объяснить на основе тех представлений по совокупности проблем «генотип-фенотип», которые находятся в «арсенале» у науки сегодня. Она по факту имеет в своём распоряжении лишь некоторые эмпирически установленные

закономерности, не обладая до сих пор умением сколь-нибудь внятного объяснения даже простейших, опытным путём подтверждаемых взаимосвязей между комплексом фенотипических признаков и геномом организма. Что же в таком случае можно с претензией на достоверность утверждать относительно наследования поведения? А между тем идея генетической предетерминации поведения, как правило, выступает в социобиологии в качестве постулата, не требующего какого-либо доказательства. Это с неизбежностью склоняет к определённой направленности, к определённой тенденциозности подбора и толкования эмпирического материала.

В дополнение к этому можно выявить и упомянуть ещё об одном существенном внутреннем противоречии исследовательской программы социобиологии: при общей установке по изучению социальных форм поведения специалисты-социобиологи имеют дело преимущественно с отдельной особью. И тут происходит явная недооценка того факта, что социальную структуру какого-либо сообщества должно представлять не просто в качестве внешней для индивида среды, а в роли той относительно самостоятельной по отношению к его генотипу системы, которая выступает носителем пусковых механизмов поведения. Ту или иную генетическую предрасположенность практически невозможно представлять обособленно и изолированно, не беря в учёт взаимодействие внутренних и внешних факторов, вне контекста процессов жизнедеятельности индивида в социально организованном сообществе. Само явление социальной организации живых организмов никак не редуцируется на уровень отдельных поведенческих актов. Все эти отдельно взятые поведенческие действия вписываются в рамки относительно стабильно существующей социальной организации, во многом продиктованы именно её качественными особенностями, которые не могут не влиять на комплекс потенциалов всякого индивида. Так что именно структуру социальной организации и следует рассматривать как во многом определяющий фактор. И вся её сфера отношений с отдельным индивидом скорее предстаёт в виде диалектики «внешнего» и «внутреннего», а не просто как связь категорий «наследственность-среда».

Последняя категориальная пара, конечно же, включена как важная составляющая в один из возможных аспектов по изучению взаимосвязи поведения со структурой организации сообщества, но нужно дифференцировать эти аспекты, а не подменять один другим. Таким образом, только при условии умения чётко различать указанные срезы исследования будет возможным вообще поднимать вопрос об их интеграции.

Теперь об универсальности применения метода аналогии. У метода аналогии по сопоставлению поведения животных и человека весьма давняя история, потому что он прямым и непосредственным образом увязан со сравнительным методом, являющимся традиционным для биологического знания. Многообразие животного мира всегда осваивалось через морфологическое, функциональное, эволюционное сравнение одних групп организмов с другими, через сравнительный анализ по аналогии и гомологии. Данная методика хорошо известна своими высокими результатами, что получены в таких областях, как сравнительная анатомия, морфология, физиология и эмбриология. Когда объектами сравнительного анализа становились довольно сложные поведенческие реакции и даже целые их системы, то, безусловно, существенно повышалась степень исследовательской значимости и познавательной ценности и названных методов.

Аналогия выступила, по существу, главным гносеологическим средством и социобиологической программы по изучению поведения. В данной связи социобиологи, естественно, опираются на те традиции, что сложились и прижились в «классической» этологии. Показательным в этом отношении является то, что Конрад Лоренц при вручении ему Нобелевской премии в декабре 1973 года выступил с докладом именно на тему «Аналогия как источник познания». Доклад этот интересен в первую очередь тем, что в нём поднималась проблема основных методологических предпосылок по исследованию поведения разных животных видов. Метод аналогии преподнесён Лоренцем сугубо в рамках его биологического содержания, то есть в плоскости того, как представлено важнейшее для познания жизни отношение «организм-среда». Так, к примеру,

появившиеся аналогичные функции у различных видов организмов связывались им как следствие воздействия сходных условий существования. Вот как об этом сказано в докладе Лоренца: «Где бы мы ни обнаружили, что две формы жизни, не связанные друг с другом, имеют некоторое подобие в форме или поведении, пусть даже в немногих деталях, мы утверждаем, что причина этого – параллельная адаптация посредством однотипной жизнесохраняющей функции»⁷⁶. Следует заметить, что в качестве основы некоторым аналогичным характеристикам различных организмов может выступать и гомологичность структур: «Гомология может быть определена как любое сходство между двумя видами, которое может быть объяснено их общим происхождением от единого предка, обладающего тем отличительным признаком, по которому эти виды подобны друг другу»⁷⁷.

К.Лоренц рассматривает как аналогию, так и гомологию исключительно в их значимости для процесса приспособления. Тот или иной способ человеческой адаптации не видится Лоренцем как принципиально иной по сравнению с тем, что у животных, хотя им и говорится всё же о другой, культурной, среде человека. Но это больше похоже на всего лишь упоминание, мало связанное с изменением трактовки самого процесса адаптации. По мысли Лоренца, универсальность его смысла вполне может оправдать прямое сопоставление человека как биологического вида с иными видами живых организмов. Единственным условием, которое непременно надо при этом соблюдать, является то, что должно сравнивать и аналитически взвешивать отнюдь не любые, а именно регулярно возникающие формы поведения, и прежде всего те, которые имеют наивысшую ценность выживания.

«Строго научным» примером подобного рода сопоставительной параллели К.Лоренц считает, скажем, выявленное им сходство в поведении, демонстрирующем влюблённость и ревность, которое иллюстрирует собой гусь и человек. Гомологии в данном случае быть не может, она исключена, так как общим для всех птиц и млекопитающих предком было пресмыкающееся, а оно,

---

⁷⁶ Lorenz K. 1974. Analogy as a source of knowledge/ Science// Vol.185. №4147. P.230

⁷⁷ Ibidem

как известно, наделено слишком малым мозгом, чтобы быть способным к проведению сколь-нибудь сложных форм поведения. Значит, по Лоренцу, существовала ранее и сейчас в наличии более или менее «идентичная ценность для выживания, которая и определила то, что поведение влюблённости и ревности у человека и птицы развилось идентично»⁷⁸. На этом, однако, во-первых, фиксация эволюционной ценности аналогии и исчерпывается, а, во-вторых, с её помощью нам ничуть не удаётся прояснить, а в чём, собственно, заключена эта найденная ценность для выживания, каков тот комплекс физиологических механизмов, что обуславливают существование неплохо знакомого нам поведения влюблённости и ревности.

В этом, в общем, существо тех чрезмерных надежд на использование метода аналогии, воспринятых позднее социобиологией, которые исходят из убеждённости Конрада Лоренца в том, что сходству в поведении непременно должна предшествовать генетическая база. Приходится счесть посылку об «идентичной ценности для выживания», по меньшей мере, не менее абстрактной, нежели и общий постулат об адаптационной значимости поведения. Тем не менее, данную посылку встраивают в логическую цепь умозаключений, что призваны обосновать идентичные пути поведенческого развития животного и человека. Отсюда, кстати говоря, и та весьма своеобразная лексика, что употребляется этологами, и которая, соответственно, позднее взята на вооружение и социобиологами. Дело в том, что этология как наука о поведении обладает такой уж спецификой своего предмета исследования, что она выстраивается как бы «сверху вниз»: за исходный рубеж берутся привычные образцы человеческого поведения, и от них идёт нисхождение к поведению других живых организмов, в качестве базисной лексики выступают обыденные понятия, описывающие жизнедеятельность человека, и от них осуществляется переход к описанию жизнедеятельности вообще. Если делать моделью познания оперирование обобщающими суждениями о поведении, тем самым заведомо становясь на новый, более высокий, уровень освоения реальности, то и не мудрено, что у

---

⁷⁸ Ibid. P. 232

некоторых исследователей действительно может ошибочно создаваться впечатление о знакомости, привычности и явной известности самого феномена поведения и давней отработанности всех языковых форм его выражения. Именно следствием неправомерности подобного рода суждений по аналогии как раз и явилось то, что в научную лексику этологии и социобиологии вошли понятия «агрессии», «эгоизма», «альтруизма», «влюблённости», «ревности» и другие сугубо антропоморфные термины. Однако антропоморфизация поведения животных вполне может допускать и обратную операцию – схожее логическое движение по аналогии уже «снизу вверх», которое чревато уже откровенно биологизаторскими трактовками поведения человека. Существо проблемы в том, что биологи, изучая царство животных, оперируют понятиями, относящимися к человеку, а затем, приобретя определённый багаж знаний на фазе биологических исследований, проводят их экстраполяцию в сферу жизнедеятельности человека, что, без сомнения, не только значительным образом огрубляет её, но и ликвидирует её качественную специфику. Взять хотя бы для показательного примера такие, казалось бы, сугубо биологические термины, как «полигиния» и «полиандрия»: но даже и тут просматривается явная антропоморфизация – ведь они переводятся соответственно как «многожёнство» и «многомужество»

Таким образом, составной частью «методологического кредо» социобиологии выступает целый набор гносеологических постулатов, в отношении которых не было проведено достаточного глубокого критического анализа. Логико-методологический и эмпирический уровни познания, как известно, обладают спецификой своих целей и задач, особенностью своей структуры и функциональной направленности, а у социобиологов зачастую по факту происходит недопустимое их смешение. И что немаловажно: оно является характерным не только в постановке и решении социобиологами, скажем, проблемы инвариантных поведенческих образцов или, к примеру, в некритичном использовании метода аналогии, но и в целом для манеры мышления социобиологов. Более того, анализ современного методологического аппарата этологии недвусмысленным образом вскрывает истоки этого способа мышления:

социобиологи продолжают уверенной поступью следовать за «классиками» этологии, как бы они на словах ни пытались дистанцироваться от последних, и склонны раз за разом повторять их логику обоснования ключевых методологических позиций.

§2. Классическая социобиология как контрапункт этологического понимания сущности агрессии

Невозможно рассуждать по вопросам сущности и спектра проявлений человеческой агрессивности, совершенно не касаясь проблемы отношения социобиологии к этике. Это тоже, кстати говоря, одна из излюбленных тем, заявленных с самых первых работ Э.О.Уилсона. Смело можно утверждать, что проблематика этических норм и принципов человеческого поведения, вопросы свободы воли и свободы выбора интересны социобиологам потому, что именно через активное вторжение в эту сферу человеческого бытия социобиологам видится поле практической применимости основополагающих идей своего направления.

Однако претворение в жизнь предлагаемых путей нравственного совершенствования связывается почти исключительно лишь с «благотворным» действием пропаганды научного знания природно-биологических основ этики. Здесь вновь усиленно продвигается идея о возможном сведении комплекса вопросов природы человека к своду биологических характеристик разных сфер человеческой жизнедеятельности. Безусловным оправданием подобного рода исканий социобиологов в проблемном массиве биологических основ этики человека, по заверениям Э.Уилсона, может служить практически полное отсутствие такой исследовательской работы в современной науке и философии. Так, по его словам, философия «начинает с предположения о существовании этих ценностей, но не с их возникновения»⁷⁹. Более того, подчёркивается, что сам процесс становления морали и её исторический генезис нет никакой возможности понять только на основе анализа собственно культурных феноменов. Вот что на сей счёт писал Э.Уилсон: «Может ли культура изменять человеческое поведение, приближая к альтруистическому совершенству? Может ли она обладать силой некоего магического талисмана или создать нечто подобное скиннеровской технологии, которая претендует на производство расы святых? Ответ – нет!!!»⁸⁰.

---

⁷⁹ Wilson E.O. Academic vigilantism and the political significance of sociobiology// Bioscience, 1976. P.299

⁸⁰ Wilson E.O. 1978. On Human Nature». Harvard Univ. Press Cambridge. P.165

Поддерживает Э.О.Уилсона в этой его позиции канадский философ, убеждённый сторонник и активно выступающий в роли защитника социобиологии Майкл Рьюз. В своей статье «Эволюционная этика: здоровая перспектива или окончательное одряхление?» он отмечает: «Тем не менее, есть философы, которые ощущают сейчас, что вызов биологии не должен и не может быть устранён столь просто. Это правда, что работы Уилсона, в частности, и других биологов вообще, доказывающих, что эволюция содержит в себе ключ к адекватному пониманию этики, изобилуют просчётами и явными ошибками. Но только лишь защищаться или бросаться в критическую атаку – значит упустить многое из того, что может обладать большой ценностью даже и для профессионального философа. В конце концов, нельзя отрицать того, что мы, люди, не суть особое творение бога – бога, пожелавшего создать нас по своему образу и подобию несколько тысячелетий тому назад. Скорее, мы суть конечный продукт длительного, медленного, постепенного естественного процесса. Мы – умные животные, но всё-таки – животные. Этот факт мы обязаны принимать во внимание даже тогда, – и в особенности тогда – когда размышляем о самом человеческом из всех человеческих атрибутов, каким является наше моральное чувство... Лично я прочно принадлежу теперь к группе философов, разделяющих такую позицию. Я убеждён, что, будучи далёкой от окончательного одряхления попыткой понять природу человека, исходя из эволюционной перспективы, эволюционная этика представляет собой свежий и яркий подход»⁸¹.

Хотя очевидно и другое: социобиологи не могут не замечать те сложности как естественнонаучного, так и методологического характера, что с неизбежностью возникают при реализации их установки на биологизацию этики и ту явную неоднозначность реакции на их эти попытки со стороны либеральной общественности. В частности, речь идёт об обвинении социобиологии с позиции определённой части этой самой общественности чуть ли не в пропаганде идей социал-дарвинизма. От этого надо было строго и разом отмежёвываться. И

---

⁸¹ М.Рьюз Эволюционная этика: здоровая перспектива или окончательное одряхление?// Вопросы философии, 1989, №8. С.35

социобиологи, надо отдать им должное, никогда не забывали это делать. В качестве примера можно привести статью, написанную в тандеме Майклом Рьюзом и Эдвардом О.Уилсоном «Дарвинизм и этика». Там есть и такие слова: «И действительно, социальный дарвинизм становится не чем иным, как неприкрытой апологией реакционных капиталистических доктрин. Руководствуясь подобными представлениями, некоторые люди считали себя вправе утверждать, будто дарвинизм показывает не только неотвратимость борьбы за существование, но и что успех, достигнутый в этой борьбе, – вещь хорошая с точки зрения морали. Эта разновидность социально-дарвинистского движения достигла своего апогея в утверждении Джона Ф.Рокфеллера, основателя компании «Стандард Ойл», заявившего, что закон крупного бизнеса есть закон природы и что вполне приемлемо и правомерно, когда успешно ведущие свои дела организации (подобно компании «Стандард Ойл») прижимают к стенке своих конкурентов»⁸².

По мнению социобиологов, в XX столетии все попытки вводить нравственность в рамки эволюционного процесса встречались, как правило, неодобрительно. И на это имелось несколько причин. Во-первых, большинство экскурсов исследователей викторианской эпохи в область эволюционно интерпретируемой этики оставляло желать много лучшего в смысле моральных перспектив их выводов. Люди понимали, что те или иные утверждения относительно добродетелей, содержащихся в борьбе за существование, в весьма малой степени были связаны с биологией и в ещё меньшей – с моралью. Люди, пытавшиеся обосновать положение, будто их преуспевание в качестве капиталистов оправдано эволюцией, занимались своего рода идейным самообслуживанием. Во-вторых, выяснилось, что многие из хорошо известных попыток связать мораль с биологией опирались на неадекватное, явно ошибочное понимание самого эволюционного процесса. Герберт Спенсер сам утверждал, например, что «эволюция прогрессирует от монады к человеку и внутри самого вида Homo – от дикаря к англичанину...»⁸³

---

⁸² М.Рьюз, Э.О.Уилсон Дарвинизм и этика// Вопросы философии, 1987, №1. С.94-95

⁸³ Там же.С.95

И, наконец, в-третьих, ещё одной причиной того, почему традиционная эволюционная этика свелась к нулю, было то, что философы начали рассматривать в новом свете взгляд, впервые целостно сформулированный Дэвидом Юмом. Смысл этого взгляда заключается в том, что существует радикальное различие между утверждениями, касающимися фактов, и утверждениями моральными. Фактуальные утверждения говорят нам лишь о том, каковы вещи. Моральные же утверждения говорят нам о том, каковы вещи должны быть. Моральные утверждения являются предписаниями для действий и поступков. Фактуальные же утверждения являются лишь описаниями и сами по себе никогда не могут стать призывом к тому или иному действию, образу поведения. Например, может быть вполне истинным утверждение, что убийство кажется мне отвратительным актом. Утверждение, однако, пишут авторы, «что не должно убивать, выходит за пределы испытываемого мною личного отвращения. В данном случае, утверждение «не убий» соприкасается с моей личной склонностью, однако нравственность с её нормами и наши склонности вполне могут оказаться в конфликте друг с другом»⁸⁴.

Философы, мысляще в рамках юмовских традиций, считают, что утверждения о фактуальной стороне эволюционного процесса сами по себе не могут быть императивами, вынуждающими нас к тому или иному действию. Сам факт, что нечто возникло в процессе эволюции или способствует этому процессу, ничего не говорит нам о его истинности или ложности. На этот счёт авторы статьи указывают: «Подтверждая позицию Хаксли, философы показывали, что многие аспекты эволюции хотя и естественны, но для нас, однако, было бы не очень-то морально принимать их безоговорочно. Чтобы проиллюстрировать это на современном примере, сошлёмся на оспу. Её вирус – естественно развивающееся явление, однако, когда Всемирная организация здравоохранения стремилась искоренить его, то её действия рассматривались как вполне

---

⁸⁴ Там же. С.95-96

моральные, причём всеми. Ни у кого не возникло вопроса о том, будто плохо в этом случае противодействовать эволюции»⁸⁵.

Э.О.Уилсон полагает, что честные исследователи-биологи обязаны предупредить человечество о грозящей ему опасности. Спрашивается, в чём эта опасность? Он поясняет, что человеческая природа несёт в себе груз «большого наследства», доставшегося современному человеку от охотника-собирателя первобытных сообществ. Но поскольку род человеческий сейчас живёт не во времена дубин и каменных топоров, любое провоцирование и потворствование агрессивным проявлениям нашей природы чревато мировой катастрофой, глобальным самоистреблением. Вот почему «человеку разумному» важно научиться управлять своей природой в будущем. А для этого её надо видеть «без прикрас», тщательно исследовать все её проявления и начинать, конечно, именно с природно-биологических её характеристик.

Это касается в полной мере и даже в первую очередь изучения феномена агрессивности. Тут социобиология опирается на значительный базис этологического материала, накопленного прежде всего К.Лоренцем и Н.Тинбергеном. К.Лоренц, в частности, полагал, что агрессия является неким перманентным состоянием живого организма, т.е. свойственным ему постоянно, и именно агрессивное поведение, по его мнению, как раз наиболее полно и проявляет индивидуальность и активную сущность организма. Однако не все из социобиологов согласны с К.Лоренцем касательно его интерпретации агрессивности как социального инстинкта. Да и вообще отношение социобиологов в своём большинстве к категории «инстинкт» в её приложении к спектру социальных характеристик человека сдержанно-скептическое. В частности, Дэвид П.Бэрэш в своей книге «Мысли про себя: эволюция и происхождение человеческой природы» пишет следующее: «Много чернил было истрачено на обоснование того, что люди инстинктивно агрессивны. В социобиологическом стиле мышления это положение вторично пониманию того, что агрессивное поведение имеет место лишь тогда, когда оно максимизирует

---

⁸⁵ Там же. С.96

соответствие. Первые довольно грубые теории инстинктов заявляли, что наша потребность действовать в определенной манере нам врожденна и автоматизирована, так что и выход агрессивности, таким образом, неизбежен. Так этолог Конрад Лоренц полагает, что мы перенаправляем наши агрессивные импульсы в сторону целей, которые более конструктивны или, по крайней мере, менее деструктивны, такие как спортивные соревнования или даже состязания в космических исследованиях. Социобиология, однако, предполагает, что наша наивысшая потребность – максимизация соответствия. И если мы хотим понять, скажем, человеческую агрессивность, нам бы следовало, в первую очередь, изучить, эволюционные издержки и выгоды, что предоставляет агрессивность при определенных обстоятельствах»⁸⁶.

В человеческом поведении есть лишь очень немного из того, что автоматизировано или является продуктом предельно упрощенных причин и следствий. Агрессивность – вовсе не результат ни инстинкта, ни неминуемого действия естественного отбора. Именно это и подчеркивает Д.П.Бэрэш: «Для особи агрессия – в высшей степени рискованное занятие и отнюдь не то, что может быть предпринято с лёгкостью. Некоторые из этих факторов коренятся в наших генах. Другие – в окружающей среде, данные нам через опыт. Наши гены как бы консультируют нас и дают «добро», когда агрессия – уместная реакция и предоставляет нам выгоду. В этом и только в этом смысле агрессивность может считаться инстинктивной»⁸⁷.

Так что социобиологи склонны придерживаться, скорее, более «умеренных», тинбергеновских, оценок. И, как результат, они выдвигают суждение, согласно которому человек всё же не признаётся таким уж «суперагрессором» в мире земной фауны. Однако социобиологи не подвергают сомнению тот тезис, что данная форма общественного поведения являет собой одну из самых характерных черт человеческой природы. Будучи особым типом поведенческой реакции, агрессия более чем бы то ни было роднит человека с животными, является

---

⁸⁶ Barash D.P. 1979 *The Whisperings Within: Evolution and the origin of human nature*. N.Y.: Harper & Row. P.171-172

⁸⁷ Ibid. P.172

биологически необходимой и «представляет собой такие образцы реакций, которые адаптивны и специально отобраны в процессе эволюции»⁸⁸.

Вот почему, считает Э.О.Уилсон, те из обществ, что поставят себе задачей всецело нивелировать агрессивные проявления в обыденной жизни своих членов, добьются лишь снижения общей приспособленности человека, поскольку некоторые из агрессивных эмоций, стереотипов поведения выполняют функцию своеобразных клапанных механизмов, выпускающих, так сказать, «пар», т.е. избыток накопившейся негативной энергии, не находящей себе иного, более конструктивного, выхода. Но при рассмотрении комплекса причинно-следственных связей возникновения и развития человеческого разума Э.Уилсон выражает несогласие с теми из авторов, что расположены безмерно возвышать роль естественного отбора, преувеличивать борьбу за существование у наших пращуров, а посему подчёркивать эволюционное значение войн и межплеменных баталлий. Э.О.Уилсон полагает, что агрессивность может проявляться в защите и захвате территории, борьбе за доминирование в границах социально организованных групп, актах агрессии при присвоении чужого, актах агрессии хищника по отношению к жертве, контратаки жертвы против агрессора и даже в виде некой «моралистической» и «дисциплинарной» агрессии, осуществляемой в рамках того или иного сообщества, как правило, в учебно-воспитательных целях.

При этом организованные и социально санкционированные виды общественной агрессии, например, войны, по мысли Э.О.Уилсона, нельзя принимать за наследственно обусловленные формы группового поведения. Однако, по его мнению, люди, несомненно, обладают наследственной предрасположенностью к весьма лёгкому научению в отношении некоторых форм взаимной агрессии – опыт долгого и нелёгкого эволюционного развития не прошёл для человечества даром. Если к тому же у социума есть явная надобность в прямом проявлении агрессии (к примеру, если ему суждено вступить в борьбу за жизненное пространство или необходимые ресурсы), а также если в нём происходит бережное хранение и культивирование исторических традиций таких

---

⁸⁸ Wilson E.O. 1975 Sociobiology: The New Synthesis. Harvard Univ. Press, Cambridge. P.255

форм поведения (скажем, усиленно муссируется в общественном сознании образ врага, искусственно разжигается ненависть к какому-либо народу), то в таком случае групповая агрессивная иступленность с большой степенью вероятности не заставит себя долго ждать и не замедлит сказаться. Вот тогда-то, замечает Уилсон, «практика войны являет собой пример развития гипертрофированной биологической склонности»⁸⁹.

Закономерный вопрос: а имеют ли социобиологи на сей счёт какие-либо доказательства, базирующиеся на эмпирических исследованиях? И в самом деле такого рода работа проводится. В частности, Дэвидом Бэрэшем проведена серия экспериментов, направленных на изучение поведения рыб и птиц. В естественных условиях он был свидетелем, к примеру, специфического полового поведения помацентровых рыб, у которых откладывание икры – прерогатива самок, а основные функции самцов – защита территории и забота о потомстве. Бэрэш установил, что в период формирования брачных пар самки явно предпочитают самцов, демонстрирующих достаточно выраженную степень агрессивного поведения. Это было для самки своего рода «намёк» на то, что данные самцы будут в состоянии должным образом обеспечить охрану их общего «дома» в течение периода пока потомство ни достигнет половозрелости. Схожее поведение по отношению к своим будущим супругам демонстрируют самки белоголовой воробьиной овсянки⁹⁰. При этом, как вывел Д.Бэрэш, агрессивность как эволюционно необходимое свойство проявляет себя во время полового поведения лишь на протяжении строго определённого периода – только тогда, когда у самки или потомства не хватает сил самим обеспечить себе защиту от агрессора. По мере же подрастания молодняка, по мере того, как он становится всё более самостоятельным, соответственно этому происходит снижение и агрессивности самца.

Интерпретацию своих экспериментов и даже их описание Д.Бэрэш проводит в соответствии со своей теоретической схемой, представляемой им как

---

⁸⁹ Wilson E.O. 1978. On Human Nature. Harvard Univ. Press, Cambridge. P.116

⁹⁰ Barash D.P. 1980. Predictive sociobiology: Mate selection in damselfishes and blood defence in white-crowned sparrows/ Sociobiology: Beyond Nature// P.209-226

«центральная теорема социобиологии». Согласно этой «теореме», у всякой формы социального поведения непременно имеется генетическая основа, заставляющая особей действовать так, чтобы максимизировать успех для себя и своих сородичей. И это, как утверждает Д.Бэрэш, «характерно не только для поведения общественных животных, но и человека»⁹¹.

У некоторых сторонников социобиологии есть стремление обосновать наличие наследственной природы агрессивности у человека тем, что видят проявления агрессии как коренящиеся во всеобщих свойствах живого – актах соперничества и конкуренции. Вот, в частности, каков способ рассуждения в этой связи Д.Борджи. Конкуренцию, считает он, как одну из фундаментальнейших форм социальных взаимоотношений индивидов, можно подразделить по двум типам: конкуренцию в толпе – свалку и конкуренцию в парном соперничестве – борьбу. В случае вопроса по обладанию источниками жизненно важных ресурсов первый тип конкуренции, безусловно, предшествует второму: естественно, изначально у всех есть стремление получить к ним доступ. Однако вскоре возникает другая проблема – проблема контроля за ресурсами, и вот тут приходит время фазы конкуренции в соперничестве. Именно второй этап, по мнению Борджи, и характерен максимальным проявлением агрессивности. Зато в последующем прибегать к актам агрессии вовсе нет никакой нужды: установление и закрепление иерархических связей индивидов детерминируют на дальнейший период их поведение⁹².

Однако главным аргументом, выдвигаемым в обоснование и поддержку социобиологической интерпретации агрессивности, оказывается тезис, утверждающий её адаптивную роль в процессе эволюции. То, что мы называем «агрессией», согласно Э.О.Уилсону, является не чем иным, как генетически преддетерминированными и самой эволюцией отобранными в развитии мира живого образцами поведенческих реакций. Характеристика этих образцов такова, что у каждой особи процессом естественного отбора обретается способность

---

⁹¹ Barash D.P. Human reproductive strategies: a sociobiology overview// The Evolution of Human Social Behavior. N.Y. 1980. P.146

⁹² Borgia G. Human aggression as a biological adaptation// The Evolution of Human Social Behavior. P.165

подразделять остальные живые существа на «своих» и «чужих». А, значит, непременно должен существовать врождённый алгоритм отбора по чёткому критериальному отличению родственников и друзей от «чужаков». Как раз в адрес этих «чужаков» агрессивность является не только возможной, но и просто необходимой. В этом отношении род человеческий, как полагают сторонники социобиологии, подобен всем прочим биологическим видам и даже смог превзойти их по способности существенного усиления проявления своей внутривидовой агрессии, а именно – организовывать и вести целенаправленную войну.

Дифференциация «своего» от «чужого» с сопутствующим активным неприятием в адрес последних обозначается термином «ксенофобия» (т.е. страх перед чужаками). Согласно взглядам Р.Александера, приучить человека негативному или настороженному отношению к другому человеку, скажем, иностранцу без соответствующей наследственной базы – весьма проблематично. Должны, по его мнению, существовать определённые гены, которые и заставляют нас реагировать именно таким, а не каким-либо иным образом⁹³. Явную симпатию к «генетике ксенофобии» выражают Ч.Дж.Ламсен и Э.О.Уилсон. Непосредственно ссылаясь на исследовательские работы И.Эйбл-Эйбесфельдта, они дают такое описание реакции малых детей в процессе их встреч с незнакомцами: «Ребёнок отворачивается, прячет лицо в плечо матери и начинает плакать. Эта относительно сложная реакция впервые возникает в возрасте от 6 до 8 месяцев и достигает пика в течение следующего года. Она не зависит от предшествующего опыта общения с иностранцами, не связана с сигналами или какими-нибудь знаками дискомфорта со стороны матери»⁹⁴.

Через грубость и примитивность человеческой природы склонен видеть ксенофобию и агрессию М.Рейс, профессор биологии Кембриджского университета (Англия). И, вероятно, единственный способ избавления от них, по его мнению, – это решительное совокупное действие генетических и

---

⁹³ Alexander R.D. 1979. Darwinism and Human Affairs». Seattle. P.126

⁹⁴ Lumsden C.J., Wilson E.O. «Promethean Fire: Reflection on the Origin of Mind». Cambridge, 1983, p.70

«миметических» преобразований⁹⁵. Посредством введённого в своё время Ричардом Докинсом и используемого в научном обороте термина «мим», М.Рейс именно в рамках его контекстуального смысла даёт оценку позитивному вкладу социобиологии в проблематику современной этической мысли, в активизацию процесса нравственного самосовершенствования человека, его обращению к идеалам гуманизма и мирного сотрудничества. Сам же этот термин, его смысловое содержание Р.Докинс разъясняет буквально в первом параграфе своей «нашумевшей» книги «Эгоистичный ген». В нём он утверждает, что абсолютно всё, что может эволюционировать, должно быть эгоистичным. По его разумению, эгоистична и молекула, и клетка, и все многоклеточные организмы, и, конечно, сам человек. Такое верховенство и триумф эгоизма Докинс объясняет лежащими в основе всего живого молекулами ДНК и их феноменальным умением «эгоистичного» воспроизведения себе подобных. А потому истинным содержанием эволюции, как он отмечает, является отбор генов и создание ими всё новых и новых живых организмов как «машин для выживания генов»⁹⁶. Следовательно, одна единственная функция – «быть эгоистичным» – это и есть наиболее явная и характерная черта всего живого, предопределённая специфическими свойствами генетического воспроизведения. Ясно и другое: понятию «функция», столь необходимому и незаменимому в рамках любого биологического исследования, придан тут явно мистический смысл. Если вся уровневая организация живого сориентирована и нацелена на процесс всё более полного осуществления «функции эгоизма», то всей проблематике эволюционной доктрины нужен коренной пересмотр.

Получается так, что превращается в несущественную разница и в закономерности генезиса таких непохожих друг на друга и разноуровневых целостных образований, как отдельные организмы, популяции, виды, биоценозы и, наконец, биосфера. А, значит, в данной ситуации также становится неважным несходство в путях индивидуального и филогенетического развития процессов

---

⁹⁵ Reiss M.J. Human sociobiology: The challenge of sociobiology to ethics and theology// Zygon: Journal of Religion and Science. 1984, Vol.19, №2, pp.117

⁹⁶ Dawkins R. The Selfish Gene. Oxford, 1977. P.2-4

микро-и-макроэволюции, и им можно пренебречь. Будучи единой и присущей всему живому, «функция эгоизма» нивелирует, по существу, всякие различия, подчиняя их себе и выстраивая процесс эволюции вдоль кардинального вектора по усовершенствованию способов реализации данной функции. Хочется заметить, что, в свою очередь, становится очевидным, что в таком виде вырисованный эволюционный процесс имеет мало общего с дарвинской картиной эволюции, хотя, надо сказать, что Ричард Докинс, равно как и все социобиологи, беспрестанно уверяет нас в своей преданности идеям Чарльза Дарвина.

Обратив свой взор собственно на социальную проблематику, на поведение человека, Р.Докинс за исходную берёт ту же предпосылку, что он «с успехом» применял и по отношению ко всему органическому миру: функцию быть эгоистичным он видит данной изначально от природы, и именно её надо мыслить как составляющую фундамент основного содержания эволюционного процесса. И, несмотря на то, что *Homo sapiens* уникален в мире живого, но, тем не менее, он тоже является не чем иным, как «машиной для выживания генов», только, без сомнения, более совершенной, созданной процессом генно-селективной эволюции в потребу и угоду «эгоистическому гену». Что любопытно: основой развития человеческой цивилизации, как оказывается, тоже выступает некий «репликатор», что Докинс и обозначает термином «мим». «Мим» (от греческого – «mimetes»), согласно его концепции, является единицей культурной передачи, единицей подражания. В роли «минов», согласно Р.Докинсу, выступают мифы, предания, легенды, распространённые представления и стереотипы, афоризмы, байки, анекдоты, фасоны одежды, удачные способы ведения работ и т.д. Выходит так, что «мимы» появляются на свет, набирают силу, получают широкое распространение и умирают в соответствии со своими какими-то мистическими, нам не ведомыми, законами, и никоим образом не определимы конкретно-историческим форматом жизнедеятельности людей.

В лучшем случае, когда Ричард Докинс упоминает объективные и доступные в научном познании основы эволюции «минов», то ему приходится вновь и вновь возвращаться к аналогии с генами. Следует заметить, что это даже более чем

аналогия, так как процесс функционирования «мимов» явным образом скоррелирован (правда, не совсем понятно, как именно) с процессом функционирования генов, а особенности в существовании и развитии «мимов» всецело представляют собой копию закономерностей на молекулярно-генетическом уровне живого. Отсюда и далеко идущие выводы о фатальной неизбежности эгоизма как профилирующей черте, пронизывающей человеческие взаимоотношения. У человека как «машины для выживания генов» нет свободы воли в осуществлении выбора своего поведения. И хотя у Р. Докинса в завершении его книги звучат призывы бороться с «безжалостными репликаторами», проходит апелляция к благотворным силам культуры и нравственности, но от трагизма человеческого существования никуда не деться, он налицо: человек генетически запрограммирован на эгоизм, ему просто необходим спасительный альтруизм, развитое общение, направленное на поддержку и взаимопомощь. Увы, но реального, практического выхода из данного, в высшей степени драматического, положения человечества из этой монографии Р. Докинса никак не просматривается. Оттого и всеми отмечаемая пессимистическая тональность его социобиологических идей.

В своей уже другой книге «Расширенный фенотип: длинная рука гена» Ричард Докинс ссылается на работу Мэйнарда Смита, английского биолога и генетика, «Об эволюции». Так вот в той книге, вышедшей ещё в 1972 году, на основе одной из сконструированных моделей, посвящённой сражениям у животных, Мэйнард Смит постулировал следующие «пять конкурирующих стратегий, или конкурирующих программ»:

1. Сражайся в соответствии с ритуалом; отступай, если противник оказывается сильнее или начнёт обострять конфликт.
2. Дерись всерьёз. Отступай только в случае ранения.
3. Начинай сражение в соответствии с ритуалом. Обостряй конфликт только в ответ на возрастающую агрессию противника.
4. Начинай сражение в соответствии с ритуалом. Обостряй конфликт, только если противник продолжает сражаться в соответствии с ритуалом.

5. Дерись всерьёз. Если противник ведёт себя так же, отступай до того, как получишь рану»⁹⁷.

Ричарда Докинса чрезвычайным образом заинтересовали эти выделенные стратегии, анализ которых он вознамерился употребить для подкрепления и развёртывания своей концептуальной линии. Вот что он по этому поводу пишет: «Для моделирования на компьютере пришлось определить эти пять «стратегий» более строго, но для нашего понимания лучше записать их в виде простых приказов на человеческом языке. В данном случае существенным является то, что эти пять стратегий рассматривались так, как если бы они (а не отдельные особи) были самостоятельными конкурирующими объектами. В компьютерной модели были установлены правила «размножения» успешных стратегий (предполагалось, что особи, использующие успешные стратегии, размножаются и передают потомству генетическую предрасположенность использовать те же стратегии; подробностями пренебрегали). Речь шла не об успехе индивидуума, а об успехе стратегии»⁹⁸.

Другой важный момент заключается в том, что Мэйнард Смит занимался поиском «наилучшей» стратегии только в очень специфическом смысле. Практически он искал эволюционно стабильную стратегию, или ЭСС. Упрощённо говоря, ЭСС – это стратегия, успешная против копий самой себя. Такой критерий может показаться странным, но в действительности логика здесь «железная». Если программа, или стратегия, является успешной, то это значит, что её копии будут стремиться стать более многочисленными в имеющейся совокупности программ до тех пор, пока, в конце концов, эта стратегия не станет практически всеобщей. Следовательно, она окажется окружённой собственными копиями. Поэтому для того, чтобы остаться всеобщей, она должна успешно конкурировать с копиями самой себя – успешнее, чем редкие альтернативные стратегии, появляющиеся вследствие мутаций или заносимые извне. Программа, не

---

⁹⁷ Maynard Smith On Evolution. Edinburg: Edinburg University Press, 1972. P.19

⁹⁸ Ричард Докинс Расширенный фенотип: длинная рука гена. М.: Астрель, 2010. С.209

являющаяся эволюционно стабильной в этом смысле, просуществовала бы недолго и потому не успела бы дать нам повод придумывать её объяснение.

В случае с вышеперечисленными стратегиями Мэйнард Смит хотел выяснить, что же произойдёт в популяции, где имеются копии всех пяти программ: есть ли среди них такая, которая, став доминирующей, сумеет сохранить своё численное превосходство перед любым новым конкурентом? Он пришёл к выводу, что «программа под номером 3 и есть ЭСС: когда она очень многочисленна в популяции, никакая другая программа из приведённого списка не будет более эффективной. Говоря об «эффективности» программы или о том, что она «успешна», мы умозрительно измеряем успех способностью этой программы распространять свои копии в следующее поколение. В реальности это, вероятнее всего, будет означать, что успешная программа обеспечивает выживание и размножение выполняющему её животному»⁹⁹.

С определённого рода фатальной неизбежностью мы сталкиваемся в социобиологической литературе и относительно человеческой агрессивности. Так, в частности, Майкл Рьюз, в большей мере с философских позиций отстаивающий социобиологию, также склонен трактовать ксенофобию в качестве фундаментального природного явления. По его оценке, ксенофобия имеет тенденцию становиться всё в возрастающей степени политически взрывоопасной, о чём могут свидетельствовать обе мировые войны в Европе, вооружённое противостояние между католиками и протестантами в Северной Ирландии и угроза уже новой, ядерной, войны¹⁰⁰. Показательно, но у него нет даже и намёка на то, чтобы как-то теоретически «покопаться» и аналитически выйти на социально-экономические, межнациональные, межрелигиозные, классовые причины малых и больших войн и военных конфликтов. Не найти нам у Майкла Рьюза сколь-нибудь ясного понимания того, что у исследования проблематики войны и мира, особенно что касается исторического и социально-философского

---

⁹⁹ Там же. С.209-210

¹⁰⁰ Ruse M. 1981. Sociobiology: Sense or Nonsense? N.Y.: Harper & Row. P.77

её аспектов, должно быть не столько биологическое, сколько идеологическое измерение.

Кстати, свою знаменитую книгу «Социобиология: смысл или бессмыслица?» Майкл Рьюз заканчивает такими словами: «Я далёк от признания, что социобиологи добились слишком многого. Я утверждаю лишь то, что их грехи не так серьёзны, как утверждают их критики. Социобиологии человека должен быть дан шанс доказать свою ценность. Если она не сможет сделать этого, исходя из своих посылок, она достаточно скоро потерпит крушение. Но если она докажет свою жизненность, то это принесёт высокие научные дивиденды»¹⁰¹. Естественно, это касается не в последнюю очередь и социобиологического толкования агрессивности.

Пора теперь непосредственно обратиться и к самому основоположнику социобиологии – Э.О.Уилсону. Так вот пятая глава его великолепно написанного (не случайно же её автор лауреат Пулитцеровской премии) и фундаментального труда «О природе человека» целиком посвящена агрессивности. Он её начинает с несправедливого и весьма не простого вопроса: от рождения ли люди агрессивны? И вслед за тем, что констатирует его как излюбленный вопрос университетских семинаров и коктейльных бесед, а также один из тех, что взбадривает эмоции идеологов всех мастей, даёт однозначный ответ – да. Уилсон подчёркивает, что за последние три столетия большинство стран Европы так или иначе были втянуты в военные конфликты на протяжении более половины этого срока. Получается с периодичностью «50х50» – год войны, год мира. Все общества выработали особо строгие санкции за преступления против личности: убийство, изнасилование, разбой, вымогательство и т.п. Наиболее же существенно в этом, по мнению Уилсона, то, что формы человеческого агрессивного поведения видово специфичны: несмотря на свою базово приматную форму, они, тем не менее, содержат черты, отличающие их от любых форм агрессии всех остальных видов. И далее он замечает, что «лишь полностью изменив, исковеркав до полной

---

¹⁰¹ Ibid. P.214

непригодности, смысл терминов «врождённость» и «агрессивность» можно успокаивать себя тем, что человеческая агрессивность, мол, не врожденна»¹⁰².

Э.О.Уилсон напоминает, что теоретики, желающие реабилитировать гены и обвинить человеческую агрессивность, основываясь исключительно на порочности окружающей среды, указывают на то ничтожное количество обществ, которые почти либо всецело миролюбивы. Но они забывают, что врождённость относится к категории измеримой вероятности, когда то или иное свойство будет развиваться лишь при наличии специфического средового «набора», а отнюдь не к категории необходимости, когда свойство будет развиваться при любом средовом окружении. Исключительно миролюбивые народы сегодняшнего дня были, как он отмечает, выдающимися разрушителями в былом и, вполне возможно, что снова станут поставщиками солдат и убийц в будущем. Среди современных Кун Сен (бушмены Калахари) ожесточённость у взрослых практически отсутствует; антрополог Элизабет Маршалл Томас очень точно окрестила их «безобидные люди». Но всего пятьдесят лет тому назад, когда эти бушменские популяции были многочисленнее и не находились под строгим контролем центрального правительства, соотношение у них убийств на душу населения приравнивалось к уровню Детройта и Хьюстона. Малайские семаи демонстрируют ещё большую пластичность. Они не причастны даже самой идее несдержанной агрессии. Убийства им не знакомы. Нет даже точного слова для его обозначения («удар» – наиболее употребляемый эвфемизм). Детей не бьют, а к обезглавливанию курицы относятся как к крайней, достойной сожаления, необходимости. Родители заботливо воспитывают детей именно в этом русле ненасилия. Когда в 1950-е годы семайские мужчины рекрутировались британским колониальным правительством для участия в кампании против коммунистов-партизан, то они даже и не подозревали, что быть солдатом предполагает сражаться и убивать.

---

¹⁰² Wilson E.O. 1978. On human nature». Harvard Univ. Press, Cambridge. P.100

Масса людей, знавших семаи, настаивали, что подобный ненасильственный народ никогда не сможет дать хороших солдат, писал американский журналист Роберт К.Дентон. Но оказалось, что они очень и очень ошибались.

Террористы убили родственников одного семаи из страхующего отряда. Взятые из своего ненасильственного общества и поставленные под приказ убивать, они, казалось, ринулись на его исполнение с каким-то умопомешательством, названным, кстати, ими самими «опьянением кровью». Вот типичный рассказ ветерана. «Мы убивали, убивали, убивали. Мы могли бы остановиться и заняться обшариванием карманов, забрать часы или деньги. Мы просто о них не думали. Мы думали исключительно об убийстве. Мы буквально упивались кровью». Один из них даже рассказывал, как он пил кровь только что убитого им человека»¹⁰³.

Э.О.Уилсон определяет войну как насильственное разрушение очень сложной и мощной ткани соблюдаемых социальными группами территориальных табу. Сила, стоящая за большинством воинствующих политических деяний, по его мнению, – это этноцентризм – иррационально гипертрофированная, возвеличенная преданность индивидов их родству и соплеменникам. Примитивные люди делят мир на две неравные осязаемые части: ближнее окружение – дом, своё селение, родня, друзья, знакомые и одомашненные животные; и дальнее окружение – соседские поселения, межплеменные союзы, недруги, дикие животные и духи. Эта «природная топография» высвечивает, обнажает и обличает среди видимого окружения врагов, кто может и должен быть атакован и убит, и друзей, кого следует оберегать. Эта контрастная дихотомия невероятным образом усилена этической и эстетической редукцией, низведением недругов бесстыдному, безобразному и даже дочеловеческому статусу.

Э.О.Уилсон приводит живописный и жутковатый пример с племенем мундуруку, сведения о которых он почерпнул у Р.Ф.Мёрфи, – охотников за головами из Бразилии. Они мало того, что в полной мере проявляли все эти отличительные черты, но и вдобавок не метафорически, а вполне в буквальном

---

¹⁰³ Ibid. P.101

смысле воспринимали и соотносили своих врагов с дичью. Вот как он это описывает: «Воины говорили о «париватах» («не-мундуруку») в тех же терминах, что и о диких свиньях и тапирах. Высший статус жаловался обладателю трофейной человеческой головы. Считалось, что он тем самым получает сверхъестественную силу леса. Боевые действия были овеяны подвигом и рафинированы в высокое искусство, при проведении которых на другие племена организовывалась умелая охота, будто на свору особо опасных зверей.

Рейды планировались с особенной тщательностью. Под покровом предрассветных сумерек мундурукские мужчины окружили вражью деревню, в то время как их шаман был занят усиленным, но бесшумным вводом в спящий транс её обитателей. Атака началась на рассвете. Первым делом были выпущены зажигательные стрелы в крытые соломой хижины, затем атакующие с воплем ринулись из леса на деревню, преследовали выскакивающих из хижин жильцов и обезглавливали столько взрослых мужчин и женщин, сколько оказывалось возможным. Ввиду того, что полное уничтожение всей деревни – дело сложное и рискованное, атакующие быстрехонько ретировались, прихватив с собой головы жертв. Они продолжали форсированный марш, пока хватало сил, до привала, а затем направлялись либо к дому, либо к следующей вражеской деревне»¹⁰⁴.

Э.О.Уилсон ссылается на Уильяма Х.Дюрхэма, проанализировавшего данные Роберта Ф.Мёрфи по мундуруку, и представившего, по его словам, убедительные доказательства того, что боевые действия и метафора дичи – прямые адаптации, повышающие персональное соответствие мундурукских воинов. В традиционной манере учёного-естествоиспытателя Дюрхэм приспособил и «упаковал» свидетельства мундурукских и других примитивных боевых действий в набор трёх взаимно исключаящих и конкурирующих гипотез, которые, по мнению Уилсона, исчерпывают возможные отношения между наследственностью и культурой. Давайте ознакомимся с ними.

Гипотеза 1. Культурные традиции военных действий в примитивных обществах эволюционировали независимо от способности людей к выживанию и

---

¹⁰⁴ Ibid. P.104

воспроизводству. Люди ведут войны по очень многим культурным причинам, но при этом не имеющих никакой сообразной связи с генетическим соответствием, т.е. с успехом в выживании и воспроизводстве индивида и его близких родственников. Примитивные войны в должной мере не объяснимы, исходя из принципов социобиологии; они более понятны как чисто культурные феномены, продукты социальной организации и политического устройства.

Гипотеза 2. Культурные традиции примитивных военных действий эволюционировали благодаря селективному удерживанию черт, повышающих генетическое соответствие людей. Люди ведут войны с целью достижения долговременного репродуктивного успеха при конкуренции как с другими племенами, так и с другими членами своего собственного племени. Несмотря на вою внешнюю неблагоприятность, война может быть именно тем прецедентом правила, согласно которому культурная практика всецело адаптивна в дарвинском смысле.

Гипотеза 3. Культурные традиции примитивных военных действий эволюционировали посредством процесса группового отбора, благосклонного к самопожертвенным тенденциям некоторых бойцов. Воины вступают в битву за свою группу и, таким образом, не могут рассчитывать на непосредственную выгоду для себя и своих близких родственников. Племя, одержавшее победу, способно к расширению за счёт увеличения абсолютного числа альтруистических бойцов, даже невзирая на то, что этот генетический тип в период войн относительно редет в сравнении с другими членами племени. Склонность к агрессии – хороший пример того, что культурная практика направляема в определённой степени генетическими характеристиками, благоприятствующим именно целым группам, а вовсе не отдельным членам, их проявляющим».

И хотя Э.О.Уилсон, безусловно, отстаивает вторую из указанных гипотез и в меру сил её и продвигает, всё же он не склонен соотносить агрессивность с той или иной формой общественного инстинкта. Напротив, он считает агрессивное поведение одной из генетически наиболее лабильных черт, а ответственность за большинство её классов возлагает на перенасыщение среды обитания. По мере

роста популяции возрастает и агрессивность. В результате, такое поведение побуждает членов популяции распространяться, распределяться в пространстве, что неуклонно повышает уровень смертности и, наоборот, понижает уровень рождаемости. В этом смысле агрессивность, по мнению Уилсона, – «концентрато-зависимый фактор» по контролю за ростом популяции. По мере того, как усиливается его интенсивность, он действует в качестве клапана для замедления и, в итоге, для остановки роста численности. Да и вообще агрессивность должна хоть чем-то быть полезной для особей. «В противном случае, если она не даёт никакой выгоды, то крайне маловероятно, что она стала бы кодироваться естественным отбором в наследственный поведенческий багаж вида»¹⁰⁵ – не без основания замечает Э.О.Уилсон.

В случае мундурукских «коллекционеров голов» именно вторая гипотеза, по убеждению Уилсона, наилучшим образом объясняет поведение воинов. Жестокость и мужество даруют прямые и вполне осязаемые выгоды для индивидов, демонстрирующих эти качества. И хотя отсутствуют веские демографические доказательства, сетует Уилсон, но косвенные свидетельства предполагают, что мундуруку были (да и до сих пор остаются, только в более пацифичном состоянии) лимитированы ничем иным, как дефицитом высококачественного протеина. Господствующий концентрато-зависимый фактор туземных поселений мундуруку облёкся в количество дичи, особенно диких свиней, в окрестных влажных лесах. Охота была главным рутинным мужским занятием. Обыкновенно они работали группами, и затем делили добычу меж семьями в соответствии со строгими местными правилами. Соседские племена конкурировали меж собой за этот ресурс в частично перекрывающихся охотничьих угодьях. И когда эти конкуренты опустошались убийственными набегами, доля мундуруку в лесном урожае соответственно возрастала. Биологический эффект войны в успехе мундурукских «собираателей голов», по мнению Уилсона, просто очевиден.

---

¹⁰⁵ Ibid. P.108

Хотя мундуруку сами по себе, следует признать, были куда как далеки от осознания какого бы то ни было дарвинского преимущества. Их оправдание воинственного поведения было полностью укрыто могущественными и пока непонятными санкциями обычая и религии. «Собирание голов» было просто данностью их существования. Ни защита территории, ни провокации других групп не упоминались в племенном кодексе как причина войны. «Можно сказать, что вражеские племена побуждали мундуруку идти воевать просто из-за их существования», – писал Мёрфи, – «и слово для врага означало ничего более, как всего лишь не-мундуруку». Традиционная религиозная практика была сфокусирована на мольбах об обилии пищи и ритуальном соблюдении порядков в целях их сохранения. Мундуруку считали, что сверхъестественный дух матерей неминуемо мстит тому охотнику, кто убил ради шкуры, а тело оставил гнить. Так что нет ничего удивительного, отмечает Уилсон, что концепция врага была субординационна концепции дичи. Равно, как и то, что удачливого охотника за головами называли «дайебоси» – «матерью диких свиней». Хотя мундуруку отнюдь не достигали реализации этих предписаний посредством понимания экологических принципов интерферентной конкуренции, концентратной зависимости, животной и человеческой демографии. Они изобрели более простой и более яркий «космос» из друзей, врагов, дичи и посредничающих духов леса, служащих, собственно, той же цели, что и уяснение экологии¹⁰⁶.

Особые, специфичные формы организованного насилия, по мнению Э.О.Уилсона, вовсе не наследственны. Нет генов, дифференцирующих платформу истязаний от единовременных истязаний, охоту за головами от каннибализма, спортивного чемпионата от геноцида. Взамен этого существует, считает он, врождённая предрасположенность к производству культурного аппарата агрессии, отдаляющего сознающий разум от «сырого» биологического процесса, кодированного генами. Культура задаёт специфику форм агрессии и освящает единообразие её практики для всех членов племени.

---

¹⁰⁶ Ibid. P.109-110

Культурная эволюция агрессивности, согласно концепции Э.О.Уилсона, направляется сообща следующими тремя движущими силами: 1) генетической предрасположенностью в отношении научения определённым формам общественной агрессивности; 2) необходимостью, навязываемой окружающей средой и ощущаемой обществом; 3) предшествующей историей группы, склоняющей её в отношении принятия одной культурной новации в противовес другой. Используя более общую метафору эволюционной биологии, отмечает Уилсон, общество, подвергаясь культурной эволюции, скатывается по откосу очень длинного ландшафтного развития. Каналы легализованной агрессии глубоки; культура скорее всего задействует тот или иной из них, но при этом выбор окончательно не предопределён. Эти каналы оформлены взаимодействием между генетической предрасположенностью к научению агрессивным реакциям и физическими свойствами окружающей среды, благоприятствующим специфическим формам реакций. Общество при этом подвергается серьёзному воздействию, склоняющего его к принятию определённого направления, со стороны идиосинкразических черт его предшествующего культурного развития.

С этих концептуальных позиций Уилсон делает социобиологическое заключение в отношении привлечённого эпизода из жизни мундуруку и задействует ещё один дидактический пример – на сей раз уже из обычаев яномамё – ещё одного «затерянного» племени сельвы Амазонки. «Итак, население мундуруку были явно лимитированы дефицитом высокопродуктивного протеина, и посему они совершенствовали охоту за головами как своего рода конвенцию, посредством которой конкуренция снижалась на этой охотничьей основе. Племя яномамё северной Венесуэлы и северной Бразилии, напротив, временно находится в состоянии популяционного роста и территориальной экспансии. Репродукция же ограничена не пищей, а наличием женщин. Один из принципов социобиологии животных, до сих пор лишь частично тестированный, гласит, что в условиях своего избытка и отсутствия эффективных хищников самки имеют тенденцию становиться концентрато-зависимым фактором, ограничивающим популяционный рост. Как показал Наполеон Шагنون, яномамё ведут войны за

женщин и в порядке кровной мести, что также, в конечном счёте, возвращает к конкуренции в отношении женщин. И это не пустяшная озабоченность. Кстати, их прозвали «свирепым народом». Одна деревня, изучаемая Шагноном, двадцать пять раз за девятнадцать месяцев подвергалась набегам со стороны соседей. Четверть всех мужчин яномамё гибнет в баталиях, а оставшиеся в живых воины зачастую бешено успешны в деле воспроизводства. Основатель одного блока деревень имел сорок пять детей от восьми жён. Все его сыновья были также весьма плодовиты, так что приблизительно 75% всего населения этого блока деревень были его потомками.

Очевидно, что специфичные конвенции агрессии – к примеру, засада в противовес открытым военным действиям и орнамент каменных топоров взамен бамбуковых копий – в значительной степени зависимы от подручных материалов и осколков прежних обычаев, которые могли быть с успехом приспособлены. По точному выражению Клода Леви-Стросса, культура использует «bricolage» («подручный материал»), пригодный ей. Вот что не так очевидно, так это процесс, предрасполагающий людей к фабрикации агрессивных культур. Лишь через рассмотрение детерминант агрессивности по трём уровням – первичного биологического предопределения; наличных требований окружающей среды; и случайных деталей, содействующих культурному сдвигу – мы сможем полностью постичь её эволюцию в человеческих обществах»¹⁰⁷.

Несмотря на то, что данные свидетельствуют о том, что биологическая природа человека запустила эволюцию организованной агрессивности и ориентировочно направляла ход её ранней истории, отмечает Э.О.Уилсон, тем не менее, её конечный результат будет детерминироваться именно культурными процессами, всё в возрастающей мере контролируемые рациональным мышлением. Практика войн, по его мысли, – типичный пример гипертрофированной биологической предрасположенности. Примитивные люди раскалывают свой универсум на друзей и врагов, реагируя весьма быстро и глубоко эмоционально даже на весьма кроткие угрозы, исходящие извне

---

¹⁰⁷ Ibid. P.116-117

достаточно произвольно устраиваемых границ. С возникновением государства эта тенденция стала институализироваться. Война была усвоена в качестве инструмента политики целым рядом обществ, и те, что использовали её наиболее интенсивным образом – и в этом трагедия – становились и наиболее преуспевающими. Эволюция военных действий стала автокаталитической реакцией, не могущей быть остановленной ни одним из народов в виду того, что попытка в одностороннем порядке повернуть вспять этот процесс значило самому стать жертвой. Действовала своего рода новая форма естественного отбора, но на уровне целых сообществ. Э.О.Уилсон приводит выдержку из «пионерской» работы по этому вопросу Куинси Райт: «Вне воюющих народов возникала цивилизация, а в это время миролюбивые собиратели и охотники неуклонно стирались с лица земли – они постепенно либо истреблялись, либо поглощались, с сомнительным удовлетворением взирая на нации, столь эффективно владеющие войной, чтобы уничтожать их и тем увеличивать своё могущество, а ныне становящиеся жертвой своего же собственного инструмента»¹⁰⁸.

Э.О.Уилсон также приводит данные Кейт Оттербайн, антрополога, проведшего количественные исследования переменных, аффлектирующих воинственное поведение в сорока шести культурах от относительно незамысловатых, таких как Тиви и Хиваро, до более передовых обществ, таких как египетское, ацтекское, гавайское и японское. Его основные выводы, правда, не привнесли особого сюрприза: по мере того, как общества становятся более централизованными и сложно устроенными, они создают и более искушённую военную организацию и технику боя; и чем значительнее их военная умудрённость, с тем большей вероятностью они расширяют свои территории и вытесняют конкурирующие культуры.

Цивилизации продвигались вперёд обоюдными толчками культурной эволюции и организованного насилия, а в наше время они подошли к рубежу в один шаг от ядерной катастрофы. Хотя как только страны достигают края обрыва, как в Формосанском проливе или на Среднем Востоке, их лидеры доказывали, что

---

¹⁰⁸ Ibid. P.118-119

они способны повернуть вспять. По знаменитым словам Аббы Эбана по случаю арабо-израильской войны 1967 года, люди прибегают к разуму лишь как к последнему спасению¹⁰⁹.

Однако не только он, но и сама эскалация боевых действий может быть «реверсирована» даже при наличии укоренившейся «бойцовой» культурной практики. Э.О.Уилсон приводит убедительный и показательный в этом отношении пример с маури. В доевропейские времена новозеландские маури были среди наиболее агрессивных народов на Земле. Набеги их сорока племён друг на друга были часты и кровавы. Обиды, вражда, возмездие прочно удерживались в памяти племён. Защита своей чести и отвага были верховными раритетами, а победа силой оружия – высшим достижением. Согласно Эндрю Вайде, эксперту по примитивным войнам, истинным движителем боевых походов маури была экологическая конкуренция. Месть вела к открытой войне за землю, а затем и к территориальным захватам. Союзы базировались на основе родства; маури совершенно сознательно и откровенно расширяли свои территории за счёт генеалогически наиболее отдалённых линий. В 1837 году, когда воины Хокианга прибыли на место битвы между двумя частями племени Нга-Пухи, они были в полной растерянности в отношении того, к какой из сторон примкнуть, так как они были равно родственны обеим. Главным эффектом этих территориальных войн была стабилизация населения. По мере того, как группы переполнялись, они расширяли свои владения, замещая и уменьшая соперничающие группы. Маури были постоянно меняющейся мозаикой племенных групп, сродни популяции кенийских львов, поднятой на уровень его всеобъемлющей концентрации посредством территориальной агрессии, действующей как экологический контроль.

Эта ужасающая эквилибристика, в конце концов, была порушена и повернута вспять, как только они познакомились с европейским огнестрельным оружием. Маури были просто заморожены первыми мушкетами, показанными им британскими колонистами. Один путешественник так описал одну из своих

---

¹⁰⁹ Ibid. P.120

встреч, датированную 1815 годом: «Выстрелив из охотничьего ружья по птице, примостившейся на соседнем дереве, так уж случилось, что я в неё попал, и это сразу же повергло всю деревню – мужчин, женщин, детей – в неистовое замешательство; те, кто не в силах был хоть как-то объяснить происшедшее, залились истошным воплем. Показав им только что застреленную мной птицу, которую они очень внимательно рассматривали, и, указав на другую, я выстрелил и в неё, и вновь попал, так вот при этом их повторное изумление было даже сильнее, чем в первый раз»¹¹⁰.

В течение нескольких лет вожди маури заполучили ружья и принялись употреблять их с опустошительным эффектом на своих соседей. Один из них, вождь племени Нга-Пухи – Хонги-Хики – купил 300 ружей у британских торговцев и начал свою быструю карьеру в качестве завоевателя. До своей смерти в 1828 году он и его союзники предприняли многочисленные экспедиции, в которых уничтожили тысячи людей. И хотя их непосредственной мотивацией была месть за былые поражения, всё же расширение их влияния и территорий были отнюдь не адекватны этому. Остальные племена поспешили также вооружаться с целью достижения заново паритета в условиях эскалации военных действий.

Гонка вооружений вскоре стала самосдерживающейся. Даже победители вынуждены были платить высокую цену. Чтобы добыть побольше мушкетов, маури были обречены на неординарные траты своего времени для изготовления льняного полотна и других товаров, которые бы они могли обменять у европейцев на ружья. А для того, чтобы вырастить большой объём льна многие из них перемещались в заболоченные низины, где они массой и умирали от разных болезней. За период примерно двадцати лет мушкетной войны целая четверть всего населения погибла по той или иной причине, связанной с конфликтом. К 1830 году Нга-Пухи уже начали подвергать сомнению использование баталий в качестве мести; прежние ценности вскоре полностью были порушены. В конце 30-х и начале 40-х годов прошлого века все маури очень быстро и массовым

---

¹¹⁰ Ibid. P.121

порядком обратились в христианство, а войны меж племенами окончательно прекратились»¹¹¹.

Резюмируя всю представленную аргументацию, Э.О.Уилсон подчёркивает, что человеческая агрессивность не может быть объяснена ни в качестве «падше-ангельского» порока, ни в качестве скотского инстинкта, но и не в качестве патологического симптома воспитания в условиях жестокого окружения. Люди, отмечает он, сильно предрасположены реагировать с безрассудной ненавистью на внешние угрозы и существенно обострять свою враждебность до полного поражения источника угрозы при допустимом запасе собственной безопасности. Наш мозг запрограммирован следующим образом: мы тяготеем к делению остальных людей на друзей и чужаков настолько же, указывает Уилсон, насколько птицы склонны к научению территориальным песням и навигации по полярным созвездиям. Мы предрасположены с глубокой опаской относиться к действиям незнакомцев и разрешению конфликтов посредством агрессии. Эти правила вероятнее всего, считает он, эволюционировали в продолжении последних сотен тысяч лет и, значит, даровали биологическое преимущество тем, кто приспособился к ним с наивысшим соответствием.

Обучение открытой агрессивности, по мнению Уилсона, в значительной степени атрофировано. Мы уже не охотники-собиратели, разрешающие свои споры посредством копий, стрел и каменных топоров. Но признание устаревшими правил не означает их устранения. Мы можем, полагает он, лишь обустроить нашу жизнь, грамотно огибая их. Чтобы оставлять их латентными и не востребуемыми, мы должны сознательно идти теми непростыми и практически непроторенными тропами психического развития, которые ведут к овладению и снижению глубинной человеческой тенденции научиться насилию.

Свою главу, посвящённую человеческой агрессивности Э.О.Уилсон заканчивает такими соображениями: «От яномамё доводилось слышать: «Мы устали воевать. Мы не хотим убивать больше. Но вот остальные вероломны и им нельзя доверять». Несложно заметить, что все люди думают примерно таким же

---

¹¹¹ Ibid. P.122-123

образом. Поставив пацифизм как высшую цель, учёные и политики найдут весьма полезным углубление исследований в области антропологии и общественной психологии, а также публичного представление этого знания в качестве части политических наук и ежедневных дипломатических процедур. Для обеспечения более прочного фундамента для мира политические и культурные узы могут быть развиты настолько, что создадут целый клубок перекрёстных обязательств лояльности. Учёные, великие писатели, некоторые из наиболее преуспевающих бизнесменов и марксисты-ленинцы, более или менее осознанно на протяжении поколений именно этим и занимаются. Если же это переплетение сделать ещё более внушительным, то станет обескураживающе сложным для будущих народов воспринимать друг друга всецело дискретными на основе сравнимых отличий по расе, языку, статусу нации, религии, идеологии и экономическим интересам. Без сомнения существуют и иные техники, посредством которых этот аспект человеческой природы может быть очень мягко и осторожно стреножен в интересах человеческого же благоденствия»¹¹².

Техники-то, конечно, есть и весьма, надо признать, вариативные и ухищрённые, но степень эффективности их отчего-то катастрофически низка. Человечество не вчера родилось и за свою долгую историю смогло по несколько сот раз перепробовать практически все из них – и всегда фиаско с удручающим постоянством. Значит, человеческая агрессивность – тот фундаментальный фактор нашего бытия и то фундаментальное свойство нашей природы, что никакой социализацией не нивелируется, никакой культурной обработкой не переламывается и не перемалывается, никакими техниками не «шлифуется». Если бы это было возможным, то тогда бы действительно наступил «золотой век» человеческой цивилизации. А так получается, что в одночасье, скажем, просвещённая нация учёных, музыкантов, философов и поэтов трансформируется в нацию небывалых злодеев и убийц, а веками и даже тысячелетиями славящийся рассудительностью и гостеприимством народ превращается в «коллективного неврастеника» с садистскими замашками и наклонностями. Говорят, что надо

---

¹¹² Ibid. P.124-125

развивать межрасовые, межэтнические, межнациональные, межрелигиозные и т.п. культурные связи, что будет весьма и весьма способствовать образованию «клубка» перекрёстных знакомств и личных дружеских уз, что, в свою очередь, вроде бы существеннейшим образом должно снижать эмоционально-психологическую готовность разрешать возможные конфликты насильственными методами, а также вообще радикально уменьшать вероятность их возникновения. И это, в общем, верно. Но с одной оговоркой: не всё, к сожалению, так просто. Как прикажете тогда объяснять тот проклинаемый всеми странный феномен, что именно гражданские войны являли миру чудовищную жестокость, самые свирепые злодеяния и отсутствие какого бы то ни было милосердия. В гражданских войнах никакие конвенции не работают, пленных, как правило, расстреливают. А уж как, казалось бы, люди знакомы друг с другом – прямо-таки по-родственному знакомы: друг идёт на друга, брат идёт на брата. Так что помнить обо всём этом жизненно необходимо, считаться с этим, безусловно, надо, но вовсе не значит, что надо мириться. Если не удаётся и, по всей видимости, никогда не удастся (я очень надеюсь, что в будущем до генно-инженерных, евгенических, экспериментов на сей счёт всё же не дойдёт) кардинальным образом «исправить» человеческую природу, то, по возможности, максимальное смягчение и «оцивиливание» неизбежных выходов нашей агрессивности – дело не только вполне разумное, но и вполне выполнимое.

§3. Теория генно-культурной коэволюции как содержательная новация в деле изучения человеческой агрессивности

Анализ неоспоримых успехов в области эволюционной биологии XX столетия, особенно в таких областях, как экологии, этологии и популяционная генетике, отчётливо высветил значимость коэволюционных процессов, к примеру, при формировании коммуникативных систем, в которых наличествует очевидная нужда в совместной эволюции как передающих, так и воспринимающих подсистемных блоков, в целях достижения внятных объяснений способа и манеры коммуникационных, обоюдных поведенческих образцов общественных животных и т.д. Идея коэволюции, которая ещё совсем недавно была в роли не более чем периферийной в теории эволюционизма, бывшая обязанной своим возникновением, по сути, только лишь надобности объяснения комплексов разнообразного симбиотического взаимоотношения, в настоящее время всё в большей и большей степени переходит в фазис нашего явного осознания и принятия во всю свою практическую ширь и философскую глубину, и буквально на глазах превращается из «второстепенной» в центральную всему эволюционистскому способу мышления. Мало того, в самых разных разделах биологического знания всё громче и громче звучит мысль о генно-культурной коэволюции, о совместной эволюции нашей психики и социокультурной эволюции, и в целом – об общей коэволюции природы и человека. Идея коэволюции сегодня трансформируется в программную целому ряду естественнонаучных направлений и настоятельно требует кардинальных перемен в наших ориентирах и установках. Если мы не сможем перестроить и видоизменить наш устоявшийся, привычный способ мысли, если мы не сможем перевести идею коэволюции в ранг стратегической для всего естественнонаучного и философского подхода по изучению нашей взаимозависимости с природой, у нас, по всей видимости, останется мало шансов продвинуться хоть немного вперёд в наших давних усилиях постичь суть взаимоотношения природы и человека, взаимосвязи эволюции психики и эволюции поведения животных, с одной стороны, и эволюции человеческого

разума, с другой, объединить между собой биологическую и социокультурную эволюцию.

Следует заметить, что аналог идеи коэволюции человека и природы был заложен ещё Владимиром Ивановичем Вернадским в рамках его концептуального взгляда на неминуемый переход биосферы в ноосферу. Однако о глубоком значении именно коэволюционного процесса для осознания взаимоотношения человека и биосферы, по-видимому, первым из мыслителей совершенно ясно и определённым образом указывал советский генетик Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский в 1968 году. Терминологически же понятие коэволюции было предложено всё же в 1964 году учёными-экологами, для коих коэволюция – не что иное, как процесс взаимного приспособления биологических видов. Ими было обращено внимание на то, что при этом взаимодействии между видами могут быть выделены такие спецификации: 1) хищничество и паразитизм; 2) комменсализм; 3) конкуренция; 4) мутуализм, или взаимная выгода. Так вот обоюдная эволюция видов, образующих именно мутуалистическую ассоциацию, и может, собственно, быть названа как коэволюция. В свою же очередь, в самом процессе коэволюции различают две его разновидности: 1) мутуалистический (взаимовыгодный) и 2) немутуалистический, при котором одна из составляющих тандема несёт собой пагубное действие на другую. Иллюстрацией первой разновидности коэволюции может служить специализированное сосуществование того или иного цветка и его опылителя; иллюстрацией второй разновидности коэволюции может служить взаимоотношение хищника и жертвы, хозяина и паразита, хозяина и патогена и др.

Хотя он своим происхождением сугубо биологичен, то бишь относителен к изучению совместного процесса эволюции разных биологических целостностей, термин «коэволюция» сегодня самым активным образом подключается к обсуждению предельно общих философских проблем миробытия и перспектив развития человека. Когда речь идёт о коэволюции человеческого общества и органической природы, то она уже перестаёт быть областью исследований сугубо естественнонаучного толка. Эту констатацию подтверждает современная научная

доктрина о глобальном эволюционизме, претендующая на то, что даёт видение обобщённой картины всего процесса эволюции. О популярности парадигмы коэволюции говорит хотя бы тот факт, что академиком Н.Н.Моисеевым в своё время был сформулирован так называемый «коэволюционный императив», выделяя тем самым не только богатый научный потенциал, но и чрезвычайно значимый нравственный смысл идеи коэволюции.

Сегодня достаточно плодотворно ведётся обсуждение как бы двух полярных уровней коэволюции – молекулярно-генетического и биосферного. Коэволюционный процесс человечества и органического мира весьма остро поднимает проблему синтеза знаний, необходимость соединения разнокачественных страт коэволюции, самого разнообразного представления о моделях коэволюции, выраженного не в одних лишь естественных науках, но и в таких областях, как художественное творчество, мифология, религия и пр. К специфически научному комплексу вопросов – «что?», «как?» и «почему?» – непременно должна быть добавлена ещё пара вопросов – «для чего?» и «зачем?». Нынче человеческое, гуманистическое звучание при обсуждении проблематики коэволюции выходит на первый план и во многом предопределяет заявляемые цели исследований. Человек в этом мире является воистину неким «квантом» коэволюции – тем целостным образованием, что одновременно и динамично, и уникально, и неповторимо. Жизнь отдельного человека временна, равно как временно существование и всех иных целостных образований коэволюции, но непрерывной чередой смены их поколений обеспечивается её преемственность до тех пор, во всяком случае, пока не прекратится жизнь на нашей планете и ход человеческой истории.

Основной же посылкой эволюционной эпистемологии является тезис, что человек от природы наделён врождённым познавательным аппаратом, являющимся итогом долгого процесса эволюции под действием естественного отбора. Утверждается, что благодаря этому аппарату делается возможным адекватное отражение объективного мира. Есть необходимое для этого соответствие субъективных познавательных структур и самой объективной

реальности, так как структуры эти и выработались в результате эволюционной адаптации к условиям среды, что обеспечивало выживание как отдельных особей, так и всего вида. Собственно сама жизнь в рамках эволюционистского толкования – это не что иное, как по существу тот же самый познавательный процесс. К.Лоренцем даже был предложен такой смысловой оборот, что жизнь и является, по сути, процессом получения информации. По его мысли, любой организм обладает врождённым диспозиционным набором сформированных в ходе эволюции априорных когнитивных структур. А, значит, задача по натурализации эпистемологии – вот кардинальная путеводная линия, выдвинутая Конрадом Лоренцем, и оцениваемая не только им в качестве «коперниканского переворота в философии».

В фундаментальном труде Р.С.Карпинской, И.К.Лисеева и А.П.Огурцова «Философия природы: коэволюционная стратегия» (1995) буквально во «Введении» даётся развёрнутое представление мировоззренческого и методологического значения целей и задач коэволюционных исследовательских стратегий и, соответственно, тех существенных выгод и вполне практических дивидендов, что сулит их внедрение в жизнь. Вот, как об этом пишется:

«Коэволюционная стратегия позволяет интерпретировать, конечно, в рамках компетенции каждой научной дисциплины, результаты научных исследований, данные наблюдений и измерений, результаты экспериментальных и полевых исследований, учитывая решающий вектор изменений в природных популяциях и биогеоценозах.

Коэволюционная стратегия позволяет осмыслить и понять те естественнонаучные факты, которые имеют отношение к антропогенному воздействию на природные ландшафты и экосистемы, позволяет построить прогнозы тех отрицательных последствий, которые могут иметь воздействие человека на природу с тем, чтобы дать наилучшие рекомендации в том, как избежать этих негативных последствий или свести их к минимуму.

Коэволюционная стратегия позволяет преодолеть разрыв между эволюционистским подходом к природе и эволюционизмом относительно

человека, наметить пути синтеза между эволюционизмом в биологии и эволюционизмом в социокультурных науках. Тем самым создаётся возможность преодолеть ограниченность социологизма и историзма, которая связана с отрицанием роли биологически-антропологических факторов в социокультурной эволюции. Об этой ограниченности социологизма свидетельствует, например, известные слова К.Маркса о том, что природы как таковой не существует, или слова Х.Ортеги-и-Гассета о том, что у человека нет природы, а есть лишь история.

Козволюционная стратегия задаёт новые перспективы для объединения естественных и социальных наук, ориентируя их на поиск новых аналитических единиц и новых способов понимания сопряжённости разнообразных этнонациональных и социокультурных общностей с природно-географическими условиями среды, осмысления путей совместной и сопряжённой эволюции природы и человека, биосферы и ноосферы, цивилизации и культуры»¹¹³.

Удивительное дело, но оказывается, что эти самые коэволюционные схемы и стратегии были обоснованы и концептуально разработаны ещё в рамках сугубо этологической исследовательской программы. Об этом мы черпаем информацию из той же книги Р.С.Карпинской, И.К.Лисеева и А.П.Огурцова. В ней идёт ссылка на работу Д.Мак-Фарленда «Поведение животных. Психобиология, этология и экология» (1988) и приводятся, в частности, такие его слова: «В процессе ритуализации взаимодействия животных при демонстрациях или в ходе эволюции любого специализированного вида коммуникации каждое изменение сигнала должно сопровождаться соответствующими изменениями в механизме распознавания сигнала»¹¹⁴. Из неё также мы узнаём, что этологи, изучая процессы межвидовой коммуникации, исходили и исходят из того, что эволюция и коммуникация затрагивает как действующую, так и реагирующую стороны. Формирование коммуникативных систем осуществляется в ходе совместной эволюции передающей и воспринимающей сторон.

---

¹¹³ Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. *Философия природы: коэволюционная стратегия*. М.: Интерпракс», 1995. С.10-11

¹¹⁴ Мак-Фарленд Д. *Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция*. М.: Мир, 1988. С.371

Используя холистский подход в постижении поведения животных, предполагающий рассмотрение целостности или системности организаций сообществ, специалисты-этологи настраивают себя на исследование не только сложных сетей коммуникации и разделения труда, основанные на специализации, но и на изучение иерархической структуры сообщества, всей кооперации по взаимодействию животных. Сочетание холистского подхода и эволюционного позволяет этологии выявлять корреляцию, связывающую акты поведения одних особей с их влиянием на стимуляцию актов поведения других особей, позволяет комплексно исследовать эволюцию поведения, изучая её как на видовом, так и на филетическом уровнях. Рассмотрение эволюции на видовом уровне связывается с необходимостью раскрытия эволюционных линий постепенно трансформирующихся рядов видов, что неизбежно коррелируется с теми или иными стадиями в эволюции поведения, а также с проведением сравнительных описаний усложнённых поведенческих и коммуникативных актов. Рассмотрение же эволюции на филетическом уровне даёт возможность установления общего направления эволюционного сдвига и главных движущих сил эволюции поведения. Среди упоминаемых движущих сил особенно выделяются такие, как филогенетическая инерция, то есть стабильность, устойчивость к эволюционным изменениям и лабильность в отношении них, и экологическое давление, то есть совокупный комплекс всех воздействий окружающей среды, выступающих факторами естественного отбора.

Общему механизму эволюции, представленному во взаимоотношении устойчивости и изменчивости, была дана конкретизация в трудах этологов, подвергающих анализу кооперативные и эволюционные процессы в сообществах и в поведении животных. Так, в социобиологии был выявлен ряд кондиций как факторы, способствующие консерватизму в эволюции. Среди этих кондиций факторы ограниченной генетической изменчивости, факторы стремления некоторых видов избегать новых мест обитания, факторы отсутствия нужных преадаптаций, т.е. отсутствие анатомической структуры, физиологической функции или формы поведения, посредством которых для появления новых форм

эволюционной адаптации создаётся гораздо большая вероятность. Помимо отсутствующих преадаптаций, фактор, существенно сужающий или резко ограничивающий эволюционное изменение, – это заметное ухудшение других адаптивных спецификаций, наличие межвидовой конкуренции или же очевидная сложность признака, который видоизменить труднее, чем обычные, простые признаки.

И лишь только в последние два-три десятилетия в этологии стали всерьёз говорить о коэволюции форм поведения, хотя – и это следует особо подчеркнуть – этологи уже давно принялись за исследование коэволюционных процессов. Так, они смогли выявить внутривидовую корреляцию определённых поведенческих актов, к примеру, синхронность гнездования в колониях чаек и её адаптивную роль. Кроме того, специалисты-этологи благодаря методу адаптивной корреляции зафиксировали поведенческую вариативность у разных биологических видов, причём акты поведения, специфичные для одних видов, рассматривались в качестве результата конвергентной эволюции, что и позволяло утверждать о выработке у других видов сходных адаптаций. Методу адаптивной корреляции было найдено успешное применение как при изучении внутривидового полового поведения, так и при изучении взаимоотношений хищника и жертвы (в частности, мимикрии) и так называемого «исследовательского поведения», когда высокий уровень исследовательской активности животного чреват большей вероятностью нападения хищников, а низкий её уровень не может позволить использование всех необходимых ресурсов окружающей среды.

И, тем не менее, поворот к анализу взаимодействия органической и культурной эволюции был связан прежде всего с социобиологией. Концепция «генно-культурной коэволюции» проводила мысль о том, что существует «усложнённое, обворожительное взаимодействие, в котором культура порождена и оформлена биологическими императивами, в то время как биологические черты одновременно изменены генетической эволюцией в ответ на культурные новшества. Мы верим, что генно-культурная коэволюция одна, без посторонней помощи, создала человека и что способ работы этого механизма может быть

объяснён комбинированием технических приёмов из естественных и общественных наук»¹¹⁵. Как известно, классическая социобиология (Э.Уилсон, Р.Докинс, Р.Александр и др) пытались непосредственно связать гены с социокультурными феноменами. При изучении животных, их инстинктивных форм поведения этот подход, видимо, был вполне оправдан и дал ощутимые результаты. Что касается человеческого поведения, то здесь его достижения оказались куда скромнее. «Он, например, исключал из рассмотрения различные формы психической активности человека (и животных): мышление, сознание, высшие эмоции, принятие решений. В его рамках не удалось также приблизиться к адекватному анализу культуры или хотя бы в общих чертах охарактеризовать природу отношений между генетической и культурной эволюцией»¹¹⁶. В итоге, исследователи пришли к выводу, что эволюцию человека, по-видимому, нельзя объяснить только на основе принципов естественного отбора и механизмов оптимизации приспособленности, предполагающих непосредственное генетическое наследование поведенческих стереотипов.

Пытаясь преодолеть характерный для классической социобиологии «генетический» детерминизм, современная социобиология разработала гораздо более сложную, многоуровневую модель генно-культурных взаимодействий, которая опирается на следующие новые допущения:

1. Культура (и культурная эволюция) формируется специфическими, присущими только людям когнитивными механизмами.

2. Эти механизмы имеют генетическую природу, т.е. коренятся в генетических программах развития нервной системы, но они гораздо менее чувствительны к изменениям окружающей среды в широком диапазоне, нежели, чем создаваемые ими культурные феномены.

Как это не трудно заметить, данная модель предполагает, что прямая связь от генов к культуре опосредуется двумя промежуточными уровнями и сочетается с обратной связью от культуры к генам. «Первый уровень представляет собой

---

¹¹⁵ Wilson E.O. 1978. On human nature. Harvard Univ. Press, Cambridge. P.20

¹¹⁶ Lumsden C.J., Gushurst A.C. Gene-Culture Coevolution: Humankind in the Making//Sociobiology and Epistemology, 1985. P.4

уровень клеточного развития тканей, который ведёт к образованию цепей нервных клеток. Второй уровень – это уровень когнитивного развития, где активность эпигенетических правил способствует формированию ментальных структур и открытому поведению»¹¹⁷. Таким образом, только на когнитивном уровне, принимая форму когнитивно-эволюционных изменений, генетическая эволюция замыкается на окружающую среду и её важнейшие компоненты – культуру и макросоциальные образцы.

Гипотезу о существовании эпигенетических правил социобиологи Ч.Ламсен и Э.Уилсон выдвинули ещё в 1981 году в своей работе «Гены, разум, культура», предположив, что в психике человека имеются некоторого рода врождённые ограничительные начала, генетически закреплённые естественным отбором, которые направляют наше когнитивное развитие, наше мышление, поведение и т.д. Эпигенетические правила напрямую зависят от ДНК, причём генетические изменения могут трансформировать как сами эти правила, так и отношения между ними. Распространение генетического кодирования на релевантные эпигенетические правила, по-видимому, было вызвано постоянно возрастающей (по крайней мере, с эпохи палеолита) зависимостью генов *Homo* от культуры. Как показывают данные археологии, для человека среднего плейстоцена, *Homo erectus*, было характерно удивительное единообразие примитивной культуры, отсутствие сколь-нибудь заметной культурной дивергенции, несмотря на явные различия экологических условий его местообитания. «Одной из наиболее разительных особенностей материальной культуры среднего плейстоцена является всеобщее «единообразие», которое наблюдается в каменных орудиях. Всеобъемлющее сходство между коллекциями предметов материальной культуры ашеля и развитого олдувая, вне зависимости от их местоположения, позволяет сделать вывод о едином образе жизни»¹¹⁸. Последующую, всё более интенсивную культурную дивергенцию можно объяснить как результат возрастания эпигенетических правил в эволюционных изменениях. Действуя как своего рода

---

¹¹⁷ Ibid. P.10

¹¹⁸ Кларк Дж.Д. Доисторическая Африка. М.: Наука, 1977. С.96

фильтр, эти правила способствовали отбору и применению только некоторых культурных альтернатив (поведенческих образцов, верований и т.п.), которые транслировались следующим поколениям. Это, конечно, освободило людей от чрезмерно широких границ культурной эволюции, что повлекло за собой значительное ускорение темпов эволюционных преобразований.

По мнению Ч.Ламсдена и Э.Уилсона, последовательно возникающие внутри нервной системы эпигенетические правила полезно разделить в первом приближении на два класса: «Первичными эпигенетическими правилами являются преимущественно автоматические процессы, ведущие от сенсорной фильтрации к восприятию. Результатом этой фильтрации является минимальная подверженность варьированию благодаря обучению и другим высшим кортикальным процессам. Вторичные эпигенетические правила действуют на основе цвета и всякой иной информации, появившейся в сфере восприятия. Они включают в себя оценку самого восприятия, благодаря чему индивиды обладают способностью отдавать предпочтение одним культургенам по сравнению с другими»¹¹⁹. Первичные эпигенетические правила, например, определяют предрасположенность людей выбирать одни цвета, а не другие, те или иные вкусовые качества. Как характерные пример вторичного эпигенетического правила обычно приводят запрет инцеста, который препятствует кровосмешению и его негативным генетическим последствиям – инбридингу. Такого рода генетические предрасположенности, видимо, обеспечивали человечеству в ходе его исторического развития адаптивные преимущества.

Итак, в эпигенетических правилах закодированы врождённые компоненты стратегий индивида, относящихся к овладению культурой, к обучению. Это обучение происходит благодаря генно-культурной передаче, в процессе которой врождённые эпигенетические правила с большей вероятностью используют одни, а не другие культургены. (Культургены – это сконструированная социобиологами весьма условная единица культурной информации, – образ или конструкт – соответствующая какому-либо артефакту, поведенческому образцу, ментальной

---

¹¹⁹ Рьюз М., Уилсон Э. Дарвинизм и этика// Вопросы философии». 1987, №1. С.98-99

конструкции и т.д. Это может быть, например, религиозная или идеологическая концепция, правило морали и т.п.). Эпигенетические правила, таким образом, предрасполагают к выбору некоторых направлений развития сознания, направлений развития культуры – только предрасполагают, а не однозначно детерминируют, это следует особо подчеркнуть.

Выявление эмпирических корреляций между эпигенетическими правилами и отдельными культурными характеристиками, безусловно, стимулировало повышение интереса исследователей к структурным и информационным аспектам культуры и ориентировало их на поиск наследуемых «кирпичиков» культурной информации, передаваемых в процессе социального обучения. В настоящее время антропологи более или менее сходятся во мнении, что культуру можно рассматривать как определённым образом организованную информационную систему. Однако выявить и определить предельную информационную «единицу» культуры оказалось весьма серьёзной проблемой как для антропологии, так и для социобиологии. Но в то же время, как отмечают исследователи, даже сугубо формальные, рабочие определения, предполагающие эмпирические процедуры идентификации соответствующих «единиц» (например, «культургена»), «всё же позволяет построить множество схожих сущностей, сгруппированных по принципу той роли, которую они играют в передаче культурной информации»¹²⁰.

С другой стороны, генно-культурные теории, конечно, ориентируют нейрopsихологов и специалистов в области когнитивной психологии на более глубокое и детальное изучение когнитивных механизмов, ментальной системы человека. Ведь, кроме всего прочего, именно благодаря эволюционным изменениям на ментальном уровне, изменениям в когнитивном типе мышления происходит формирование у индивидов более открытого поведения и обогащение культурной эволюции. Почему, например, индивиды в той или иной степени придерживаются мыслительных и поведенческих стереотипов, общепринятых образцов, почему они испытывают психофизиологическую потребность в мифах

---

¹²⁰ Lumsden C.J., Gushurst A.C. Gene-Culture Coevolution: Humankind in the Making // Sociobiology and Epistemology, 1985. P.7

и вере в сверхъестественное – эти и многие другие особенности менталитета относятся к когнитивному развитию, к дифференциации ментальных структур, к изменению способов и стратегии обработки когнитивной информации.

Словом, главная идея этой концепции может быть выражена в таких простых словах – ни гены, ни культура, отдельно взятые, не могли породить человеческого разума. Он является результатом «компактного соединения» генетической эволюции и культурной истории. Авторы признают, что изучение коэволюции только начинается, и постоянно подчёркивают необходимость подключения биологического знания к проблемам разума, сознания, свободы воли и культурного разнообразия. «Мы задавали себе вопрос, – пишут они, – являются ли эти феномены непреодолимым барьером для социобиологии? Существуют ли области знания, в которых природа была разделена на независимые друг от друга области? Несомненно, что соединение изучения мышления и культуры с эволюционной теорией – один из величайших интеллектуальных вызовов»¹²¹.

Основной идеей, содержащейся в теории Ламсдена-Уилсона об эпигенетических правилах, является то, что эти правила или ограничения, так сказать, заложены в человеке благодаря естественному отбору в целях адаптации. Мы мыслим в определённом генетически преддетерминированном русле, так как биологически более благоприятно поступать именно так. Вследствие этого среди первичных эпигенетических правил обнаруживается, например, предрасположенность человека выбирать данные цвета в отличие от других или предпочитать одни вкусовые качества другим. В ходе человеческой эволюции такого рода предрасположенности имели существенные адаптационные достоинства. Человек, или предчеловек, который предпочитал, например, сладкие продукты питания и не любил кислые и разложившиеся, несомненно, имел значительное преимущество в воспроизводстве; человек, предпочитавший употребление спелых фруктов, также имел бы преимущества, которые сами по себе вроде бы и не вытекают из питательных веществ именно спелых фруктов. Парадигматическим примером вторичных эпигенетического правила является

---

¹²¹ Lumsden C.J., Wilson E.O. 1983. *Promethean Fire: Reflection on the Origin of Mind*. Cambridge. P.46

инцестный барьер, препятствующий кровосмешению, барьер, который является общим практически во всех человеческих культурах. В частности, хотя люди наделены полом и способностью воспроизводить себе подобных, всё же между теми индивидами, которые, казалось бы, наиболее свободно могли проявлять друг к другу сексуальное чувство и активность, а именно между братьями и сёстрами, существует врождённая непридрасположенность к этому. Братья и сёстры не испытывают друг к другу взаимного желания, что могло бы привести к производству потомка. Простейшим фактом, доказывающим смысл запрета инцеста, является то, что инбридинг ведёт к тяжким генетическим последствиям. Не оставляя течение вещей на волю случая, естественный отбор сам сделал так, что мы отвергли возможность создания биологически неблагоприятного потомства.

В действительности люди не располагают простым генетическим механизмом, заставляющим нас противиться кровосмешению между братьями и сёстрами. Скорее всего, у нас ещё в детстве вырабатывается предрасположенность к формированию отрицательного отношения к половой близости с теми, с кем мы выросли. В соответствии с этим дети, которые, так сказать, «сидели на одном горшке», не испытывают друг к другу полового влечения, когда они вырастают. Таким образом, благодаря культурному эффекту воспитания в детском возрасте достигается генетическая цель. Следовательно, перед нами скорее генетическая тенденция к закреплению отрицательного отношения в детстве, чем простая генетическая предрасположенность к отвержению кровосмешения между братьями и сёстрами. Исходя из изложенного, как утверждают Ламсен и Уилсон, мораль зашифрована в эпигенетических правилах, и прежде всего во вторичных.

Ещё одной существенной новацией анализа культуры может быть, считают Ламсен и Уилсон, использование методов биогеографии. В главе седьмой «Биогеография разума» своей книги «Гены, разум, культура» они выдвигают весьма любопытную и чреватую немалой эвристикой гипотезу, согласно которой человеческая культура может быть подвергнута анализу новым, нестандартным,

способом – при помощи теории и методов биогеографии. Человеческий разум, по их мысли, может быть представлен как остров, на который культургены иммигрируют наподобие видов организмов, и где они порой развиваются в новые формы («инновации») или приходят к исчезновению. И хотя данная аналогия, как они не забывают отметить, бесспорно, весьма груба, она всё же ведёт к совершенно неожиданным «инсайтам», касающимся размера и разнообразия культур.

Вот что они пишут: «Вообразим себе, что чем крупнее остров – означает бóльший и более мощный объём долговременной памяти, меньший уровень угасания структур узловых связей и, в итоге, большее равновесное число активных культургенов. Чем более отдалён остров – означает бóльшую изоляцию индивидуального организма от окружающих культур, меньший уровень иммиграции культургенов в долговременную память и меньшее равновесное число культургенов. И хотя устойчиво-стабильное культурное многообразие под действием ряда обстоятельств становится чрезвычайно большим, тем не менее, будет ниже того пула культургенов, оказывающихся в наличии перед обществом. В случае обществ с письменной культурой данный уровень будет существенно ниже этого пула. Разум тут лимитирован числом культургенов, которых он изъясняет принимать во внимание. Более того, тут происходит конкуренция между культургенами, рассматриваемыми в качестве альтернатив в рамках каждой категории культургенов, и те, которые наиболее чтимы, затмевают своих конкурентов. Зачастую отдельные представители различных культургенов сцепляются вместе в прочные единые ансамбли, препятствующие колонизации долговременной памяти со стороны новых культургенов, и тем самым стабилизируют не только масштаб индивидуального участия в культуре, но и всю её композицию. И когда эти замкнутые объединения, в конце концов, раскалываются новыми мощными захватчиками, к примеру, при обращении в новую веру или восстановлении прежней, индивидуальное участие в культуре может войти в фазу быстрой смены, то это приводит либо к их подрыву и истощению, либо обогащению.

Тогда общество в целом представляется в виде архипелага. Его составляющие острова в таком случае – индивидуальные разумы его членов, которые обмениваются культургенами гораздо чаще между собой, нежели с подразделениями соседствующих обществ. В целях анализа «общество-архипелаг» можно рассматривать как отдельную крупную замкнутую единицу. Таким образом, этнография в данном специфическом ракурсе предстаёт как биогеография архипелагов. А чтобы эти биогеографические аналоги трансформировать в реальные феномены человеческого поведения, необходимо в них включить действительные процессы познания и социального взаимодействия в качестве независимых переменных, контролирующих иммиграцию культургенов»¹²².

Следом идущую, восьмую, главу «Генно-культурная коэволюция и социальная теория» они начинают такими словами: «Теория генно-культурной коэволюции – это расширение границ социобиологии, что создаёт внутренне согласующуюся сеть причинного объяснения между биологией и общественными науками. Она замыслена, чтобы включить в себя все системы культур, – от протокультур макака и шимпанзе до эукультуры человека – поскольку до настоящего времени формы культуры рассматривались сугубо умозрительно. Таким образом, мы говорим о главной цели сравнительной социальной теории, внутри которой встроено и изучение человеческого поведения»¹²³.

И, следовательно, успех социобиологии человека, частью которой и является теория генно-культурной коэволюции, будет зависеть, по мнению Ч.Ламсдена и Э.Уилсона, от её способности решения трёх задач. Первое: она должна суметь вывести строгие утверждения, которые будут представлять собой до сих пор необъяснённые постулаты других теорий в рамках общественных наук. Второе: требуется, чтобы она достигла такого уровня предсказательности и проверяемости, который был бы существенно выше того, что был обеспечен другими способами объяснения или, во всяком случае, такого, чтобы он был

---

¹²² Lumsden C.J., Wilson E.O. 1981. *Genes, Mind and Culture: The Coevolutionary Process*. Harvard Univ. Press, Cambridge. P.305-306

¹²³ Ibid. P.343

соотносим с точными феноменологическими моделями таких дисциплин, как политэкономия и антропология с тем, чтобы делать сообразными свои базисные допущения. И, наконец, третье: она должна предложить новые вопросы и новые проблемы для того, чтобы мочь идентифицировать прежде неизвестные параметры и законы, чтобы вплести их в сеть проверяемых объяснений, ведущих от генов к культуре.

Так что получается (как мы уже отмечали), что сердцевиной теории генно-культурной коэволюции является понятие эпигенеза. Классическая социобиология сталкивалась с существенными трудностями в попытке трактовки перехода от генов к культуре и воспринимала его в качестве своего рода «чёрного ящика», внутри которого фактически осуществление трёх шагов: от генов к эпигенезу, от генов к индивидуальному поведению и от индивидуального поведения к культуре. Не трудно заметить, что первые два шага лежат преимущественно в сфере компетенции наук о мозге и психологии, а вот третий шаг – в области компетенции популяционной биологии и общественных наук. Эпигенетические правила, по мысли социобиологов, канализируют развитие индивидуального поведения в соответствии с предписаниями ансамбля генов, наследуемым организмом. Поведение же многих индивидов создаёт культурные образцы, которые могут быть охарактеризованы в своих примитивных формах в качестве этнографического вероятностного распределения. Поведение отдельных членов в рамках того или иного культурного окружения предопределяет степень их выживания и воспроизводства а, следовательно, и параметры их генетического соответствия и тот уровень, при котором генные ансамбли распространяются или убывают внутри популяции. А, значит, затем уже «посредством должных техник взаимозависимые процессы генно-культурной коэволюции, генно-культурной трансляции и генетической обратной связи могут быть определены, а их взаимное влияние измерено»¹²⁴.

Следует подчеркнуть, что в полной корреляции с выдвинутой концепцией необходимости решения трёх указанных задач развёртывается экстраполяция

---

¹²⁴ Ibid. P.344

применения теории генно-культурной коэволюции к разгадке феномена человеческой агрессивности. Поначалу Ч.Дж.Ламсден и Э.О.Уилсон встраивают проблему человеческой агрессивности в более общий контекст и фокус постановки принципиального вопроса о тех изначальных движущих силах, что позволили нашему виду «порвать путы» прежних инстинктивных механизмов, регулирующих поведение животных. Они твёрдо убеждены, что непременно должен был существовать некий набор экстраординарных обстоятельств, – первичные движители человеческого разума – чтобы перевести ранних гоминид через этот «Рубикон» и втолкнуть их в пространство необратимого шествия культурной эволюции. Что это могло быть? Надо скрупулёзно исследовать. Однако ранее эти первичные движители, как они отмечают, были по преимуществу объектом философского умозрения, имея в виду весь спектр социально-гуманитарного знания. Но при этом, подчёркивают они (и что нас конечно же, не может не интересовать), есть одно из наиболее интригующих объяснений, предложенных самим Чарльзом Дарвином, – это война. Налицо просто изобилие свидетельств открытой, неистовой агрессии среди ныне существующих групп охотников-собирателей, чья социальная организация очень близка той, что была у примитивного человека. Дарвин в «Происхождении видов...» подчёркивал, что практика каждой новации в искусстве ведения войны должна тем самым в определённой степени усиливать интеллект. И если то или иное изобретение было ценным, всё племя возрастало в своей численности, распространении и вытеснении других племён. И в племени, таким образом, всегда сохранялась гораздо бóльшая вероятность рождения других, превосходящих всех остальных по своей изобретательности, членов. А если эти люди оставляли после себя ещё и своих детей, наследующих их умственное превосходство, то шанс рождения ещё более одарённых в деле изобретательства членов был бы ещё выше, а уж для немногочисленного племени – так и подавно.

В этой связи Ламсден и Уилсон в «Прометееве огне» пишут: «Если этой дарвинской гипотезе придать несколько более современную форму, то группа в этом случае со временем развила бы способность взвешивать значимость

располагающихся по соседству социальных групп и обходиться с ними более рациональным и организованным образом. Группа могла, следовательно, затем разделаться с соседствующей группой, присвоить её территорию и тем увеличить своё генетическое представительство в популяции в целом, храня при этом в памяти племени воспоминания об этом успешном эпизоде, повторяя его, расширяя географическое пространство своего присутствия и в дальнейшем распространяя своё влияние по популяции. Математический анализ поведенческого образца племенного господства и геноцида показывает, что война обладает несомненной способностью ускорять эволюцию. Так что агрессивность вполне может быть «тёмной», оборотной стороной человеческого интеллекта. Однако нет при этом убедительных оснований считать её саму по себе первичной движущей силой, творящей способность культуры. Война широко распространена и среди групп гиен и шимпанзе, и она почти наверняка имела место в прошедшие эпохи и у других, высоко социальных, животных, наделённых крупным мозгом»¹²⁵.

Более того, тут как раз и срабатывают определённые сдерживатели. С одной стороны, утверждается, что в случае, если некоторые когнитивные особенности настолько доминантны и значимы, то эпигенетические правила, их продуцирующие, будут эволюционировать таким образом, чтобы стать высоко развитыми у каждого. Почти от каждого индивида, к примеру, можно ожидать, что он овладеет языком со скоростью, которая была бы сказочной для шимпанзе. Но с другой стороны, во многих других случаях есть предел выгоде тех или иных особенных черт: больше – не всегда лучше. Существует масса обстоятельств в жизни человека, в отношении которых умеренность благотворна, а чрезмерность губительна. Агрессивность в этом смысле – первейший пример. Слишком малая её степень представлена у кого-то из индивидов – это воодушевляет их более агрессивных ровесников к доминированию над ними и приводит к ослаблению общеплеменной сплочённости; слишком большая её степень вызывает

---

¹²⁵ Lumsden C.J., Wilson E.O. 1983. Promethean Fire: Reflection on the Origin of Mind. Cambridge. P.160-161

неистовство, безрассудство и саморазрушение. Итоговый компромисс может вести не только к эволюции в направлении умеренного уровня враждебности, но и к тому, чтобы справляться со всё более возрастающим многообразием среди людей.

Так что на человеческую агрессию и её проявления требуется взглянуть по-иному, по-новому – как предлагают Ч.Ламсен и Э.Уилсон – через призму теории генно-культурной коэволюции и их учения об эпигенетических правилах. Сначала, как и водится, советуется окунуться в мир земной фауны и утверждается при этом, что агрессия состоит из целого многообразия образцов поведения, объединённых лишь одной общей чертой – наносящим вред действием по отношению к другим либо его угрозой. Некоторые виды животных демонстрируют несколько разных стереотипных форм агрессии. В частности, указывается, что когда гремучая змея сталкивается с более крупным по размеру противником, она сворачивается в кольцо, вытягивает из центра кольца свою шею с головой в боевую позу, напоминающую очертаниями букву «S», и начинает вибрировать своей трещоткой. Если неприятелем оказывается королевская кобра, – особенно опасный хищник, охотящийся на другие виды змей – то она втягивает свою голову под кольца и плюхается перед незваной гостьей, расстилаясь растянутой петлёй своего тела. Когда же она сама преследует свою жертву, такую как, скажем, мышь, тогда уже нет никаких колец или трещоток, а есть тихая и резкая атака из любой удобной позиции. Ну и, наконец, два самца гремучей змеи борются друг с другом за доступ к самкам, вступая в поединок «реслинг» шей. И хотя каждый из них мог бы убить другого одним единственным ядовитым укусом, но они этого не делают. Два змея вступают в состязание, использующее ритуализированную форму борьбы, которая, как правило, даёт преимущество более крупным и более сильным претендентам.

Гремучая змея, считают Ч.Ламсен и Э.Уилсон, иллюстрирует несколько очень важных отличительных черт в эволюции агрессивности. Во-первых, бóльшая часть образцов агрессивного поведения состоит из угроз и ритуала. Животные тратят большое количество времени и энергии, чтобы убедить своих

противников, что они могущественны и опасны. Когда схватка происходит между представителями одного и того же вида, чаще всего она ведётся в форме ритуализированного противоборства. При таком развёртывании событий поверженный наземь или как-то по-иному проигравший соперник просто сходит с арены и признаёт своё поражение. Он покидает поле брани невредимым и сможет попытаться удачу ещё где-нибудь. Иногда же всё ограничивается чисто визуальной демонстрацией. В подавляющем большинстве случаев в состязании побеждает особь, кто даёт отпор вторгшемуся на её территорию оккупанту. Когда же нет подобного рода изначальных преимуществ, когда соперники встречаются на нейтральной территории, обычно торжествует более крупная особь. Лишь только будучи заманенной в ловушку и в ситуации непосредственной физической угрозы, особь, вероятнее всего, прибегнет к эскалации боевых действий – яростной и решительной попытке уничтожить оппонента.

Гремучие змеи, как и большинство видов животных, убеждены социобиологи, также вполне типичны в демонстрации своего оппортунизма посредством эволюции. Каждая из четырёх форм агрессии, применяемых ими, явным образом служит какой-то особой функции. Данное обстоятельство подводит нас к интересному вопросу в адрес эволюционной теории. Если бы не было соответствующей функции у какого-либо вида, то отсутствие в ней надобности влекло бы за собой отсутствие всякой агрессивности? Ответ: да, утверждают Ламсден и Уилсон, насколько можно об этом судить. Известны виды животных, которые напрочь лишены подобного рода поведения. Агрессия вне пределов охоты за дичью и защиты на хищников – это механизм, употребляемый в условиях конкуренции за ограниченные ресурсы. Когда же конкуренция отсутствует, отсутствует и агрессивное поведение. Некоторые виды растительноядных насекомых стабильно сохраняются на некоем среднем популяционном уровне под действием хищников, болезней и эмиграции. Они редко бывают настолько изобилующими, чтобы привести к иссякновению пищи, крова или мест для кладки яиц. Данные виды «не полагаются» на конкуренцию, чтобы регулировать свою численность, и агрессивное поведение не

присовокупилось к их багажу. Другими словами, настаивают Ч.Ламсен и Э.Уилсон, не существует никакого общераспространённого инстинкта агрессивности, который бы пронизывал поведение животных, что предполагалось ранее в работах Зигмунда Фрейда, Роберта Ардри и Конрада Лоренца. Агрессивное поведение оппортунистично, заявляют они, имея тенденцию эволюционировать в те определённые формы, генетически приспособленные служить специфическим потребностям видов.

Экологи и социобиологи достигли существенного прогресса в выяснении тех условий, под действием которых эволюционировало многообразие животной агрессивности. Территориальность – защита пространства средствами угроз схватки проявляется с наибольшей вероятностью, когда некоторая часть жизненного пространства, занимаемого животным, содержит ресурс, запас которого одновременно ограничен и предсказуем в своём месторасположении. Таким образом, если занимаемый участок содержит нормальный запас пищи либо наиболее подходящее место для ночлега, либо если эти ресурсы достаточно скудны, что ограничивает популяционный рост, животные, вероятнее всего, будут стараться завладеть в первую очередь этим пространством. Но при этом защита данной территории должна быть, так сказать, «экономически обоснованной»: риски для жизни и затраты энергии на её сохранение должны перевешиваться теми выгодами, что предоставляются эксклюзивными правами на её владение. Фактически животные склонны защищать те районы, которые достаточно велики, чтобы обеспечивать их минимальные нужды на круглогодичной основе.

Но это только полдела. Апробированная и достаточно обстоятельно отработанная на братско-сестринском инцесте техника статистической механики, применения математических моделей и использования этнографических кривых для цели анализа и расшифровки культургенов употребляется Ламсденом и Уилсоном для проникновения в суть феномена агрессивности. В дополнение к этому они в сем непростом деле пытаются задействовать известное «правило Круга», названное в честь знаменитого датского физиолога Аугуста Круга: для каждой проблемы существует организм, идеально подходящий для её решения.

Фруктовая мушка дрозофила, к примеру, оказалось идеальной для генетиков, обладая простотой их искусственного разведения и скоротечностью смены поколений; кальмар, скажем, был идеален для физиологии нервной системы, поскольку он наделён гигантскими нервными клетками, которые легко можно изолировать и изучать. Данный принцип, по мысли Ламсдена и Уилсона, можно модифицировать и для анализа культуры: для каждой новой, более сложной, стадии построения теории существует та или иная категория культуры, идеально подходящая для её проверки. Переходя от инцеста, как они отмечают, исследователь должен заняться поиском случаев, которые являются до некоторой степени – но не непомерно – более сложными.

В поисках самых подходящих примеров – своего рода эквивалентов круговских идеальных организмов – Ч.Ламсден и Э.Уилсон направили свои пилотные изыскания в сторону более примитивных обществ. Они сочли, что особенно пригодный и интересный для изучения феномена человеческой агрессивности социокультурный процесс может быть найден в процедуре расширения селений индейцев яномамё, как это было описано антропологом Наполеоном Шагноном. Приблизительно 15000 яномамё живут в лесных массивах южной Венесуэлы и прилегающих к ней областях Бразилии. Организационно они рассредоточены по селениям, насчитывающим от 40 до 250 жителей и отстоящим друг от друга на дистанцию примерно суточного пешего перехода. Члены каждого селения тесно связаны друг с другом весьма замысловатыми узлами и ритуалами кровного родства, и все также пребывают в состоянии близкого ежедневного контакта.

Яномамё называют самым агрессивным народом на Земле. Их частые и кровавые рейды между селениями таковы по масштабу, что составляют целую треть смертей всего взрослого мужского населения. И все эти войны почти всегда из-за женщин, поскольку приобретение жён путём бартера, внезапных набегов и обольщения – это первейшая цель, раздутая до необычайных размеров эмфазой полигамии. Наивысшая награда и показатель социального успеха – как в психологическом, так и в биологическом смысле – это стать обладателем многих

жён и стать отцом многих детей по сравнению с остальными мужчинами того же селения. Когда Шагنون спрашивал яномамё, зачем они воюют между собой, их ответ был вполне типичен: «Не надо задавать мне таких дурацких вопросов! Женщины! Женщины! Женщины! Вот из-за чего войны. Мы сражаемся за женщин»¹²⁶. Причём частые рейды вполне уживаются с весьма высоким уровнем мелких ссор и споров внутри самой деревни, зачастую опять-таки по поводу женщин, но также вовлекающих представителей обоего пола в их разногласиях по вопросам статуса, еды и других тем внутреннего распорядка.

В продолжении, по крайней мере, ста лет население яномамё росло и расширяло ареал своего обитания. По всей видимости, данная возможность пришла к этому «сварливому и склочному народу» за счёт разрушения окружающих племенных групп вторжением европейской цивилизации. Яномамё можно соотнести с примитивным народом, оккупирующим ранее не обитаемую землю. По своему экономическому укладу они также могут служить моделью раннего развития человечества, поскольку только в течение нескольких последних столетий перешли от охотничье-собирацкого способа существования к элементарным формам подсечно-огневого земледелия.

Поскольку местное население растёт, деревни расщепляются, обособляются и занимают всё большую территорию. Раскол селения происходит, когда какая-то группа, обычно состоящая из одной или более расширенных семей, покидает материнскую деревню и отправляется на новое место. Разделение на части – это итог аккумулярованных раздора и напряжённости, которые случаются во всех деревнях и которые увеличиваются по своей частоте и интенсивности по мере роста населения. Кульминационная точка достигается, когда деревня яномамё уже долее не может удерживаться в целостности узлами кровного родства и относительно ослабевшей властью вождя. Тогда группа родственников отделяется в негодовании и смятении. Так строится новое селение, приводящее к новым племенным линиям родства со своими войнами, альянсами, контр-альянсами и своими актами вероломства. В 1970 году Шагنون, изучив язык яномамё, так

---

¹²⁶ Ibid. P.141

обсуждал данную тематику с Дедехейуа – членом племени мишимишимабёуэй-тери:

«Твои предки отделились от карауатари?»

«Да, они отделились, отделились, отделились. Мои предки давно отделились и ушли от карауатари».

«Где, в каком районе это произошло?»

«Там, в районе Шихенаишиба» – Дедехейуа показывает в сторону леса.

«Твои предки и предки карауатари жили вместе в районе Шихенаишиба?»

«Да! Да! Да! Да! Да! Мои предки были безжалостно атакованы в районе Каюрейя племенем арамамиси-тери. Тогда мои предки, подвергшись нападению, в страхе бежали оттуда и пришли сюда, на это место, где сейчас располагается район Мишимишимабёуэй».

«Являются ли арамамиси-тери и кохорошитари близко родственными друг другу?»

«Да! Да! Да! Да!» – Дедехейуа поворачивается и жестикулирует в сторону реки Шанишани. – «Арамамиси-тери прогнали их оттуда».

«Где началась их первая война?»

«Там, там, в верховьях реки Шукумёна... сразу за местностью, где истоки реки Рахуайя подходят близко к ответвлениям Шукумёна».

«А до этого они жили вместе в этом регионе?»

«Да... но потом они сражались друг с другом при помощи стрел, у них была война, а затем кохорошитари спасались бегством»¹²⁷.

С возрастом напряжённости насилие в селениях яномамё нарастает, развиваясь по трём уровням, каждый из которых требует своей рефлексии, своей калькуляции и постоянного принятия решений. Наименее опасная из форм борьбы – это дуэль ударов в грудь, когда мужчины обмениваются друг с другом ударами кулаков. Соперники вызывают один другого на бой в ответ на распускаемые сплетни, из-за скупости в торговле и из-за любой, по сути, малейшей обиды. Ярость ослабевает ценою синяков и отхаркивания крови,

---

¹²⁷ Ibid. P.142-143

которое может продолжаться в течение нескольких последующих дней. Следующий уровень агрессии – бой дубинами – это своего рода аналог рукопашной схватки, но уже с применением оружия. Деревянные жерди внешне напоминают деревянные кии, но вдвое длиннее – от шести до девяти футов. Большинство дуэлей происходят, когда кто-то из мужчин застаёт свою жену занимающейся сексом с другим. Взбешённый муж вызывает соперника к себе на бой дубинами по голове. Он становится смиренно, держа свою дубину вертикально. Получив удар, он, в свою очередь, наносит удар в ответ. При этом, как только появляется кровь и начинает стекать по лицу и шее, зачастую бой становится ещё более неистовым: мужчины пытаются побольше ударить друг друга и по остальным частям тела. А затем и другие присоединяются к схватке, обычно принимая ту или иную сторону в соответствии со степенью родства, но иной раз и для того, чтобы восстановить утраченный баланс честного поединка. Впоследствии, не без юмора замечают Ламсен и Уилсон, «эти черепа с рубцами могут с гордостью экспонироваться в музеях как свидетельство мужества и отваги, наподобие шрамов на щеке от сабельных ударов гейдельбергского дуэлянта»¹²⁸.

Так что в наэлектризованной атмосфере весьма частых кулачных боёв и дубинных схваток нет ничего удивительного в том, что единственный какой-либо эксцесс может инициировать решение на раскол деревни. И одного дубинного боя, ставшего кульминацией целой серии инцидентов, будет для этого вполне достаточно. Либо община может всё же дольше сохранять своё единство, дожидаясь того случая, чтобы засвидетельствовать эпизод ещё большего насилия, – третьего уровня агрессии. Так произошло с племенем патанойя-тери, очевидцем чего был Наполеон Шагنون.

Всё началось с того, что один молодой человек увёл жену у другого, кто якобы с ней жестоко обращался. Двое соперников вступили в жестокую дубинную схватку. Общая напряжённость была к тому времени весьма высока в этой деревне, так что почти все мужчины присоединились к битве. Вождь

---

¹²⁸ Ibid. P.143

патанойя-тери пытался не выпускать из-под своего контроля ход рукопашной схватки, следя за тем, чтобы бой ограничивался лишь применением дубин. Но молодой человек вдруг внезапно и для всех совершенно неожиданно схватил копье и ранил им мужа. Глядя на это, другие мужчины тоже начали пихать друг друга противоположными, заострёнными, концами своих дубин. Пришедший от всего этого в ярость вождь пронзил своей дубиной этого молодого человека, кто и умер на руках тех, кто пытался его оттащить. В итоге, жена была возвращена своему супругу, который наказал её, отрезав ей уши своим мачете.

Всем родственникам покойного было приказано покинуть патанойя-тери во избежание дальнейшего кровопролития. Они вынуждены были направиться к селениям моноу-тери и бисааси-тери – землям естественных врагов патанойя-тери, прося их о временном убежище и защите в обмен на нескольких женщин. Там новоявленные беженцы вместе с их хозяевами составили план совместных рейдов против материнской деревни с целью мщения и воровства женщин¹²⁹.

Критический психологический порог, выступающий поводом к разделению группы яномамё, чаще всего связан с ростом её численности, превышающей сотню индивидов. Раскол довольно редок в деревнях с населением меньшим, чем восемьдесят членов, несмотря на все внутренние перебранки. Причина в том, что деревня должна иметь, по крайней мере, с десяток крепких и здоровых мужчин с тем, чтобы мочь осуществлять вылазки и защищаться. Если группа для набега меньше по составу, то, вероятнее всего, она будет терпеть поражения в напряжённых битвах. В обычных условиях такая группа крепких мужских особей может нормально существовать, если всё остальное население деревни где-то от сорока до шестидесяти. Так что в деревне должно быть двукратное этому количеству её членов, т.е. приблизительно сотня, чтобы она была готова разделиться на две самостоятельные единицы.

Исторические обстоятельства – это весьма заметный фактор по расколу деревни. Сегодняшние яномамё принимаются за южноамериканский влажный лес, употребляя сравнительно продуктивные способы подсечно-огневого

---

¹²⁹ Ibid. P.144-145

земледелия и организуясь по отдалённым друг от друга деревням, мало чем отличаясь от прежних групп охотников-собирателей, и при малой конкуренции с другими племенами индейцев и европейцами. Всё это способствовало росту их населения, по крайней мере, на протяжении нескольких поколений. Мужская половина, соответственно, расширила практику владения несколькими жёнами, что является, собственно, превалирующей практикой охотничье-собираТЕЛЬСКИХ и примитивно сельскохозяйственных сообществ, и что в своей экстремальной форме провоцирует вспышки военных действий. Те или иные вариации всей этой этнографической тематики с успехом могут быть найдены и у других экономически примитивных народов по всему миру, но некоторые детали, навязанные окружающей средой, специфичны только для яномамё.

Есть ещё одна история, касающаяся деталей экспансии яномамё. Яномамё живут в селениях, носящих такие названия, как патанойя-тери, рейябобёуэй-тери, иуахикоробо-тери (суффикс «teri» схож по смыслу со словом «pueblo» и означает либо селение, либо народ). Эти общины могут показаться нам слишком малыми, незначительными и замкнутыми, но для людей, живущих там, – это целые миры, арена, полная богатства и волнительного существования. Селения были основаны чередой сухопутных переходов, войн, вспышек заболеваний, героизма, видных бракосочетаний, успешной добычи продуктов питания и легендарных ратных подвигов, т.е. всего того, чем целиком окружён и чем живёт разум яномамё. Как подмечают Ламсден и Уилсон, «история патанойя-тери отлична по масштабу, но не по сути, от истории Англии, а Шагنون – её Маколей»¹³⁰.

В соответствии с принципом Круга, разница в масштабах даёт возможным дедуктивно анализировать историю селений яномамё с тем, чтобы вскрыть нечто касательно связи индивидуального поведения и культуры. В качестве первого шага, по мысли авторов «Прометеева огня», раскол можно трактовать как бинарное деление, проводимое индивидами: остаться в единстве или отделиться. Вероятность того, что одна из этих опций будет выбрана в противовес другой, находится в зависимости одновременно как от мнения окружающих, так и от

---

¹³⁰ Ibid. P.146

размеров численности населения деревни. Индивидуумы яномамё, подчёркивают они, с большей лёгкостью пересматривают своё отношение к «уйти» или «остаться», когда деревня состоит приблизительно из ста человек или менее того, высвобождая при этом простор сильной обратной тенденции, когда размер численности приближается к двум сотням и когда вспышки насилия принимают затяжной характер. Согласно наблюдениям Шагнон, деревни стабильно расширялись в своих размерах, пока они не достигали очевидной «критической массы». Когда группа мала, все перепалки и передраги скоро утихают, а индивиды относительно неотзывчивы на отдельные случаи раздоров. Но при превышении критической массы населения даже мелкие столкновения воспаляют и быстро охватывают всю деревню. Когда достаточное число людей предпочитает всё же уйти, та или иная семейная группа покидает прежнее место обитания с тем, чтобы обосновать где-то новую лагерную стоянку, что по факту и означают разделение общины на две деревни.

Базируясь на сообщениях Шагнона о разделении деревень, Ламсен и Уилсон построили модель мышления члена яномамё, которая, как им кажется, схватывает сущностные детали самого индивидуального процесса принятия решения. Она идёт дальше той модели, которая была создана ими по инцесту за счёт включения мнения сверстников и усиливающихся приливов разногласий посредством общественного прессинга. Её отличительная черта в следующем: достигая определённого уровня поведения в адрес остальной части членов племени, отношение индивида будет меняться резко вверх или вниз. Когда размер деревни невелик, вероятность того, что тот или иной член селения сменит своё отношение с «остаться» на «уйти» сохраняется весьма небольшой до тех пор, пока подавляющая часть группы ни станет склонным к тому, чтобы отпочковаться от деревни. После того, как такое большинство достигнуто, решение уйти принимается с гораздо большей готовностью, но при этом есть всё же ещё значительное нерасположение некоторой части всех членов к тому, чтобы разрушить социальную структуру. Так что группы в малых деревнях чаще всего склонны к тому, чтобы прийти к решению всё же остаться даже в том случае,

когда у них было первоначальное мнение уйти. Они ещё с большей готовностью предпочитают всё вернуть вспять, если группа желающих остаться оказывается лишь в небольшом меньшинстве. Они убеждаются, что им лучше оставить деревню в неприкосновенности. Следовательно, этнографическая кривая для небольшой деревни резко взмывает вверх и достигает своего максимума вблизи образца группового решения, при котором число членов, желающих отделиться, мало.

Но всё совершенно не так относительно большой деревни. Междоусобные передраги понижают точку воспламенения, при которой индивиды с большей вероятностью склонны отделиться. Расположенность к этому возрастает многократно по мере усиления интенсивности конфликтов и насилия. Число желающих отделиться, необходимое для того, чтобы эта расположенность обрела статус неоспоримого факта, становится всё меньше и меньше. В деревнях «слёз и раздора» вид даже нескольких родственников, готовящихся к тому, чтобы покинуть прежнее место, является достаточным, чтобы разрешить своей воле поступать так же. Вероятность того, что n -ое количество принявших решение отделяться изменят своё предпочтение и останутся в деревне, уменьшается обратно пропорционально тому, как увеличивается в размерах деревня. Для того, чтобы возросла вероятность того, что хоть кто-то изменит своё решение от отделения к тому чтобы остаться при подобных условиях, необходимо было бы наличие очень большой доли остальных жителей деревни, отдающих предпочтение единству. При данной психологической установке математическая модель, построенная Ч.Ламсденом и Э.Уилсоном, по трансляции индивидуального поведения в групповой образец предсказывала этнографические кривые, которые резко поднимаются к своему пику, отражая деревни в процессе разделения на фоне насилия.

Для более широкого использования этот род этнографической информации может быть взвешен и сравнён с данными по психологии личности, действующей в ситуациях критического выбора. Тогда бы теоретики и антропологи-практики могли бы работать единой командой по более глубокому исследованию данного

предмета. И тогда бы, замечают авторы «Прометеева огня», могли быть созданы и усовершенствованы более сложные модели для того, чтобы корректировать и расширять теорию. Могли бы быть включены в анализ и подвергнуты оценке по их влиянию новые факторы, такие как изобилие пищи и власть вождя. По мере того, как изучение станет более изощрённым и будет учитывать и мелкие детали, и уникальные события, антропология, по их мнению, сольётся с более традиционными и общепринятыми аспектами исторического исследования.

Случай с яномамё, как отмечают Ч.Ламсен и Э.Уилсон, иллюстрирует значительную перспективность аналитического подхода, содержащегося в теории генно-культурной коэволюции. Но при этом он также обнаруживает, по их мнению, полное несоответствие и полную непригодность большинства антропологических данных для количественной теории. Правила принятия решения, установленные при разделении деревни, – это почти наверняка целостная структура отдельных эпигенетических процессов психического развития, которые различным образом влекут за собой агрессивность, ксенофобию и единение с родственниками. Эти процессы необходимо прошерстить, как пишут Ламсен и Уилсон, посредством тщательного изучения социализации и взросления по их влиянию на детей и подростков. Об этнографических кривых, отражающих диапазон мнений по всем деревням яномамё, сейчас можно только гадать. Необходимые обзоры, чтобы сделать их точными, сетуют они, пока ещё, однако, не проведены.

Но нечто, по мнению Ламсена и Уилсона, можно утверждать вполне определённо – это существование эволюционных эпигенетических сдерживателей агрессивности и то, что агрессия при экстраординарных обстоятельствах выплеска её за допустимые пределы является таким мощным дестабилизирующим фактором, что может изменить сам ход истории. Как это может быть, пусть и в очень локальном масштабе, а также работу сил ведущих к сдерживанию, хорошо можно увидеть у тех же яномамё, что обнаруживается при описании ещё одного типичного инцидента из истории племени моноу-тери.

О нём довольно живописно повествуется в «Прометееве огне». А события стали разворачиваться стремительно, как «ком с горы», после того, как мужчины из племени моноу-тери оказались незваными гостями на празднике, организованном племенами патаноя-тери и бисааси-тери, хотя их никто туда не приглашал. При этом, подходя к этому празднеству, они заметили семерых женщин из племени патаноя-тери за пределами их деревни и без всякого эскорта. Соблазн был слишком велик: они захватили женщин и увели их в своё селение. На следующее утро мужчины из патаноя-тери отправились к моноу-тери вооружённые дубинами. В результате происшедшей схватки им удалось отбить и вернуть пятерых своих женщин. Однако у них не получилось отбить ещё двоих без применения стрел и, следовательно, возможности убить кого-то, а их вождь был не расположен доводить эскалацию конфликта до этой, финальной, стадии. Он принял решение не переводить агрессию за рамки второго уровня, – уровня дубинного боя – поскольку к тому времени у патаноя-тери было уже достаточно врагов, чтобы успевать с ними справляться, и не хотелось наживать нового.

Моноу-тери, конечно, осознавали нужду патаноя-тери в компромиссе, и они «откалибровали» свой ответный ход сообразно. Но был один фактор, который расстроил всю их «калькуляцию». Вождём моноу-тери был Дамоя – человек особо неистового нрава и агрессивности. Он был воистину «уаитери» («самый свирепый») из всей их деревни. Даноя был в ярости от того, что патаноя-тери смогли силой вернуть стольких многих своих женщин, и предпринял полномасштабный рейд против них. Боевая группа столкнулась с одним из воинов патаноя-тери по имени Босибреи неподалёку от его деревни вскарабкавшимся на пальме и собиравшим плоды. Одним залпом стрел рейдеры убили Босибреи и затем вернулись домой.

А там моноу-тери стали готовиться к неизбежным рейдам жаждавших возмездия патаноя-тери. Оставаясь быть начеку, они принялись расчищать новые уголья на другой стороне реки Мавака, чтобы те служили им местом возможного отхода. Но сам неистовый Даноя был беспечен, и во время одной из экспедиций

по сбору мёда был заманен в ловушку боевой группой патаноя-тери. В произошедшей схватке он пал убитым, весь изрешечённый стрелами.

Одна за одной смерти Босибреи и Даноя изменили ход истории Яномамё. Они явились толчком к целой серии политических событий, вредоносных для обеих из враждующих групп. Племя моноу-тери так и не смогло найти достойной замены своему вождю и, в конце концов, вынуждено было осесть в местечке Орусия, так сказать, выйдя из состязания. И, как результат, лидерство в племени перешло от одной линии родства к другой. И моноу-тери и патаноя-тери по-быстрому отодвинули свои поселения в попытке как можно надёжнее оборонить себя. А поскольку обоюдные рейды всё продолжались и даже втянули в них другие племена, то наиболее свирепые из представителей мужской половины – «уаитери» – постепенно один за одним были перебиты. Будучи обозреваемыми через призму преимуществ, предоставляемых биологической эволюцией, данные условия видятся идеальными для генетической эволюции умеренной агрессивности и многообразия психических механизмов для урегулирования конфликтов¹³¹.

Беспокойство, иногда высказываемое в среде антропологов, также замечают Ламсден и Уилсон, заключается в том, что их наука уже прошла свой пик развития и вступила в свой неизбежный упадок. Большинство всех ныне существующих повсеместно по миру примитивных сообществ уже изучено, а библиотеки уже заполнены большей частью информации, достойной регистрации. Но если генно-культурная коэволюция будет исследоваться, если влияние эпигенетических правил на культуру будет подвергаться оценке и если биология, таким образом, обретёт обоснованный вес для гуманитарных наук, то антропологии, заверяют они, судьбой предуготовлено насладиться своим мощным возрождением.

Не случайно в завершении последней главы своей книги «Прометеев огонь», которая называется «К новой науке о человеке», Ч.Ламсден и Э.Уилсон, рассуждая о будущем человеческого общества и взвешивая перспективы этой

---

¹³¹ Ibid. P.148-149

самой создаваемой ими «новой науки о человеке», не забывает специальным образом упоминать и указывать именно на эту особенную черту человеческой природы – его агрессивность. Вот как они об этом пишут: «Общество через посредство своих законов и институтов уже регулирует поведение. Но осуществляет оно это фактически «вслепую», игнорируя глубины человеческой природы. Полагаясь только на моральную интуицию, на которой базируется их удовлетворяющее внутреннее чувство, – что хорошо, а что плохо – люди остаются рабами своих генов и культуры. Их разум развивается и движется вдоль системы русел, проложенных эпигенетическими правилами, и хотя время от времени они упражняются в свободном волеизъявлении при осуществлении того или иного выбора, эта способность так и остаётся поверхностной и кажущейся, а её ценность и важность для индивидов во многом иллюзорной. И лишь через проникновение в физический базис нравственного сознания и рассмотрение его эволюционного значения люди обретут власть управлять своими собственными жизнями. И тогда они поднимутся на позицию, с которой они смогут сами избирать этические принципы и заповеди, а также те формы социальной регламентации, необходимые для их поддержания и сохранения. Социальный инжиниринг обладает потенциалом основательной переделки каждой составляющей человеческого поведения. И он отнюдь не всегда переподтверждает статус кво, как в случае с инцестом. Некоторые из тех чисто человеческих склонностей и предрасположенностей, которые могли иметь чрезвычайно важную адаптивную ценность в каменном веке, теперь же попросту саморазрушительны. Наиболее же опасные из них – агрессивность и ксенофобия – могут быть сглажены. А другие равно человеческие склонности – альтруизм и кооперация – напротив, могут быть усилены. Кроме того, ценность тех или иных государственных институтов и форм правления может быть более аккуратно и точно взвешена, альтернативные процедуры выставлены на обозрение, а нужные шаги с вниманием и осторожностью предложены»¹³².

---

¹³² Ibid. P.183-184

Таким образом, подводя итог экстраполяции принципов теории генно-культурной коэволюции применительно к исследованию феномена человеческой агрессивности надлежит констатировать следующее: при сохранении интерпретации классической социобиологии агрессии как селективно адаптированного образца, максимизирующего соответствие, и выступающего в роли «концентрато-зависимого фактора» по контролю за ростом популяции, агрессивность предстаёт как заложенная эпигенезом врождённая предрасположенность адекватного реагирования, при этом склоняющая индивида выбирать тот или иной культурген в зависимости от складывающейся ситуации, но в общем направлении развития умеренной, сдерживаемой, враждебности. Содержательная новация тут в сравнении с тем подходом, что был выработан в рамках классической социобиологии, заключается в следующих, по мнению создателей теории генно-культурной коэволюции, эмпирически подкрепляемых выводах: 1) гены предписывают правила развития (эпигенетические правила), благодаря которым собирается воедино индивидуальный разум; 2) разум растёт, впитывая в себя компоненты уже существующей культуры; 3) некоторые из индивидов обладают эпигенетическими правилами, дающими им возможность выживать и репродуцировать в рамках наличной культуры лучше, нежели другие индивиды; 3) более успешные эпигенетические правила распространяются по популяции, равно как и гены, их кодирующие; другими словами, популяция генетически эволюционирует.

Глава III. Критический взгляд на этологическую и социобиологическую программу изучения человеческой агрессивности в свете концепции биосоциальной природы человека

§1. Этология человека через призму философии марксизма

Начать, пожалуй, надо с того, что указать – в работах приверженцев марксистской теории отнюдь не сразу и отнюдь не без идейной борьбы возобладала ставшая ныне уже почти «общим местом», трюизмом, доктрина биосоциальной природы человека. Сейчас уже трудно представить себе человека, не голословно утверждающего и на полном серьёзе доказывающего, что, мол, человек – это существо либо исключительно биологическое по своей природе, либо исключительно социальное. Практически все, хотя бы сколь-нибудь отдалённо знакомые с этой проблематикой, понимают, что в человеке наличествуют, любопытным образом взаимодействуют и взаимообуславливают друг друга оба этих начала (т.е. биологическое и социальное), что противопоставление их ущербно и контрпродуктивно. Проблема – как расставить акценты. Проблема, чтобы определить, какое из этих начал всё же является доминирующим в формировании человеческой психики и поведения. Это, не трудно догадаться, впрямую и самым непосредственным образом касается и интересующей нас тематики – комплекса вопросов, связанных с агрессивностью человека.

Чтобы, в свою очередь, не быть голословным и чтобы наглядно показать, как трудно шла смена парадигм и как порой довольно парадоксальным образом менялись вдруг казавшиеся незыблемыми взгляды, обратимся ненадолго к истории нашей отечественной философской мысли недавнего прошлого по данному вопросу. Ясно, что до 70-х годов прошедшего столетия в нашей стране господствовала и была непререкаемой одна доктрина, квинтэссенция которой выражена в знаменитой формуле К.Маркса «сущности человека как совокупности общественных отношений». Утверждалось, что *Homo sapiens* – единственное из

живых существ на Земле, который в ходе своего развития смог вырваться из «пут» и императивов биологической эволюции и войти в безграничную фазу своего сугубо социального развития. А это значит, что движущие силы, моторные механизмы и законы дарвинской эволюции на человека уже не распространяются. Это, между прочим, вполне логично вписывалось в общую схему постулатов коммунистической идеологии, согласно которой на основе построения принципиально нового, бесклассового, общества можно будет планомерно, целенаправленно (почти как «в инкубаторе») через соответствующее воспитание возвращать поколения «нового типа» человека без «рудиментов», «родимых пятен» проклятого капиталистического прошлого – без хамства, наглости, зависти, пошлости, алчности, злости и, кстати говоря, с редуцированной агрессивностью. Понятно, что какой-то процент агрессивности в «новом типе» человека был бы целесообразен и даже необходим в той мере, в какой сохранялось бы внешнее враждебное капиталистическое окружение и была бы надобность в отваге обороняться от его происков.

Поэтому нет ничего удивительного, что в тексте книги «Некоторые вопросы биосоциальной природы человека» главного философского «столпа» марксистской доктрины того времени академика Н.П.Дубинина, написанной в соавторстве с Ю.Г.Шевченко, можно найти такие слова: «Современные биологизаторы человека полагают, что сознание с его категориями есть вечная форма биологического существования человека, сохраняющая свои неизменные особенности при любых общественных порядках. С этой точки зрения содержание сознания каждого человека глубоко мотивировано его индивидуальными биологическими особенностями, т.е. его генетической программой. Для человечества в целом оно якобы биологически закреплено, что и не позволяет при изменении социальных условий качественно изменять его содержание. Такой подход накладывает на сознание человека ограничения, будто

бы диктуемые его биологией, отрицает возможность бесконечного развития сознания как отражения развития общественного бытия»¹³³.

В главе первой «О скачке в истории органической жизни при появлении человека» авторы задаются резонным вопросом: каково взаимодействие между духовным развитием человека и его биологией? И дают на него, надо сказать, вполне ясный ответ: «Только в наши дни, после окончательной победы в генетике принципа ненаследуемости благоприобретённых признаков, стало очевидным, что духовное развитие не записывается в генах. Оно фиксируется в социальной программе, которая передаётся путём воспитания, усложняется и развивается с каждым новым поколением. Материальными носителями биологической наследственности являются гены, лежащие в молекулах нуклеиновых кислот. Носителем социальной наследственности является человек с его сознанием»¹³⁴.

Это, в общем, верно. Действительно, как мы уже отмечали, человек – единственный из биологических видов земной фауны, который смог выработать принципиально новый механизм наследования программ поведения: не через молекулы ДНК хромосомного набора, а через надбиологические формы передачи информации – через членораздельную речь, показ и пример. В этом, собственно, и был тот мощнейший качественный скачок, вырвавший *Homo sapiens* из царства дикой природы и ввергнувший его в принципиально иной мир человеческой цивилизации. Причём, стоит ещё раз повторить, это не только и не столько количественные отличия, но именно признаки фундаментально иного качественного порядка, поскольку они напрямую касаются не только примитивных живых существ, но и вполне высоко организованных. Ясно, что у животных с достаточно развитой нервной системой есть уже зачатки психического развития, есть уже способность формирования психических образов. Кстати, вопрос об объективных критериях идентификации наличия психики у животных является отнюдь не праздным, совсем не простым и до сих пор вызывающим серьёзные дискуссии и физиологов и зоопсихологов.

---

¹³³ Дубинин Н.П., Шевченко Ю.Г. Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М.: Наука, 1976. С.4

¹³⁴ Там же. С.17

Но ещё в 30-е годы прошедшего века две поистине ведущие и наиболее влиятельные школы психологии (одна из них американская, а другая наша – отечественная) – бихевиоризм и советская школа Выготского-Леонтьева – смогли выработать и экспериментально обосновать по своему смыслу очень схожий критерий, позволяющий операционально верифицировать у животного, представляющего тот или иной биологический вид, наличие или отсутствие психической формы отражения. В советской школе Выготского-Леонтьева был сформулирован критерий способности к ориентировочной деятельности. Суть его в том, что если мы заинтересовались вопросом, на каком эволюционном уровне находится то или иное животное, – на уровне нейрофизиологического или на уровне психического отражения – то это отнюдь не кабинетная работа, его умозрительно и навскидку не разрешишь, надо выйти из кабинета и скрупулёзно изучить (в естественных условиях ли, в лабораторных ли) его поведение. А главное надо сфокусировать своё внимание на том, чтобы постараться безошибочно определить, какой тип задач способно решать данное животное. Если его весь жизненный цикл состоит из поведенческих образцов, исполняемых автоматизировано на основе заложенных внутренней генетической программой инстинктов, то каким бы внешне сложным нам ни виделось его поведение, мы вынуждены будем констатировать отсутствие у него даже зачатков психики.

Скажем, общественные насекомые демонстрируют весьма сложные схемы поведения и просто поразительные образцы социальной организации. Мы уже упоминали знаменитого австрийского этолога Карла фон Фриша и его Нобелевскую премию за разгадку таинственного порхающего танца пчелы. К слову сказать, тот же Эдвард Уилсон в своей книге «Биофилия» великолепно описывает функционирование тропического муравейника. Это, без преувеличения, высший уровень социальной организации, предельный из возможных. Любое из человеческих сообществ, когда-либо существовавших и существующих, могло бы только мечтать о столь безупречной слаженности работы всех его членов. Более того, сам гений Балканского полуострова Платон со своей теорией «идеального государства» мог бы позавидовать

целесообразности, изощрённости и изяществу их «социального инжиниринга». Это изумительное кастовое общество, функционирующее с точностью, намного превышающей точность швейцарских часов. В нём нет лентяев, предателей и трусов, в нём нет измен, лицемерия, зависти, алчности и эгоизма, там каждый занимается своим делом, и занимается в высшей степени профессионально. Быть там муравьём-фуражиром и не быть «стахановцем» невозможно, равно как и быть муравьём-солдатом и не быть «панфиловцем» – так же невозможно («воины» там не только гораздо большего размера и наделены огромными челюстями, но и являются буквально «ходячими бомбами»; при приближении к муравейнику больших вражеских групп они без промедления бросаются в их кучу, и особые железы с ядовитой субстанцией буквально разрывают их на части, тем самым хороня под собой и немалое количество непрошенных пришельцев). Есть там и каста няnek за королевой-матерью, которые ухаживают, чистят, холят и кормят её специально выращенными на особых плантациях симбиотическими грибами, есть там и каста уборщиков помещений, есть там и каста садоводов, которые на основе опары из принесённых фуражирами кусочков листьев высаживают, пропалывают от сорняков и заботливо выращивают эти самые грибки, есть там и совершенно миниатюрные мураши, задача которых восседать на спинах фуражиров и воспрепятствовать атаке на них особых мошек-паразитов. Дело в том, что мельчайшие двукрылые, представители семейства Phoridae, массой парят над бегущими заготовителями кормов. Время от времени мошка пикирует, чтобы всунуть яичко в шею одного из них. Позднее из яйца вылупляется безногая личинка, которая пробирается всё глубже в тело муравья. Личинка быстро растёт, превращается в куколку и, в конце концов, вырывается из кутикулы как взрослая мошка, чтобы этим возобновить жизненный цикл. Эти «пикирующие бомбардировщики» легко находят бегунов как свою мишень, когда те нагружены куском провианта. Но когда заготовщик корма несёт на себе ещё и всадника, то муравей поменьше при помощи своих челюстей и лапок способен отогнать незваного гостя. Он служит своего рода живым веником от мошек. Словом

удивительное поведение и удивительнейшая организация, но опять же – когда об этом писалось, то считалось – всё предельно генетически детерминировано.

Но возвращаемся, однако, к судьбоносному вопросу о критериях. Таким образом, наличие или отсутствие психики идентифицируется не по основанию простоты или сложности внешне наблюдаемых поведенческих образцов, а по критерию способности или неспособности живого существа в своём поведении выходить за рамки видовой генетической программы, то есть выходить за рамки инстинктивного поведения по схеме «стимул-реакция». Это и было названо советскими психологами «способностью к ориентировочной деятельности», когда автоматизированных действий для решения возникаемых жизненных задач становится недостаточно и животное имеет возможность задерживать автоматическое реагирование, переходить к обследованию реальной ситуации и нахождению нового адекватного решения. Школа же бихевиоризма в качестве идентификационного критерия наличия психики обосновала и выставила критерий способности к научению. В своей знаменитой серии замысловатых экспериментов с лабиринтами для крыс они доказали, что уже у них (то бишь у крыс) наличествует процесс научения, а, значит, наличие и формы психического развития. Не трудно догадаться, что смысловое наполнение выработанных обеими школами психологии критериев идентификации психики очень близко, а именно: выход в своём существовании за пределы детерминируемых геномом совокупности поведенческих образцов. Так что получается, что чем выше способность к ориентировочной деятельности или – что то же самое – чем выше объём поведенческих образцов на основе индивидуального научения, тем выше уровень развития психики.

Этот необходимый экскурс был для нас принципиально важен вот по какой причине. Дело в том, что когда мы говорим, что вид *Homo sapiens* вырвался из пут животного мира и встал на недостижимую для всех остальных существ земной фауны высоту, то тогда мы должны внятно и доказательно объяснить, чем фундаментальным отличается процесс человеческой культурной социализации от процесса животной социализации, поскольку, как мы только что подчеркнули, у

развитых животных тоже ведь есть процесс индивидуального научения. Причём эти отличия должны быть отнюдь не только количественного, но, что главное, именно качественного порядка. И эти отличия есть. Несмотря на то, что у высших животных и имеются относительно развитые формы поведения, которые являются результатом их индивидуального научения и опыта, но они – и это принципиально важно – не прогрессируют, не накапливаются из поколения в поколение. В отличие от этого, человеческая деятельность носит надбиологический характер. Люди руководствуются в своих действиях внебиологически выработанными и социально закрепляемыми средствами и механизмами деятельности. А, значит, опыт, приобретённый одним поколением, уже не может оставаться лишь индивидуальным и исчезать вместе с ним. Сформировался принципиально новый механизм наследования, носителем которого стал уже не отдельный индивид, а сообщество индивидов. А потому каждому новому поколению людей нет необходимости заново изобретать колесо, надо лишь приобщиться к тем знаниям и тому опыту, что были уже предками накоплены. Это, собственно, и называется преемственностью.

Теперь, пожалуй, вернёмся обратно к работе Н.П.Дубинина и Ю.Г.Шевченко «Некоторые вопросы биосоциальной природы человека». По сути, с идентичных этому позиций ведётся там дальнейший ход мыслей. Но это, так сказать, исходные рубежи. Весь вопрос, в каком направлении будет вестись дальнейшее рассуждение, как будут увязываться биологические и социальные факторы, как будут расставляться акценты в их взаимодействии. А пока констатируется следующее: «Очевидно, что основные социальные черты человека, его «человечность», коллективизм, понимание добра и зла, правды и лжи, чувство красоты, способность предвидеть будущее и связанное с ним чувство ответственности, чувство любви, ощущение романтической юности и т.д. – всё это социально развивалось, было разным для разных исторических эпох, передаваясь при помощи социального наследования»¹³⁵.

---

¹³⁵ Там же.С.27

В другой, более поздней, монографии «Что такое человек» Н.П.Дубинин сохраняет верность своим принципам, прочно стоит на них и умело защищает марксистскую доктрину сущности человека от нападков и попыток привнести в неё хоть «крупницу» биологического содержания – в смысле наследственной детерминанты. Вот что мы читаем в главе I «О качественной определённости человека»: «Проблема диалектики социального и биологического в человеке привлекает внимание философов, социологов, педагогов, психологов и представителей многих естественнонаучных дисциплин. Это понятно, потому что её решение позволяет уяснить, почему человек представляет собой качественно новое звено в истории жизни на Земле, а также даёт возможность уточнить пути возникновения и формирования сознания как в процессе происхождения вида *Homo sapiens*, так и в онтогенезе каждого конкретного человека.

Мы не знаем, каким образом осуществлялось становление сознания в ходе эволюции предков человека, но можем точно утверждать, что его не было у первых предков, оно в полной мере свойственно только людям вида *Homo sapiens*. То же стоит сказать относительно каждого новорождённого. Обладая генетически детерминированными свойствами человеческого мозга, новорождённый не имеет сознания и в дальнейшем, в ходе развития его биологических особенностей не может его приобрести, если не включается в процесс социального общения. Будучи функцией мозга, сознание человека находится вне сферы действия биологических законов, оно сугубо социально по своему происхождению и содержанию. Сознание, социальная сущность есть надбиологическое, которое отличает человека от животных»¹³⁶.

Совершенно в русле локковской концепции человеческого разума изначально как «*tabula rasa*» Н.П.Дубинин приводит ряд пусть и не новых, но достаточно мощных по своему идеологическому потенциалу и не потерявших своей аргументационной силы доводов. Вот что мы находим: «Фактом огромного философского и научного значения является то, что хотя новорождённый и обладает особыми чертами человеческой биологической организации, однако он

---

¹³⁶ Дубинин Н.П. Что такое человек. М.: Мысль, 1983. С.8

лишён сознания и сам по себе, только за счёт биологических предпосылок, приобрести его не может... В происхождении сознания проявляется диалектика социального и биологического: биологические свойства – это необходимая предпосылка (как низшая форма движения материи) для появления социально обусловленных черт человека. Сознание возникает как надбиологическое, его структура определяется социальными факторами. Сознание, которое возникает благодаря труду, определяет совершенно новое положение человека в жизни. Факты свидетельствуют, что если генотипически полноценные дети, способные к нормальному развитию, попадают после рождения в джунгли, где их воспитывают звери, то они, не имея возможности общаться с себе подобными, не получая трудовых навыков и т.д., не обретают высших – человеческих – пластов психики и оказываются лишёнными социальных черт, в том числе и сознания»¹³⁷.

Тут следует заметить, что аргумент на немалом количестве примеров «детей-Маугли» является почти «убийственным» для оппонентов классической марксистской доктрины о социальной сущности человека. Будучи немилосердной к этим человеческим младенцам судьба уберегла, правда, уже не их, а антропологов-экспериментаторов от искушения впасть в антигуманизм и аморализм для того, чтобы попробовать поставить подобного рода эксперименты, так сказать, «в лабораторных условиях». Она, как бы говоря «Не надо этого делать!», сама предоставила в руки исследователей бесценный «эмпирический» материал для анализа, систематизации и последующих далеко идущих выводов. И второе, что хотелось бы отметить: семь лет, разделяющие написание этих двух книг, выразились, в частности, и в том, что уже стали говорить о «биосоциальной природе человека», о «диалектике социального и биологического в человеке». Биологическое, правда, принималось как всего лишь некая данность, как само собой разумеющееся, не требующее, по крайней мере, от философов какого-то особенного изучения и какой-то специальной рефлексии. И пусть это мало что меняло в постановке и решении данной проблемы, сама лексика несла в себе определённый символизм «духа времени».

---

¹³⁷ Там же. С.11-12

Но пока до прихода «нового мышления» в духовную жизнь нашего общества вообще и идеологии в частности оставалось ещё два года, так что давайте приобщимся ещё к парочке образцов, так сказать, «ретроградного» толкования: «При рождении ребёнок представляет собой природное биологическое существо. Чтобы приобрести сознание, стать участником общественно полезного труда и многообразных социальных отношений, ребёнок должен активно, творчески овладевать продуктами труда, которые создали предшествующие поколения людей. Он вступает в непосредственный процесс исторического развития духовной и материальной культуры, в систему наличных отношений, формирующих его социальную сущность, которая является продуктом истории, а не биологии. У ребёнка развивается сознание и мышление не потому, что у него есть для этого материально-биологические предпосылки в виде мозга, а в силу побуждения мозга к функционированию при активном, творческом восприятии духовного и материального опыта человечества через взаимодействие с людьми в ходе общественно полезной деятельности. В результате сознание как качественно особое явление, его содержание оказываются за пределами биологии, представляя собой общественно-историческое явление»¹³⁸.

Всё это опять же вроде бы верно и методологически, и эмпирически в смысле соответствия обстоятельному изучению навыков и поведения тех самых «детей-Маугли». Да и сама локковская концепция разума новорождённого как «*tabula rasa*» имела и имеет не только немалых сторонников, но и за собой немалой прочности исследовательский базис. Достаточно вспомнить методически почти безупречную, где-то даже дотошную, критику Джоном Локком в его «Новых опытах о человеческом разуме» весьма распространённую в то время картезианскую и лейбницевскую теорию «врождённых идей» (логико-математических и метафизических). Так-то оно так, но как, спрашивается, забыть при этом тот факт, что в своём более позднем произведении «Некоторые мысли о воспитании» (1693) тот же Джон Локк, выступая в новой для себя роли педагога, воспитателя и моралиста, неоднократно отмечал наличие у детей не

---

¹³⁸ Там же. С.13

приобретённых, а именно наследственных задатков и дарований к той или иной сфере деятельности, что и надо вовремя заметить и развивать. Конечно, они, по Локку, выступают не более чем в виде биологических предрасположенностей, и лишь от социальной среды, от общества зависит, разовьются они или нет. Но как бы то ни было, это всё равно противоречит прежним категорическим локковским гносеологическим постулатам. Словом, и с локковской концепцией не всё так уж «безоблачно» и безупречно.

Но вернёмся, однако, к книге Н.П.Дубинина и буквально на следующей странице мы читаем: «У человека нет и не может быть двух сущностей; выйдя из недр животного мира, он обрёл единственную – социальную – сущность... Признание качественной специфики надбиологического в человеке требует чёткой постановки вопроса о сущности человека и его сущностных силах, которая позволяет избежать смешения биологического и социального, появления представлений о биологическом как изначально несущем в себе социальные формы деятельности человека. Отсутствие чёткости в подобных вопросах приводит иногда к утверждению о том, будто великие этические принципы (альтруизм, смелость, жертвенность и др.) и чувства (благородство, доброта) являются результатом биологической эволюции, закреплённым благодаря действию естественного отбора»¹³⁹.

Тут, надо сказать, недвусмысленный намёк на «скандально» нашумевшую в начале 70-х годов статью В.П.Эфроимсона «Родословная альтруизма», опубликованную в журнале «Новый мир» 1971, №10. Статья, к слову, великолепная, богатая как естественнонаучным содержанием, так и «сочным» литературным языком, но мягко говоря, не совсем вписывающаяся в привычную, нами уже упомянутую, классическую марксистскую схему. Идеологу надо было тогда быть воистину слепым, чтобы не разглядеть в ней вполне явные «биологизаторские поползновения». Пресекались в то время и гораздо меньшие «шалости», так что даже странно, что данная статья вообще увидела массового читателя. К ней мы, кстати говоря, вскорости и в своё время вернёмся, главное

---

¹³⁹ Там же. С.14

здесь не забыть следующее: за десятилетия был создан вполне монолитный, причём не такой уж умозрительный, мировоззренческий и идеологический базис, с передовых рубежей которого было удобно, сподручно и не «впервой» отражать атаки сначала этологов, а затем и социобиологов.

И вот уже в главе четвёртой «Генетика и социальные проблемы» мы читаем своеобразную «отповедь» Н.П.Дубинина, стрелой направленную вполне адресно и персонально в отношении этологии и этологов: «В 1973 году Конраду Лоренцу, профессору Мюнхенского университета, одному из основателей этологии – науки о поведении животных – была присуждена Нобелевская премия. Авторитет К.Лоренца достаточно высок благодаря его фундаментальным достижениям в области этологии. Однако при этом он поддерживал биологизаторский подход при оценке поведения человека...

В США и других странах популярны книги Роберта Ордри. Суть его вульгарной философии состоит в том, будто бы инстинкт собственности, который наиболее ярко проявляется во владении землёй и назван им «территориальным императивом», заложен в человеческих генах. В них же заложено быть или не быть человеку убийцей по его биологической природе (см Ardrey R. «The Territorial Imperative». N.Y., Atheneum, 1966, p.103, p.251). На этих взглядах построена его философия происхождения войн... Ордри полагает, что влечение человека к убийству неотвратимо, оно не подчинено никаким облагораживающим влияниям окружающей среды»¹⁴⁰.

Тут, как мы видим, вектор критики направлен не просто в сторону этологии, а точно сфокусирован на этологическом толковании агрессивности вообще и человеческой – в частности. Как в русской транскрипции писать фамилию «Ардри» или «Ордри» – не суть важно. Гораздо важнее, что ещё через шесть лет – в 1989 году, т.е. уже даже не в расцвете, а на закате перестройки – у Н.П.Дубинина выходит в свет ещё одна книга «Генетика, поведение, наследственность», написанная в соавторстве с И.И.Карпец и В.Н.Кудрявцевым,

---

¹⁴⁰ Дубинин Н.П., Шевченко Ю.Г. Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М.: Наука, 1976 С..139-140

где мы встречаемся, как ни парадоксально, уже несколько с иными представлениями на толкование сущности человека. Вникаешь и глазам своим не веришь: оказывается, что в формировании психики и поведения принимают весьма активное участие не только социокультурные факторы, но кое-что и ещё. Причём этого «кое-чего» не так уж мало, и всё оно, как на подбор, генной природы, т.е. целиком из сферы биологии. Да вот ведь незадача: как спрашивается, быть с ещё не успевшими забыться и весьма рьяно отстаиваемыми тезисами и претензиями в адрес этологов в совершенно недопустимом «биологизаторстве». Книга, кстати, имеет весьма показательный подзаголовок «О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения». Так вот ещё совсем недавно отрицалось наследование и темперамента, и черт характера, а тут...

Читаем главу I «Социальное и биологическое в человеке», параграф 3 «Наследственность и мозг»: «Учёт влияния врождённых особенностей личности имеет большое значение при анализе индивидуализированного взаимодействия биологического и социального. Что же относится к этим особенностям? После работ И.П.Павлова общепризнано, что *темперамент* в своей основе является врождённой чертой человека и характеризует динамические особенности психической деятельности индивида... Следует иметь в виду, что *сам по себе темперамент не даёт возможности судить о содержательной стороне личности* и не характеризует её возможностей, отражая лишь динамическую сторону человеческих поступков. Вместе с тем окончательное формирование темперамента во многом зависит от морально-волевых сторон характера, связанных уже с содержательной стороной деятельности человека.

Характер – более сложная система в человеческой психике; для его формирования ведущим служит влияние условий жизни и деятельности человека. Свойства темперамента существенно преобразуются при их включении в характер. В результате *никакой темперамент не служит препятствием для развития общественно ценных свойств личности, равно как и отрицательных её свойств*. Генетически детерминированные свойства темперамента – это лишь

предпосылка воспитания, обучения, формирования характера, развития умственных и физических способностей»¹⁴¹.

Но это ещё не всё. Далее в главе V «Изучение отобранных групп», параграфе 2 «Исследование близнецов» происходит почти немислимое дело – статья В.П.Эфроимсона «Родословная альтруизма» не просто вспоминается, не просто не подвергается разгромной критике, а признаётся достойной серьёзного анализа и даже цитируется как источник важной информации. Вот, пожалуйста: «В.П.Эфроимсон на основании литературных источников составил сводную таблицу частоты преступности второго близнеца, если первый был преступником. Из неё видно, что частота преступного поведения однояйцевых близнецов существенно выше (63 процента), чем двуяйцевых близнецов (25 процентов) (см Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма». «Новый мир», 1971, №10, с.210)¹⁴². А эти данные, не трудно заметить, не только плохо укладываются в марксистскую формулу исключительно социальной природы человека, но прямо-таки ей противоречат.

Необходимо указать при этом, что критика этологии, а позднее и социобиологии, велась, но, правда, с более «умеренных» позиций, и со стороны отечественных оппонентов позиции Н.П.Дубинина (и тоже приверженцев марксистской линии) – группы единомышленников ещё одного советского академика И.Т.Фролова. В ней сразу настаивали, что при общем принятии марксовой формулы всё же надлежит относиться к тезису о человеке как биосоциальному единству не чисто декларативно, не просто лексически увязывать одно с другим, говоря о диалектике биологического и социального, а серьёзно изучать – и прежде всего эти самые биологические предпосылки психики и поведения. Но ожидать чего-то принципиально иного по отношению к этологической и социобиологической исследовательской программам, чего-то большего, чем установка к более детальному, внимательному и серьёзному

---

¹⁴¹ Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. М.: Изд-во политич. лит-ры, 1989. С.22

¹⁴² Там же. С.162

критическому их анализу было бы, по меньшей мере, наивно. Да этого и не случилось.

Для полноты картины уместно представить и «более умеренный» критический вариант. Вот, в частности, что мы находим в книге «Менделизм и философские проблемы современной генетики», написанной И.Т.Фроловым в соавторстве с С.А.Пастушным: «В наше время, когда генетика широко пользуется методами смежных наук, это умение и способность к «генетическому мышлению» имеет особое значение. И не случайно так много говорят и пишут сегодня во всём мире о необходимости разумного сочетания редукционистского и целостного подходов в исследовании, или, как это называет Т.Добжанский, картезианского (редукционистского) и дарвинского (композиционистского) подходов»¹⁴³.

Следующие две выдержки уже из более поздней и более известной книги И.Т.Фролова «Перспективы человека». В них автор прямо направляет свои пусть и «умеренные», но всё же критические мысли в адрес этологии и персонально этологов: «Оживление в последнее время концепций социал-биологизма, универсализирующих биологическую природу человека в противовес его социальной сущности, гносеологически объясняется односторонним и потому гипертрофированным восприятием данных прежде всего современной нейрофизиологии, этологии и генетики в их применении к человеку... Генетически детерминированными, по мнению ряда этологов, оказываются и некоторые особенности поведения человека, его якобы врождённая агрессивность или же, напротив, его альтруизм.

Всё это привело в последние годы к своеобразному «взрыву» исследований, ставящих целью доказать, что будто бы вообще многие основные социальные принципы, которыми руководствуются люди в своём поведении, имеют главным источником своего происхождения не общественные условия, а прежде всего биологические, в частности эволюционно-генетические, факторы. Проблема

---

¹⁴³ Фролов И.Т., Пастушный С.А. Менделизм и философские проблемы современной генетики. М.: Мысль, 1976. С.234

существование биологических истоков социального поведения, особенно те стороны её, которые оформились в основном под влиянием идей З.Фрейда и этологии (К.Лоренца, Р.Ардри и др.), широко обсуждается сегодня в мировой науке»¹⁴⁴.

А вот эта выдержка не только нас отсылает к этологам и не только увязывает нас дополнительным интересом к проблеме человеческой агрессивности, но и объясняет, почему «биологизировать» эту проблему – значит оставлять людей безоружными перед лицом социальных источников и причин зла в мире, а, соответственно, получается, что и выгораживать конкретных его виновников. Вот как это у И.Т. Фролова: «Конечно, не всегда эта идейная направленность концепции социал-биологизма проявляется «в чистом виде», но она заложена в самой основе его методологии. Возьмём, например, ту же этологию. Считая, что проявления агрессии и насилия находятся в атавизмах биологической природы человека,.. этот подход взят на вооружение многими буржуазными идеологами, деятелями искусства и пр., которые, каждый в своей форме, пытаются внушить людям малоподготовленным мысль о том, что человек – злобное животное и что вся мировая культура не способна изменить его жестокую природу. Самое печальное здесь отнюдь не то, что как изображается человек (наука и история человечества также дают нам весьма неоднозначную картину), а то, что человечество тем самым, в сущности, обезоруживается в своей борьбе против зла, имеющего социальную, а не биологическую природу»¹⁴⁵.

Среди работ исследователей-марксистов, не просто с «умеренных» позиций подвергающих критике этологию и социобиологию, но и пытающихся проникнуть и проанализировать их естественнонаучную «подкладку», так сказать, их физиологическое «нутро», стоит указать труды Е.Н.Панова. В частности, в одной из своих ранних работ «Этология: её истоки, становление и место в исследовании поведения» (1975) мы находим его весьма любопытные экстраполяции и выводы, полученные им на основе весьма глубокого погружения

---

¹⁴⁴ Фролов И.Т. Перспективы человека. М.: Изд-во политич. лит-ры, 1983. С.47

¹⁴⁵ Там же. С.48-49

в этологическую проблематику. Причём эти экстраполяции и заключения напрямую нас выводят к феномену агрессивного поведения: «Прежде чем перейти к рассмотрению современного состояния эко-экологии, необходимо коротко обрисовать суть тех основополагающих идей, вокруг которых объединены сегодня интересы исследователей, работающих на упомянутом выше макроуровне (имеется в виду экологический уровень – изучение преимущественно демографических характеристик популяции, её пространственной и временной структуры, общих принципов регулирования численности и плотности особей, а также генетических и эволюционных аспектов такого регулирования). Ганс Селье выдвинул понятие «общего адаптационного синдрома». Это особая физиологическая (гормональная) реакция организма и все без исключения повреждающие и угнетающие воздействия извне. Физиологический общий адаптационный синдром выражается в усиленном выделении в кровь гормонов надпочечников, мозговое вещество которых усиленно продуцирует адреналин, а кора – гормоны группы кортикоидов. Кортикоиды, поступая в кровь, угнетают все лимфоидные ткани и органы, в связи с чем резко уменьшается количество лимфоцитов в крови.

Впоследствии выяснилось, что подобная же реакция организма наступает и в ответ на некоторые социальные факторы, в частности на перенаселение, т.е. не чрезмерное увеличение плотности особей в популяции. Это явление было положено в основу взглядов Д.Читти и Дж. Христиана, суть которых в том, что «социальный стресс» (физиологическая реакция на перенаселение) может быть важным фактором саморегуляции плотности популяции. Объединив этологические представления о социальной гетерогенности социальных ячеек (которая выражается, в частности, в существовании иерархических отношений и социального ранжирования) с данными экспериментального анализа, авторы гипотезы пришли к выводу, что физиологическая реакция на «социальный стресс» различна у высокоранговых и низкоранговых особей. Первые обладают большей способностью противостоять социальному стрессу и характеризуются в этих условиях резким возрастанием агрессивности за счёт обильной секреции

адреналина. Слабая способность низкоранговых особей противостоять стрессу и давлению на них агрессивных высокоранговых особей приводит к массовому выселению животных с низким социальным рангом и тем самым к уменьшению и нормализации плотности популяции»¹⁴⁶.

В этой связи хотелось бы заметить следующее: во-первых, это в некоторой степени предвосхищение будущей социобиологической концепции толкования агрессивности как действия «концентрато-зависимого фактора» по предотвращению перенаселения популяции, обоснованного и разработанного Э.О.Уилсоном; и, во-вторых, весьма символично членение членов популяции по показателю устойчивости к стрессу на «низкоранговых» и «высокоранговых». Всё это смахивает на некую современную эволюционно-генетическая «изнанку» обоснования неизбежной социальной иерархии и у людей; значит, получается, что вторя словам Аврелия Августина, земная иерархия есть не только отражение иерархии небесной, но и иерархии почвенной.

Интересной, кстати говоря, в деле анализа животной агрессивности является ассимиляция Е.Н.Пановым идей ещё одного видного этолога – В.Винни-Эдвардса. Вот что он пишет по этому поводу: «В основе взглядов В.Винни-Эдвардса лежит предположение, что в ходе эволюции должны были выработаться социальные механизмы, автоматически препятствующие перенаселению и переэксплуатации внешних ресурсов (в особенности пищи), необходимых для существования следующих поколений. Подобная переэксплуатация создала бы угрозу дальнейшему существованию вида. Эта опасность устраняется за счёт того, что у каждого вида в процессе его эволюции прямая конкуренция за непосредственные запасы материальных ресурсов заменена конкуренцией за «символические обозначения» этих ресурсов. Вместо острой борьбы – смягчённая конкуренция по соглашению».

Например, у территориальных видов животных отдельные особи, пары или группировки оспаривают друг у друга не пищу как таковую, а некий участок

---

¹⁴⁶ Панов Е.Н. Этология: её истоки, становление и место в исследовании поведения. М.: Знание, 1975. С.4

пространства («территорию»), содержащих в своих границах заведомо избыточное количество пищи. Обладатели территории не допускают на неё чужаков, но и сами не в состоянии исчерпать всех содержащихся в её пределах запасов пищи. Ограниченная площадь пространства, пригодная для обитания вида, может вместить количество территорий меньше, чем количество претендентов на эти территории. Животные, не получившие возможности захватить собственного участка, оказываются в пессимальных условиях и обречены на вымирание. Такая буферная система обеспечивает автоматическое поддержание плотности популяции на некотором стабильном, умеренном уровне»¹⁴⁷.

Следует выделить, что непреходящую роль и чрезвычайно важное значение учения К.Лоренца в становлении и развитии эволюционной эпистемологии и когнитивной психологии отмечал И.П.Меркулов в своей книге «Когнитивная эволюция». В частности, он писал: «Как исключительно важную веху в формировании эволюционной эпистемологии следует поэтому рассматривать опубликованную ещё в 1941 году в нацистском философском журнале статью известного немецкого этолога Конрада Лоренца под названием «Кантовская концепция *a priori* в свете современной биологии», где впервые было предложено опирающееся на достижения генетики и биологической теории эволюции принципиально новое решение вопроса о познавательном статусе априорных (в кантовском смысле) утверждений. Интерес К.Лоренца к этой классической эпистемологической проблеме возник в тесной связи с результатами его собственных исследований поведенческих стереотипов. Наблюдая за поведением животных, он обратил внимание на то, что животные, выращенные в неволе, воспроизводят те же поведенческие стереотипы, что и животные, выросшие в естественных условиях. Его дальнейшие исследования, в частности, показали, что каждому виду животных свойственны определённые инстинктивные действия,

---

¹⁴⁷ Там же. С.50

являющиеся результатом эволюции, которые с точки зрения генетики можно рассматривать как врождённые фенотипические признаки»¹⁴⁸.

Но, бесспорно, «классической» и где-то даже хрестоматийной работой по критическому разбору этологической программы по изучению агрессивности с позиций марксовской теории является труд ещё одного известного марксиста (но, правда, уже германского) Вальтера Холличера «Человек и агрессия. З.Фрейд и К.Лоренц в свете марксизма». Было бы, право слово, непростительно нам обойти её вниманием. Главу, посвящённую критическому анализу концепции Лоренца об агрессивности В.Холличер открывает такими словами: «Люди получили в наследство от животного мира не только формы тела, но также определённые физиологические функции – включая и некоторые формы поведения, управляемые центральной нервной системой. Эта преемственность обеспечивается наследственной предрасположенностью, которую, согласно данным генетики, нужно понимать не как наследование свойств, а как передаваемое по наследству предрасположение реагировать на определённые условия среды выработкой определённых свойств, то есть как наследование «норм реакции».

Последние (то бишь те самые нормы реакции) образуют совокупность унаследованных предрасположенностей организма, которые взаимодействуют между собой. Они определяют поведение живого существа относительно тех или иных условий среды. Это поведение может быть как бы «жёстко закреплённым наследственно», то есть в соответствии со своей предрасположенностью организм будет реагировать на изменяющиеся условия среды выработкой одного и того же признака. Вместе с тем живое существо может – опять-таки в соответствии со своей предрасположенностью (в отношении определённых особенностей формы тела или формы поведения) – вырабатывать различные, причём именно целесообразно различные признаки, то есть вести себя пластично. Любая способность к научению предполагает пластичность»¹⁴⁹.

---

¹⁴⁸ Меркулов И.П. Когнитивная эволюция. М.: РОССПЭН, 1999. С.8

¹⁴⁹ Вальтер Холличер Человек и агрессия. З.Фрейд и К.Лоренц в свете марксизма. М.: Прогресс, 1975. С.10

Тут надлежит высказаться. Вообще-то говоря, приведённые выше взгляды не так уж многим отличаются и от концепции самого К.Лоренца. Был, надо сказать, да и есть такой «безотказный» приём в отношении концепции Лоренца: несколько извратить её выводы, абсолютизируя, гиперболизируя лоренцевские тезисы, а затем их разбивать «в пух и прах». Лоренц никогда и нигде не утверждал, что агрессивность у животных, а тем более у людей выступает в роли безусловного рефлекса, он говорил о «социальном инстинкте», т.е. когда сам импульс биологичен по своей природе, а формы его проявления сугубо социальны. А если говорить о человеческом обществе, то оно, по Лоренцу, способно и даже должно, находить культурные формы и механизмы сублимирования, перенаправления сего опасного импульса если уж не в более конструктивное, так, по меньшей мере, в более безопасное русло. Он даже перечислял, как и куда можно канализировать обществу данную врождённую энергию, указывал соответственный перечень мер и средств для этого. Но даже если с этим не соглашаться и настаивать, что Лоренц был «упёрт» в интерпретации агрессии как индивидуального инстинкта (именно индивидуального), то уж во всяком случае стоит признать, что вышеприведённые слова очень «перекликаются» и с социобиологической трактовкой агрессивности – символично, что в один год вышла и данная книга Холличера, и уилсоновская «Социобиология: новый синтез».

Правда, есть одно сразу обнаруживаемое отличие холличеровской от уилсоновской интерпретации животной и человеческой агрессии – это отношении к учению академика Павлова. Социобиологи его практически никогда не вспоминают в своих работах, а для Холличера – это главный ориентир. Именно учение И.П.Павлова об условных рефлексах он активно использует для толкования агрессии. Вот что мы находим на этот счёт: «Очевидно, что способность к научению – при одновременном уменьшении роли инстинкта – является обязательной предпосылкой такого поведения человека, которое в процессе исторического развития за сравнительно короткий срок сделало возможным многообразие изменяющихся форм общественного бытия. С этого

следует начать, чтобы дать отпор антидиалектическим, механистическим воззрениям при изучении поведения животных, по отношению к которому поведение человека должно рассматриваться и как преемственное, и как проявление нарушения преемственности, если связь и разрыв между животным миром и человеком поняты правильно, в том числе и в отношении поведения. Значение сравнительного исследования поведения в применении к человеку заключается в том, что оно показывает преемственность эволюционного развития, связь людей с их предками – животными. Однако если не принимается во внимание или недооценивается разрыв в преемственности, то есть недооценивается специфика социального прогресса развития человека, то следствия всегда были и будут ошибочные концепции чисто «этологического понимания человека»¹⁵⁰.

Опять же в этой связи хотелось бы заметить: а что разве Конрад Лоренц когда-нибудь отрицал фактор научения формам выражения агрессии?! Ведь и сам же В.Холличер это подтверждает: если уж у различных представителей животного мира самими же этологами был найден, исследован и объяснён целый спектр пластичных форм поведения, сочетающих инстинктивное начало и образцы научения, то что же тогда говорить и о человеке. Этологи во главе с Лоренцом не безумцы, признавая процесс научения и социальной ритуализации у животных, отрицать каким-то образом это у человека!

В.Холличер при этом осознаёт немалую значимость эволюционно-биологической подоплёки концепции Лоренца об агрессивности, он противопоставляет её фрейдистской, как, по его мнению, более умозрительной и упрощённой, но всё-таки ни в какую не желает признавать её хоть какую-то, хоть минимальную экстраполяцию применительно к человеку. Вот как он об этом пишет: «Лоренц уделяет много внимания разъяснению поведения животных, которое может быть понято как «агрессивное». Уже в подзаголовке одной из книг он делает намёк на человека, говоря о «естественной истории агрессии». Он не разделяет точку зрения на агрессию позднего Фрейда, который приписывал всему

---

¹⁵⁰ Там же. С.101

живому деструктивное влечение (часто в сочетании с либидо), а подчёркивает ту имеющую характер влечения роль агрессивности и насилия, которая способствует жизни и вида в борьбе за существование. Лоренц считает, что «премия» за сохранение может служить оправданием агрессивного поведения»¹⁵¹.

Далее В.Холличер пытается, как может, объяснить тот факт, что практически во всех обществах, если не брать в расчёт различного рода социальные утопии, существовали и существуют проявления как индивидуальной, так и общественной агрессии: «Разве не существует повсеместно действующих социальных мотивов, которые при данных условиях определяют поведение всех членов общества? Разве то обстоятельство, что все «нормальные» пассажиры общественного транспорта покупают билеты, доказывает инстинктивность такого поведения? Разве не представляют собой подобного рода принципы явную попытку биологизации истории? Стремление провести аналогию между «агрессией животных» (уже само определение представляет собой, в сущности, некритически используемое понятие) и воинственным поведением людей является не только в принципе ошибочным, но и идеологически вредным»¹⁵².

А вот ещё из доводов на ту же тему: «Очевидно также, что и группы людей, и отдельные индивиды в определённых ситуациях социальной среды ведут себя «агрессивно». Однако разве могут нести за это ответственность врождённые типы раздражения в качестве пусковых механизмов, как это пытаются представить сторонники «этологической картины человека». Нет никаких данных для того, чтобы признать у человека наличие подобных врождённых агрессивных реакций на определённые социальные ситуации! Агрессивность между индивидами, которые, например, «действуют друг другу на нервы», или между группами, например, группами подстрекателей-националистов или расистов, можно понять и объяснить психологически или социологически. Однако она не имеет ничего общего с врождёнными, возникшими в результате биологического отбора инстинктами»¹⁵³.

---

¹⁵¹ Там же. С.105

¹⁵² Там же С.107

¹⁵³ Там же. С.126

Но вот «закавыка»: в том-то и дело, что практически невозможно это внятно объяснить ни психологически, ни социологически, можно только констатировать статистически. Парадокс в том, что никакой социально-культурной средой, никакими условиями воспитания и обучения невозможно не только напрочь устранить, но и, к сожалению, сколь-нибудь значительно снизить проявления как индивидуальной, так и общественной агрессии без целой комплексной системы мер по перенаправлению, т.е. без всё той же сублимации сего накапливаемого импульса. Как объяснить, что если нет выхода импульса агрессивности на какие-то «эрзац-объекты», то чем люди ближе друг к другу, чем люди лучше знают друг друга, тем выплески их агрессивности жёстче и беспощаднее? Как объяснить тот общеизвестный факт, что по своей жестокости и бескомпромиссности именно гражданские войны «прославились» в истории человечества. Нам, к сожалению, это тоже известно (Россия в числе этих стран). Спросите у психологов, как они объясняют феномены предельно повышенной нервозности и агрессивности индивидов, поставленных в неестественные условия, когда нет возможности направить накопившийся импульс агрессивности на какого-то за пределами тесного круга общения. О чём, собственно, и писал Лоренц. А как объяснить необходимость специальных комнат и особых «эрзац-кукол» для выплеска своей агрессивности для вышколенных и зажатых корпоративными инструкциями и церемониями офисных клерков (вспомним специальные японские комнаты и особые японские куклы для битья в этих комнатах. Так что если бы всё это можно было бы объяснить, то давно бы уже и объяснили.

И вот своего рода программное заявление: «Та область поведения, которая имеет решающее значение для формирования человека, для человеческого бытия, управляется программами мозга, которые являются результатом научения. Как, впрочем, и вообще человеческая природа в точном смысле слова является не врождённой, а выработанной путём научения и социально-исторически обусловленной. Несколько утрируя, можно сказать: всё то, что является специфическим для поведения человека, не является врождённым, а то, что

является врождённым, не носит черт, специфических только для человека»¹⁵⁴. Сказано красиво, но какое это отношение, однако, имеет к феномену агрессивности: никто и не утверждал, что раз его импульс врождён, то он специфичен только для человека. Вот те формы, в которые он облекается, действительно культурно детерминируемы и всецело научаемы.

Таким образом, резюмируя параграф об отношении философии марксизма к этологическим исследованиям вообще и исследованиям человеческой агрессивности – в особенности, остаётся констатировать, что отношение это весьма критическое и большей частью справедливое. Особенно оно уместно в адрес методологической парадигмы этологии, базирующейся на весьма расширительном понимании того, что может быть названо «природой человека», на категорическом отрицании принципиального различия между человеческим обществом и сообществом животных, включая и специфику человеческой социализации, в сравнении с процессом индивидуального научения у животных, на основе единства культурных норм, недопустимости экстраполяции понятия «инстинкт» в сферу человеческого поведения, и как следствие – на перманентном поиске поведенческих инвариантов, безудержном использовании метода аналогии, зооморфизации поведения человека и антропоморфизации поведения животных.

---

¹⁵⁴ Там же. С.129

§2. Изыскания классической социобиологии по изучению человека в свете марксистской теории

С уже указанных оборонительных эпистемологических, методологических и мировоззренческих редутов отражалась «атака» и велось широкомасштабное «контрнаступление» сторонников марксизма в направлении вторгшегося с Запада нового и более изощрённого идеологического противника – социобиологии. Тут тоже могут быть выделены как два лагеря защитников, так и две оборонительные платформы в рамках марксизма – всё те же, условно говоря, «более ортодоксальная» и «более умеренная». Их, разумеется, единили общность базовых мировоззренческих и идеологических взглядов, общность целей противостояния «агрессору» и задач его системной критики, но всё же разнил арсенал применяемых средств и методов ведения полемики, степень её накала и идеологизированности, а также общая тональность и выдержанность употребляемой дискуссионной лексики. Критика со стороны «более умеренной» позиции, без сомнения, отличалась большей тактичностью, большей взвешенностью, бóльшим вниманием к естественнонаучному материалу, содержащемуся в работах социобиологов, а также бóльшим проникновением в сам материал первоисточников. Это, уверяю вас, заметно даже «невооружённым» глазом, и чтобы убедиться в этом, достаточно даже беглого непредвзятого взгляда.

Времена потихоньку менялись, несколько менялась и конъюнктура, требовались (даже в идеологии) более изысканные, более гибкие, в большей степени отвечающие запросам момента подходы, так что более радикальная, «ортодоксальная», критика всё меньше находила себе приверженцев и всё в большей мере воспринималась интеллектуальной общественностью как «ретроградная». Но, по крайней мере, с точки зрения моей позиции верность своим убеждениям уже само по себе вызывает уважение, какими бы они ни были. Я, честно говоря, с большим недоверием отношусь к конформистам, к тем, кто с лёгкостью меняет свои взгляды, реагируя как «флюгер», подстраиваясь под изменчивые реалии.

И в этом смысле радикализм позиции академика Н.П.Дубинина, своего рода «оплота классического марксизма», объясним, последователен и требует, чтобы его не просто принимали во внимание, но чтобы и с ним считались. Начинает он, кстати говоря, представление своего кредо в отношении появившейся социобиологии с тезиса, который вряд ли кто-либо из его оппонентов, находясь в здравом уме, стал бы оспаривать: «Генетики несут большую ответственность перед человечеством, ибо генетика наших дней – это могущественная наука не только приносящая благо, но и способная принести неисчислимые беды, если её достижения будут использованы не в интересах всего общества. В этом отношении положение аналогично и, может быть, даже более серьёзно, чем с ядерной энергией. Новейшие методы генетики должны применяться в мирных и благородных целях»¹⁵⁵.

И вот с таких заранее подготовленных и надёжных рубежей Н.П.Дубинин намерен отразить неприятельский наскок и нанести ответный удар. Вот как это он делает: «В последнее время всё больше распространяется мнение, будто все свойства и особенности человека вплоть до высших уровней его духовной жизни представляют собой некое монолитное единство биологического и социального. Даже предпринимаются попытки найти гены, соответствующие социально формируемым качествам человека. Психика животных рассматривается как адекватная основа человеческой психики. В буржуазной науке возникло целое новое направление, получившее название социобиологии. Появившаяся на Западе книга Э.Вильсона «Социобиология» является свидетельством попыток её автора под флагом соотношения среды и наследственности заменить социологию генетикой. Вильсон заявляет, что теория Ч.Дарвина о естественном отборе полностью приложима к характеристикам социального поведения человека»¹⁵⁶.

Но это, так сказать, только «артподготовка». Основные тезисы и доводы прибережены для направления главного удара: их надо собрать «в кулак» и бить в самую точку. Ну, и опять же написание русской транскрипции фамилии Вильсон

---

¹⁵⁵ Дубинин Н.П., Шевченко Ю.Г. Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М.: Наука, 1976. С.12

¹⁵⁶ Дубинин Н.П. Что такое человек. М.: Мысль, 1983. С.33

или Уилсон – в сем ответственном деле не столь уж важно. Приобщимся лучше к аргументам: «Такая картина биологических основ поведения человека свидетельствует о непонимании качественной специфики социальной формы движения материи, характерной для современных социобиологов. Человек обладает единственной – социальной – сущностью, и говорить о биосоциальной сущности человека, на наш взгляд, неверно. Термин «биосоциальное», встречающийся в литературе, означает, что природные основы человека, т.е. биологическое, непосредственно влияют на развитие личности. Настаивая на специфике человека как социального существа, марксизм утверждает, что сущность человека есть продукт *всех* общественных отношений. Природные, естественные основы человека приобретают социальную окраску и качественно новую по сравнению с инстинктами животных форму проявления. Ошибки современных социобиологов связаны прежде всего с признанием ими биосоциальной сущности человека, исходя из чего утверждается положение о генной детерминации духовных свойств человека.

Характер реального взаимодействия социального и биологического хорошо виден при сопоставлении мозга новорождённого с мозгом взрослого человека, функции которого связаны с сознанием и мышлением. По приводимой Н.П.Дубининым в этой связи весьма любопытной аналогии, мозг новорождённого – это уже сложный «химический компьютер». Может ли такой мозг сам по себе породить сознание? Нет, такой способностью он не обладает. «Вне общественных отношений», – подчёркивает Н.П.Дубинин, – «он остаётся биологической системой, которая сама по себе не может формировать высшие формы поведения человека. Мозг новорождённого и мозг общественного человека соотносятся примерно так же, как электронный компьютер и человек. Без алгоритмов, по которым разум человека заставляет действовать электронный «мозг», компьютер остаётся грудой металла... В своё время философы пытались найти «философский камень», средневековые учёные верили в существование «флогистона» (или «теплорода – вещества огня), древние искали особую энтелехию – нематериальное активное начало живого и т.д. Но все эти поиски

утратили всякий смысл, поскольку были открыты всеобщие законы развития природы. Представляется, что и поиски генов, якобы несущих в себе социальные свойства человека, относятся к величайшим научным заблуждениям, преодолеть которые призвана современная наука»¹⁵⁷.

Что тут сказать? Вероятно, попытки отыскать «философский камень», обнаружить субстанцию «флогистона», «теплорода», магнетических и электрических «флюидов», а также некой нематериальной витальной силы и в самом деле обречены на провал и утратили сейчас всякий смысл. Но я бы подобного не рискнул утверждать в отношении стремления изыскать врождённые предрасположения формировании психики, интеллекта и поведения. Н.П.Дубинин ревностно отстаивает свою убеждённость в правоте локковской формулы разума новорождённого как «*tabula rasa*» или, его словами, «грудой металла», то бишь неотформатированного и необеспеченного никакими программами «химического компьютера». Верность принципам, как мы уже отмечали, спору нет, достойно уважения, но что человеческий разум именно таков, как указывается, – отнюдь не безусловный факт. Н.П.Дубинин не согласен с тем, что биологическое, мол, непосредственно влияет на развитие личности. А что разве не влияет? Никто ведь не говорит, что предопределяет, а именно *влияет!* Он предлагает отрицать наличие генетических предрасположенностей высшей нервной деятельности. Но, скажите на милость, как их отрицать, если их наличие уже является одним из «общих мест» современной генетики человека. Кстати, это было известно и в 1983 году, когда писалась данная книга Н.П.Дубинина. Не надо путать врождённые образцы инстинктивного поведения, которые есть у животных, которые определяют их видовое «поведенческое амплуа» и которых действительно нет у человека, и генетические предрасположенности, развитие которых напрямую зависит от взаимодействия биологических и социокультурных факторов.

Причём, следует обратить внимание, о наследственных предрасположенностях, или о врождённых потенциях, писали не только генетики,

---

¹⁵⁷ Там же. С.33-34

не только Г.В.Лейбниц, полемизируя с Р.Декартом о статусе врождённых идей, но и сам, как бы это парадоксально ни выглядело, создатель концепции «чистой доски» – Джон Локк. Да, тот самый Джон Локк, как мы уже отмечали, чью концепцию «*tabula rasa*» Н.П.Дубинин так рьяно отстаивал, считал, что хоть врождённых разуму идей (ни логических, ни математических, ни метафизических) как оформленных и интуитивно ясных понятий не существует, но вот врождённые предрасположения в виде наследственных задатков, готовых раскрыться под действием социального окружения, прекрасно-таки существуют. И мы указывали его специальное сочинение, где он отнюдь не «эзоповым языком», а вполне открыто высказывал эти мысли – «Некоторые мысли о воспитании». И пусть он полагал, что на 9/10 человек становится таким, каким его делает воспитание, тем не менее, будучи наблюдательным и талантливый педагогом, да и просто умным человеком, не мог не замечать, что дети рождаются с разными способностями и что культурная среда не всесильна. Особенно это явственно в наследственных склонностях к определённым видам деятельности, таких как занятие живописью, скульптурой, музыкой, поэзией, математикой, овладения иностранными языками и пр. Так что, выходит, человеческий разум и не совсем «*tabula rasa*». В эволюционной эпистемологии это называется «подготовленным научением».

На этот счёт, как нельзя кстати, уместно вспомнить умозаключения Э.О.Уилсона и М.Рьюза, приведённые ими в статье «Дарвинизм и этика». Там они для дидактической иллюстрации «подготовленного научения» брали пример одной такой генетической предрасположенности – освоение людьми вербальной коммуникации в раннем детстве. Вот что они об этом писали: «Что подразумевают наши критики, упрекающие нас, социобиологов-дарвинистов, в «генетическом детерминизме»? Обвинение это заключается в том, будто социобиологи доказывают, что все специфические черты, свойственные организмам, включая сюда мысли, склонности и типы поведения, являются непосредственными продуктами генетических субстратов, лежащих в их основе.

Поэтому, мол, гены как бы шлюзуют достаточно строго действия человека в определённом направлении, и никто и ничто не в состоянии это изменить.

Совершенно ясно, что подобный наивный взгляд на эволюционный процесс не имеет к нам никакого отношения. Ни один истинный дарвинист не станет утверждать, что органические черты любого вида живых существ порождаются только одними генами. Причинность всегда является функцией генов, действующих координировано с факторами окружающей среды. Это применимо как к низшим организмам, так и к нам самим. Развитие человека, человеческие действия и поступки являются в конечном счёте и преимущественно функцией иных, чем генетических причин. В частности, они являются функцией факторов окружающей среды, таких как воспитание и тому подобное. Так, например, тот факт, что англичанин говорит по-английски, а русский по-русски, не является следствием того, что англичанин и русский располагают различными генами, но обусловлен тем, что они выросли в среде, в которой соответственно говорят по-английски и по-русски. Значение же генов заключается в том, что они сообщили нам способность говорить вообще»¹⁵⁸.

Но это ещё не всё относительно основополагающих тезисов Н.П.Дубинина в его непримиримом противостоянии идеям социобиологии. Ещё одним такого рода фундаментальным тезисом является постулат о прекращении биологической эволюции человека. Рискованный, надо сказать, постулат как с содержательной, так и с методологической точек зрения, но он необходим для общей мировоззренческой конструкции. Шаткость подобного постулата, по всей видимости, осознавал и Н.П.Дубинин, поэтому пытался как можно более вразумительно его обосновать. Получилось, на мой взгляд, не очень. Посудите сами: «Однако было бы ошибочным думать, что вид *Homo sapiens* подчинён законам биологической эволюции, как все остальные виды животных. Вид *Homo sapiens* не является единицей биологической эволюции. Популяции и особи любого вида животных подчинены железному закону естественного отбора, который включает их в процессы приспособительной эволюции в ответ на

---

¹⁵⁸ Рьюз М, Уилсон Э.О. Дарвинизм и этика// Вопросы философии, 1987, №1. С.105-106

изменение условий среды. Все виды животных обладают биологической сущностью и неукоснительно подчиняются законам биологической эволюции.

Естественный отбор в жизни человека утратил значение видообразующего фактора, т.е. такого, действие которого привело бы к образованию новых видов. Homo sapiens завершил биологическую эволюцию своих предков, и надо полагать, что естественным путём в будущем он не превратится в новый биологический вид, не приобретёт качество нового биологического сверхчеловека или, напротив, дочеловека»¹⁵⁹.

Закончить представление достаточно радикальной критической позиции в адрес появившейся социобиологии можно ещё одной показательной цитатой из книги Н.П.Дубинина «Что такое человек». Она из главы IV «Социальное наследование»: «Порой в нашей литературе встречается мнение, будто взаимодействие наследственности и среды «касается любых мыслимых свойств и признаков – морфологических, физиологических, качественных, количественных и, что особенно важно... ему подчиняются и такие сложные признаки, как особенности высшей нервной деятельности... психики человека... становление и таких интегративных характеристик, как интеллект, темперамент, возбудимость, ум и память, склонности к определённому виду деятельности, способности и таланты, общие черты характера, вроде доброты и жизнерадостности, угрюмости и злобности, и такие эмоциональные реакции, как любовь и сострадание, ненависть и ярость, инстинкт самосохранения и инстинкт самопожертвования – эгоизм и альтруизм. Эти «душевные», подчас чисто человеческие свойства в отношении их зависимости от наследственности и среды не могут оказаться каким-то исключением и быть противопоставлены «телесным признакам». На наш взгляд, это неправильное утверждение»¹⁶⁰.

Иного ожидать и не приходилось. Странно, однако, что в один ряд, через запятую здесь поставлены и интеллект, и ум, и память, и способности и таланты, относительно которых ещё можно было бы поспорить и постараться оспорить их

---

¹⁵⁹ Дубинин Н.П. Что такое человек. М.: Мысль, 1983. С.33

¹⁶⁰ Там же. С.114

наследственную компоненту, хотя это было бы и непросто, но и такие безусловные параметры генетической составляющей, как наследование темперамента и возбудимости, спорить о которых, пожалуй, не с кем, да, в общем, и незачем.

Что касается сторонников «умеренной» платформы во главе с академиком И.Т.Фроловым, то «умеренность» критической позиции вовсе не означает и не равносильна отсутствию вполне внятных и ясно выраженных претензий с их стороны к социобиологии как методологического, так и общемировоззренческого характера. В частности, сам И.Т.Фролов в своём философском труде «Перспективы человека» начинает презентацию своего взгляда на социобиологию со следующей констатации: «Особую роль в многообразных формах современного биологизма начинает играть остро обсуждающееся сейчас научное направление, называемое *социобиологией*, которая претендует на конституирование в виде отдельной научной дисциплины. Её создатели считают, что социобиология занимает промежуточное место между учениями Б.Скиннера, полагающего, что поведение человека полностью определяется средой, и учением К.Лоренца, доказывающего, что человек – пленник своих агрессивных инстинктов. Р.Триверс – один из ведущих теоретиков социобиологии – утверждает даже, что рано или поздно политические науки, юриспруденция, экономика, психология и антропология станут разделами социобиологии. Конечно, это вызвало не только сочувствие у ряда учёных, но и в гораздо большей степени резкую критику, причём отвергаются как раз неумеренные претензии социобиологов, хотя признаётся, что ряд их наблюдений и гипотез заслуживает пристального внимания и объективной оценки»¹⁶¹.

Не обойдён вниманием И.Т.Фролова и вклад в формирование и самоопределение социобиологии со стороны, собственно, её основателя – Э.О.Уилсона. Вот как он об этом пишет: «Сказанное можно отнести и к идеям одного из основоположников этого направления – Э.О.Уилсона, изложенным в его труде «Социобиология». Подводя теоретическую базу под социобиологию,

---

¹⁶¹ Фролов И.Т. Перспективы человека. М.: Изд-во политич. лит-ры, 1983. С.53

единую для всего живого, включая и человека и человеческое общество, Уилсон стремится установить какие-то общие черты в поведении всех высокоорганизованных живых существ, вывести общие его закономерности, доказать, что социальность присуща *всем* живым существам. Касаясь непосредственно природы человека, Уилсон в другом своём труде, прямо посвящённом этой теме, развивает социобиологический подход именно в том плане, который подчёркивает биологическую (генетическую) обусловленность высших проявлений человеческого поведения. Без этого, по его мнению, гуманитарные и социальные науки будут весьма ограниченными и поверхностными описаниями феноменов, не затрагивающими их существа, и их можно будет сравнить с астрономией без физики, биологией без химии и математикой без алгебры»¹⁶².

В развёртывании своей критической позиции И.Т.Фролов, подвергая анализу претензии социобиологии подняться до статуса «новой науки о человеке», и тем самым, по факту, подменить собой всё гуманитарное знание, не упускает из виду творчество ещё одного известного социобиолога – Майкла Рьюза. Особенно выделяется тут в критическом плане широко используемая социобиологией и являющаяся, по сути, её программным кредо методология редукционизма: «Такова же судьба и социобиологических изысканий М.Рьюза – канадского философа и методолога, занимающегося проблемами биологии. Ещё в своей книге «Философия биологии» он заявлял, что в будущем биология сомкнётся с социальными науками и что исследование этой стыковки, в ходе которой социология (подобно психологии и антропологии) включит в свои теории результаты, полученные биологией, обещает много интересного. М.Рьюз осуществил своё намерение заняться социобиологией и сделал её анализ в книге «Социобиология: смысл или бессмыслица». Объявив себя сторонником этой новой дисциплины, он принял многие её исходные установки, выраженные, в частности, в трудах Э.Уилсона. Это касается как самого определения предмета и задач социобиологии, так и трактовки проблемы агрессии. М.Рьюз высказывает

---

¹⁶² Там же. С.54

предположение о возможности избавления от агрессии с помощью селекции и генетического манипулирования, а также изменения условий существования человечества, с чего, по его мнению, и следует начинать. Может показаться, что М.Рьюз ставит на первое место именно условия существования, но это не так. Хотя он и старается отмежеваться от крайних форм социал-биологизма, подчёркивая, что социобиология не выводит феномены социума только из биологических оснований, методология редукционизма, которой он руководствуется прежде всего в трактовке общих проблем биологии, проявляется и здесь»¹⁶³.

В другой работе, написанной в соавторстве И.Т. Фролова и Б.Г.Юдина, «Этические аспекты биологии» также подвергаются критическому разбору мировоззренческие и методологические основания этических воззрений социобиологов, в свете которых, кстати говоря, рассматривается ими и проблема человеческой агрессивности. Авторы в главе «Этика в контексте современной биологии» начинают с характеристики одной из основных целей социобиологии и приводят очень показательную на сей счёт цитату Э.О.Уилсона: «Позиции социобиологии в отношении эволюционно-генетических предпосылок и детерминант социально-этических качества человека отчётливо выражены уже в первом труде одного из её основоположников – Э.О.Уилсона «Социобиология». В нём Уилсон ставит задачу представить социальную биологию в таком виде, чтобы её можно было превратить в отрасль или ветвь эволюционной биологии и, в частности, современной популяционной генетики»¹⁶⁴.

Далее идёт рефлексия над заявленной социобиологами эволюционно-генетической программой биологизации этики в плоскости сопоставления её с «этическим интуитивизмом» и «этическим бихевиоризмом». Вот как об этом пишут авторы: «Современная этическая философия, заявляет Уилсон, состоит из некоторых разрозненных попыток концептуализации этой науки... Всем этим «концептуальным» взглядам противостоит, согласно Уилсону, эволюционно-

---

¹⁶³ Там же. С.58-59

¹⁶⁴ Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этические аспекты биологии. М.: Знание, 1986. С.9

генетическая концепция. Суть его точки зрения заключается в том, что этика – наиболее близкая биологии философская дисциплина – не может конструироваться чисто логическими, умозрительными средствами, так как она связана с интерпретацией поведения людей, а этот феномен уходит своими корнями в биологическую эволюцию человека и приматов. Именно поэтому Уилсон и утверждает, что этика должна быть «отобрана у философии» и построена на биологической основе. При этом, однако, остаётся неясным, почему нельзя изучать и формулировать многие положения этики на уже существующей ступени её разработанности обществом (как совокупности норм поведения) и почему биолого-генетические исследования не могут проводиться просто как дополнение к философским или даже в качестве самостоятельной формы или «модели» исследования проблем этики, и прежде всего её генезиса»¹⁶⁵.

Отрицательным последствием биологизации этического знания как для всего блока гуманитарных дисциплин, так и для самой социобиологии уделяется И.Т.Фроловым и Б.Г.Юдиным даже главное внимание. Они подчёркивают, что увлечение редукционизмом и абсолютизацией биологических основ поведения вообще и этики в частности, не только контрпродуктивно, ущербно, но в значительной степени губительно для развития социобиологии, поскольку выхолащивает специфику человеческого социума, низводя его до уровня сообщества животных. А это во всех смыслах неверно. Вот что об этом написано: «Столь откровенная биологизация социальных явлений не может, разумеется, оказаться эвристически плодотворной. Она не может пролить свет и на эволюционно-генетические основы этики. Она не даёт возможности вообще понять роль и значение биологической компоненты в формировании поведения человека, оцениваемого нами в категориях этики... Не случайно поэтому социобиологическая трактовка именно вопросов этики, а также ценностей вообще, политики, культуры и т.д. встречает наибольшие возражения... И нельзя не видеть, что в работах этологов, неотрейдистов, а также социобиологов и тех, кто опирается на их выводы в вопросе происхождения этических ценностей,

---

¹⁶⁵ Там же. С.10-11

существенно преувеличивается «степень животности» в ущерб «степени человечности», т.е. абсолютизируется значение биологических факторов и принижается значение факторов социальных»¹⁶⁶.

Хотелось бы отметить, что у Б.Г.Юдина есть целый ряд и других работ, где ставятся и обсуждаются не только те или иные актуальные проблемы биомедицинской этики, но и поднимаются фундаментальнейшие мировоззренческие вопросы, напрямую касающиеся традиционной проблематики философской антропологии и, в первую очередь, над темой природы человека. В частности, свою статью «О человеке, его природе и его будущем» Б.Г.Юдин буквально и начинает с констатации того факта, что в начале XXI века резко и достаточно неожиданно обострился интерес к такой, казалось бы, антикварной, по его словам, теме как природа человека. А что она действительно принципиальная и фундаментально значима мы уже тоже не раз подчёркивали. В этой связи он приводит слова выдающегося канадско-американского учёного, профессора Массачусетского технологического института Стивена Пинкера, специализирующегося в области когнитивных наук и эволюционной психологии, высказанные им на заседании Совета по биоэтике при президенте США. Вот они: «В течение большей части XX столетия в интеллектуальной жизни Запада было широко распространённым отрицание природы человека, о чём свидетельствуют такие представительные цитаты: «у человека нет природы» – философ Ортега-и-Гассет; «у человека нет инстинктов» – антрополог и популярный интеллектуал Эшли Монтегю; мозг человека способен обеспечивать любые формы поведения и не предрасположен ни к одной из них» – биолог-эволюционист Стефен Джей Гоулд»¹⁶⁷.

В словах С.Пинкера не прозвучала ссылка ещё на одного автора, категорически отрицавшего реальность того, что называется «природой человека» – Карла Маркса – и не были приведены его слова на сей счёт. Да это и не страшно, ибо для нас они очень хорошо знакомы, и мы их уже приводили. От себя

---

¹⁶⁶ Там же. С.12-13

¹⁶⁷ Юдин Б.Г. О человеке, его природе и его будущем // Вопросы философии, 2004, №2. С.16-17

лишь замечу, что, на мой пристрастный взгляд, масштаб личности и масштаб исследовательских достижений тут не сопоставим: одна фигура перевешивает значимость всех трёх остальных вместе взятых. Так что уж совсем забывать о ней как-то даже и не прилично. Но сам Б.Г.Юдин поднимает эту проблему и рассматривает её под особым углом зрения, так сказать, в особом ракурсе. Он полагает, что достаточным основанием и прямым доказательством того, что природа человека действительно существует, что это не выдумки и не «мираж», является наша неподдельная озабоченность мощным эвристическим прорывом и массированным внедрением в практику новейших революционных технологий, связанных по преимуществу с биотехнологиями и изучением генома человека. А ещё большие опасения вызывают ближайшие и отдалённые перспективы вмешательства в этот самый геном и проекты новой евгенической генной инженерии. Если природа человека – фантом, «пустышка», то о чём, собственно, и беспокоиться?! Значит, есть-таки некое содержание, некий субстрат, являющийся объектом этих планируемых исследований и проектируемых технологических вмешательств. Мне это напоминает математическое доказательство от противного.

А вот что об этом пишет сам Б.Г.Юдин: «Впрочем, плацдарм для такого рода глубоких и радикальных воздействий на человека создаётся не только в биологии, но и в других разделах науки, обращающихся к изучению человека. По-видимому, одна из отличительных особенностей нашего времени состоит в том, что не только те науки, которые некогда были названы объясняющими, но и науки гуманитарные, которые принято характеризовать как понимающие, всё в большей мере воспринимаются – и, более того, осознают себя – как науки технологические, позволяющие изменять человека. Перед лицом самых разных воздействий на человека, многие из которых пока что практически не реализуемы, но тем не менее весьма оживлённо и широко обсуждаются, возникает потребность серьёзно задуматься о том, а *есть ли* у человека такое нечто, что остаётся и будет оставаться инвариантным при всех этих воздействиях и изменениях? Впрочем, у этого основного вопроса есть и вторая сторона, безусловно, связанная с первой,

но в то же время задающая дискуссиям о природе человека иные измерения: а *должно ли* быть нечто, что при всех этих воздействиях и изменениях следует сохранять, оставлять неизменным?»¹⁶⁸

Справедливости ради следует заметить, что у Б.Г.Юдина подобного рода озабоченность и тревога и, соответственно, в них окрашенные философские размышления отнюдь не являются, как сейчас принято говорить, «конъюнктурными», «данью моде», а, скорее, это действительное отражение запросов времени, а также убеждённая и стойкая позиция, не меняющаяся на протяжении многих лет. Доказательством этому может служить ещё одна его работа «Рубежи генетики и проблемы этики», которую в сравнении с уже указанной разделяют почти три десятилетия. Не трудно убедиться, что не только вектор мысли, но и сам мировоззренческий фон их обрамляющий, по сути, те же.

В этой статье Б.Г.Юдин отмечал, что уже тогда спектр возможного, если судить на основании тех прежних знаний о генетике человека и путях воздействия на неё, был чрезвычайно широк. Он упоминает там и о предотвращении наследственных болезней, и о возможности до рождения определять пол ребёнка (что может в будущем родителям дать возможность заранее выбирать пол будущего ребёнка), и о перспективах клонирования человека, и даже о более мрачных перспективах создания смертоносного вирусного оружия. Он тогда приводил слова лауреата Нобелевской премии биолога С.Лурия, который описывал «возможность выработки генетических команд, которые смогут сделать людей чувствительными к простому газу – например, к углекислому газу – фактически превратив его в смертельный яд. Если подобный ген будет введён в вирус и распространён среди того или иного народа, такое оружие окажется намного более коварным, чем ядерная бомба: один народ сможет вмешиваться в гены другого, причём последний не будет даже подозревать об этом»¹⁶⁹.

Естественно, по словам Б.Г.Юдина, каждая из этих возможностей требует особой моральной оценки. Проблема, однако, осложняется тем, что различные и

---

¹⁶⁸ Там же. С.17

¹⁶⁹ Юдин Б.Г. Рубежи генетики и проблемы этики// Вопросы философии, 1975, №10. С.155

даже прямо противоположные по своим социально-этическим последствиям способы воздействия на генетический аппарат человека нередко являются результатом одних и тех же исследований. А ведь чувство социальной ответственности учёного, как правило, может быть эффективным фактором именно на стадии планирования и проведения исследования, пока его результаты ещё не оказались в распоряжении тех социальных сил, которые склонны к использованию достижений науки в своекорыстных, антигуманных интересах. Особая острота этических проблем генетики, подчёркивает Б.Г.Юдин, обусловлена ещё и тем, что дело касается прямого, непосредственного вмешательства в биологию человека. Возникающие здесь моральные дилеммы зачастую бывают того же порядка, что и дилеммы, стоящие перед врачом, который, принимая то или иное решение, знает, что от его выбора во многом зависит судьба конкретного пациента. Этические проблемы генетики, иначе говоря, оказываются близки проблемам, рассматриваемым в традиционной медицинской деонтологии – разделе медицины, трактующем этику поведения врача и восходящем ещё к Гиппократу.

Наука – не откуда-то извне нагрянувшая неведомая сила, а внутри самого общества вырастающий и функционирующий в его рамках и по его законам социальный институт. Поэтому и противоречия научно-технического прогресса, подобно высоко чувствительному индикатору, лишь обнажают скрытые и усиливают явные противоречия социального и экзистенциального бытия человека. А, значит, и проблемы гуманизма науки, гуманистической ориентации научного поиска и гуманного использования его результатов неотделимы от проблем гуманизма всей системы общественных отношений.

Рассмотрение этических проблем генетики человека позволяет, по мнению Б.Г.Юдина, сделать вывод о том, что в этой сфере этика науки выходит на качественно новый уровень. Изменяется сам характер постановки этических проблем, изменяется и отношение этической проблематики к процессу научного исследования, к процессу развития науки. Подобно естественнонаучной методологии, этика научного познания становится одной из форм самосознания

науки, одной из форм рефлексии учёного относительно содержания, смысла и направления его деятельности. И эта параллель может быть продолжена. Как и методология, претерпевшая эволюцию от рассмотрения всеобщего, раз и навсегда заданного идеала научного знания и отыскания единственного способа его достижения к анализу конкретных методов познания и конкретных познавательных ситуаций, этика науки уже не может сегодня ограничиваться универсальными – относящимися ко всему научному познанию в целом – констатациями типа «наука есть добро», «наука нравственна» или «наука нейтральна по отношению к нравственности» и т.п. Мы уже не можем рассматривать науку как нечто внешне, как нечто привходящее по отношению к нашему миру, к жизни общества. Между тем в самой постановке вопроса «наука – добро или зло?» имплицитно содержится мысль о том, что в принципе науке можно отказать в праве на существование.

В современной науке, в условиях современного общества, когда самые неожиданные достижения науки чрезвычайно быстро находят себе практическое применение, специфические нравственные проблемы возникают при рассмотрении даже самого отдельно взятого научного открытия, самой отдельно взятой научной задачи. Это значит, что вопросы социальной ответственности, вопросы этики, как и вопросы методологии, непосредственно возникают перед всяким конкретным исследователем как таковым, а не просто как перед представителем некоего анонимного научного сообщества, и должны решаться им как вопросы, относящиеся не только к «науке вообще», но и к нему лично. И как не должно вводить в заблуждение подчёркнутое, декларируемое тем или иным учёным пренебрежение философской и методологической проблематикой, точно так же не следует из невнимания некоторых учёных к этическим проблемам делать вывод об отсутствии глубокой внутренней связи между наукой и нравственностью.

Пусть и критического, но всё же более взвешенного, не страдающего излишним радикализмом подхода придерживалась ещё целая группа советских философов в оценке методологических оснований, целей и задач, а также

естественнонаучных достижений социобиологии. В частности, в статье Р.С.Карпинской и Л.В.Фесенковой «Актуальные проблемы философии биологии» нашлось место и для аналитического соотнесения марксистской антропологии с новоявленной, социобиологической, концепцией. Но первым делом всё же обосновывается узость традиционалистски-биологического подхода к интерпретации человека просто как одного из животных видов, включённого в общую эволюционную цепь развития органической материи. Так об этом пишется: «Очевидно, что традиционный подход биологии к человеку как к одному из живых существ, представителю конкретного биологического вида, оказывается сейчас слишком узким. Биология человека не тождественна биологии животного, поскольку была сформирована в условиях возникающей социальности и под её воздействием. Марксистская философия признаёт необходимость самых разнообразных подходов к изучению человека, в том числе и биологических. Но исходным является положение о том, что сущность человека есть совокупность общественных отношений, поскольку человек живёт в системе общественных отношений, функционируя как личность, а не просто как живое существо. Личностные характеристики (нравственные начала, ум, воля культура эмоций, уровень образованности, политические убеждения) формируются условиями жизнедеятельности, которые конкретно-историчны, определяются качеством общественно-экономической системы. В то же время существование человека обусловлено действием биологических закономерностей на каждом из этапов его жизнедеятельности»¹⁷⁰.

Авторами высвечивается важность и значимость в контексте фундаментальных проблем философской антропологии именно проблемы соотнесения социального и биологического в человеке, а также подчёркивается острота идеологических баталий сторонников оппонировавших друг другу по данному вопросу течений. А далее уже даются оценочные суждения в адрес общей социобиологии и социобиологии человека, стараясь – что немаловажно –

---

¹⁷⁰ Карпинская Р.С., Фесенкова Л.В. Актуальные проблемы философии биологии// Вопросы философии, 1985, №10. С.25

представить их не односторонне критически, а всё-таки показать в динамике и развитии, а также указать и определённые заслуги: «Особенную идеологическую остроту приобрели дискуссии о социобиологии – одном из новейших направлений биологических исследований, непосредственно затрагивающих вопрос о соотношении социального и биологического. Это направление ставит своей целью изучить биологические основы общественных форм поведения организмов, включая человеческие, а также механизмы взаимодействия биологической и культурной эволюции. В пределах так называемой общей социобиологии получены интересные результаты по эволюции поведения, по взаимодействию генетических, этологических и экологических условий эволюционного процесса в целом. Что же касается социобиологии человека, то она строится на необоснованных гипотезах в духе биологизаторской интерпретации человека, несмотря на постоянные упоминания о роли культуры»¹⁷¹.

Аналогичная, как по тональности, так и по содержанию критика содержится в статье ««Философский вклад дарвинизма: натуралистическая версия Майкла Рьюза» ещё двух представителей советской школы философии И.Н.Смирнова и А.Б.Толстова. Они тоже за проведением задачи критического осмысления целевых установок и притязаний социобиологии успевают подметить и не забывают отметить безусловные заслуги социобиологии и социобиологов. В частности, в ней комплиментарно указывается на широту и оригинальность замысла идей социобиологии, а также на её глубокую философскую «начинку»: «Внимание философов – советских и зарубежных – было привлечено к дискуссиям вокруг социобиологии в силу того, что её программа претендовала на решение двух, можно сказать, интригующих задач. Во-первых, она обещала осуществление широкой междисциплинарной интеграции синтеза естественнонаучного и социогуманитарного знания, во-вторых, она содержала заявку на экспликацию «подлинной» природы и сущности человека на данной основе.

---

¹⁷¹ Там же. С.28-29

Средства решения сформулированных таким образом задач видятся теоретикам социобиологии прежде всего в прямом применении методов и результатов современной биологии, а также многих смежных наук к анализу атрибутов индивидуального и социального существования человека (познания, обучения, коммуникации и т.д.). На этом генеральном для неё пути социобиология зарекомендовала себя одной из социально-биологических концепций, основывающихся на биологизаторских позициях. В свете присущих им мотивов постулаты социобиологии, казалось бы, не содержали принципиально новых устремлений в трактовке и интерпретации её объектов. Специфика, определяющая социобиологию в этом ряду, поначалу просматривалась разве что в указанной претензии на новый синтез наук о природе и наук об обществе, да ещё в особенностях подходов и методов, вытекающих из своеобразия некоторых биологических дисциплин (популяционной генетики, энтомологии и др.) и положенных, так сказать, *ex professo* в её основу. Однако последующее развитие социобиологии, прежде всего в трудах самого Э.О.Уилсона и его соавторов, показало, что по широте и оригинальности замысла и выдвинутых идей, по характеру философской «оснастки» социобиология заметно выделяется среди бытующих доктрин социального биологизма. Так, например, концепция генно-культурной коэволюции, идея эпигенетических правил, несмотря на определённые изъяны и уязвимые для философской критики (как справа, так и слева) положения, обладают заметными эвристическими возможностями и побуждают к переосмыслению важных философских проблем»¹⁷².

Однако в следующей цитате проступает и нечто новенькое. Одно дело внутренне осознавать, в глубине души понимать, что этологами и социобиологами движет не потаенное желание всё человеческое низвергнуть, всё развенчать, всё редуцировать к животному, а то, что движет настоящим учёным, что является его действительной мотивацией (или, по крайней мере, должно быть так) – мучительный поиск объективной истины. И совсем другое дело это

---

¹⁷² Смирнов И.Н., Толстов А.Б. Философский вклад дарвинизма: натуралистическая версия Майкла Рьюза// Вопросы философии, 1987, №1. С.110

публично заявлять в престижном журнале: «В этой связи можно сказать, что теоретиками социального биологизма движут не самодовлеющее и непреходящее стремление «редуцировать» общество к животному миру, развеять веру в особый статус, достоинство и свободу воли человека как таковые, а потребность обосновать научный взгляд на человека и общество, их происхождение и сущность. Оставим пока в стороне оценку средств и результатов, благих замыслов этого стремления. Заметим лишь, что именно по отношению к ним, а не к исходному мотиву применима в полной мере ставшая уже традиционной и основательно отработанная марксистская критика биологизаторства, зооморфизации, редуccionизма, метафизической ограниченности и т.п.»¹⁷³.

А вот в статье Н.Х.Сатдиновой «Социобиология – «за» и «против» обнаруживаются не только две любопытные, так сказать, «не избитые» детали, но которые даже облакаются в форму двух весьма неожиданных признаний. Первое уж в особенности смелое. Вот оно: «Давая оценку социобиологии, следует ясно представлять ситуацию, сложившуюся в западной науке о поведении животных. В нашей стране исследованием проблем поведения животных, к сожалению, занимаются лишь отдельные учёные. В университетах нет ни одной кафедры, в институтах отсутствуют лаборатории, где можно было бы готовить специалистов и организовывать широкие исследования поведения животных. Это обстоятельство во многом объясняет и известное отставание в выпуске научной литературы по данной проблеме. Подробнее об истории вопроса см Е.Н.Панов «Этология – её истоки, становление и место в исследовании поведения». М., 1975»¹⁷⁴.

Пикантность второго признания в том, что оно, во-первых, имеет струну эротизма, вплетённую в объяснительную сеть социобиологии, а, во-вторых, что оно, исходит, исходит из уст не автора данной статьи, а Майкла Рьюза – одного из видных социобиологов. Оценим и мы: «Общий вывод, к которому приходит Рьюз, состоит в предупреждении от противопоставления наследственности и

---

¹⁷³ Там же. С.111

¹⁷⁴ Сатдинова Н.Х. Социобиология – «за» и «против»// Вопросы философии, 1982, №3. С.129

культуры. Такое противопоставление основано на ложной дихотомии – культура или биология (особенно гены): если социальное поведение объясняется культурологически, то его нельзя объяснить биологически, и наоборот. С одной стороны, по его мнению, «невероятно предполагать, что человеческая биология не имеет никакого каузального действия на человеческое социальное поведение вообще. И, с другой стороны, также невероятно предполагать, что человеческая культура не имеет никакого каузального действия на человеческое социальное поведение; что культура является лишь эпифеноменом на вершине биологии» (Цит по: M.Ruse «Sociobiology: Sense or Nonsense?». Dordrecht, Holland, London, England, 1979., p.160). В результате он приходит к выводу, что «истинные причины человеческого социального поведения лежат не только в генах и не только в изобретениях и обучении, а в некоторой амальгаме и того, и другого» (Ibid., p.160). Задавшись вопросом, каким же всё-таки образом биология и культура могут каузально взаимодействовать, он отвечает на него в ходе рассмотрения эротических чувств: «и моя биология и моя культура каузально объединяются в некотором сексуальном социальном поведении, например, лодыжки не возбуждают меня, но они возбуждали людей прежних времён» (Ibid., p.186)¹⁷⁵.

У самого Е.Н.Панова в более поздней работе «Поведение животных и этологическая структура популяций», чем та, что была указана, тоже есть багаж мыслей относительно социобиологии, её соотношения с социозтологией, а также их исследовательского и методологического инструментария. И что интересно, по мнению Е.Н.Панова, преференции должны быть признаны на стороне социозтологии. Вот что он пишет: «Социальное поведение служит предметом изучения не только социозтологии, но и ещё одной молодой дисциплины – социобиологии, рождение которой датируется выходом в свет книги Е.Вильсона под одноимённым названием [Wilson, 1975]. В качестве базы социобиология использовала обширный фактический материал, накопленный зоологами и этологами, и здесь границы между социозтологией и социобиологией не могут

---

¹⁷⁵ Там же. С.129-130

быть проведены сколь-нибудь однозначно. Однако в трактовках эмпирического материала подходы и принципы названных дисциплин принципиально различны. Социоэтология была создана полевыми зоологами, хорошо знакомыми со своим объектом и воспитанными в общебиологических традициях экологического мышления. В основу социобиологии были положены формальные выкладки математиков, творивших в стенах кабинетов и лабораторий. Социобиология заявила себя как наука, задача которой расшифровка путей эволюции социального поведения. Моделью-аналогом популяции в теоретических построениях социобиологов стала экономика цивилизованного общества, рабочим аппаратом – элементарные теоремы математической генетики. Отсюда – три главные особенности социобиологических гипотез и моделей – прагматизм в трактовках функционирования биологических систем; корпускулярность в трактовке объекта исследования; аксиоматичность теоретических построений»¹⁷⁶.

Хочу заметить, что, мягко говоря, не совсем справедливые претензии к социобиологам, из среды которых в стан математиков можно записать разве что Ч.Ламсдена, да и то с трудом. Более того, никогда моделью-аналогом для социобиологов не была экономика ни примитивного, ни цивилизованного общества. Да и потом они вообще не нуждались ни в каких теоретических моделях-аналогам, да и «кабинетными» теоретиками никогда и не были, за исключением разве того же Ламсдена. Сам Уилсон, к примеру, был да и до сих пор пока остаётся выдающимся полевым энтомологом.

Но, на мой взгляд, наиболее выдающимся достижением советской философской критической мысли по степени глубины анализа оснований социобиологии, содержания основных её тезисов, а также по охвату материала первоисточников является книга Р.С.Карпинской и С.А.Никольского «Социобиология: критический анализ» (1988). Свою задачу авторы предельно кратко и ёмко обозначили уже во «Введении»: «Надо сказать, что социобиология подчас рассматривается в нашей литературе лишь в качестве ненаучной, биологизаторской концепции. Однако в большинстве работ, так или иначе

---

¹⁷⁶ Панов Е.Н. Поведение животных и эволюционная структура популяций. М.: Наука, 1983, С.6-7

затрагивающих проблемы социобиологии, обосновывается потребность более глубоком критическом анализе этого направления, в осмыслении полученных эмпирических данных и выдвинутых представлений и гипотез»¹⁷⁷.

За эту задачу Р.С.Карпинская и С.А.Никольский взялись и, следует признать, блестяще с ней справились. Во всяком случае, ничего подобного по масштабу и скрупулёзности анализа в отечественной литературе не только до тех пор не было, но и до сих пор нет. Более чем на двухстах страницах социобиология анализируется в историческом контексте развития философского и биологического знания, вскрываются социально-философские и естественнонаучные предпосылки социобиологии, представляются непосредственные её предшественники и главные тезисы социобиологии (как «классического» её этапа развития, так и в рамках концепции генно-культурной коэволюции), а также акцентируется внимание на методологических трудностях и некоторых противоречиях социобиологии. Эту монографию, доложу я вам, при желании можно всю переводить на цитаты. Данная книга, бесспорно, – не только хорошее подспорье для студентов и аспирантов, изучающих философскую антропологию и философские проблемы биологии, но и для всех, сколь-нибудь серьёзно интересующихся поставленной ещё Сократом первой гносеологической задачей для человека «Познай самого себя!». Об этом её мировоззренческом значении так указано авторами всё в том же введении: «Несколько забегаая вперёд, отметим, что в русле этого направления проблемы поставлены острые, затрагивающие каждого человека и судьбы человечества в целом. Отсюда становится понятным и резкое разделение на сторонников и противников того или иного решения проблем, а также повышенный интерес научной общественности к той уже достаточно богатой и множасьейся из года в год литературе, в которой представлены позиции социобиологии. Как достаточно определившееся явление в науке и культуре в целом (прежде всего США), социобиология, безусловно, представляет интерес для учёных, специализирующихся на проблемах познания человека. В частности, речь идёт о

---

¹⁷⁷ Карпинская Р.С., Никольский С.А. Социобиология: критический анализ. М.: Мысль, 1988. С.3

необходимости более широкого, чем это делалось до сих пор, привлечения биологии к познанию человека, социальных форм его поведения, предпосылки которых создавались все ходом биологической эволюции. Обосновывая эту точку зрения, социобиологи стараются найти возможности для согласования данных генетики, экологии, этологи и эволюционной теории и вслед за этим осуществить интеграцию этих наук с гуманитарным знанием. Иначе говоря, цели и намерения социобиологии во многом отражают дух времени, общественные запросы к биологическому знанию, собственные тенденции его развития»¹⁷⁸.

С этим не согласиться трудно. Подводя же итог исторической ретроспективе отношения философов-марксистов к исследовательской программе классической социобиологии, уместно засвидетельствовать вот что: во-первых, мера и степень её неприемлемости напрямую зависит от степени ортодоксии следования марксистской парадигме и меры незыблемости её отстаивания и, во-вторых, поскольку классическая социобиология наследует мировоззренческие подходы и методологические установки этологии, постольку сохраняют свою актуальность и значимость претензии к ней и выставляемые против неё контраргументы со стороны её оппонентов – адептов марксизма.

---

¹⁷⁸ Там же. С.4.

§3. Социобиологическая теория генно-культурной коэволюции через проекцию концепции биосоциальной природы человека

Теория генно-культурной коэволюции является безусловной новацией и последним достижением социобиологической мысли. Говоря же о ней с точки зрения критического анализа с позиции доктрины марксизма, необходимо упомянуть, что сколь-нибудь подробного и глубокого разбора со стороны приверженцев «ортодоксальной» платформы, как бы это печально ни звучало, и не было вовсе. Симптоматично и символично в этом свете выглядит отсутствие даже простого упоминания о ней в уже не раз мной задействованной монографии Н.П.Дубинина «Что такое человек», хотя прошло к тому времени уже два года после публикации фундаментального труда Ч.Дж.Ламсдена и Э.О.Уилсона «Гены, разум, культура: процесс коэволюции» (1981). Но на «нет», как говорится, «и суда нет».

Подобного, конечно, не скажешь о внимании и желании проникнуть и разобраться в сути данной теории со стороны идейных соратников «критически умеренной» позиции. Это, безусловно, в первую очередь касается двух уже упоминаемых мной книг – Р.С.Карпинская, С.А.Никольский «Социобиология: критический анализ» и И.П.Меркулов «Когнитивная эволюция». В них целый кладезь сведений для интересующихся данной проблематикой лиц. Но чтобы не создалось впечатления, что ими и исчерпывается весь источник информации по этому вопросу, ещё одну работу, тоже уже упомянутую и цитируемую, можно рекомендовать для погружения в соответствующий материал. Это очень хорошая и содержательная монография Р.С.Карпинской, И.К.Лисеева, А.П.Огурцова «Философия природы: коэволюционная стратегия». Но прежде чем перейти к ней, уместно вспомнить одну статью (одну из первых, кстати говоря, в советской философской литературе по «горячим следам», так сказать, отражающую только что явленную в то время новацию – эту самую теорию генно-культурной коэволюции, опубликованную в книге Ч.Ласмдена и Э.Уилсона «Гены, разум,

культура: процесс коэволюции»). Это статья В.Н.Игнатьева «Социобиология человека: теория генно-культурной коэволюции». Сначала уделим внимание ей.

Она, между прочим, типичный пример уже не раз упомянутой нами «более взвешенной» модели отношения к социобиологии и социобиологам. Автор начинает свой анализ не с идеологии, а с того, что не забывает отметить их содержательный позитив. Вот что он пишет: «Необходимо подчеркнуть, что в работах советских исследователей наряду с критикой методологии социобиологии, мировоззренческих позиции сторонников этого направления научных исследований подчёркивается тот несомненный интерес, который вызывает у учёных и специалистов проблемы, обсуждаемые социобиологами. Речь идёт о том, что при анализе социобиологических концепций необходимо прежде всего видеть их объективное содержание, зачастую не имеющее ничего общего с теми претензиями, которые высказываются отдельными «теоретиками» данного направления»¹⁷⁹.

Любопытны мысли В.Н.Игнатьева относительно тех, как он отмечает, объективных и субъективных причин столь явного и бурного интереса к социобиологической теории. К объективным причинам, по его мнению, следует отнести сам тот круг проблем, архиважных по сути и «вечных» по постановке, обсуждаемых в социобиологии и имеющих непосредственное отношение к выяснению вопросов о том, что такое природа человека и как в человеке соотносятся «природное» и «социальное»? Но не только это. Вот что указывает автор: «Поиски ответов на эти вопросы имеют непреходящий характер в истории человеческой мысли, в истории науки (и именно в этом смысле можно говорить о теоретических источниках социобиологических концепций, о кажущейся «новизне» отдельных претензий выдвигаемых социобиологами), но помимо этих непреходящих моментов в концепции социобиологии содержится попытка решить целый ряд проблем, усиленно обсуждаемых именно сегодня и придающих социобиологии чуть ли не злободневное звучание»¹⁸⁰.

---

¹⁷⁹ Игнатьев В.Н. Социобиология человека: теория генно-культурной коэволюции// Вопросы философии, №9. С.134

¹⁸⁰ Там же. С.135

Но, на мой взгляд, в большей степени заслуживает нашей отметки в данной статье фиксация В.Н.Игнатьевым не объективных причин интереса к социобиологии (поскольку они частенько дублировались и перекочёвывали из одного источника в другой), а как раз упоминание о субъективных мотивах бесспорного интереса. И вот они-то именно в статье В.Н.Игнатьева прозвучали впервые. И для этого, заметим, нужна тогда была определённая смелость. Посудите сами: «К числу субъективных причин, объясняющих растущий интерес к социобиологии можно, пожалуй, отнести личность самого Э.О.Уилсона как ведущего теоретика направления в целом, в работах которого социобиологическая проблематика предстаёт в наиболее полном виде. Здесь следует отметить и безусловную чисто литературную одарённость Э.О.Уилсона (достаточно сказать, что за книгу «О человеческой природе» её автору была присуждена Пулитцеровская премия), делающая знакомство с его работами интересным чтением. Разумеется, подобное деление причин на объективные и субъективные носит достаточно условный характер, тем не менее, оно, как представляется, позволяет понять почему дискуссии, ведущиеся вокруг социобиологии, носят столь противоречивый и острый характер. Другими словами, говоря о сложности и противоречивости проблем, обсуждаемых социобиологами и их критиками, не следует забывать и о том, что подобное обсуждение несёт в себе подчас излишне личный отпечаток, зачастую затмевающий суть дела»¹⁸¹.

Прав тут В.Н.Игнатьев: эти скрытые, которые не принято афишировать, причины не только подчас, но и зачастую носили именно личностный характер. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать труды самого Э.О.Уилсона и работы многочисленных его критиков (как отечественных, так и зарубежных). Если сказать, что последние серьёзно проигрывают в наукоёмкости, талантливости её подачи, в стилистике и мастерским владением литературным языком – значит почти ничего не сказать. Но для этого, правда, нельзя ограничиваться не только несколькими страницами, но даже и нескольких десятками страниц. К этому можно добавить, что и ещё одна книга Э.О.Уилсона

---

¹⁸¹ Там же. С.135-136

впоследствии стала наградной – «Биофилия». В 1984 году она получила Тейлоровскую премию по экологии.

А вот теперь, памятуя это, можно обратиться и к книге Р.С.Карпинской, И.К.Лисеева, А.П.Огурцова «Философия природы: коэволюционная стратегия». Как уже отмечалось, на первых порах социобиология непосредственно связывала действие генов с социальным поведением (проявления агрессивности, альтруизм, парные узы, родительская забота и др.) Если этот подход был оправдан в исследовании животных, то при изучении человека была совершенно упущена активность человеческого сознания. Авторы пишут: «Как правильно отметили Ч.Ламсден и А.Гушурст, в классической социобиологии была проведена весьма незначительная работа по осмыслению достижений нейробиологии человека, психологии и культурной антропологии на основе подхода, развитого в социобиологии (Ламсден Ч., Гушурст А. «Генно-культурная коэволюция: человеческий род в становлении». «Человек», 1991, «3, с.11). Этот упрёк вполне справедлив и сохраняет свою силу и в настоящее время»¹⁸².

Подчёркивалось также, что поворот социобиологии к идее коэволюции существенно модифицировал и объяснительные схемы эволюционной эпистемологии, которая всё более и более обращается к коэволюции как своему концептуальному базису. В исследованиях Э.Уилсона, Ч.Ламсдена, А. Гушурста были введены понятия «культурген» (информационный паттерн, соответствующий множеству артефактов, поведенческих образцов и ментальных конструкций, выявляемых в культурной антропологии) и «эпигенетические правила», которые характеризуют генетически врождённую часть стратегии индивида по овладению культурой. Сами эти правила разделяются на первичные, регулирующие развитие систем от периферических сенсорных фильтров до восприятия, и на вторичные, относящиеся к внутренним ментальным процессам оценки и осуществления выбора. Эпигенетические правила, будучи генетически обусловленными, объясняют своеобразие видения цвета, остроту слуха, память,

---

¹⁸² Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Интерпракс, 1995. С.159

способности к языкам, вычислению, письму, предпочтению ребёнка в выборе определённых цветов, невербальной коммуникации, наличие определённых фобий и др. Механизмы генно-культурной коэволюции не ограничиваются выявлением связей между генами и внешним поведением, а должны включать в себя эмерджентные структуры сознания и проникновение культуры в систему эпигенетических правил. Тем самым связь между генами и культурой оказывается весьма опосредованной и включает, по крайней мере, два уровня – уровень клеточного развития в нервной системе и уровень когнитивного развития.

Авторы монографии рассуждают по поводу признания социобиологов, что они своим творением генно-культурной коэволюции затеяли весьма рискованное предприятие. Они отмечают, что при описании степени риска отмечаются следующие моменты. Во-первых, возникает опасность обвинения в повторении идеи социал-дарвинизма. «Выступления против социобиологов были примером того, какая реакция ожидает тех, кто пытается пересечь зону между биологическими и социальными науками»¹⁸³. Во-вторых, налицо трудности преодоления традиций в изучении человека. «Основатели современных социальных и поведенческих наук, в особенности Э.Дюркгейм – в социологии, Ф.Боас – в антропологии, З.Фрейд – в психоанализе и Дж.Уотсон – в бихевиористской психологии, в значительной мере изолировали предметы своего исследования от биологии и любые попытки приближения к ней рассматривались как биологизаторство»¹⁸⁴. В-третьих, как сетовали Ч.Ламсден и Э.Уилсон, задача создать достоверное представление о генетическом и культурном взаимодействии по самой своей сути очень нелёгкая.

В этой связи у Р.С.Карпинской, И.К.Лисеева и А.П.Огурцова не без иронии указывается: «Последнее замечание социобиологов говорит об их самокритичности. Они неоднократно оценивают свою концепцию как гипотезу, первоначальный вариант решения проблемы, лишь стимулирующий научный поиск. Действительно, выражение «рабочая гипотеза» было бы несомненно

---

¹⁸³ Lumsden C.J., Wilson E.O. 1983. Promethean Fire: Reflection on the Origin of Mind. Cambridge. P.47

¹⁸⁴ Ibid. P.48

уместнее, чем постоянно повторяющееся слово «теория». Но дело не только в словах. Концепция генно-культурной коэволюции построена достаточно жёстким образом в том смысле, что в ней довлеет не стремление показать именно «коэволюцию». Авторы больше склоняются к признанию ведущей роли природного, биологического в эволюции человеческого разума. Отдельные замечания о роли труда, способов добычи и распределения пищи оказываются включёнными в эволюционно-биологический подход»¹⁸⁵.

Далее авторы предлагают повнимательнее отнестись к самому пониманию взаимоотношения генов и разума и задаться логичным вопросом, что вообще означает «ген» в данном контексте. Ламсден и Уилсон сами утверждали, что «мы находимся у начала человеческой генетики поведения, когда предпринимаются первые усилия по исследованию и характеристике генов, которые руководят развитием наиболее сложных форм поведения и мышления»¹⁸⁶. Значит, о генах в собственно научном смысле слова речь пока, во всяком случае, не идёт. «Ген» выступает лишь общим обозначением наследственности, её возможной роли в поведении человека. И что социобиологи заранее, до того как получены достоверные факты о генетических основах поведения, уверены в решающей роли наследственности? Да, уверены, хотя и делают оговорки о многофакторности этого процесса. Как пишут Ламсден и Уилсон, «отношение между генами и мышлением прежде всего нуждается в осознании философами важного вопроса о том, что разум имеет материальную основу. Дуализм утверждает, что разум не есть физическая субстанция, созданная мозгом, но существует отдельно от него; материализм настаивает на том, что разум является исключительным результатом физической активности мозга... Дуализм противоположен экспериментальным исследованиям и сейчас почти исчез. Современная материалистическая философия разума нашла свою наиболее удовлетворительную форму в так называемой *теории тождества*. Основное её предположение состоит в том,

---

¹⁸⁵ Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Интерпракс, 1995. С.228-229

¹⁸⁶ Lumsden C.J., Wilson E.O. 1983. Promethean Fire: Reflection on the Origin of Mind. Cambridge, 1983. P.75

духовные явления идентичны с физиологическими явлениями в мозге и, скорее всего, с закодированной в нём моделью, в соответствии с которой происходит электрическое разряжение определённых наборов нервных клеток»¹⁸⁷.

Тут очень важно соотношение понятий «мозг» и «разум». Получается так, что разум у социобиологов предстаёт как бы природным субстратом, одним из органов человека. Эволюция разума оказывается эволюцией мозга. Конечно, в отношении мозга правомерны исследования генетических основ его функционирования. Но очевидная подмена понятий приводит к тому, что и о разуме говорится так, будто он генетически предопределён. С этим согласиться вряд ли можно. Чрезвычайно принципиально – не сливать орудие мышления, то есть физиологические процессы, с самим мышлением, его результатами, создающими науку, поэзию, литературу – всю духовную культуру человечества. Тут волей-неволей вспоминается знаменитое марксово изречение: «мыслит не мозг, а человек с помощью мозга». В этом кратком афоризме заключена суть соотношения психического и физиологического. Содержание человеческого мышления – это вовсе не совокупность нервных импульсов, а отражение внешнего мира, его познание, осмысление человеческих отношений, идеалов нравственности, своего места в мире. Прогресс всей системы наук о мозге чрезвычайно важен для понимания его деятельности. Но мы ничего не поймём в человеке, если изолируем его от общества и представим лишь в качестве носителя высокоорганизованной материи мозга.

Итак, основное понятие концепции генно-культурной коэволюции – понятие разума – целиком отражает содержание этой концепции. Если она исходит из постулата о взаимодействии между генами и культурой, то разум должен быть «приближен» к генам, фактически быть слитым с мозгом. По этому принципиально важному вопросу высказываются Р.С.Карпинская, И.К.Лисеев и А.П.Огурцов и подмечают явные противоречия подобного рода «вульгарного» толкования человеческого разума. Вот что они пишут: «При этом не замечаются возникающие противоречия. Так, не раз подчёркивается, что особенными чертами

---

¹⁸⁷ Ibid. P.75-76

человека является способность к труду, языку, созданию абстрактных понятий, к обучению, сохранению долговременной памяти. Каким же образом все эти свойства возможно изолировать от жизни общества и «приземлить» только на мозг? Как эволюцию этих свойств можно анализировать вне и независимо от реальной человеческой истории? Эта история присутствует в описаниях Уилсона эволюции гоминид, но именно лишь «присутствует» – как внешняя среда, как условие жизни. Активная деятельность человека по преобразованию этих условий отодвигается как бы на задний план. Общество оказывается какой-то статичной кооперацией индивидов, в целом противостоящей им как внешняя среда»¹⁸⁸.

Заключительный раздел «Прометеева огня» так и называется – «На пути к новой науке о человеке». Отношение между генами и культурой обсуждается в соответствии с тезисом о том, что «культурный детерминизм выглядит столь же непривлекательно, как и генетический детерминизм»¹⁸⁹. Однако наиболее неприемлемо для социобиологов представление о ведущей роли культуры в эволюции человеческого разума. Такую роль они оценивают как сугубо внешнюю, деспотичную по отношению к человеку, равнодушную к его природе и потому ликвидирующую главную потребность человека – в свободе воли. «Обычно говорят, – пишут авторы «Прометеева огня» – что всё следует воспринимать только в историческом свете, подразумевая под этим культурные изменения, проходящие на протяжении нескольких столетий. Более точно следовало бы говорить о том, что всё стоит рассматривать в свете органической эволюции, которая и управляет процессами тесно связанных между собой культурных и генетических изменений, охватывающих сотни тысяч лет»¹⁹⁰.

Значит, получается, что исторический подход к человеку должен быть заменён иным – эволюционно-биологическим. Именно в этом социобиологи видят смысл «новой науки о человеке». Здесь уместно вспомнить слова Г.Спенсера, что надо рассматривать и человека как продукт эволюции, и

---

¹⁸⁸ Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Интерпракс, 1995. С.230-231

¹⁸⁹ Lumsden C.J., Wilson E.O. 1983. Promethean Fire: Reflection on the Origin of Mind. Cambridge. P.174

¹⁹⁰ Ibid. P.170

общество – как продукт эволюции, и нравственность – как продукт эволюции. Так что именно эти установки (далеко не новые) пытаются реализовать социобиологи. Но следствием может быть только биологизация проблем человека и общества. Поэтому основной вопрос этической философии, по мнению социобиологов, формулируется так: «Существуют ли морально-этические кодексы без органической эволюции?» «Нет, не существуют», – отвечают социобиологи, – только путём глубокого проникновения в физические основы морального суждения и только путём постижения эволюционного смысла этого процесса люди получают действительную возможность управлять собственной жизнью»¹⁹¹.

Э.О.Уилсон и Ч.Дж.Ламсен рассматривают эпигенетические правила как главное в концепции генно-культурной коэволюции. Дело в том, что эти правила призваны раскрыть механизм перехода от генов к культуре и наоборот. Это – как бы субстрат перехода, возникший в далёкой древности, эволюционировавший вместе с эволюцией разума и, более того, выступающий в своём функционировании главной причиной этой эволюции. Настаивая на постоянных переходах («трансмиссиях») между генами и культурой, социобиологи, как они пишут, «для удобства решили разработать различные регуляторы развития в виде эпигенетических правил. Эпигенезис – биологический термин, которым обозначается сумма всех взаимодействий между генами и средой»¹⁹². Так что эпигенетические правила – регуляторы, канализирующие развитие как разума, так и отношения «гены-культура». Это – не собственно гены, но детерминированные генами пути индивидуального развития, на которые воздействует и внешнее культурное окружение, воспитание, обучение. Короче говоря, это – арена взаимодействия генов и культуры.

Р.С.Карпинская, И.К.Лисеев и А.П.Огурцов указывают: «Нельзя не видеть, что эпигенетические правила – некая уловка сознания, стремящегося уйти от обвинения в метафизике генетического детерминизма. При обсуждении книги «Гены, разум, культура» Э.Уилсон подчёркивал, что в концепции генно-

---

¹⁹¹ Ibid. P.183

¹⁹² Ibid. P.72

культурной коэволюции люди не выступают генетически детерминированными роботами, поскольку уделяется внимание свободе выбора и свободе воли. Но какая же это «свобода воли», если в ситуации выбора снова делается акцент на ограничения и запреты, обусловленные эпигенетическими правилами? В тексте нет буквально никаких данных или примеров обратного воздействия культуры на генетическую программу. Однонаправленность «работы» эпигенетических правил обусловлена опять-таки тем, что главными факторами развития культуры постоянно ставится отбор, выживание, приспособление. В концепции генно-культурной коэволюции культура не имеет своего «языка», собственных определений, по поводу которых можно было бы строить новые гипотезы, каким же образом они «транслируются» в гены»¹⁹³.

Когда Уилсон и Ламсен обращают специальное внимание на существующую множественность определений культуры и обсуждают понятие «единица культуры», то всё разнообразие проявлений цивилизации оказывается сведённым к семантической памяти индивида. Используя данные когнитивной психологии по классификации единиц памяти, они несколько уточняют ранее предложенное понятие «культургена» как единицы культуры. В прежних работах культурген характеризовался крайне расплывчато как некая черта культуры, отражающая формы поведения, долгоживущие мыслительные конструкции, научные либо религиозные концепции и т.д. В контексте проблем семантической памяти культурген приравнивается к «кодам» (уровень семантической памяти, включающий в себя конструкторы, пропозиумы, схематы). Культура оказывается результатом когнитивных действий с множеством культургенов, которые, в свою очередь, базируются на кодах. Эволюция же культуры, в конечном счёте, определяется физиологическими процессами, поскольку все события с культургенами и кодами контролируются эпигенетическими правилами, встроенными в мозг человека.

---

¹⁹³ Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Интерпракс, 1995. С.233

Получается явно биологизированное изображение культуры, в котором исчезают её собственные черты, её разнообразие в различных временах и у различных народов. Один из множества аспектов, связанных с познавательной деятельностью человека, настолько абсолютизируется, что становится единственным. К тому же причинное объяснение и этого аспекта предпосылочно задаётся биологическим знанием. «Я уверен, – пишет Уилсон, – что когнитивная психология покажет, что человеческий разум жёстко базирован на биологии, действующей через эпигенетические правила, и поэтому, в конечном счёте, обусловлен генами»¹⁹⁴. При такой постановке вопроса вообще отпадает необходимость в «партнёре» эпигенетических правил (то есть в культуре и её влиянии), а концепция коэволюции превращается в концепцию генетической эволюции. Но такое превращение не соответствует исследовательским интересам социобиологов – возникает явный парадокс, обуславливающий все внутренние противоречия социобиологии.

В заключении параграфа, призванного высветить отношение к теории генно-культурной коэволюции с позиции усовершенствованной, «модернизированной», марксистской трактовки биосоциальной природы человека, вполне уместно и целесообразно представить ещё одну книгу выдающегося советского этолога Е.Н.Панова. Книга называется «Бегство от одиночества» (2001). Монография во многих отношениях любопытна и познавательна, но нас она по преимуществу будет интересовать тем, что в ней весьма заметное внимание уделено профилирующей нашему исследованию проблеме – изучению человеческой агрессивности. Более того, у Е.Н.Панова, биолога по образованию, орнитологу и герпетологу, взгляды на суть проблемы агрессивности вообще и человеческой в частности в немалой степени схожи и перекликаются с теми, что мы обнаруживали у социобиологов в рамках всё той же генно-культурной коэволюции. Перекликаются при этом настолько, что требуют даже аналогичных подтверждающих примеров. Речь идёт о жизнеописании практик ныне

---

¹⁹⁴ Wilson E.O. 1984. Biophilia. Harvard Univ. Press, Cambridge, 1984. P.37

существующих сообществ охотников-собирателей в их проявлении агрессивных образцов поведения. В частности, тех же самых яномамё сельвы Амазонки.

В параграфе «Мир и война» (не случайна и перемена мест названия толстовского романа) главы XXIII «На острие социальной эволюции: я – мы – они» он пишет: «В такой ситуации (т.е. в ситуации эгалитарного общества с первобытными способами экономики – авт.) главные источники поддержания общественного порядка – это, во-первых, впитанная с молоком матери привычка строго придерживаться освящённых веками правил общежития и, во-вторых, разделяемое всеми понимание того, что при решении конфликтов компромисс между членами общества заведомо предпочтительнее насилия. Ибо в небольшом тесном коллективе, сплочённость которого противопоставлена агрессивности внешнего мира и составляет саму основу выживания, любой разлад подобен раковой опухоли. В конфликт будут втягиваться всё новые и новые участники, что ведёт к нагнетанию напряжённости в отношениях между всеми и каждым и грозит, в конечном итоге, распадом общины»¹⁹⁵.

Вместе с тем Е.Н.Панов подчёркивает, что категорическое неприятие и осуждение насильственных действий во всём комплексе взаимоотношений между членами общины отнюдь не является общей и доминантной чертой для всех этносов, социальная организация и основные моральные устои которых достаточно хорошо изучены и усвоены. При этом он ссылается на Маргарет Мид, известного американского этолога, проведшую исследование двух этносов Новой Гвинеи – мундугуморов и арапешей – и противопоставлявшая их друг другу именно по основанию степени их агрессивности. Е.Н.Панов цитирует её: «Мне была отвратительна культура мундугуморов с её бесконечными схватками, насилием и эксплуатацией, нелюбовью к детям, – пишет Мид. – Доминирующим типом у мундугуморов были свирепые стяжатели – мужчины и женщины... Как от мужчин, так и от женщин ожидалось, что они должны быть открыто сексуальными и агрессивными. В противоположность этому у арапешей все воспитаны с детства в полной отзывчивости на нужды других, так что самого

---

¹⁹⁵ Панов Е.Н. Бегство от одиночества. М.: Лазурь, 2001. С.338

мягкого осуждения со стороны общины достаточно, чтобы принудить эгоиста к сотрудничеству. В культуре арапешей безусловно осуждается тип себялюбивых крикунов, «чьи уши закрыты, а горла открыты», тогда как наиболее полезными членами общества считаются скромные, уравновешенные и неразговорчивые персоны, «чьи уши открыты, а горла закрыты» (цит. по: Мид М. «Культура и мир детства». М., «Наука», 1988)¹⁹⁶.

Разумеется, всерьёз питать надежды и грезить существованием абсолютно пацифистского и совершенно бесконфликтного общества – это не более чем иллюзия, хотя, надо признать, и достаточно широко распространённая. Всегда и везде, то бишь во все эпохи, у всех народов и во всех без исключения культурах, интересы отдельной личности так или иначе могут вступать и по факту вступают в конфликт и противоречие с интересами прочих людей, и это служит причиной не только банальных сор и склок, но подчас может приводить и к самым тяжким последствиям, в том числе и к смертоубийству. А если так, пишет Е.Н.Панов, то «читатель вправе поинтересоваться, существуют ли какие-либо санкции против убийцы в общине, лишённой центральной власти и органов судопроизводства. И вообще, каким образом в таких условиях может осуществляться контроль над антисоциальным поведением, нарушающим нормальное течение всего коллектива. Исчерпывающий ответ на эти вопросы мы находим в работах Э.Эванса-Причарда, который уделил особое внимание всевозможным формам конфликта в обществе африканских скотоводов – нуэров»¹⁹⁷.

Из сообщений Э.Эванса-Причарда, на которые ссылается Е.Н.Панов, мы черпаем информацию, что данный этнос распадается на несколько племён, причём одним из важных признаков племени служит существование в нём права на компенсацию за убийство, так называемой «виры за кровь». Убийство нуэром члена другого племени ни в коей мере не порицается и не осуждается в кругу убийцы. Как отомстить за убитого – это уже считается не их проблемой, а проблемой чужаков, которые в общине рассматриваются обычно не более чем как

---

¹⁹⁶ Там же. С.539

¹⁹⁷ Там же С.540

потенциальные военные противники. Но всё круто меняется, если их соплеменник убивает жителя своего либо соседнего селения. Вот тогда реальной становится возникновение «внутренней» кровной вражды. Родичи убитого окажутся покрытыми несмываемым позором, если не сконцентрируют и не направят всю свою энергию и все свои возможности на отмщение. При этом жертвой их мести может стать любой родственник убийцы по мужской линии. А поскольку все жители данного селения или данного округа пребывают в той или иной степени родства друг с другом, то в вооружённое противостояние двух линиджей сразу же автоматически оказывается вовлечённым множество людей. А вот такого рода ситуация уже совершенно неприемлема и нетерпима для общины. По словам Эванса-Причарда, боязнь вызвать кровную вражду – это самый важный и самый надёжный механизм стабильности и сохранения правопорядка внутри общины и основная гарантия сохранности жизни и имущества индивида. Чтобы устранить или, по крайней мере, минимизировать опасность разгорания после убийства длительной кровной вражды, совершенно необходимым является привлечение посредника, в качестве которого выступает так называемый «вождь в леопардовой шкуре».

Также из книги Е.Н.Панова мы узнаём, что события в подобной неординарной ситуации типично разворачиваются следующим образом. Непосредственный виновник преступления, стараясь не терять «ни капли времени», напрямик устремляется в жилище вождя, ища там временного убежища от возмездия со стороны родичей убитого. Спасаясь от гнева последних, он успевает, однако, прихватить с собой вола, барана либо козла для жертвоприношения, которое без малейшего промедления приводится в исполнение вождём. Убийца должен воздерживаться от еды и питья, пока вождь «не выпустит из него кровь убитого». С этой целью на предплечье преступника вождь делает два глубоких надреза копьём, применяемым для добывания рыбы. В добровольном заточении в священном жилище «миротворца в леопардовой шкуре» убийца проводит подчас несколько недель, пока не завершатся все должны похоронные церемонии. За это время страсти отчасти утихают, эмоции

несколько охлаждаются, так что вождь может приступать к миротворческим переговорам с родичами убитого и убийцы. От первых требуется их согласие принять компенсацию за пролитую кровь, от вторых – устная гарантия, что они передадут пострадавшим в качестве компенсационного дара приличное в соответствии с обстоятельствами происшедшего количество скота. Обыкновенно речь идёт где-то о 40-50 коровах.

В этой связи хотелось бы заметить следующее. Во-первых, при таком раскладе убийца тоже «не позавидуешь»: он практически обрекает себя на пожизненное пребывание в качестве должника своих родственников. 40-50 коров для нуэров, равно, как, собственно, и для масаи и других африканских скотоводов, – это огромное богатство, а долги надо отрабатывать. Так что, во всей видимости, ему придётся всю оставшуюся жизнь на них батрачить. А, во-вторых, тут речь идёт неумышленном, заранее спланированном убийстве, совершённом случайно или «в горячке» – в пылу ссоры. В случае же подлого, бесчестного убийства никакими коровами не откупишься, да и вождь никогда не пустит в своё жилище подобного индивида, он никогда не осрамит себя позором содействия бесчестию. Скорее, он первым бы и прибил негодяя, явись тот к нему за поддержкой. Хотя такое вряд ли бы могло и произойти, поскольку последний ясно бы понимал, что ему ничего не остаётся делать, как пуститься наутёк куда глаза глядят, ибо от него отвернулись бы и все родственники. Справедливости ради, правда, стоит заметить, что подлые, бесчестные убийства в примитивных обществах с подобного рода нравственными устоями и укладом жизни, да и вообще в обществах, практиковавших и практикующих право кровной мести крайне и крайне редки.

Опять же Э.Эванс-Причардом подчёркивается, что поскольку для общинников вряд ли что-либо может быть хуже перманентной кровной междоусобицы, согласие на примирение с обеих сторон почти наверняка будет получено. Однако вождю обыкновенно приходится потратить немало времени и сил, чтобы-таки склонить к миру родственников убитого, так как, чтобы не потерять чувство достоинства в столь «щекотливом» деле чести, им, по негласной

традиции, надлежит проявлять определённую меру упрямства. «Нуэр горд, – говорят они, – и хочет не скота, а человеческого тела в отместку за убитого. Убив человека, он оплачивает свой долг, и сердце его радуется»¹⁹⁸. Порой вождю в леопардовой шкуре приходится даже прибегать к угрозам применения проклятия, прежде чем ему всё-таки удаётся уладить дело миром. А возможно это потому, что именно к такому результату явным или неявным образом выражают стремление обе конфликтующие стороны. Надо помнить, что заставить упрямцев пойти на мировую исключительно только силой своего авторитета вождь не в состоянии, ибо, как не пременяют повторять сами нуэры, никто не может принудить нуэра сделать какой-либо шаг вопреки его воле.

Экстренно урегулировать конфликты, способные породить кровную месть, нуэрами осуществляется сравнительно легко в пределах своей деревни либо при появлении трений и раздоров между жителями располагающихся по соседству селений. Нуэры убеждены, что без таких неотложных и экстраординарных мер с лёгкостью может произойти, что страсти будут накаляться всё сильнее, так что, в итоге, полягут многие и потом трудно будет найти кого-то оставшихся в живых. Однако когда вражда вспыхивает и разгорается среди более крупных территориальных сегментов общества, такими как, к примеру, целые подразделения племени, то в столкновениях между ними одновременно может наступить гибель сразу нескольких человек. При этом зачастую отсутствуют непосредственно заинтересованные лица, которым надо было бы и которые готовы были бы немедленно вступить в посреднические переговоры для уплаты соответствующих компенсаций. При таком раскладе родичи убитых просто-напросто выжидают повод для нового боестолкновения, чтобы уж там сполна отомстить за свои людские потери. В такого рода ситуациях возникшая трещина между общинными сегментами может расширяться до тех пор, пока какие-либо позитивные контакты между ними и вовсе не прекратятся полностью. В результате первоначально бывшее единым племя дробится на два, у которых не остаётся, по сути, никаких прежних обязательств по отношению друг к другу. И

---

¹⁹⁸ Там же. С.541

данная ситуация начинает очень напоминать ту, которую описывал Наполеон Шагنون, изучая этапы акселерации агрессивности у индейцев яномамё и деление их деревень, и которые затем были использованы Ч.Ламсденом и Э.Уилсоном для построения их математических моделей выбора того или иного культургена.

И что немаловажно: Е.Н.Панов не ограничивается для целей вскрытия сути человеческой агрессивности этологическими и этнографическими исследованиями современников, он задействует более широкий и в большей степени разноплановый материал для своих обобщений. В частности, он привлекает работы Н.Н.Миклухо-Маклая по Новой Гвинее. Мы узнаём, что мотивационные импульсы, которые лежат основе и детерминируют межобщинную и межплеменную вражду у большинства этносов Новой Гвинеи, не представляются уж столь откровенно заряженными меркантильностью нежели те, что вызывают войны у яномамё и нуэров. Там узаконенной многовековой традицией охоте на индивидов из числа «чужаков» совершенно не требуется какого-либо оправдания экономического порядка. Она предстаёт теснейшим образом вплетённой в повседневную, рутинную, жизнь общины и гармонично вписана в формат целостной системы архаических верований и причудливых ритуалов, определяющих их этническое самосознание и пронизывающих всё мировоззрение местной первобытной культуры. Имеется в виду традиция так называемой «охоты за головами», по сей день практикуемая папуасами этноса асмаат, обитающими в юго-западной части Новой Гвинеи. «Асмаат» в местном наречии в буквальном смысле означает «истинные люди». Столь высокая самооценка не мешает, однако, этому папуасскому племени расценивать как действительно полноценный охотничий трофей голову своего сородича из другой общины, а не только голову пришельца с белой кожей (например, миссионера), который уж никак не подпадает, по местным меркам, к числу истинных людей.

Люди племени асмаат живут охотой и рыболовством, а основой их питания является изготавливаемая ими из сердцевины стволов дикорастущих саговых пальм богатая крахмалом крупа. Обитают эти папуасы во вполне благоустроенных селениях, в каждом из которых непременно есть так

называемый «мужской дом», который представляет собой нечто своеобразного клуба для организации и проведения всевозможных церемоний и ритуалов. Число жителей в этих селениях, как правило, варьируется от нескольких сотен до полутора тысяч человек. Вот, кстати говоря, и контрпример отсутствия работы «концентрато-зависимого фактора» в качестве аккумулятора и катализатора агрессивности: они просто перенаправили врождённый биологический импульс на «чужаков», и им нет никакой необходимости делить свои деревни по достижении 180-200 человек. В противном случае аснатской деревне пришлось бы расщепляться на пучок от трёх до семи враждующих между собой анклавов.

Никакой системы добрососедских отношений между соседствующими селениями обычно нет, а населяющие их общины пребывают в состоянии перманентной войны друг с другом. Это, в общем-то, и понятно, ибо, в соответствии с местным обычаем, для обряда инициации (т.е. посвящения в мужчины) каждому мальчику в деревне требуется в качестве необходимого условия его проведения приобрести необходимый трофей. А какой именно – догадаться не сложно – голову кого-либо из мужчин близ лежащих деревень (заметим себе, что голову именно мужчины, а не женщины, скажем, или ребёнка. Понятно, чтобы заполучить такой трофей нужно доказать не только хитрость и смекалку, но силу и сноровку). Немаловажно и то, что имя предстоящей жертвы должно быть заблаговременно известно его убийце (а потенциальный убийца-то, мы помним, – это, по сути, мальчик), поскольку именно это имя и будет присвоено подростку в момент инициации. Ясное дело, что наряду с именем к нему перейдёт, согласно местным верованиям, также сила, энергия и половая потенция убитого. Разумеется, каждый эпизод гибели члена одной общины рано или поздно влечёт за собой ответный акт мести, так что людские потери обеих сторон неуклонно увеличиваются (и тем не менее, племя аснат не отказывается от своей этой практики). Процедура периодического поминовения павших жертв данной весьма своеобразной «партизанской войны» оборачивается в каждой общине сложнейшим многоступенчатым ритуалом, таким образом характеризующим мужчин аснат, что они выглядят не только хладнокровными и

безжалостными убийцами, но опытнейшими и искуснейшими резчиками по дереву.

Ещё относительно недавно «охоту за головами» активно практиковали и в других областях Новой Гвинеи (к примеру, в племенах чамбули и абеламов, что к северу от центральной части острова), а также ей не гнушались и жители островов Микронезии и Меланезии в юго-западной акватории Тихого океана. Например, в районе архипелага Палау (известного как «Каролинские острова»), что располагается приблизительно в одной тысяче километров к северо-западу от Новой Гвинеи, политическую обстановку в последней трети девятнадцатого столетия выглядела, по свидетельству Н.Н.Миклухо-Маклая, можно было охарактеризовать следующим образом. «Войны, – писал учёный, – очень часты в архипелаге, и самые ничтожные причины считаются достаточными для ведения их. Они значительно влияют на уменьшение населения, так как независимых друг от друга участков много, и все они постоянно ведут войну. Эти войны более похожи на экспедиции для добывания голов и, кажется, даже преимущественно ведутся с этой целью»¹⁹⁹.

Ещё мы узнаём из книги Е.Н.Панова, что в районе островов Адмиралтейства, что приблизительно в трёхстах километрах от Новой Гвинеи, в те времена был весьма широко распространённым каннибализм. Убитые в период набега на соседей доставлялись на каноэ в селение нападавших и там съедались, а их черепа в дальнейшем хранились как реликвия в «мужском доме». Для береговых жителей также весьма обычной была охота на женщин и детей, что спускались с гор на побережье в целях поиска чего-то съестного из «даров моря». Николаем Николаевичем Миклухо-Маклаем, кстати говоря, особо подчёркивалась «подлая», по его собственному выражению, манера ведения войны у аборигенов, лишь бы добыть главный трофей – неприятельскую голову.

В заключении представления богатейшего материала этнологического, этнографического и философского толка, содержащегося в книге Е.Н.Панова «Бегство от одиночества» по интересующей нас теме, хочу привести ещё одни его

---

¹⁹⁹ Там же. С.551

слова. Я не только вполне разделяю его взгляд шокирующей неприемлемости с этической точки зрения описываемых жутких традиций, но и негодующий по этому поводу тон: «Но что действительно плохо укладывается в голове, когда знакомишься с жизнью сегментарных обществ, – это отсутствие каких-либо элементарных моральных запретов во взаимоотношениях с себе подобными, принадлежащим к общине «чужаков». Когда читаешь воспоминания Елены Валеро (в записи известного итальянского этнографа Этторе Биокка) о её жизни среди яномамё, просто диву даёшься, какой гремучий сплав непредсказуемости, наивного коварства и бессмысленной жестокости представляет собой поведение этих индейцев... Фактически всё то же самое мы видим и у гордых скотоводов-нуэров, обладающих, по словам Эванс-Причарда, сильно развитыми представлениями о справедливости, когда речь идёт о взаимоотношениях с членами своей общины... Всё это, на мой взгляд, сильно подрывает позицию тех, кто считает, что фундаментальные нормы морали изначально свойственны человеческой природе. Очевидно, мораль и нравственность должны были пройти столь же долгий путь эволюции, как и сами социальные системы человека, чтобы идеи добра, гуманизма и справедливости стали хоть и недостижимым в полной мере, но, по крайней мере, провозглашённым во всеуслышание идеалом жизни общества»²⁰⁰.

Резюмируя материал, касающийся содержательного и методологического соотношения социобиологической теории генно-культурной коэволюции и «усовершенствованного» марксизма в форме концепции биосоциальной природы человека, необходимо указать, что, во-первых, поскольку первая представляет собой значительно более комплексную, изысканную и изощённую концепцию, на деле сочетающую в своём предприятии многоплановые исследования взаимодействия генетической и культурной составляющей формирования человеческой психики, то и критическое реагирование второй с неизбежностью тоже подверглось модернизации с определённым смещением акцентов; и во-вторых, хотя и бывает так, что не только некоторые выводы этих обеих

---

²⁰⁰ Там же. С.561-562

концепций коррелируются и даже совпадают, и несмотря на то, что порой взаимопересекается и совпадает и этнографический и культурологический материал, на основе которых эти выводы были сделаны, всё же этот факт не мог трансформировать прежние обвинения социобиологии в редуционизме и биологизаторстве в неактуальные.

§4. Агрессия и криминал: эвристическое значение концепции биосоциальной природы человека

Наверное, как ни в какой другой из сфер общественной жизни проблема человеческой агрессивности ни выступает так остро, обнажено, рельефно и контрастно как в сфере компетенции сыскной полиции и уголовного права. Преступность – это «теневая», «оборотная» сторона функционирования социума, мотивация, источники и механизмы которой чрезвычайно вариабельны, многофакторны и многоуровневы. Технологическая сторона вопроса, то есть техническая оснащённость и искусство совершения преступных действий, а также техническая оснащённость и искусство поимки преступников, – отнюдь не главная из проблем, возникающих в свете анализа «порчи нравов» и хронизации антисоциальных деяний. «Закоренелые» криминальные субъекты, уголовники, так сказать, «чистой пробы» – это бич и боль человечества на протяжении всей его истории. Эпоха миновала за эпохой, возникали и рушились империи, перекраивались государства, шла смена даже целых общественно-экономических формаций, а криминальное сообщество, обладая удивительной живучестью, преспокойно «переварило» всё это – и сегодня «живее всех живых». Именно к нему, то бишь криминальному сообществу, подходят знаменитые слова Фридриха Ницше: что его не убивает, делает его сильнее. Но как это объяснить? В чём секрет столь сильного иммунитета криминалитета, в чём его внутренняя сила и притягательная власть? И вот тут-то хочешь-не хочешь, волей-неволей утыкаешься в ту самую вечную, как мир, человеческую природу. Вспоминаешь проверенную временем максиму: «как волка не корми, а он всё в лес смотрит». Народ, как известно, зря не скажет. А роль первейшего локомотива многих страстей человеческих в деле реализации антиобщественных поступков играет всё он же – импульс агрессивности. Так врождён он или нет, и насколько компетентен социум со всем его воспитательно-образовательным арсеналом если уж и не в устранении его позывов, так, по крайней мере, в резонной его сублимации? От того или иного ответа будет во многом зависеть не только выстраивание теоретических выкладок криминалистов и правоведов, но

программироваться наметка линий практического действия по искоренению этой «заразы» и упорядочиванию межличностных отношений.

И ещё один момент: и методологически, и гносеологически, и концептуально в этом контексте чрезвычайно значимой (если не первоочередной) выступает проблема по возможности точной смысловой фиксации самого термина «агрессивность». А это задача хоть и первостепенной важности, но и первоклассной сложности. Не раз уже упоминалось, что «обтекаемость», метафоричность, двусмысленность, произвольное варьирование значением в угоду тех или иных мировоззренческих (а часто и политических) ориентиров нередко приводило к неумышленной (а порой и сознательной) путанице в толковании данного понятия. Это является контрпродуктивным, и даже вредоносным, для всего комплекса социально-гуманитарных наук, но в особенности в области психологии и криминалистики. Не случайно, к примеру, Т.Г.Румянцева в своей статье «Понятие агрессивности в современной зарубежной психологии» начинает именно с этого. «Для дальнейшего научного осмысления природы человеческой агрессивности» – пишет она, – «необходимо прежде всего уточнить смысл и значение самого этого понятия, что предполагает тщательную отработку категориального аппарата исследований, выявление многочисленных терминологических различий, оттенков, нюансов в употреблении используемых здесь понятий... Чрезвычайная сложность и многообразие форм проявления агрессивности (особенно применительно к человеческому поведению) приводит к тому, что на сегодняшний день в науке отсутствует его вполне однозначная трактовка и определение. Это позволяет различным авторам в зависимости от целей и задач исследований вкладывать в само понятие агрессии совершенно различное содержание»²⁰¹.

Т.Г.Румянцева в подтверждение этого приводит целый спектр различных толкований термина «агрессивность». Начинает она, что, собственно, и логично с лоренцевского, классического, определения. Приводит она и операциональную

---

²⁰¹ Румянцева Т.Г. Понятие агрессивности в современной зарубежной психологии// Вопросы психологии, 1991, №1. С.81

трактовку агрессии, данную А.Бандурой, вспоминает фрейдистское толкование с ссылкой на Танатос, указывает на фрустрационную концепцию, предложенную в своё время Д.Доллардом. Но особенное внимание Т.Г.Румянцева обращает на так называемую «нормативную модель человеческой агрессии»: «Согласно этой точке зрения, в определении поведения в качестве агрессивного решающее место должно принадлежать понятию нормы, отсюда и название данной ориентации. Нормы формируют своеобразный механизм контроля за обозначением тех или иных действий. Когда эти нормы соблюдены, воспринимаемое поведение не будет рассматриваться наблюдателем в качестве агрессивного, независимо от степени губительности последствий такого поведения. И, наоборот, если нормы нарушены, на поведение «навешивается ярлык» агрессии. Таким образом, поведение называется агрессивным при наличии двух условий: 1) когда имеют место губительные для жертвы последствия; 2) когда нарушены нормы поведения»²⁰².

Надо сказать, что это крайне неудачное определение. Во всяком случае, с лоренцевским ни в какое сравнение не идёт. Во-первых, для жертвы в случае агрессивного поведения отнюдь не обязательно должны наступать те самые губительные последствия. Они, во-первых, могут быть хоть и негативные, но совсем даже не губительные последствия, что вовсе не переводит акт агрессии в некий неагрессивный акт. А, во-вторых, может так случиться, что и вообще никаких негативных последствий может не наступать (скажем, в случае превентивных мер или своевременного задержания агрессора правоохранительными органами, или, скажем, в случае заступничества за потенциальную жертву со стороны прохожего и т.д.) Интересно получается: примеру, некий индивид пылая, чувством злобы, гнева, мести, бросается на кого-то, вовремя обезвреживается, негативных последствий для потенциальной жертвы нет никаких – так что же и агрессивное поведение данного индивида также считать несостоявшимся что ли? Также совершенно неверно связывать агрессивное поведение с нарушением неких норм. Чувство агрессивности – оно

---

²⁰² Там же. С.84

либо есть, либо его нет вне зависимости от того, нарушает оно какие-то там нормы или нет. Но и реализация этого чувства также никак не зависит от нарушения или не нарушения каких-либо нормативов. Представьте, к примеру, штыковую атаку в период военных действий. Индивиды с обеих враждующих сторон не просто испытывают агрессивные импульсы по отношению друг к другу, не просто производят агрессивные действия друг против друга, они являют собой самой яркое и неприкрытое воплощение человеческой агрессии. Но они ведь (как с той, так и с другой стороны) не нарушают никаких нормативов – ни государственных, не межгосударственных (в смысле международных конвенций), ни даже общепринятых моральных норм. А нам, выходит, предлагается на основании этого и вовсе не считать эту кровопролитную рукопашную схватку проявлением человеческого агрессивного поведения. Забавно, не правда ли.

Что есть немалые сложности как в обосновании, так и в оперативном использовании данного «нормативного подхода» в интерпретации человеческой агрессии, отмечает и Т.Г.Румянцева. Она указывает на то, что даже сами его создатели не скрывали наличия явных расхождений для обозначения агрессивности поведения как со стороны агрессора-исполнителя, его возможных жертв и стороннего зрителя, каждый из коих данный род действий будет характеризовать, стоя сугубо на своей точке зрения. Так что тут широчайше поле разгуляться субъективизму: считаться агрессией при таком подходе будет то, что как таковой определяют люди. При этом ясно, что разные люди будут и определять её по-разному. Более того, не менее очевидно и то, употребление в практике жизни «нормативного подхода» непременно предстанет делом довольно сложным ещё и потому, что взгляды людской взгляд на агрессивность, вытекающий из установленных в данном сообществе нравственных ценностей и поведенческих ориентиров, будет явным образом различаться у индивидов, относящихся к различным социальным группам, общественным слоям, партиям и т.д. Мало того, один и тот же агрессивный акт может быть совершенно различно оценен даже в зависимости от половых и возрастных признаков, мировоззренческой ориентации индивид, тех или иных пристрастий и

предпочтений и т.д. Так, общеизвестно, что даже самые экстремальные методы репрессий, насилие и террор, осуществлявшиеся в истории теми или иными государственными образованиями с целью обеспечить контроль над своими гражданами, внутренне принимались представителями одной страты социума как не выходящие за рамки вполне естественных, нормативных действий, в то время как другими это воспринималось именно как проявление институализированной агрессии.

Следует упомянуть, что большую роль в развитии западноевропейской и североамериканской криминологической мысли сыграла так называемая антропологическая школа уголовного права, основателем которой был итальянский психиатр Чезаре Ломброзо. Имя его давно уже стало нарицательным, как и термины «ломброзианство» и «неоломброзианство». Философской основой его теории явился позитивизм, соединённый с социал-дарвинистскими идеями. Преступление, по Ломброзо, – явление столь же естественное и необходимое, как рождение и смерть человека, как зачатие и болезни, в частности – психические. Происхождение преступности – биологическое (но впоследствии, кстати говоря, Ломброзо признавал, что в той или иной степени преступность связана и со средой). В работах «Преступный человек» и «Преступление, его причины и средства лечения» Чезаре Ломброзо утверждал, что существуют «прирождённые» преступники; они обладают специфическими антропологическими, физиологическими и психическими признаками и составляют до 35 процентов всех преступников. Ломброзо пытался описать характерный облик такого преступника путём измерений черепа, роста, веса, выявления аномалий строения тела и т.д. На этом основании он пришёл, в частности, к вполне предсказуемому выводу о «прирождённой преступности» ряда деятелей французской буржуазной революции, Парижской коммуны и представителей I Интернационала. Так был сделан первый шаг к использованию биологических теорий для борьбы с политическими противниками. Позже Ч.Ломброзо, руководствуясь теми же исходными положениями, назвал ещё 16 групп факторов, весьма разнообразных и в значительной степени несопоставимых (сюда входили метеорологические,

географические, экономические и другие данные, а также расовые признаки). Система мер предупреждения преступлений, по Чезаре Ломброзо, включала лечение, пожизненную изоляцию, а то и прямое физическое уничтожение «прирождённых» преступников.

В этой связи стоит заметить, что соответствующая оценка подобного рода теоретическим выкладкам и базирующимся на них практическим рекомендациям и разработанным программам в развёрнутом виде дана в параграфе 1 «Взгляды и теории. Исторический очерк» главы II «Природа антиобщественного поведения» книги Н.П.Дубинин, И.И.Карпец, В.Н.Кудрявцев «Генетика, поведение, ответственность». Там кроме критики, надо отметить, много и познавательного, но критика всё-таки превалирует, и критика по большей части идеологического толка. В частности, мы там информационно черпаем и это: «Главная причина живучести биологических теорий в буржуазном обществе состоит в том, что оно идеологически заинтересовано в идее наследственной предрасположенности человека к преступлениям. Ведь это позволяет объяснить все пороки эксплуататорской системы тем, что преступность, заложенная якобы в природе человека, вечна. Биологические теории в чистом виде вообще «снимают» социальную характеристику преступности, её причин и мер борьбы с нею»²⁰³.

Немалое число сторонников имеет теория наследственного предрасположения к преступлениям (О.Кинберг, О.Ланге, Е.Гейзер, Ж.Пинатель, А.Штумпель и другие). Некоторые из них профессиональные юристы, другие – профессиональные медики. Они полагают, что поскольку по наследству передаются не только физиологические, но и многие психические свойства, это характерно и для склонности к преступлениям. В такой связи анализируются биографии однойцевых близнецов или у преступников выискивается дополнительная хромосома. Одним из логических следствий данной теории является идея о связи между физической конституцией человека, психическим складом и типом поведения. Согласно ей, люди делятся по этим признакам на три

---

²⁰³ Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. М.: Изд-во политич. лит-ры, 1989. С.55

типа и при этом утверждается, например, что атлетически сложенные люди могут быть склонны к особо опасным антиобщественным поступкам и тяжким насильственным преступлениям.

Теория эндокринного предрасположения человека к преступлению (Ди Туллио, Р.Фунес и другие) сводится к признанию основной причиной преступного поведения наличие аномалий в железах внутренней секреции. Определённой популярностью пользуется и психоаналитическая теория Зигмунда Фрейда и его последователей. З.Фрейд, как известно, рассматривал преступление как проявление врождённых, глубоко заложенных в психике человека бессознательных инстинктов и влечений, главным образом сексуального характера, а также страха смерти. Как и для всех психических перверсий, так и для склонности к преступлениям, её источник и моторные механизмы коренятся в той или иной психической сбивке, происшедшей с субъектом в раннем детстве, что таким вот сублимационным манером отражается в последующих поступках индивида. Человек, таким образом, согласно фрейдизму, в своём взрослом поведении лишь незначительно детерминирован реальными условиями своего социального бытия.

Но вот параграф 3 «Хромосомные аномалии» книги Н.П.Дубинина, И.И.Карпец и В.Н.Кудрявцева интересен, в первую очередь, своим фактуальным материалом. В нём приводятся любопытные данные по исследованию на предмет зависимости преступности от этих самых хромосомных аномалий. Вот, в частности, что мы узнаём: «Американский институт психического здоровья, в котором имеется Центр по изучению преступности, опубликовал в 1970 году доклад, включающий обзор 45 исследований относительно предполагаемой связи хромосомных аномалий с преступностью. Всего было обследовано 5342 преступника, содержащихся в исправительных учреждениях США, Англии, Шотландии, Швеции, Австрии, Дании, Канады и Италии. При этом в соответствие с хромосомной теорией была специально подобрана группа лиц высокого роста, что якобы чаще связано с агрессивным поведением при хромосомных нарушениях. Из этих специально отобранных лиц указанные нарушения были

обнаружены почти у 2 процентов обследованных, а среди преступников любого роста – у 0,7 процента. Контрольные группы составляли новорождённые США и Англии (всего 9700 человек). Среди них хромосомные нарушения обнаружены у 15 человек (0,15 процента). Кроме того, было обследовано 9327 взрослых (не являющихся преступниками). Аномалии в хромосомах установлены у 9 человек (см. Дубовик О. «Исследования о хромосомных аномалиях» – «Социалистическая законность», 1974, №1, сс.76-77). Подводя итоги исследований, авторы доклада пишут: «Несмотря на распространённое мнение, не было установлено, что люди с хромосомными аномалиями ХУУ являются более агрессивными, чем выборочно обследованные преступники с нормальным хромосомным набором»²⁰⁴.

Вообще-то, надо сказать, что в своё время, на рубеже 60-70-х годов ушедшего века, эти исследования по так называемому «ХУУ-самцу» наделали много шума, вызвали чрезвычайно бурные споры не только среди медиков, биологов и генетиков, но, естественно, и в среде гуманитариев – юристов, психологов и философов. Разумеется, не могли они обойти стороной и нашу страну. Весьма интригующей и в немалой степени правдоподобной звучала идея прямой увязки повышенной в сравнении с нормой агрессивности и, как следствие, большей криминальности с этой самой дополнительной У-хромосомой. Потом, конечно, ждало разочарование одних и воодушевление других, но высказаться по ней, так или иначе выразить свою позицию по данной проблеме считали чуть ли не своим долгом практически все сколь-нибудь серьёзно занимающиеся изучением человека. Есть прямое позиционирование по ней и у трёх фигурантов нашего исследования – Н.П.Дубинина, Э.О.Уилсона и В.П.Эфроимсона.

Если говорить о Н.П.Дубинине, то ссылки на эту проблему даны им вначале его монографии, написанной в соавторстве с Ю.Г.Шевченко, «Некоторые вопросы биосоциальной природы человека»: «Говоря об ответственности генетиков перед людьми, можно привести следующий поучительный пример. Сейчас известны случаи, когда нарушение хромосомной структуры ведёт к наследственным болезням. Однако при обнаружении каждого нового

---

²⁰⁴ Там же. С.170-171

хромосомного нарушения его необходимо тщательно исследовать и не спешить делать выводы по аналогии. Особенно несостоятельны попытки делать на этом основании выводы о склонностях людей к определённым формам социального поведения. Несколько лет назад в Шотландии среди заключённых были обнаружены мужчины, имевшие лишнюю половую Y-хромосому (хромосомная структура имела вид ХУУ вместо обычной ХУ). Учёные, открывшие этот феномен, писали, что мужчины – носители лишней Y-хромосомы – «опасные, агрессивные, умственно отсталые психопаты». Эти идеи послужили возрождению старых, ошибочных взглядов о генетической детерминированности преступности у людей. Однако новые исследования показали, что наличие конструкции ХУУ у мужчин является довольно обычным явлением, составляя у новорождённых мальчиков один случай на семьсот. Новый, специальный анализ заключённых в Шотландии показал, что среди них число мужчин с хромосомной структурой ХУУ не превышает их числа среди нормальной популяции людей и, следовательно, никакой связи между лишней Y-хромосомой и преступностью говорить не приходится. Этот случай ещё раз убеждает: серьёзная ошибка была совершена потому, что пытались доказать обусловленность социального поведения биологическими факторами»²⁰⁵.

Интересно, кстати говоря, полюбопытствовать, многим ли будут отличаться взгляды на эту проблему и, соответственно, оценки окончательных результатов этих эмпирических исследований у основателя социобиологии Э.О.Уилсона, непримиримым оппонентом которому всё время и выступал академик Дубинин. У Уилсона данной проблеме отведено место в его книге «О природе человека»: «Неоспоримо существуют мутации, аффлектирующие поведение. Среди различных изменений химической композиции генов либо структуры и порядка хромосом, идентифицировано более тридцати из них, что аффлектируют поведение, часть из которых составляет невралгические расстройства, остальные – ослабление интеллекта. Один из наиболее спорных, но информативных примеров – это ХУУ-

---

²⁰⁵ Дубинин Н.П., Шевченко Ю.Г. Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М.: Наука, 1976. С.11

самец. X и Y-хромосомы определяют пол у людей; комбинация XX продуцирует самку, XY – самца. Приблизительно 0,1 % от общего населения случайным образом в момент зачатия приобретает дополнительную Y-хромосому, и все эти XYY-индивиды – самцы. XYY-самцы все высокого роста, подавляющее большинство выше шести футов. Но они при этом чрезвычайно часто заканчивают свои дни за тюремной решёткой и клиниках для криминально умалишённых. Поначалу считалось, что эта дополнительная хромосома индуцирует более агрессивное поведение, создавая то, что в результате образует класс генетических преступников. Однако статистические исследования, проведённые психологом Принстонского университета Германом А. Уиткином и его коллегами на громадном количестве данных из Дании, привели к более мягкой интерпретации. Обнаружилось, что XYY-мужчины не являются ни более агрессивными, нежели общая норма, ни демонстрируют какие-либо поведенческие образцы, которые бы отличали их от остальных датчан. Единственным зарегистрированным отклонением был их ниже среднего уровень интеллекта. Наиболее жалкое из всех объяснений то, что будто XYY-мужчины потому с большей частотой заключаются в тюрьмы, что попросту менее искусны в плане уклонения от поимки. Разумеется, тут нужна осмотрительность. Но саму возможность наследования более специфичных форм предрасположенности к становлению криминального субъекта нельзя отбрасывать, исходя из этого единственного исследования»²⁰⁶.

Заметно, как ни удивительно, что различия в оценке итогов не принципиальные, не по сути и содержанию, а, скорее, по тональности и идеологической нагруженности. Что касается позиции на сей счёт В.П.Эфроимсона, то она вплетена в сюжетную линию его знаменитой статьи, тоже в своё время наделавшей шуму, «Родословная альтруизма», которую я вскорости намерен приспособить в развёртывании данного параграфа. Будет там и вообще о хромосомных аномалиях, аффлектирующих особого рода поведение, и о роли дополнительной Y-хромосомы в частности.

---

²⁰⁶ Wilson E.O. 1978. On human nature. Harvard Univ. Press, Cambridge, 1978. P.57-58

А пока вернёмся на время к книге Н.П.Дубинина, И.И.Карпец и В.Н.Кудрявцева «Генетика, поведение, ответственность». В параграфе 4 «Агрессивность и альтруизм» всё той же II главы авторы, обозначив вполне определённо свою платформу относительно генных мутаций и их возможной детерминации поведения, далее развивают свою мысль, призывая в «соратники» теорию Чарльза Дарвина. На родоначальника эволюционной доктрины, что поразительно, уверенно ссылаются сподвижники обоих полярных направлений – и «социологизаторского» и «биологизаторского». Тут мы имеем дело с первым: «Ещё Ч.Дарвин, признавая, что определённые реакции и поступки людей основаны на врождённых механизмах, вместе с тем отмечал, что многое в их поведении обусловлено общественными нормами. Врождёнными реакциями являются, например, переживание чувства страха, стремление к избеганию опасности или самозащите... Заметную роль в мотивации преступного поведения играют чувства и эмоции негативного характера: гнев, страх, месть, враждебность и т.п. Агрессивное поведение, тесно связанное с этими эмоциями, выражается в драках, побоях, оскорблениях, телесных повреждениях, убийствах, отчасти изнасиловании, в повреждении либо уничтожении имущества. Именно такое поведение нередко рассматривается в качестве наиболее убедительной модели, подтверждающей тезис о генетической природе преступности. При этом полагают, что агрессивное, особенно недостаточно мотивированное, поведение есть прямое проявление генетического неблагополучия индивида, пусть даже и не выраженного в хромосомной аномалии»²⁰⁷.

Однако авторы данной монографии ссылаются и привлекают в сторонники не только Чарльза Дарвина, но и более современных исследователей, таких как Вальтер Холличер с его уже нами рассмотренной книгой «Человек и агрессия. З.Фрейд и К.Лоренц в свете марксизма» и известного британского этолога Дж.Крука, известного тем, что он привнёс существенную дозу внимания именно к социальным аспектам территориального и репродуктивного поведения животных.

---

²⁰⁷ Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. М.: Изд-во политич. лит-ры, 1989. С.219-220

«У высокоразвитых животных и у человека... – писал Д.Крук, – в поведении присутствует значительный компонент агрессии, которые проявляется в тенденции отвечать нападением или враждебностью на определённые виды раздражителей. Однако не существует достоверных доказательств в пользу генетически (наследственно) обусловленной потребности в агрессивном поведении» (Цит. по: Crook J.H. «The nature and function of territorial aggression» – «Man and Aggression». Oxford, 1968, p.154). О том, что те или иные проявления агрессивности тесно связаны с типами человеческой культуры, наглядно свидетельствуют антропологические исследования. Они показывают, что переживания и эмоции, порождаемые как внешними, так и внутренними причинами, выражаются у человека обычно в форме, принятой в той культуре, к которой он принадлежит»²⁰⁸.

Ну, и напоследок дачи дани должного этой весьма полезной и поучительной книги Н.П.Дубинина, И.И.Карпец и В.Н.Кудрявцева хочу привести ещё один небольшой отрывок, где авторам приходится-таки признать (а это отрицать и бессмысленно), что существуют индивиды, для которых агрессия – отнюдь не неизбежное орудие для достижения каких-то, пусть и несправедливых, целей, а самая что ни есть цель – самодостаточная и самодовлеющая. В данных случаях списать всё на привходящие внешние факторы и стимулы, каким-то образом рационально объяснить неблагоприятным влиянием социально-культурного окружения (мол, «среда заела») не представляется возможным. В параграфе 5 «Принятие и исполнение решений» мы читаем: «Конфликтная ситуация, только ещё более ярко выраженная, характерна и для другого типа антиобщественной ориентации личности – насильственной. Социально-психологические черты лиц, совершающие так называемые насильственные преступления, – хулиганство, телесные повреждения, убийства, изнасилования – а также участвующих в драках, скандалах, нередко связаны с переоценкой собственной персоны, с уродливым стремлением к самоутверждению, проявлению своего «Я» вопреки интересам окружающих. При этом насильственное, агрессивное поведение часто даже не

---

²⁰⁸ Там же. С.220-221

является средством для достижения каких-либо рациональных целей, а представляет собой в известном смысле самоцель. Подобная мотивация, свойственная этой категории правонарушителей, свидетельствует о глубоких внутренних конфликтах личности, так или иначе отражающих внешние социальные конфликты. Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что образовательный и культурный уровень этих лиц, как правило, довольно низок»²⁰⁹. Что тут добавить? Ещё бы не конфликт: внутренняя предрасположенность к агрессии клокочет, прорывается и борется с внешними запретителями! Священники называют это «пробудившимися бесами», а психоаналитики процессом «фрустрации».

А теперь пришло время обратиться проанонсированной статье В.П.Эфроимсона «Родословная альтруизма». Для того, кто эту статью не читал, её название может быть обманчивым, может ввести в заблуждение, поскольку по факту в ней непосредственно по альтруизму не так уж много. Гораздо больше, как бы это ни казалось парадоксальным, о родословной агрессивности и преступности. Но для нас в деле реализации задач исследования такое смещение акцентов – только в плюс и только на пользу. Вообще надо сказать, статья великолепная, написанная умным, сведущим и весьма эрудированным человеком. Причём написана не сухо академическим, не «кондово-протокольным», а живым и богатым, цепляющим за душу языком. Но даже и не это в большей степени удивительно. Для меня просто поразительно, как в то время – время фронтального мировоззренческого противостояния, время мощнейшего идеологического прессинга, когда кроме знаменитого и «знамённого» клише, что человек есть совокупность общественных отношений, и знать ничего не хотели – могла вообще выйти в свет такая статья и найти себе благодарного читателя.

В.П.Эфроимсон начинает изложение своего видения проблемы соотношения биологического и социального в деле становления криминального субъекта с оформления достаточно чётких и ясных исходных позиций. Начинает он с констатации общеизвестного утверждения, что роль преэмптивности бесспорна.

---

²⁰⁹ Там же. С.238

Так, скажем, ребёнок, будучи лишённым вскоре после рождения в течение следующих нескольких лет звука человеческой речи и общения с другими людьми, никогда уже не сможет научиться говорить и превратится, в общем-то, в полуидиота. Так что нет совершенно никаких сомнений в том, что способности и фундаментальные признаки человека, отличающие его от животного, развиваются именно в процессе социализации, в процессе в общении с другими людьми. Так что вовсе не исключено, как замечает В.П.Эфроимсон, что сверхталантливому и умелому педагогу удалось бы выпестовать на редкость продуктивного специалиста из ученика, почти не наделённого врождёнными предрасположенностями к будущей профессии, а опытному рецидивисту – закоренелого преступника и законченного негодяя из потенциально благороднейшего ребёнка. Установив для себя, во всяком случае, факт наличия-таки в человеке неких исконных, врождённых, истоков добра и внутренней тяги к справедливости, В.П.Эфроимсон отнюдь не претендует на то, чтобы отрицать оное и в отношении злого начала в человеке. Он определённым образом не встаёт ни на позицию убеждённой филантропии, ни убеждённой мизантропии, полагая их односторонними и в этом смысле не вскрывающими всей сути. Действительно, на извечный вопрос, добр человек от природы или зол, невозможно дать вразумительного однозначного ответа, поскольку в нём есть от природы и то, и другое.

Но это лишь одна «сторона медали». Указав и признав это, как мы и предрекали, невозможно отрицать и наличие врождённых предрасположенностей ко злу, в данном случае – к агрессивному поведению. Не отрицает этого и В.П.Эфроимсон. Он оборачивается на древнюю, как мир, преступность и на те самые исследования, которые отмечали и Н.П.Дубинин, и Э.О.Уилсон. Вот что он пишет: «Есть, однако, факты, как бы опровергающие эволюционно-генетическую гипотезу становления этики. Основная масса этих фактов связана со стойким существованием воистину бессовестной преступности. Оставить эту проблему без краткого рассмотрения значило бы спрятаться от главного возражения...»²¹⁰.

---

²¹⁰ Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма// Новый мир, 1971, №10. С.205-206

Но В.П.Эфроимсон не склонен излишне упрощать ситуацию, низводя, как это делали, в частности, «ломброзианцы», всю суть вопроса и «соль» проблемы к психофизиологическому типу. Он тоже настаивает, что недоучёт социокультурных факторов в изучении феномена агрессивности – не просто свидетельство односторонности и ограниченности, но что он и теоретически ущербен и практически вреден. Однако продолжим идти вслед за мыслью В.П.Эфроимсона: «Умственная отсталость, незрелость или просто ограниченность может легко приводить к суждению об окружающем с позиции небольшой группы своего непосредственного окружения – подростков, уличной шайки, парней или девушек своей деревни, членов своей секты, своей группы снобов или дельцов. Именно это позволяет направить этический комплекс на «доблестное» участие в какой-нибудь шайке бандитов, воров, хулиганов; нравственное чувство найдёт выход в «молодечестве; чувство товарищества у новичков будет использовано бессовестными членами шайки. Но и этот вид поведения диктуется этическим комплексом, лишь извращённо реализуемым. Реализация этого на практике может быть направлена в любые каналы, например, на уничтожение «еретиков», «свободомыслящих», представителей неполноценной нации», «врагов религии», врагов священной частной собственности» и т.д. и т.п.»²¹¹

Весьма сильный довод – ничего не скажешь. Приходится констатировать, что всё, что утверждается, совершенно справедливо: достаточно вспомнить о невероятно строгих (построже любого светского) моральных кодексах криминального сообщества. Пусть он с позиции добропорядочного гражданина и кажется и извращённым, и «варварским», пусть его называют и «квазикодексом криминальной субкультуры», но, значит, есть какая-то неистребимая тяга даже у этих закоренелых негодяев и отщепенцев в своём аморальном с позиции большинства общества существовании руководствоваться всё же неукоснительными моральными нормами для «внутреннего пользования».

---

²¹¹ Там же. С.206

А далее идёт ещё один очень мощный аргумент, парировать который, стоя на ортодоксальных марксистских позициях, мне представляется крайне проблематичным, если вообще возможным. Честно говоря, мне затруднительно представить, как и на каких фактуальных и теоретических основаниях могли ему противостоять единомышленники академика Дубинина. Если, конечно, не признавать за аргументы обвинения в идеологическом отступничестве. «Антисоциальные поступки, преступность нередко целиком относят за счёт социальных факторов, а применительно к нашему обществу – за счёт пережитков капитализма в сознании трудящихся, за счёт влияния чуждой идеологии. Предполагалось, что эти крайние формы антисоциального поведения, в частности преступность, исчезнут с жестокой социальной нуждой, с неграмотностью. Этого, однако, пока не произошло (а мы уже знаем, что и не произойдёт – авт.), хотя существенно сгладились и пережитки капитализма, и пережитки нарушений норм социалистической законности, а экономический, культурный и образовательный уровень резко поднялся. При всей их значимости одними социальными факторами всю преступность полностью не объяснить. Но подобно тому, как с улучшением материальных и санитарных условий среди заболеваний выходят на первый план наследственные дефекты, оттесняя дефекты, порождённые средой (инфекции, последствия недоедания, авитаминозы и т.д.), так и с ослаблением острой нужды и других чисто социальных предпосылок преступности начинают яснее выступать предпосылки биологические»²¹².

Тут следует добавить, что история произвела с нашим обществом пусть жестокий, но вполне реальный крупномасштабный эксперимент по проявлению и возможности наглядного анализа и замера влияния социокультурных, в частности – экономических и идеологических, факторов на укоренение и развитие преступности. Для этого достаточно кому-то просто вспомнить, а кому-то, возможно, и ознакомиться с документальными материалами и статистической отчётностью по криминогенной ситуации в России в «лихие» 90-е и начальные 2000-е вообще и по отдельным видам преступлений в частности. Это просто

---

²¹² Там же. С.207

«ода» тому, что с человеком может делать среда, причём в самую социально неблагоприятную и нравственно неблагоприятную сторону.

Но, не забывая подчёркивать значимость всего комплекса средовых детерминант в становлении и генезисе преступности, В.П.Эфроимсон нас призывает не впадать в другую крайность – односторонность и однобокость «социологизаторства». Оно не в меньшей степени и теоретически ущербно и практически вредно, поскольку с некоторых очень важных сторон дезавуирует противника, не позволяет распознать его в полной мере и должным образом оценить его силу и маневренность, а, значит, и лишает нас шансов если уж не одолеть его, так дать ему достойный отпор, а, скорее, даже просто обрекает на поражение. «Однако рассматривая преступность как явление прежде всего социальное, в её биологических аспектах мы должны ограничить свой анализ профессиональными преступниками, рецидивистами, то есть той чисто паразитической прослойкой, для которой преступление – основная, более или менее постоянная, форма существования. Одной из причин такой преступности, вероятно, является зрелище безнаказанного, торжествующего зла в любой его форме. Примеры порождают и воспитывают подражателей. Но накоплен ряд фактов, позволяющих, наконец, трезво, деловито поставить вопрос о том, какую роль в подлинной, хронической, рецидивирующей преступности имеют биологические и генетические факторы. Роль этих факторов преступности долгое время полностью игнорировалась в силу естественной реакции на нелепости и дикости, высказанные криминалистами-ломброзианцами тогда, когда никакой научной генетики не существовало, а биологическая теория личности представляла собой набор произвольных догм...»²¹³

А далее у В.П.Эфроимсона идёт очень познавательный информативный материал по увязке тех самых хромосомных аномалий, или генетических дефектов, с патологией поведения – в данном случае индуцируемой повышенной агрессивностью. По его словам, из генных дефектов, поддерживаемых среди населения мутациями, особо показательна болезнь Леш-Нигена (сейчас чаще

---

²¹³ Там же. С.207-208

называемая болезнью Леша-Нихана), вызываемая резким повышением уровня мочевой кислоты в крови. Данные индивиды совершенно невменяемы: они в неистовстве рушат и крушат всё напропалую, ранят и увечат как себя, так и окружающих. Причинно-следственная связь очень высокого уровня мочевой кислоты и агрессивного поведения находит своё проявление и при других физиологических заболеваниях, к примеру, при подагре. Схожая по своему биохимическому составу аномалия обмена (а не только сильные боли) индуцирует крайнюю раздражительность и злобность людей, страдающих этим недугом. Если переходить к догадкам, то можно вспомнить, что подагра наследовалась в олигархическом семействе Медичи. Тяжелейшей формой этой болезни страдала, в частности, королева-мать Екатерина Медичи, самая кровожадная, как отмечает В.П.Эфроимсон, отравительница, интриганка и убийца XVI века, вдохновитель и организатор Варфоломеевской ночи.

Вот как об этом пишет сам В.П.Эфроимсон: «Известно много наследственных болезней, вызывающих морально-этическую деградацию личности (хорея Гентингтона и т.п.). На основе ряда близких к норме отклонений вырабатываются и характеры исключительно ценные, и склонные к некоторым преступлениям. К этой же группе отклонений относятся наследственная расторможенность и безволие, проявляющиеся в алкоголизме и наркомании. Конечно, и здесь громадную роль играет среда. Но уже в детстве человек активно выбирает среду на основе некоторых критериев, неосознаваемых им самим, вероятнее всего связанных с его биологической природой. Большинство детей и подростков из неблагополучных семей ускользают из-под вредного влияния родителей. В то же время полное благополучие в семье отнюдь не гарантирует этическую полноценность детей»²¹⁴.

В этой связи мне вспоминается известная фраза (почти пророческие слова) одного персонажа из рассказа О'Генри. Он говорил: важно не то, какие дороги мы выбираем, а то, что сидит в нас и заставляет нас выбирать именно эту дорогу. А то, что в человеке что-то такое сидит и заставляет кое-кого из нас выбирать

---

²¹⁴ Там же. С.208-209

дорогу преступности, свидетельствуют, как никакие другие, исследования по проявлению агрессивности и по криминальной судьбе однойцевых близнецов. Это тоже чрезвычайно сильный аргумент «в пику» социологизаторской доктрины. На них ссылается и В.П.Эфроимсон. Он отмечает, что при исследовании причин преступности среди населения в целом всякий раз может быть обнаружено бесчисленное количество переменных, любой из которых с лёгкой произвольностью может быть приписано решающее причинное значение. При таком массовом социологическом исследовании не представляется возможным как-то определить соотносительную роль наследственных и средовых факторов в преступлениях. Но роль наследственности, подчёркивает он, рельефно проступает в процессе изучения тех преступных элементов, которые являются близнецами. Близнецам, конечно же, свойственно становиться преступниками отнюдь не чаще, чем обыкновенным людям, но анализ близнецов даёт возможность познания сложнейших вопросов наследственности человека. Как известно, всякий индивид, мужчина или женщина, обладает в момент формирования половых клеток не только вдвое уменьшенным числом хромосом и генов, но при этом происходит и процесс их рекомбинации, так что из общего количества 7 миллионов генов, получаемых от отца и 7 миллионов генов, получаемых от матери, каждая половая клетка обретает только один ген из каждой пары. Так что является естественным поэтому, что все братья и сёстры, в том числе многие близнецы, вернее – «двойни», существенно различаются друг от друга по своему генному набору. Но наряду с существованием обычных двуяйцевых близнецов, рождающихся вследствие одновременного оплодотворения двух различных яйцеклеток разными сперматозоидами, порой появляются на свет и так называемые близнецы однойяйцевые. В этом случае образовавшимся из одной оплодотворённой яйцеклетки двум совершенно идентичным по хромосомному и генному набору дочерним клеткам в дальнейшем суждено развиваться каждой самостоятельно, что даёт начало жизни двум наследственно идентичным детям. Оба этих ребёнка, подобно и все двуяйцевым близнецам, как правило, растут и воспитываются в схожих средовых условиях – бытовых, семейных, социально-культурных,

материально-экономических и т.п. Но если разница в любых особенностях среди двух двуйцевых близнецов может быть следствием и наследственных различий между ними, и различий в условиях становления индивидуального развития, то фактическую разницу между однойцевыми близнецами могут вызвать исключительно только различия в условиях их индивидуального развития – наследственность ведь у них идентична.

И вот на что в этой связи обращает наше внимание В.П.Эфроимсон: «Это бросается в глаза из-за их внешнего сходства, доходящего до полной неразличимости, в то же время установлено их тождество по интимнейшим биохимическим и молекулярным особенностям. Основное различие между партнёром преступника в однойцевых и двуйцевых парах сводится к тому, что однойцевый идентичен с преступником по генотипу, а второй отличен от него, как брат от брата. Материалы, собранные в Европе, США и Японии на протяжении сорока лет, ясно показывают, что эта разница оказывает значительное влияние на судьбу партнёра: по новейшим более точным данным, собранным в Дании Христиансенем (1968, 1970) однойцевый партнёр становится преступником вдвое чаще двуйцевого партнёра. Можно возразить, что однойцевые близнецы чаще оказываются в одинаковом внесемейном бытовом окружении, чем разнойцевые. Но снова напомним, что эту среду партнёры всё же и сами выбирают, в ней застревают или уходят из неё, и гораздо показательнее этих статистических данных то, что однойцевые близнецы-преступники оказались в противоположность партёрам двуйцевым поразительно сходными по характеру своих преступлений»²¹⁵.

Далее в параграфе, посвящаемом рассмотрению комплекса вопросов в плоскостном разрезе «агрессия-криминал», считаю не только уместным и целесообразным, но где-то даже необходимым представить анализ с рубежей теории биосоциальной природы человека ещё одной довольно модной и популярной попытки прикоснуться к проблеме человеческой агрессивности. Да и не только прикоснуться, но и взять на себя притязание её содержательного

---

²¹⁵ Там же. С.209-210

разрешения. Речь идёт о бихевиористской концептуальной парадигме изучения и истолкования поведения человека вообще и агрессивности – в частности. Правда, тут, скорее, надо говорить о некоем «необихевиоризме».

О классическом, так сказать, бихевиоризме, то бишь о бихевиоризме Эдварда Торндайка, Джона Бродеса Уотсона и Берреса Фредерика Скиннера мы упоминали и рассуждали в первом параграфе данного диссертационного исследования. Это одна из впечатляющих, наряду с марксистской, «социологизаторских» теорий из сферы материалистической философской антропологии. Там принципиальный и безусловный упор делается исключительно на научении и воспитании, и на социокультурных факторах формировании психики.

Масса критических стрел, кстати говоря, было выпущено в адрес бихевиористской теоретической базы и её методологических установок как со стороны авторитетных разработчиков этологии, так и социобиологии. Вот, в частности, какие претензии к бихевиоризму имели и какие его существенные недостатки усматривали Ч.Дж.Ламсден и Э.О.Уилсон (это тоже из последней главы «Прометеева огня» – «К новой науке о человеке»): «Лишь в процессе тихих, бесшумных революций, совершённых в науках о мозге и когнитивной психологии в последние двадцать лет, мы в полной мере осознали, насколько всё-таки мало нам известно о мозге и разуме. Наперво было просто необходимо избавиться от «железной хватки» бихевиоризма, который суживал пространство психологии, сводя её к изучению стимулов и реакций и, тем самым, слишком уж упрощая схему человеческого поведения. Поначалу бихевиористская философия функционировала вполне эффективно в качестве некой очистительной силы: она ввела новые строгие стандарты экспериментального доказательства и выскребла последние остатки мистики из психологии. Но в результате этого «очистительного» процесса разум был заметно понижен в статусе и был представлен как иллюзорное понятие, а мозг изображался как фактически «чистая доска», на которой опыт письменами запечатлевает себя по весьма элементарным законам. Но если эту радикальную стриктуру бихевиоризма ослабить, то

ментальный процесс, то бишь познавательный процесс, предстанет не только как вполне реальный, но и состоящий из целой серии довольно сложных шагов, посредством которых информация усваивается и принимается решение относительно того или иного образца поведения. Психологи обнаружили, что разум автоматизировано классифицирует свет соответственно длине его волны; местоположение фонем по определённым интервалам в период создания языковой базы; отдаёт предпочтение сахару, виду глаз, улыбающегося лица и округлому дизайну; оказывается жертвой фобий, таких, например, как фобия змей, но крайне редко таких, как, скажем, фобия ножей; недооценивает главные риски; использует определённые процедуры «рыхлой, туманной логики», базирующейся на тех прототипах, что употреблялись при классификации объектов и так дальше по всем основным категориям восприятия и мышления, далёких ещё от того, чтобы стать предметом серьёзного изучения. Большая часть, а, возможно, и все эти специфические особенности имеют биологический базис, закодированный в соответствующих локализациях и реагировании различных группировок в составе миллиардов нервных клеток. Тем самым открылся новый волнующий мир феноменов. И сейчас уже стало совершенно очевидным, что законы психологии, включающие и те, что управляют процессом научения, совсем даже не элементарны»²¹⁶.

Однако мой критический пыл вызывает не столько классический бихевиоризм в его установках на изучение человеческой агрессивности, сколько теоретическое обоснование и практика их реализации тем самым необихевиоризмом. В этом деле безусловные авторитеты последнего времени трое – Леонард Берковиц, Роберт Бэрн и Дебора Ричардсон. И, соответственно, наделавшие на Западе много шуму весьма объёмные и фундаментальные их книги: более ранняя Л.Берковица – «Агрессия: причины, последствия, контроль» и более поздняя Р.Бэрн и Д.Ричардсон – «Агрессия». Но мы уже отмечали, что

---

²¹⁶ Lumsden C.J., Wilson E.O. 1983. Promethean Fire: Reflection on the Origin of Mind. Cambridge. P.167-168

не всегда больше – значит, лучше. В данном случае это напрямую касается их попытки изучения человеческой агрессивности, а главное – его результатов.

Начнём с Леонарда Берковица и его книги. В параграфе «Что такое агрессия» он начинает с того, что указывает: «Первый шаг, который нужно сделать, чтобы понять сущность агрессии, состоит в том, чтобы найти ясную и точную формулировку этого термина. Вообще говоря, эта книга, как и многие ориентированные на исследование работы, определяет *агрессию как любую форму поведения, которая нацелена на то, что причинить кому-то физический или психологический ущерб*»²¹⁷. На первый взгляд, вроде бы что-то очень верное схвачено. Но стоит чуть повнимательней вдуматься, как сразу же понимаешь, что это никуда не годное определение. Оно же претендует на дефиницию, а какая же это дефиниция, когда в неё некоторые пласты действительно агрессивного поведения не подпадают, а, напротив, некоторые формы асоциального поведения, но отнюдь не агрессивного, вполне подпадают.

Это определение (или точнее – его попытка) упор делает на нацеленность человека причинить кому-то физический или психологический ущерб. Но неужели не ясно, что отнюдь не всякое агрессивное поведение хладнокровно, взвешено и исходит из ранее спланированной цели! Мечь, кстати говоря, очень хорошо вписывается в эту схему, поскольку она, как известно, «блюдо, которое подают холодным». Даже более того, не всякое агрессивное действие является ответной реакцией на провокацию. Бывают ведь спонтанные, неконтролируемые и вовсе никем не провоцируемые приступы бешенства. Конечно, спору нет, человек в эти минуты не контролирует себя, он либо временно невменяем, либо стабильно невменяем. Ну, речь же мы сейчас ведём не о вменении ему ответственности за его поступки (это уже совсем другая тема, являющаяся прерогативой морали и юриспруденции), а о проявлении агрессивности. Что разве человек в приступе ярости, круша всё налево и направо, не демонстрирует этим агрессивное поведение? А что если кому-то досталось от этого его неистовства, он что имел цель причинить ему физический или психологический ущерб?

---

²¹⁷ Леонард Берковиц Агрессия: причины, последствия и контроль. М.: Олма-Пресс, 2002. С.24

Смешно ведь, право слово! Он не только мог его не знать, но и вообще мог его в тот момент не видеть – знаете ли, «пелена» бывает на глазах в приступах-то ярости. Это давно известно всем, должно тем паче быть известно и психологам. И наоборот, когда, скажем, опытный и умелый вор-«щипач» аккуратно вытаскивает у вас из кармана кошелёк, то он не только причиняет этим вам и психологический, а, может быть, даже и физический ущерб, но совершенным образом ставит это своей осознанной целью. И что же получается, что тот, кто распоясался, крушил всё направо и налево, кому-то, возможно, расквасил физиономию, а кому-то, возможно, и чуть голову не снёс – отнюдь не образчик агрессивного поведения. А тише воды, ниже травы успешный вор-карманник – самый что ни есть агрессор. Только вы его агрессии почему-то сразу не заметили, и обнаружили её, лишь придя домой. Какая-то она странная, не находите вы?

Но при этом Леонард Берковиц категорически не принимает концепцию «импульс-разрядной модели» Фрейда-Лоренца. В главе XII «Биология и агрессия» он отмечает, что в продолжение всей своей длинной, замечательной и плодотворной научной жизни К.Лоренц исходил из того мнения, что инстинктивные образцы поведения в большей своей части выступают детерминированными эндогенно как у животных видов, так и у *Homo sapiens*, и не представляют собой лишь реакцию на внешние события. Согласно его взглядам, инстинктивные центры нервной системы организма спонтанно накапливают некое неизвестное вещество или особого рода возбуждение, которое и принуждает организм реагировать на тот или иной ситуативный стимул соответствующим образом. При этом немаловажно, что Конрад Лоренц не сводил эти стимулы лишь к рефлексам. Организм вовсе не побуждаем только внешними событиями. Данному тезису, в общем-то, не возражает и Л.Берковиц. Он подчёркивает, что ситуативные стимулы всего лишь «открывают» или «освобождают» в нервной системе сдерживающие механизмы, тем самым, давая возможность внутреннему драйву «вытолкнуть» инстинктивное действие наружу.

А далее Леонард Берковиц указывает: «Формулировка Лоренца придаёт новый смысл и создаёт базу для попыток контроля агрессии. Лоренц полагает, что

если организм в надлежащее время не столкнулся со случайным высвобождающим стимулом, то потом может действовать не адекватно ситуации. Инстинктивное поведение может проявляться само, в результате давления сдерживаемого в организме драйва... Лоренц считал, что такая «бессмысленная активность» («vacuum activity») возникает вследствие переизбытка инстинктивной энергии, аккумулированной в особом центре инстинкта»²¹⁸.

Надо отдать должное Леонарду Берковицу – концепцию Конрада Лоренца толкования агрессивности он знает не плохо. Это подтверждает и следующая цитата из его книги, высвечивающая важнейший лоренцевский тезис об эволюционных сдерживателях у хищных животных и экстраполирующийся на человека. Но одно дело – не плохо знать и критиковать и совсем другое дело – предложить взамен что-то стоящее своё. Но пока мы в критической «партитуре»: «Лоренц также был убеждён, что агрессивный инстинкт оказывает на людей более серьёзное влияние, чем на животных. В отличие от людей, заявляет он, у многих видов животных есть инстинктивные механизмы, контролирующие и сдерживающие их от нападения на себе подобных. Легче всего наблюдать эти сдерживающие процессы у животных, которые легко могут уничтожить друг друга. Так утверждает Лоренц, львы, волки и даже собаки обладают чем-то вроде естественного «выключателя», автоматически сдерживающего их нападение на противника, когда активируется запрещающий механизм. Это механизм удерживает их от уничтожения соперников из своего вида. Согласно Лоренцу, таким эффектом обладают жесты умиротворения. Когда два животных одного вида дерутся, через некоторое время более слабое животное, которому грозит смерть, подчиняется победителю и показывает жест умиротворения. Так, волк, жестоко дерущийся с другим волком и проигрывающий схватку, изображает покорность, повернувшись на спину и выставив незащищённое брюхо. Жест умиротворения быстро блокирует агрессию победителя и, тем самым, мешает животному добить жертву. Люди же, писал Лоренц, не имеют инстинктивных преград, мешающих им убивать своих собратьев. Их нападения на других нельзя

---

²¹⁸ Там же. С.443-444

также легко и быстро «выключить». Вследствие этого человеческий агрессивный драйв намного опаснее, чем агрессивный драйв животного»²¹⁹.

Ну, и, казалось бы, что смущает, с чем тут можно не соглашаться? Оказывается, есть. И прежде чем перейти к изложению критических доводов Леонарда Берковица в отношении концепции Фрейда-Лоренца, лишь оговорюсь: это несколько «коряво» неоднократно фигурирующее в тексте англоязычное словечко «драйв», естественно, не вина Берковица, а беда переводчика; стоит его только заменить на подходящее русский термин «импульс», так сразу всё становится на свои места.

Оказывается, есть весьма серьёзные претензии у необихевиористов к лоренцевской модели объяснения и животной, и человеческой агрессивности. Леонард Берковиц, конечно же, в их числе. В это трудно поверить, но явилась даже необходимость с их стороны написания и опубликования совместного манифеста, протестующего против пропаганды идей Фрейда-Лоренца и попыток, по их мнению, «биологизации» агрессии человека. Известно, что в конце пятидесятых годов прошлого века биолог Дж. П. Скотт, признанный авторитет в исследовании поведения животных, выдвинул свою концепцию в качестве опровержения идеи спонтанной генерируемости инстинктивного влечения к агрессии на основе избирательного привлечения имеющихся в то время доказательств. Леонард Беркович приводит такие его слова на сей счёт, а затем знакомит нас с тем самым довольно любопытным «Севильским манифестом»: «Нет никакого физиологического обоснования возникающей в теле спонтанной стимуляции драки. Это значит, что нет необходимости драться ... если не принимать в расчёт событий окружающей среды... Мы также можем сделать вывод о том, что не существует такой вещи, как «инстинкт драки» в значении внутренней движущей силы, требующей выхода. Исследования последующих лет забили ещё больше гвоздей в гроб традиционных представлений об инстинкте, в котором надо похоронить влечение к агрессии. На основании результатов исследований ряд известных учёных в различных областях от антропологии до

---

²¹⁹ Там же. С.445

зоологии – подписали в 1986 году в Испании, в Севилье, положение, прямо противоречащее идеям Фрейда об инстинктивном влечении к войне. Севильское заявление о насилии гласит:

“С научной точки зрения некорректно утверждать, что от наших животных предков мы унаследовали тенденцию развязывать войну...

С научной точки зрения некорректно утверждать, что война или любое другое воинственное поведение генетически запрограммировано в нашей человеческой природе...

С научной точки зрения некорректно утверждать, что в ходе человеческой эволюции происходил отбор, в котором предпочтение отдавалось более агрессивному поведению перед всеми другими видами поведения...

С научной точки зрения некорректно утверждать, что война обуславливается «инстинктом» или какой-то одной мотивацией... Биология не обрекает человечество на неизбежную войну...»²²⁰

Тут уж невозможно не отреагировать: как говорится – не могу молчать. Во-первых, работа Скотта была написана раньше работы Лоренца, хотя это и не важно: вряд ли животные за столь короткий срок могли в корне изменить своё поведение, что настолько был разителен контраст тех выводов, что были получены Лоренцем и Скоттом. Оба ведь были не кабинетными биологами, а вполне полевыми исследователями, рассуждающими о предмете не умозрительно, а вполне компетентно. Так что это слишком громко сказано, что, мол, Скотт опроверг концепцию Лоренца: он настолько её опроверг, насколько Лоренц опроверг скоттовскую. Тут уж так: слово Лоренца против слова Скотта. Какое из них более весомо – это ещё большой вопрос! Но если уж настаивать на опровержении, то надлежит признать, что с большим основанием можно считать, что всё же Лоренц опроверг Скотта хотя бы потому, что его книга вышла в свет на девять лет позже.

А, во-вторых, мне сдаётся, что эти известные учёные-подписанты данного заявления из различных областей от антропологии до зоологии с не меньшей

---

²²⁰ Там же. С.448

охотой подписались бы под заявлением, что вообще абсолютно ничего в нашей природе генетически не запрограммировано. Скажу более, я полагаю, что они с полным удовлетворением подписались бы и под заявлением, что следует признать вообще понятие «природа человека» мнимым, «фантомным» понятием, искусственно выведенное учёными-биологами. И, честно говоря, я не удивился бы, если бы все эти известные учёные из различных областей от антропологии до зоологии дружно бы подписались бы и под заявлением, что нужно признать на основе их исследований, что сущность человека – это совокупность общественных отношений, и что у человека есть только одна природа – социальная. Это, собственно, нам (то бишь россиянам) хорошо знакомо, равно как и то, по каким основаниям подобного рода заявления составляются, на какой основе подписываются, и гвозди в чей гроб, в итоге, заколачиваются.

Но при этом, как ни парадоксально, Леонард Берковиц вовсе не отрицает и влияние наследственности на развитие агрессивного поведения. Могло создаться впечатление, что после того, как были вбиты «последние гвозди» в «гроб» инстинктивной модели агрессивности, только в «дурном» лбу могли ещё сохраняться какие-то иллюзии на какую-либо врождённую агрессивных импульсов. Но не тут-то было. Вообще странность выводов данной книги Берковица, да и вообще странность его позиции по проблеме человеческой агрессии в том, что нет, по мнению автора (а, возможно и не может быть) какого-либо определённого знания, какой-то точно определённой схемы (пусть многофакторной) для внятного объяснения происхождения и индивидуального генезиса агрессивности. Читая книгу Берковица, не можешь избавиться от впечатления, что получается, по его мысли, что, может быть, так, а, может быть, сяк, может быть, эдак, а, может, переэдак. И причём всё вполне верифицируется эмпирически: на любой теоретический тезис найдётся подобающий подтверждающий материал из сферы психологических тестов, наблюдений или экспериментов.

Волей-неволей вспомнишь обоснование Р.Декарта и И.Канта о полной невозможности психологии как науки, как рационального знания. Один доказывал это, исходя из своей дуалистической метафизики, утверждая, что человек есть единственной из живых существ в сотворённом Богом мире, кто является носителем субстанциального дуализма. Но в человеке, однако, материальная и духовная субстанции никак не связаны друг с другом, никак не взаимодействуют, пребывая в состоянии психофизического параллелизма. Материальная субстанция подлежит изучению, чем с успехом и занимается механика, а вот проникнуть в духовную субстанцию (в эту «тайну за семью печатями») не представляется никакой возможности. А из этого, в свою очередь, следует, что и познание человеческой телесности (его нормальной анатомии и физиологии, и патологической анатомии и физиологии) так же возможно и чем так же вполне успешно занимается весь комплекс медико-биологических дисциплин. Что сам Декарт, кстати говоря, знал не понаслышке: кроме того, что он был выдающимся математиком и механиком, он был к тому же и практикующим биологом и медиком). Но вот проникнуть в душу человеческую, проникнуть в эту «terra incognita», рационально объяснить мотивацию человеческих поступков не представляется никакой возможности, ибо весь накопленный инструментарий по изучению человеческой телесности (т.е. все средства и методы) ни в коей мере не годится и ни в коей мере не приблизит нас к попытке постижения нашей душевной организации. Выходит, по Декарту, что не только «чужая душа – потёмки», но и своя собственная.

У «кёнигсбергского затворника» мы находим схожие по силе своего пессимизма взгляды на гносеологические притязания психологии. Но, как говорят, «пессимист – это хорошо информированный оптимист». Но они, правда, у него являются прямым следствием не субстанциального дуализма, как у Декарта, а его последовательного агностицизма. По Канту, разум, производя максимальные обобщения на основе рассудочной деятельности, пытаюсь обрести знание о безусловном, и сгенерировав с необходимостью три идеи (в том числе и идею о душе человеческой), как только начнёт о них рассуждать, т.е. вторгаясь в

компетенцию рассудка, т.е. занимаясь не своим делом, так тут же и попадает в ловушку антиномий. Это когда на любое ваше суждение может быть с лёгкостью построено ему противоречащее суждение (а для этого надо либо поставить в повествовательное предложение частичку «не», либо её убрать), и у вас не будет никакой возможности предпочесть одно суждение другому, то бишь выбрать, какое из них истинное, а какое – ложное. Причём не только пока, но и в принципе. Отсюда и вывод Канта о невозможности рациональной психологии (наряду с рациональной космологией и рациональной теологией) как науки. Чтобы оценить силу и изящество кантовского аргумента, достаточно представить такую ситуацию. Допустим, перед вами какая-то книга по психологии (не важно, древняя или свежая). Не поленитесь взять (если у вас достаточно времени, усидчивости и прилежания) и переписать эту книгу (а если времени и терпения недостаточно, то хотя бы одну страничку) в очень специфическом виде – поставить частицу «не» в тех повествовательных предложениях, где её нет, и убрать из тех повествовательных предложений, где она есть. У вас получится два равнообъёмных сочинения: либо по страничке, либо по целому трактату. Разница лишь в том, что то, что в одном утверждается, будет во втором отрицаться, и, наоборот, то, что отрицаться в первом, во втором будет утверждаться. И что же у нас получится в «сухом остатке»: попробуйте предпочесть одно сочинение другому, сказать, что одно истинно, а другое ложно. И что очень важно: никак не поможет и эмпирический материал. Дело в том, что весь эмпирический материал данной сферы изысканий весьма специфичен. Произведя n -ое количество эмпирических подтверждений на основе разработанных и аккуратно проведённых психологических тестов, наблюдений и экспериментов, вы мне ничего не докажете и ничего не опровергнете. Поскольку на ваше n -ое количество, можно не сомневаться, я спланирую, обосную и аккуратно произведу $n+1$ количество не менее впечатляющих психологических тестов, наблюдений и экспериментов, по идее, доказывающих совершенно обратное. Ну, и что дальше?! По Канту, антиномичность ситуации – это очень нехороший симптом, это надёжный индикатор, «лакмусовая бумажка», так сказать, что вообще никакого знания в

данной области иметь нельзя, это в принципе невозможно. Я понимаю, что это звучит шокирующее и даже где-то оскорбительно для психологов всех времён и народов, но за этим пессимизмом и агностицизмом величие и авторитет Иммануила Канта.

Для иллюстрации того, как это может быть, что и те правы, и эти правы, и все правы, что, может быть, и так, и сяк, и этак, и перээтак, приведём некоторые выдержки всё из той же книги Л.Берковица, где он, с одной стороны, развенчивает, вбивает «последние гвозди» и «закапывает» теорию врождённого импульса агрессивности Фрейда-Лоренца, но, с другой стороны, в эту эклектическую «сборную солянку», где все могут быть правы, втискивает мало согласующиеся и мало состыковывающиеся вещи. С одной стороны, он вроде бы наследует объяснительную базу и инструментарий бихевиоризма в толковании средовой многофакторности и поликондиционализма проявлений человеческой агрессивности. Но, с другой стороны, мы у него находим ссылку, что «эмпирические исследования почти не оставляют сомнения в том, что семейное воспитание влияет на вероятность проявления преступного поведения. Как показывают английские исследования, например, около 40% тех, кто имел отцов с криминальным прошлым, сами были судимы, в то время как всего у 13% осуждённых отцы не были судимы (Osborn & West, 1970). Проблема состоит в том, что чтобы определить, в какой пропорции сказывается влияние семьи: что передаётся генетически, а что усваивается с опытом»²²¹. Ну, вот опять же «и вашим, и нашим», может быть, и так, а, может быть, и этак – Леонард Берковиц последователен: он уважает читателя и передоверяет ему самому решать, в какой всё-таки пропорции взаимодействуют средовые и генетические детерминанты.

Но это ещё не всё. Тут, оказывается, что есть ещё и «в третьих», и «в-четвёртых»... Л.Берковиц вдруг вспоминает об исследованиях однойцевых и двуяйцевых близнецов. Читатель пребывает в перманентном замешательстве: ему подбрасывают эмпирические «карты» то из одной «колоды», то и с другой, не давая скучать и предлагая ему максимально объёмную картину ростков

---

²²¹ Там же. С.452-453

агрессивности. И снова склоняться ему то ли к одному полюсу (генетическому), то ли к другому (средовому) ему предлагают самостоятельно, опять-таки, по всей видимости, из признания самодовлеющего значения его права на самодетерминацию. Итак, было только читатель начал осознавать значимость наследственных факторов на развитие агрессивности, как тут появляется «карта» из другой «колоды» – исследования биологических и приёмных родителей. Вот что ему дают в качестве пищи для размышления: «Не удивительно, что криминальные наклонности приёмных родителей влияли на вероятность совершения преступлений детьми, которых они усыновляли. Однако влияние этого рода было относительно ничтожным – гораздо слабее, чем влияние биологических родителей. Когда ни биологические, ни приёмные родители не подвергались суду, то только 13,5% детей были признаны в совершении преступлений. Уровень преступности возрастал лишь до 15% в случае, когда приёмные родители были осуждены, а биологические родители – нет. И, наоборот, около 20% мужчин, имевших лояльных приёмных родителей, но хотя бы одного биологического родителя-преступника, сами были преступниками. Шансы совершения преступления резко возрастали, когда обе семьи – приёмная и биологическая – представляли антисоциальную группу, арестовывались и были осуждены»²²². Толком понять ничего невозможно. Представляется полная «мешанина» из средовых и наследственных компонент – не стесняйся, выбирай и сам делай выводы. Также не понятно, почему показатель уровня преступности в 15% в случае приёмных родителей считается ничтожным по сравнению с 20% в случае биологических родителей?!

Но есть, однако, ещё и «в-пятых». Это половые различия в агрессии. И тут тоже полный «компот» и неразбериха. С одной стороны, эти различия есть, и это настолько очевидно, что с этим трудно спорить. Тут мы держим в эстафете ту тенденцию, что досталась нам в наследство от животных. Об этом замечает и Берковиц: «Результаты исследования животных почти не вызывают разногласий. У подавляющего числа видов – от мышей до антропоидов – самцы проявляют

---

²²² Там же. С.455

больше склонности к агрессии, чем самки. В определённых условиях, разумеется, женские особи тоже ведут себя агрессивно, особенно когда защищаются от хищников. В этом случае никаких различий не наблюдается. Всё же мужские особи больше женских склонны к драке и насилию»²²³. И снова: и так и сяк, и есть разница, и нет разницы. Прямо-таки верх гегелевской диалектики применительно к биологии и психологии. Сие можно считать действительно фирменным знаком Леонарда Берковица.

Если уж с животными нет однозначности, то с людьми – и подавно. «А как ведут себя люди? Биологические сдерживающие механизмы оказывают на поведение людей гораздо меньше влияния, чем на поведение животных. Одинакова ли вероятность проявления агрессии у мужчин и женщин? На этот вопрос можно ответить, сравнив, например, уровень преступлений, особенно связанных с насилием, совершённых мужчинами и женщинами. Эта статистика поучительна и в то же время провокационна. Как и можно было ожидать, большинство арестованных за нарушение закона людей – мужчины и, кажется, что эта закономерность наблюдается во всём мире (Wilson J.Q. & Hernstein, 1985, pp.104-107)... Тем не менее, в последние годы произошло некоторое стирание различий между полами, но это относится только к преступлениям, не слишком «мужественным» по своей природе. Рассмотрим воровство – преступление, часто совершаемое женщинами. В период накануне Второй мировой войны всего 8% арестованных за это вид преступлений были женщины, а в конце 70-х годов женщины составляли почти треть всех арестованных. С другой стороны, за убийство – исторически «мужественный» тип поведения – показатель арестованных женщин за тот же период вырос от 10 до 14 %... Так обладают ли мужчины большей склонностью к агрессии, чем женщины? Кажется, что ответ должен быть положительным, но что касается обоснования этого мнения, тут существуют явные разногласия»²²⁴.

---

²²³ Там же. С.458

²²⁴ Там же. С.458-459

Так что и тут ничего определённого, как бы ни хотелось сказать обратного. Правда, ничего особенно поучительного и провокационного в этом материале не заметил. А вот что действительно заметил и что сразу бросается в глаза, так это то, что как быстро может забываться то, что совсем недавно утверждалось и объявлялось чуть ли не ставшим «общим местом» в этологии. Не знаю, как кто другой, но я-то хорошо помню, как буквально десятком страниц ранее Леонардом Берковицем (на хорошей эмпирической базе – помним) отрицался фундаментальный лоренцевский тезис о существовании у хищных животных биологических сдерживателей агрессии. Даже не без сарказма, заметим. Но тут, оказывается, что они есть и действуют, и не только у животных, но и у людей. В психологии, как мы поняли, нередко бывает такое. Куда вот только прикажете девать ту прежнюю мощную эмпирическую базу?

Но чтобы окончательно всё замутировать, запутать Л.Берковиц приглашает в качестве детерминант человеческой агрессии (что бы вы думали?) – влияние гормонов. Это уж не просто наследственность, а «чистой воды» биохимия. Как это прикажете понимать – ума не приложу. То бихевиоризм выпячивается и затмевает всё, то, не понятно, в угоду чему (хотелось бы верить, что в угоду истине), заталкивается «под ковёр». Опять же, наверное, чтобы читатель не заскучал. Вот что мы там находим: «Вопрос всё-таки состоит в том, на какой тип поведения оказывают влияние мужские гормоны? Справедливо ли утверждать, что тестостерон непосредственно вызывает агрессию (в частности, каким-то образом увеличивая вероятность того, что человек будет реагировать на провокацию агрессивно, а не пытаясь разрешить спор более мирным путём)? Или это косвенное по своему характеру воздействие (скажем, тестостерон заставляет человека стремиться доминировать и соревноваться, так что он часто вступает в конфликт с другими людьми)? Наши знания не дают возможности разрешить эту альтернативу, однако, имеющиеся данные дают основания утверждать, что мужские гормоны могут более или менее непосредственно влиять на вероятность агрессивного поведения»²²⁵.

---

²²⁵ Там же. С.462-463

Удивляться не приходится: и по биохимии в ракурсе проблемы агрессивности в адрес гормонов вообще и тестостерона в частности – на определённую знания рассчитывать нечего. Так прямо и сказано: наши знания не дают возможности разрешить эту загадку. Так, значит, это и не знания вовсе. Если это были и в самом деле знания, то они были бы определёнными, а раз в них никакой определённости нет, то, выходит, что это не знания, а только мнения. Мнения отдельных частных лиц. Такое, кстати, нередко бывает в гуманитарных дисциплинах. Проблема, однако, в том, что там оно, как правило, не преподносится в качестве достоверного знания, а в психологии, как мы видим, даже очень преподносится.

В данной книге Л.Берковицем посвящён один абзац, как ни странно, даже Э.О.Уилсону и социобиологии, которую он почему-то называет социологией. Малый объём внимания, по мнению Берковица, оправдываем расплывчатостью социобиологической концепции агрессивности. Моя бы воля, я бы переадресовал сие обвинение его автору. Лично я никакой двух-и-трёхсмысленности, никакой расплывчатости и рыхлости в социобиологической доктрине по вопросу человеческой агрессивности не углядел, чего не скажешь о концепции (а есть вообще-то эта концепция?) самого Леонарда Берковица. И для себя я это объясняю просто. Как бы ни относиться к позиции З.Фрейда ли, К.Лоренца ли, Э.О.Уилсона ли, они всё-таки в своих исследованиях «рыли» вглубь, пытались «докопаться» до сути, до сущности изучаемого феномена. А вот если «скакать по вершкам», то тогда действительно будет выходить, что и так, и сяк, и этак, и перезтак, и все исследователи будут при этом правы и за всеми будет прочная эмпирическая база, а в голове у читателя после чтения подобного опуса непременно будет «каша». Одна только разве что отрада: плюрализма мнений будет в достатке.

Есть ещё одно любопытное обстоятельство. В западной психологической литературе (да, и не только психологической, но и вообще в литературе по предмету) по исследованию проблемы человеческой агрессии кроме указанной книги Л.Берковица в фаворе и в каком-то даже почёте за многоаспектность,

скрупулёзную детальность изысков и специфически понимаемую объективность анализа книга Роберта Бэрона и Деборы Ричардсон «Агрессия». И в чём-то это действительно заслуженно (перевод названия, правда, не понятно зачем усечён: в оригинальном названии – «Human aggression», а в русскоязычном – просто «Агрессия», чем прилагательное помешало – ума не приложу). Многоаспектности до избыточности и погружения в самые мелкие детали там действительно не просто достаточно, а прямо-таки предостаточно. Данного уклона хватало, прямо скажем, и у Берковица, но в этом Р.Бэрон и Д.Ричардсон его, без всякого сомнения, перещегооляли.

Если уж рассматривают, скажем, проблему насилия в семье по отношению к детям, то проводят её методически до дотошности: биологические родители или приёмные, если приёмные, то как обстоят дела при одном родном родителе и одном приёмном (и, соответственно, разница по гендеру) и как обстоят дела при обоих приёмных родителях, а также где живут (в сельской местности или в городе), а также кто проводит главным образом агрессию (отдельно если оба родителя, отдельно если только мать, отдельно если только отец), а также в каких случаях наказание оказывает профилактическое воздействие, а в каких нет. На это всё накладывается взаимопересечение целого ряда других сеток: влияние улицы, влияние гормонов (в первую очередь, тестостерона), влияние фильмов (отдельно триллеров, боевиков и порнофильмов), влияние наркотиков (сильных – героина, средних – кокаина и опиума, и слабых – марихуаны). И всё, конечно, на основе опросов и каких-то чудаковатых (кто не верит – почитайте) экспериментах. Идут ссылки в качестве примеров на какие-то, по мнению авторов, показательные случаи. Вопрос: почему мы должны верить этим случаям. Может быть, это якобы случаи. Но даже если представить, что они действительно имели место, то ведь это не что иное, как двойной весьма вольный пересказ. Сначала, им, к примеру, некий одиннадцатилетний Ник поведал, как часто его, как именно, произносятся какие слова и за что наказывали отец Сэм и мать Сара. Я думаю, что у него и его родителей на этот счёт совершенно разный взгляд. Но даже если этот самый Ник ничего не приврал и не приукрасил, то, спрашивается, что это доказывает? Да

ровным счётом ничего: то, что происходит в семье Ника, не факт, что будет происходить в семье, скажем, Питера, у которого, соответственно, свои родители, а вовсе не «меченые» агрессией Сэм и Сара. А, значит, те умозаключения, которые могут быть выведены на основе этого примера касаться будут тоже только семьи Ника. Опять скачем по вершкам, да ещё таким галопом, что аж ветер свистит.

Да и потом к этой вящей многоаспектности и профилируемой дотошности присовокупляется та самая специфически понимаемая объективность. А заключается она в уже хорошо нам знакомом и пестуемом психологами правиле: может быть, так, а, может быть и сяк, может быть, эдак, а, может, и переэдак. Никого и ничто не выделяем, никого ни в чём не обвиняем, никого не в чём не обделяем, словом, «всем сестрам по серьгам». Но выглядит, спору нет, всё весьма эффектно и весьма объективно: влияние генов на развитие агрессивности в одних случаях есть, а в других случаях нет, влияние гормонов (в первую очередь, тестостерона) в одних случаях есть, а в других случаях нет, различия по полу в проявлениях агрессии в чём-то есть, а в чём-то и нет, биологичность и приёмность родителей в чём-то сказывается на генезисе агрессивности, а в чём-то и нет, триллеры, боевики и даже порнофильмы где-то как-то влияют, а где-то как-то и совсем даже не влияют. То же самое и про наркотики с алкоголем: в чём-то, конечно, они провоцируют агрессию, а в чём-то это безусловное преувеличение. Право слово – триумф и торжество диалектики. И всё, заметим, мощно и приятно подкреплено сводными таблицами и красочными диаграммами. Но то что вас при том запеленали, укутали и запутали этими «разноязычистыми» сетями, а внятного ответа ни на один вопрос (даже сколь-нибудь малый) так и не дали (мол, ты сам себе голова – тебе и решать) – это не что иное, как необходимые издержки неизбежной «объективности» и «диалектики». В диалектике ведь оно как: всё течёт, всё меняется, нет ничего прочного, стабильного и безусловного. Так что, мол, не обессудь. Всё оно, конечно, так, да вот слова Декарта с Кантом смущают, не дают покоя.

У Роберта Бэрона с Деборой Ричардсон нашлось, кстати, место и для должного представления с необходимым «объективным» анализом (кроме многих, заметим, прочих из немалой когорты психологов-исследователей агрессивности человека) и позиции самого Леонарда Берковица. И тут, справедливости ради, отметим, что всё предельно почтительно и уважительно, как собственно, и должно быть: в чём-то они с ним согласны, а в чём-то нет, что-то верно он подмечает, а что-то и они. Но по-другому ведь и быть не могло: ведь все, в итоге, всё равно правы, а неправых в психологии не бывает. На любой ваш самый витиеватый, замысловатый и самый, на первый взгляд, неправдоподобный тезис найдутся при желании нужные эмпирические подтверждения, на основе которых можно состряпать довольно убедительную таблицу и подкрепить её весьма броскими графиками и диаграммами.

Но вот что плохо: в более чем в пятисот страничном убористого шрифта трактате по проблеме человеческой агрессии многому чему явно избыточному место нашлось, а вот теории Конрада Лоренца всего несколько страничек весьма посредственного анализа, а всей социобиологии по данной проблематике и того меньше – полстранички. Но это такие полстранички, в которых нет ничего. Причём без всяких приукрас – абсолютно ничего: ни сути уилсоновской концепции, ни единого тезиса, ни великолепного этнографического материала, на базе которого она строилась, ни единого слова о теории генно-культурной коэволюции, которая будоражит умы последние годы, ни даже малейшего упоминания имён Э.О.Уилсона и Ч.Ламсдена. Просто потрясающе. Резонно возникает вопрос: а о чём же эти всё-таки полстраницы? Отвечаю: отчего-то вдруг в них вспоминается Дэвид Бэрэш (хотя он действительно один из известных социобиологов), но берутся тут не его мысли на проблему агрессивности, что было бы, во всяком случае, к месту, а вспоминается почему-то его взгляд на роль альтруизма в родительском отборе. Тем самым к общему недоумению прибавляется впечатление полной некомпетентности на сей счёт. Леонард Берковиц, помнится, по крайней мере, в специально выделенной сноске заранее это дело обговорил и публично признался, что относительно социобиологии он

некомпетентен (хотя имя Э.О.Уилсона ему известно и в самых общих чертах суть его концепции тоже) и поэтому выделять её в отдельный параграф не имеет ни возможности, ни намерений. А вот Р.Бэррон и Д.Ричардсон, будучи в положении явно не лучшем в этом отношении, чем Л.Берковиц (если не сказать большего), этого сделать не удосужились, а, напротив, эти полстранички и представили-таки как отдельный параграф по социобиологической теории агрессивности. Если бы они вообще ничего не писали и даже не упоминали о социобиологии по проблеме человеческой агрессии, то это было бы полбеда – это было бы отсутствие нужной информации. А тут дело хуже – здесь уже дезинформация. Я думаю, что они и в этом руководствовались своим привычным кредо: раз всё равно в психологии все всегда правы, а неправых а priori не бывает, то и на эту «мелочь» вряд ли кто обратит внимание, а тем более осудит. Даже и не знаешь, как отреагировать: может, и в этом они, как водится, снова правы? Но зато одно я знаю наверняка. Этологические и социобиологические теории по исследованию человеческой агрессивности в лице К.Лоренца, Э.О.Уилсона и Ч.Ламсдена можно принимать, можно не принимать, можно солидаризироваться с ними, можно не солидаризироваться, можно критиковать, можно не критиковать, одного у них не отнять – они хотя бы пытаются «копать» вглубь, они хотя бы пытаются выискать корни человеческой агрессии. А вот «бойцы» психологического фронта новой редакции бывлой бихевиористской «закваски» резвятся и плутают в зарослях «ботвы» и даже гордятся и бравируют этим.

Подводя итог параграфу о связи агрессивности с преступлениями насильственного характера, а если ещё более общо – о связи врождённых импульсов агрессивности с демонстрируемой склонностью к преступлению, то надлежит констатировать, что и по данному вопросу позиции «ортодоксальной» и «умеренной» марксистских позиций довольно существенно расходятся. Аутентичная, социологизаторская, модель марксизма при верном указании на очень значительную, даже чрезвычайно важную роль средовых факторов на развитие криминальных склонностей, тем не менее, при этом вводит её в абсолют, не только недоучитывает, но и совершенно не признаёт наличие какой

бы то ни было врождённой предрасположенности к поступкам такого рода. Для сравнения философская позиция биосоциальной природы человека, стараясь избегать гипертрофирования и абсолютизации какого-то одного из взаимодействующих блоков факторов (наследственных и средовых), представляет не «однобокую», а более сбалансированную трактовку генезиса как индивидуальной, так и коллективной преступности. Не отрицая первенства и ключевого значения в становлении криминальности всей массы социокультурных детерминант она, тем не менее, утверждает, что невнимание, недоучёт, а того хуже – полная нивелировка наследственной компоненты ущербны, пагубны и вредоносны не только в теоретическом плане, но что ещё более опасно – в практическом. И в этом её великая эвристическая сила и правда. Но если не признавать оное, упорствовать в этом – значит оставлять себя не только безоружными перед лицом данного социального порока, но и обрекать себя на неминуемое поражение в борьбе с ним.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая же всё проведённое исследование по вскрытию и критическому анализу двух наиболее выдающихся, имеющих наибольший общественный резонанс естественнонаучных концепций изучения и толкования человеческой агрессивности, уместно и целесообразно выказать ещё несколько замечаний. Во-первых, напомним, что под агрессией понимают любую форму поведения индивида, носящую в себе разрушительный характер и нацеленную на причинение ущерба людям либо вызывающую у них психологический дискомфорт. Агрессию зачастую увязывают с такими эмоциями как злость и ненависть. И, в общем, это верно. Безусловно, данные эмоции очень часто играют одну из главных, определяющих ролей в выражении агрессивного поведения по отношению к другим людям. Но следует признать, что это – отнюдь не аксиома. Нередки случаи, когда причинение ущерба человеку посредством агрессии происходило в абсолютно хладнокровном состоянии, без какого-либо намёка на злость или ненависть. Более того, общеизвестно, что зачастую люди проявляют агрессию к своим самым близким людям, которых они искренне любят и ценят. Примером, этого, скажем, может быть насилие в семье, когда в треугольнике «отец-мать-дети» каждый способен проявлять агрессию по отношению к близкому человеку. Казалось бы, какая агрессия может быть между самыми родными людьми. А вот, оказывается, может. И многие, что характерно, становясь агрессорами, даже перестают замечать и контролировать своё поведение. Как, впрочем, и признавать это.

Многие из нас полагают, что существует нравственный прогресс человечества, что с развитием человеческой цивилизации люди становятся добрее, а агрессивность человека падает. И, на первый взгляд, это действительно так. В самом деле, методы воспитания и обучения детей становятся всё более изощрёнными и гуманными, набирает силу и совершенствуется работа правоохранительных органов, государства организуют кооперацию по противодействию наиболее опасным преступлениям и т.д. Скажем, по данным антропологов, наши далёкие предки едва доживали до 30 лет (а средняя

продолжительность жизни была и того меньше), причёт 80% из них погибали в результате черепно-мозговых травм, т.е. насильственной смертью – от рук своих соплеменников и внешних врагов. Однако нас интересует в данном случае не состояние дел в обществе, а именно типичный человеческий индивид, воплотивший в самом общем виде психические свойства людей своего времени – этакий «среднестатистический психотип». Так вот на судьбоносный вопрос о том, меняется ли, редуцируется ли агрессивность человека с прогрессом общества, приходится, к сожалению, давать неутешительный ответ – определённо нет! Приходится констатировать, что по своим внутренним психическим характеристикам житель эпохи неолита, средневековья, середины XX и начала XXI века практически ничем не отличаются. Похоже на то, что развитие человеческой цивилизации не делает человека ни злее, ни добрее.

В Библии есть притча про доброго самаритянина, который в отличие от других её персонажей помог страждущему куском хлеба. Так вот любопытный факт: эту притчу рассказали студентам Принстонской духовной академии (заметим – не просто прохожим, а слушателям духовной академии!) и попросили их, в свою очередь, прочесть эту притчу школьникам. По дороге к месту чтения проповеди организаторы эксперимента поместили на переднее сиденье автобуса, которому поручено было сыграть интересную роль. Как только автобус подъезжал к зданию школы, останавливался, и открывалась дверь, актёр начинался биться в судорогах, падать, стонать и заходиться от кашля. Так вот 90% семинаристов, полагающих, что они опаздывают на проповедь, не предприняли ничего, никаких действий, чтобы как-то помочь этому страждущему человеку – они просто перешагивали через него!

Ещё более показателен довольно известный эксперимент, проведённый в 1971 году в Стэнфордском университете. Он заключался в том, что его организаторы набрали группу студентов-добровольцев, которых путём жеребьёвки разделили на две подгруппы. Первой подгруппе была уготована роль заключённых, второй – тюремных надзирателей. Надо ещё добавить, что к участию в эксперименте допускались только те молодые люди, которые не имели

криминального прошлого, не были склонны к депрессии, повышенной агрессивности или иной психической патологии, т.е. к участию в эксперименте были допущены только здоровые, интеллектуально развитые и психически уравновешенные юноши. Импровизированная тюрьма располагалась в подвале психологического факультета, а саму затею студенты в начале воспринимали как развлечение. Но уже через несколько дней от развлечения не осталось и следа. «Надзиратели» стали проявлять совсем не «игрушечную» и совсем не «детскую» жестокость по отношению к «зэкам». Одни по всем внешним признакам получали от этого явное удовольствие, другие же испытывали совсем неподдельный животный страх и ненависть по отношению к первым. Вместо запланированных двух недель Организаторы были не просто в замешательстве, они были шокированы. Более того, эксперимент они вынуждены были свернуть намного раньше срока: вместо запланированных двух недель он продлился всего шесть дней, так как его пришлось прервать из-за трагического события – в столкновении между «представителями администрации исправительного учреждения» и «заключёнными» появились жертвы с обеих сторон. Да, заигрались ребята. Как в этой связи не вспомнить про «ящик Пандоры», который перочинным ножиком вскрывать не стоит.

Ну, и напоследок ещё один пример, точнее – эксперимент, что был проведён в Йельском университете. Ассистенты-добровольцы профессора Стэнли Милгрэма, который в рамках бихевиористской программы исследовал влияние наказания на эффективность обучения, должны были следить за тем, как пристёгнутый к креслу испытуемый решает задачи на запоминание слов. За каждую ошибку он подвергался наказанию – ударом электрическим током. Причём с каждой ошибкой сила удара возрастала от 15 до 450 вольт. Причём перед началом эксперимента каждому из ассистентов предлагалось испытать на себе силу удара в 150 вольт. Ассистент не знал, что в кресле на самом деле находится актёр, которому было поручено имитировать страдания соответственно силе удара, который он в действительности не получал, а только незаметно для

ассистента отслеживал на табло. Кстати, это исследование было поддержано грантом Национального научного фонда.

Так вот в процессе эксперимента находящийся в кресле человек буквально умолял прекратить эксперимент, жаловался на сердце, а затем и вовсе «терял сознание». Однако, невзирая на эти «чудовищные жестокости» экспериментатор (профессор) требовал от ассистента включать рубильник. Накануне этого исследования психологи выдвинули предположение, что не более 20% ассистентов перешагнут рубеж в 150 вольт, и только 1% сможет довести напряжение до максимума. И в самом деле, значительная часть ассистентов, подойдя к порогу в 150 вольт, начинала возражать и просила прекратить опыты над людьми, одновременно отказываясь брать ответственность за последствия на себя. Но давление авторитетного профессора оказалось достаточно сильным для того, чтобы, вопреки предсказаниям организаторов, 65% добровольцев довели напряжение до 450 вольт. Впоследствии подобные эксперименты повторили и в других странах (Австралии, Испании, Иордании, ФРГ), и везде получали примерно схожие результаты. Что, собственно, этим хотел показать С.Милгрэм? Просто в своём эксперименте он пытался прояснить вопрос: какую меру страданий готовы причинить вполне обыкновенные люди другим вполне обыкновенным (причём совершенно невинным) людям, если подобное причинение боли входит в рабочий круг из обязанностей? Так вот, как оказалось, опытные специалисты-психологи «подкачали» – несколько ошиблись – не на 65%, а в 65 раз!

Всё эти экспериментальные примеры я привёл лишь с целью иллюстрации, чтобы ещё раз подчеркнуть, что в случае с агрессивностью человека большинство привычных стереотипов и клише подводят, что бóльшая часть расхожих упрощённых схем терпит фиаско с удручающим постоянством. Человеческая агрессия – самый сложный многоуровневый, многофакторный и многоаспектный феномен, где пока ещё не совсем понятным образом происходит взаимоподпитывание, взаимовлияние и взаимообогащение обеих детерминант человеческого поведения – генетической предрасположенности и

социокультурного научения. Данные примеры должны очень настораживать, демонстрируя, что всякий человек во всякий момент способен раскрепостить подавленные агрессивные наклонности и при весьма небольшом давлении со стороны некоего авторитета с лёгкостью снять с себя груз личной ответственности и, даже сохраняя вроде бы сочувствие жертве, тем не менее проявлять к своему сородичу совершенно неспровоцированную, а значит – бессмысленную, жестокость.

Однако на отсутствие, по всей видимости, нравственного прогресса рода человеческого накладывает существенный отпечаток и целый ряд привходящих факторов, серьёзным образом усугубляющий и без того непростое положение человечества. И первейший из них тот, что нравственного прогресса-то нет, а вот прогресс искусственных вооружений налицо. И это не только качественно, но и предельно драматично меняет ситуацию: одно дело махать каменным топором и раскраивать им череп своему противнику, другое дело – стрелять из лука на сотню метров, третье дело – стрелять из снайперской винтовки за километр, и совсем другое дело – одним нажатием кнопки запуска межконтинентальной ракеты стереть с лица Земли целый город. Тут, кстати говоря, как мы и отмечали, можно совершенно и не испытывать ни чувства злобы, ни чувства ненависти: но при этом города со всеми его жителями – как ни бывало.

Более того, многие исследователи сегодня говорят об обратном – об эскалации и бесспорном росте человеческой агрессивности. Они не без сарказма замечают: то, что мы как бы не замечаем или стараемся не замечать этого, т.е. существенно возросшего накала человеческой агрессии, в психологии называется синдромом «варёной лягушки». Когда лягушку бросают в неглубокую миску с горячей водой, то она оттуда выскакивает. Если же постепенно нагревать миску вместе с лягушкой, то она сварится, не почувствовав постепенного повышения температуры воды. Современное человечество как та лягушка настолько привыкла и свыклась с чудовищным уровнем человеческой агрессии в мире, что воспринимает его вполне обыденно и чуть ли не как норму. Средства массовой информации, кстати, в этом очень нехорошем предприятии – неплохой «пострел»

и помощник. Они, так сказать, в погоне за сенсациями и прибылью прямо-таки сладострастно муссируют тему проявлений человеческой агрессивности, не дают от неё отвлечься, спешат о ней напомнить, создавая соответствующий мировоззренческий фон и прививая вкус.

А мы тем временем бываем на редкость наивны. Совершенно искренне удивляемся, когда хорошо нам знакомый человек, милый, спокойный, уравновешенный, как говорится – приятный во всех отношениях, вдруг, казалось бы, из-за какой-то мелочи, из-за какого-то пустяка вспыхивает, безудержно взрывается, готовый биться самоотверженно, самозабвенно, «не щадя живота своего», причём зачастую и не только своего. У нас не хватает душевных сил всматриваться в секунду ставшее незнакомым лицо, в эти пылающие, горячечные глаза, мы благоразумно отворачиваемся, теша себя мыслью, что и «на старуху бывает проруха», что, мол, со всяким случается, что верна народная мудрость – «в тихом омуте черти водятся». Мало того, нам свойственно с ещё большей искренностью поражаться тому, на какие мерзости и зверства способен индивид, попав в плен и тлен массового психоза толпы, до какой степени возможна девальвация в подобной ситуации таких нравственных ценностей, как добро, стыд, совесть, честь, достоинство, справедливость, сострадание, милосердие и др. И это ещё не всё. Давайте вспомним, насколько всякий раз ошеломляющей по своему психогенному воздействию на нас оказывается информация о том, к каким чудовищным, немыслимым преступлениям приводит вдруг, неожиданно-негаданно, возникшая вражда между ещё совсем недавно добрососедски существовавшими, родственными народами. Могли столетиями жить в мире и согласии, по-братски делить и нужду, и радость, а в итоге, из-за некоего «мизерного» по своему абсолютному значению этнического, политического либо религиозного повода стать навеки непримиримыми врагами. Раскручивание «маховика» обоюдной агрессивности в таких случаях напоминает по своим последствиям «эффект домино», когда одним лёгким мановением мы до основания рушим отлаженную, сложнейшую, разветвлённую, казавшуюся незыблемой структуру межкультурных, межэтнических, межрелигиозных, межличностных устоев и

принципов человеческого общежития. В одночасье, скажем, просвещённая нация учёных, музыкантов, философов и поэтов трансформируется в нацию небывалых злодеев и убийц, а веками и даже тысячелетиями славящийся рассудительностью и гостеприимством народ превращается в «коллективного неврастеника» с садистскими замашками и склонностями. Есть, значит, в нас, в наших скрытых глубинах, в нашей природе нечто такое, что дало основание величайшему из умов человечества и величайшему из знатоков человеческих душ Ф.М.Достоевскому утверждать, что в человеке от любви до ненависти – один шаг. Насчёт обратного, как мы уже успели счастливо заметить, Фёдор Михайлович умолчал.

В свете всего этого этологические и социобиологические исследования человеческой агрессивности представляют собой первые, пусть и не безупречные, попытки сциентистского изучения данного крайне важного и крайне сложного явления. Вот уж в чём точно не было недостатка за всю историю человечества – так это в умозрительных толкованиях феномена агрессивности. Как говорится, на самый изысканный и привередливый вкус: от разного рода мифологических и религиозно-мистических до ортодоксально марксистских. Так что этологические и социобиологические изыскания в этой области при всех к ним методологических претензиях чрезвычайно актуальны, в высшей мере заслуживают пристального внимания заинтересованной общественности и, без всякого сомнения, являются первыми, пусть неуверенными и робкими, но шагами в нужном направлении.

Список использованной литературы:

- Беляев Д.К.* Эволюционные взгляды И.И.Шмальгаузена/ Д.К.Беляев// Сб.: История и теория эволюционного учения (к 90-летию со дня рождения). – Новосибирск, 1974. С.7-19
- Берковиц Леонард* Агрессия: причины, последствия и контроль/ Леонард Берковиц. – М.: Олма-Пресс, 2002. – 528 с.
- Бернштейн Н.А.* Физиология движений и активность/ Н.А.Бернштейн. – М.:Наука», 1990. – 486 с.
- Вагнер В.А.* Биопсихология и смежные науки/ В.А.Вагнер. – Пг. 1923. С.49-84
- Вагнер В.А.* Возникновение и развитие психических способностей/ В.А.Вагнер// Вып.1: Донервная жизнь. – Л. 1925. С.19-46
- Вагнер В.А.* Возникновение и развитие психических способностей/ В.А.Вагнер// Вып.2: Нервная допсихическая жизнь. – Л. 1925. С.34-71
- Вагнер В.А.* Возникновение и развитие психических способностей/ В.А.Вагнер// Вып.4: От рефлексов до эмоций высшего типа у животных и человека. – Л. 1925. С.3-41
- Вагнер В.А.* Вопросы зоопсихологии/ В.А.Вагнер. – СПб. 1896. С.35-58
- Вундт В.* Душа человека и животных/ В.Вундт. – СПб. 1865. С. 26-38
- Докинс Ричард* Расширенный фенотип: длинная рука гена/ Ричард Докинс. – М.: Астрель, 2010. – 224 с.
- Дольник В.Р.* Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев/ В.Р.Дольник// Природа – 1993 – №1 – С.67-85
- Дольник В.Р.* Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев/ В.Р.Дольник// Природа – 1993 – №2 – С.64-79
- Дольник В.Р.* Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев/ В.Р.Дольник// Природа – 1993 – №3 – С.71-87
- Дубинин Н.П.* Что такое человек/ Н.П.Дубинин. – М.: Мысль. 1983. – 336 с.
- Дубинин Н.П., Шевченко Ю.Г.* Некоторые вопросы биосоциальной природы человека/ Н.П.Дубинин, Ю.Г.Шевченко. – М.: Наука. 1976. – 236 с.
- Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, наследственность/ Н.П.Дубинин, И.И.Карпец, В.Н.Кудрявцев. – М.: Издательство политической литературы. 1989. – 304 с.
- Игнатъев В.Н.* Социобиология человека: теория генно-культурной коэволюции/ В.Н.Игнатъев// Вопросы философии – 1982 - №9 – С.134-141
- Карпинская Р.С., Никольский С.А.* Социобиология: критический анализ/ Р.С.Карпинская, С.А.Никольский. – М.: Мысль. 1988. – 212 с.
- Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П.* Философия природы: коэволюционная стратегия/ Р.С.Карпинская, И.К.Лисеев, А.П.Огурцов. – М.: Интерпракс. 1995. – 352 с.
- Карпинская Р.С., Фесенкова Л.В.* Актуальные проблемы философии биологии/ Р.С.Карпинская, Л.В.Фесенкова// Вопросы философии – 1985 – №10. – С.23-39
- Кларк Дж.Д.* Доисторическая Африка/ Дж.Д. Кларк. – М.: Наука. 1977. – 262 с.
- Лоренц К.* Эволюция ритуала в биологической и культурной сферах/ К.Лоренц// Природа – 1969 – №11 – С.42-51
- Лоренц К.* Год серого гуся/ К.Лоренц. – М.: Мир. 1984. – 191 с.
- Лоренц К.* Обратная сторона зеркала/ К.Лоренц. – М.:Республика. 1998. – 497 с.
- Лоренц К.* Восемь смертных грехов цивилизованного человечества/ К.Лоренц// Обратная сторона зеркала – М.: Республика. 1998. – С.274-492
- Мак-Фарленд Д.* Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция/ Д.Мак-Фарленд. – М.: Мир. 1988. – 520 с.
- Меркулов И.П.* Когнитивная эволюция/ И.П.Меркулов. – М.: РОССПЭН. 1999. – 312 с.
- Павлов И.П.* Полное собрание трудов/ И.П.Павлов. – М.: Наука. 1940. Т.1 – С.390-398
- Панов Е.Н.* Этология: её истоки, становление и место в исследовании поведения/ Е.Н.Панов. – М.: Знание. 1975. – 64 с.

- Панов Е.Н.* Поведение животных и этологическая структура популяций/ Е.Н.Панов. – М.: Наука. 1983. – 424 с.
- Панов Е.Н.* Бегство от одиночества: индивидуальное и коллективное в природе и человеческом обществе/ Е.Н.Панов. – М.: Лазурь. 2001. – 640 с.
- Протопопов А.И.* Трактат о любви, как её понимает жуткий зануда/ А.И.Протопопов. – М.: КСП+. 2002. – 346 с.
- Протопопов А.И.* Зазнавшееся млекопитающее/ А.И.Протопопов// Трактат о любви как её понимает жуткий зануда. – М.: КСП+. 2002. – С.276-344
- Протопопов А.И., Вязовский А.В.* Инстинкты человека: попытка описания и классификации/ А.И.Протопопов, А.В.Вязовский. – Якутск: Дани АлмаС. – 2011. – 144 с.
- Румянцева Т.Г.* Понятие агрессивности в современной зарубежной психологии/ Т.Г.Румянцева// Вопросы психологии – 1991– №1 – С.80-89
- Рьюз М.* Эволюционная этика: здоровая перспектива или окончательное одряхление?/ М.Рьюз// Вопросы философии – 1989 – №8 – С.34-51
- Рьюз М., Уилсон Э.О.* Дарвинизм и этика/ М.Рьюз, Э.О.Уилсон// Вопросы философии – 1987 – №1 – С.94-108
- Сатдинова Н.Х.* Социобиология: «за» и «против»/ Н.Х.Сатдинова// Вопросы философии – 1982 – №3 – С.129-136
- Сеченов И.М.* Избранные философские и психологические произведения/ И.М.Сеченов.– М.: Наука. 1947. – 647с.
- Смирнов И.Н., Толстов А.Б.* Философский вклад дарвинизма: натуралистическая версия Майкла Рьюза/ И.Н.Смирнов, А.Б.Толстов// Вопросы философии - 1987 - №1 - сс.109-127
- Тинберген Н.* Мир серебристой чайки/ Н.Тинберген. – М.: Мир. 1974. – 274 с.
- Тинберген Н.* Поведение животных/ Н.Тинберген. – М.:Мир. 1978. – 192 с.
- Тинберген Н.* Люди – эти непознанные существа/ Н.Тинберген// Диалоги. Полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки. – М.: Политиздат. 1979. – С.43-49
- Фролов И.Т., Пастушный С.А.* Менделизм и философские проблемы современной генетики/ И.Т.Фролов, С.А.Пастушный. – М.: Мысль. 1976. – 263 с.
- Фролов И.Т.* Перспективы человека/ И.Т.Фролов. – М.: Издательство политической литературы. 1983. – 304 с.
- Фролов И.Т., Юдин Б.Г.* Этические аспекты биологии/ И.Т.Фролов, Б.Г.Юдин. – М.: Знание. 1986. – 284 с.
- Холличер В.* Человек и агрессия. З.Фрейд и К.Лоренц в свете марксизма/ В.Холличер. – М.: Прогресс. 1975. – 131 с.
- Эфроимсон В.П.* Родословная альтруизма/ В.П.Эфроимсон// Новый мир – 1971 – №10 – С.198-214
- Юдин Б.Г.* Рубежи генетики и проблемы этики/ Б.Г.Юдин// Вопросы философии – 1975 – №10 – С.149-157
- Юдин Б.Г.* О человеке, его природе и его будущем/ Б.Г.Юдин// Вопросы философии – 2004 – №2 – С.14-22
- Юнг К.-Г.* Архетип и символ/ К.-Г.Юнг. – М.: Ренессанс. 1991. – 248 с.
- Alexander R.D.* 1979. Darwinism and Human Affairs/ R.D.Alexander. – Seattle. – 317 p.
- Barash D.P.* 1980. Human reproductive strategies: a sociobiology overview/ D.P.Barash// In: The Evolution of Human Social Behavior. – N.Y. – P.138-154
- Barash D.P.* 1980. Predictive sociobiology: Mate selection in damselfishes and blood defence in white-crowned sparrows/ D.P.Barash// In: Sociobiology: Beyond Nature. – N.Y. – P.209-226
- Barash D.P.* 1979. The Whisperings Within: Evolution and the origin of human nature/ D.P.Barash – N.Y. – 328 p.
- Borgia G.* 1983. Human aggression as a biological adaptation/ G.Borgia// In: The Evolution of Human Social Behavior. – N.Y. – P.155-168
- Dawkins R.* 1977. The Selfish Gene. – Oxford. – 512 p.

- Eibl-Eibesfeldt Irenäus* 1972. Love and hate: the natural history of behavior patterns/ Irenäus Eibl-Eibesfeldt. – N.Y.: Holt, Rinehart and Winston – 426 p.
- Eibl-Eibesfeldt Irenäus* 1979. The biology of peace and war: men, animals, aggression/ Irenäus Eibl-Eibesfeldt. – N.Y.: Viking Press. – 392 p.
- Lorenz K.* 1974. Analogy as a source of knowledge/ K.Lorenz// Science. Vol.185. №4147. – P.224-238
- Lorenz K.* 1967. On Aggression/ K.Lorenz// Tr. by Majory Kerr Wilson. – N.Y. – 306 p.
- Lorenz K.* 1971. King Solomon's Ring. New light on animal ways/ K.Lorenz// Tr. by Majory Kerr Wilson. – N.Y. – P. 174-185
- Lumsden C.J., Wilson E.O.* 1981. Genes, Mind, and Culture: the coevolutionary process/ C.J.Lumsden, E.O.Wilson. – Harvard Univ.Press, Cambridge. – 486 p.
- Lumsden C.J., Wilson E.O.* 1983. Promethean Fire: Reflection on the Origin of Mind/ C.J.Lumsden, E.O.Wilson. – Harvard Univ.Press, Cambridge. – 286 p.
- Lumsden C.J., Gushurst A.C.* 1985. Gene-Culture Coevolution: Humankind in the Making/ C.J.Lumsden, E.O.Wilson// Sociobiology and Epistemology. – N.Y. – P.3-24
- Reiss M.J.* 1984. Human sociobiology: The challenge of sociobiology to ethics and theology/ M.J.Reiss// Zygon: Journal of Religion and Science. Vol.19, №2 – P.115-124
- Ruse M.* 1981. Sociobiology: Sense or Nonsense?/ M.Ruse. – N.Y. – 448 p.
- Sahlins M.* 1976. The Use and Abuse of Biology: An Anthropological Critique of Sociobiology/ M.Sahlins. – University of Michigan Press, Ann Arbor. – P.16-28
- Smith M.* 1972. On Evolution / M.Smith. – Edinburg: Edinburg University Press. – P.12-26
- Tinbergen N.* 1951. The Study of Instinct/ N.Tinbergen. – Oxford. - P.202-214
- Wilson E.O.* 1975. Sociobiology: the new synthesis/ E.O.Wilson. – Harvard Univ. Press, Cambridge. – 697 p.
- Wilson E.O.* 1976. Academic vigilantism and the political significance of sociobiology/ E.O.Wilson// Bioscience. №26. – P.181-186
- Wilson E.O.* 1978. On human nature/ E.O.Wilson. – Harvard Univ. Press, Cambridge. – 242 p.
- Wilson E.O.* 1978. Foreword: The Sociobiology Debate/ E.O.Wilson// Ed. by A.L.Caplan. – N.Y. – P.10-24
- Wilson E.O.* 1984. Biophilia/ E.O.Wilson. – Harvard Univ. Press, Cambridge. – 176 p.